

ВИТАЛИЙ
КОРЖИКОВ
**МОРЕПЛАВАНИЯ
СОЛНЫШКИНА**

Виталий Коржиков

Виталий Коржиков

МОРЕПЛАВАНИЯ СОЛНЫШКИНА

Повести

Веселое мореплавание
Солнышкина

Солнышкин
плывет в Антарктиду

Ледовые приключения
Плавали-Знаем

Виталий Коржиков

МОРЕПЛАВАНИЯ СОЛНЫШКИНА

Повести

ЧЕЛЯБИНСК
«ПЛАСТИК-ИНФОРМ»
1993

ББК 84 Р7

К 66

Иллюстрации

Г. Валька

Коржилов В. Т.
К 66 Мореплавание Солнышкина: Повести / Илл.
Г. Валька. — Челябинск: «Пластик-информ», 1993. —
512 с.: ил. — 96 шт.

ISBN 5—88294—007—9

Веселые повести о приключениях матроса Солнышкина и его друзей, об их необыкновенных плаваниях к берегам Камчатки и к далеким тропическим островам.

К 4803010201—6 6—93
Е 21(03)—93

ББК 84 Р7

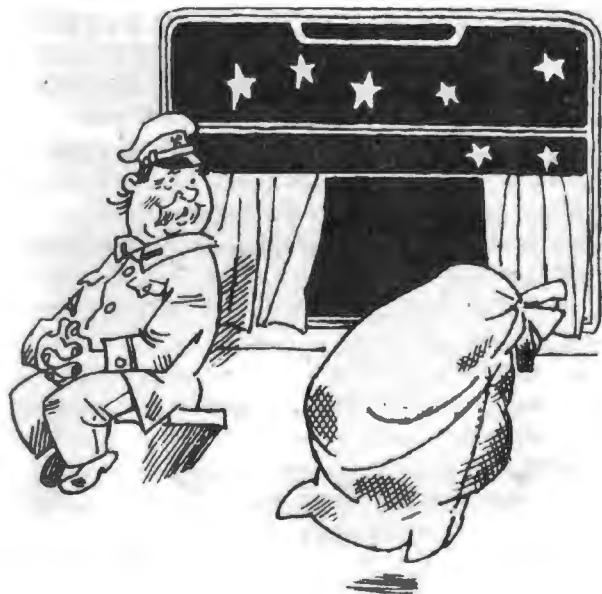
ISBN 5—88294—007—9

© «Пластик-информ» 1993.

**ВЕСЕЛОЕ
МОРЕПЛАВАНИЕ
СОЛНЫШКИНА**

ПАРУСА! ВПЕРЕДИ — ПАРУСА!

В один из июльских солнечных дней проводник седьмого вагона поезда Москва — Океанск стал свидетелем удивительного события.

Накануне вечером на станции Хабаровск в вагон вошли два молодцеватых моряка. Едва они встали на подножку, вагон прогнулся и крикнул от тяжести. Один из моряков внёс на спине большой серый мешок и осторожно опустил на пол возле своей полки.

Поезд скрипнул и тронулся. За окнами заплясали сопки и начались разные таёжные штучки. С ёлки на ёлку прыгали звёзды. Следом за вагоном бежала лиса и присматривалась, не выбросят ли кто по ошибке из окна кусок колбасы. На соснах сидели совы и сигнализировали друг

другу громадными глазами: «Точка — тире... Точка — тире».

Вагон качался, как колыбель. Пассажиры уснули на редкость быстро и стали так храпеть, будто соревновались друг с другом. А при каждом вздохе моряков крыша вагона ходила ходуном, поднимаясь и опускаясь, как гармошка.

— Здорово спят! — позавидовал проводник и тоже решил прикорнуть.

Он сел у входной двери, положил седую голову на руки и стал глядеть вдоль коридора. Вот из одного купе выкатился и, словно заскучав от одиночества, укатился обратно полосатый мячик. Вот на верхней полке чья-то левая нога почесала правую... Проводнику надоело на это смотреть и стало грустно. А уснуть он не мог, оттого что страдал бессонницей. Он собирался уже встать и подмести пол, но вдруг ему почудилось, что серый мешок в конце коридора неожиданно повернулся сам по себе, словно бы на ногах!..

«Стоп! Кажется, я начинаю видеть сон!» — подумал проводник.

Мешок подпрыгнул раз, другой и поскакал ему навстречу.

«Ну, так и есть,— усмехнулся проводник.— Наконец-то я хоть немного вздремну!»

...Мешок скакал ему навстречу. Вот он остановился и с опаской притих.

«А ты не бойся,— весело сказал проводник,— я сейчас сплю».

Он хотел похлопать мешок сверху, но мешок отскочил.

Тогда проводник поднял руку, как семафор. Мешок, шатаясь, вывалился из коридора. Потом из него вдруг выросла рука, протянулась к стакану и открыла кран у бака с водой.

«Все хотят пить»,— сказал проводник.

Но мешок промолчал, напился, поставил стакан на бак и поскакал обратно.

«Вот сейчас он станет на место, и я про-
снусь...»

Мешок свалился у своей полки, и проводник действительно встал. Он скосил один глаз за окно на лысые сопки, зевнул и вдруг круто повернулся к двери: в коридоре из бачка бежала вода! Кто-то пил и оставил кран незакрытым! Рядом никого не было. Проводник вдруг вспомнил свой сон и, с подозрением взглянув на пол, направился по коридору вперёд.

У матросского купе он остановился. Мешок лежал у полки, свернувшись так, будто вместе со всеми спал крепким дорожным сном.

«Странно...» — подумал проводник и хотел рассмотреть мешок поближе, но в это время один из моряков так вздохнул, что проводника отбросило струёй воздуха к стенке вагона.

— Странно! — сказал он, потирая затылок.

Но самое удивительное произошло всё-таки днём. Поезд подходил к пригородам Океанска, и пассажиры бросились к окнам. Слева шелестели деревья, а справа сверкала голубая вода океанского залива. Повсюду в вагоне опустили стёкла, и в коридор ворвался запах моря.

Проводник подошёл к морякам отдать билеты и сказал:

— Что, братцы, прибыли на океан? На родной, на Тихий?

И вдруг он отскочил в сторону. Из-под его ног рванулся мешок, из которого появилась крепкая рыжая голова и с отчаянным криком: «Где океан?» — повернулась к окну. Проводник оторопело упал на сиденье, а из мешка выкатился коренастый крепыш в залатанной тельняшке. Он вскочил на стол и, высунув в окно голову, закричал:

— Паруса! Впереди — паруса!

Поезд проносился мимо весёлых коричневых пляжей. На них, как сухари на противне, подрумянивались купальщики. А вдалеке по синей воде ловко бежали яхты и качали стройными парусами.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК НА СВЕТЕ

«Впереди — паруса!» Это кричал самый счастливый человек на земле — Алексей Солнышкин.

Четыре дня назад его бабушка, Анна Николаевна, уборщица сельского клуба, довязала ему новый свитер. Потом положила в мешок хлеба, сала и кедровых орешков, отсчитала на дорогу тридцать потёртых рубликов и, чмокнув внука в рыжий чубчик, отправила из тайги в город — поступать в училище. Но ни в какое училище Солнышкин не собирался. Глаза у него светились, как морская вода. Десять лет ему уже снились океан, грохот прибоя и высокие корабельные

мачты. И поэтому на станции, сунув рубрики в окошечко билетной кассы, он попросил:

— Один до Океанска!

— Денег-то едва до Хабаровска... — сказала кассирша.

— Куда хватит, — сказал Солнышкин.

И через три дня проводница высаживала Солнышкина из вагона в Хабаровске.

Прихватив свой мешок, он обдумывал, как добираться дальше, когда на перроне появились два матроса. Они браво направлялись к седьмому вагону. Солнышкин с грустью посмотрел на них.

— Эге, кажется, человек в беде! — сказал один из моряков и остановился.

— Далеко? — спросил у Солнышкина второй.

— В Океанск, — ответил Солнышкин.

— Такой груз в мешке за спиной таскать можно, — сказал первый, окинув Солнышкина взглядом.

И через несколько минут Солнышкин, согнувшись в собственном мешке, въезжал на матросской спине в двери вагона.

Всё, что произошло потом, хорошо известно читателям, и мы можем продолжать рассказ дальше.

Солнышкин что было сил кричал:

— Впереди — паруса!

Проводник хлопал глазами, матросы смеялись.

Поезд проскочил сквозь дымный, как печка, тоннель, промчался под громадной скалой и остановился перед похожим на сказочный терем вокзалом. Слева по перрону бежали, толкаясь, пассажиры, покрикивали носильщики. А справа, среди залива, тянулись к небу десятки мачт, упирались в причал чернобокие корабли. А над заливом кувывкались чайки.

Солнышкин схватил мешок, махнул всем на прощание и выпрыгнул на перрон.

— В школу! В морскую школу! — сказал он и уже через полчаса взбирался по шумной улице Океанска к красивому белому зданию.

По направлению к школе шли капитаны. Что-то шепча, торопились глазастые старушки.

«Обгоняют!» — сообразил Солнышкин и припустил во все лопатки. Высунув кончик языка и задыхаясь, он влетел на широкие гранитные ступени.

МАЛ, МАЛ! ПОДРАСТИ НЕМНОГО!

Солнышкин потянул к себе дверь за бронзовую ручку и оказался в вестибюле. У мраморной лестницы стояли два высоких курсанта. На них были красивые форменные фуражки, руки в белых перчатках крепко сжаты в кулаки, а подбородки, казалось, были из самого твёрдого мрамора.

«Здорово!» — подумал Солнышкин и представил себя в этой форме у этой лестницы. Вот так он сфотографируется, такую фотокарточку он пошлёт бабушке!

— Как мне пройти к начальнику школы? — спросил Солнышкин, поглядывая на дежурных.

Два металлических голоса торжественно произнесли:

— Коридор — налево, коридор — направо, комната — прямо!

Солнышкин кивнул: «Спасибо!» — и в три прыжка одолел ступени. Коридор — налево! Коридор — направо! Зелёные стены качались, как волны. Солнышкин летел по мягкому ковру, как яхта по морю. Флажком развевался рыжий хохолок. Вот уже сверкнула табличка «Начальник школы», и Солнышкин собирался открыть дверь, как вдруг услышал, что там, в кабинете, что-то затенькало. Будто пробежали пальцами по клавишам: «Там-та-та-там, там-та-та-там».

Он прислушался. Звуки повторились, и кто-то пропел:

Бури нас вновь позовут,
В море герои уйдут...

Солнышкин приоткрыл дверь и увидел толстячка, сидящего за пианино. Толстячок оглянулся и лукаво спросил:

— Что, подслушиваем?

— Что вы! — Солнышкин замотал головой.

Но человек подмигнул ему: «Знаем, знаем!» — и улыбнулся.

Нужно сказать, что начальник училища в свободное время сочинял музыку. И когда он наигрывал в кабинете свои сочинения, ему казалось, что за дверью стоит на цыпочках и прислушивается целая толпа почитателей его таланта. Это прибавляло ему сил и вдохновения, и он ещё сильнее ударял по клавишам. Хор в училище распевал его песни, курсанты маршировали под его марши.

Сейчас начальник закончил новую песню «Бравые моряки». Он был уверен, что за дверью слушает вся школа.

— Ну, заходи, заходи, — кивнул он.

Солнышкин вошёл и по стойке «смирно» застыл на ковре.

— Споём? — жизнерадостно спросил его начальник.

— Споём! — воскликнул Солнышкин.

Ему и вправду хотелось петь. Всё устраивалось великолепно! Удача летела ему навстречу на всех парусах. Даже на крышке пианино, за которым сидел начальник школы, был вырезан большой красивый парус. Начальник ударил по клавишам и снова запел:

Бури нас всех позовут,
В море герои уйдут...

И Солнышкин стал подпевать грубоватым баском.

— Хорошо получается,— сказал начальник.

И сердце у Солнышкина подпрыгнуло от радости.

— Хорошо поёшь! — повторил начальник и повернулся к Солнышкину: — На каком курсе учишься?

— Поступаю на первый,— отрапортовал Солнышкин.— Буду учиться на первом!

— Хорошо,— сказал начальник.— Очень хорошо придумал. В море должны идти люди с крепкими голосами. Где документы?

Солнышкин вытащил из кармана новенькую хрустящую метрику.

— А паспорт? — спросил тревожно начальник.

— А паспорт я через два года обязательно получу,— сказал Солнышкин.

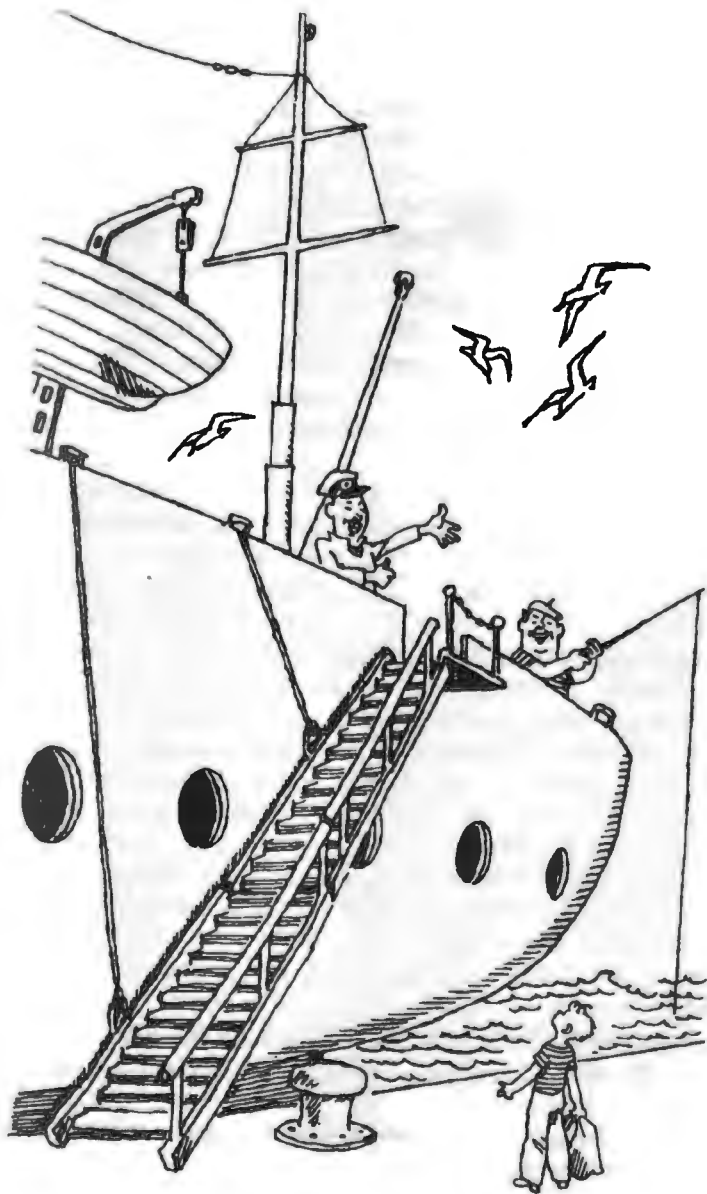
Начальник заглянул в метрику, потом опустил руку на клавиши так, что они горько всхлипнули, и вздохнул:

— Хорошо поёшь, Солнышкин... А принять не могу. Мал, мал! Подрасти немного, и мы ещё споём с тобой такие песни!

Солнышкин будто полетел с мачты в холодное море. Песен он больше не слышал. Зато почувствовал, как на губах и глазах появились солёные капли. Но упрасивать и вступать в ненужные споры Солнышкин не умел. Он вышел не улицу и, когда проходил под окнами, услышал знакомый голос:

В штормы матросы уйдут...

Звучал он теперь грустно. В горле у Солнышкина защипало.

Но через несколько минут солнце и морской ветер высушили слёзы. А рыжий чубчик Солнышкина снова затрепетал, как флажок. Над городом синело жаркое небо. Толпы людей торопились к пляжу. Солнышкин шагал вместе со всеми. И чем ближе он подходил к берегу, тем быстрее испарялись грустные мысли.

— Подумаешь: подрасти! Да я и так уйду в матросы! Сколочу плот, парус есть,— он пощупал мешок,— а удочку раздобуду! Главное, рядом океан! Куда хочешь — туда и плыви!

Запахи моря кружили ему голову. Он видел уже, как плывёт на плоту по сверкающему океану, и совершенно неожиданно очутился в коротком переулке.

Переулок упирался в невысокий дырявый забор. Солнышкин остановился. За забором слышался плеск волн и раздавались самые настоящие морские команды: «Полундра! Вира помалу! Майна!» А дальше поднимался высокий нос парохода. Солнышкин прибавил шаг.

Через минуту он уже протиснулся сквозь узкую дырку в заборе и прыгнул на каменный причал. Слева покачивался катер. Грузчики по трапу вкатывали на него большие бочки. Справа к причалу прижимался боком большой красивый пароход. На носу у него было написано название: «Даёшь!». Борт парохода щекотали прозрачные солнечные зайчики. По иллюминаторам прыгали сопки и облака. Под килем играли зелёные волны, и на дне шныряла стайка мальков.

Пароход, видимо, собирался в дальнейшее плавание. И всем своим видом призывал: «Даёшь, Солнышкин! В Индию? Даёшь! В Мексику? Даёшь! Даёшь, Солнышкин! Стоит только забраться на борт!»

Солнышкин улыбнулся.

«Смелей, Солнышкин!» — сказал он себе и направился к трапу. Но едва он сделал шаг вперёд, как возле его уха что-то блеснуло и шлёпнулось в воду. Солнышкин вскинул глаза и увидел над бортом толстую, как у кота Базилио, голову и волосатые руки. Это был матрос парохода «Даёшь!» Петькин. Он нёс вахту у трапа и, чтобы не терять зря времени, ловил рыбу.

Рядом с ним насвистывал кубинскую «Голубку» матрос Федькин.

— Как фамилия? — спросил Федькин, глядя вниз.

— Солнышкин!

— В Индию собираешься?

— Ага! — обрадовался Солнышкин.

— И в Австралию согласен?

У Солнышкина едва не остановилось сердце. Он кивнул головой.

— И за чем же дело? Только парохода не хватает?

— Только парохода! — крикнул Солнышкин.

— Пустяки, — махнул рукой Федькин. — В универмаге «Детский мир» в третьей секции сколько угодно! Три рубля штука — новейшей конструкции. Заплатил — и валяй! В Австралию, в Индию, в Антарктиду...

Солнышкин чуть не подавился от обиды. Он хотел послать Федькина самого топтать за трёхрублевым пароходиком. Но в это время толстый Петькин крикнул:

— Есть! Попалась! — и выдернул из воды жирную камбалу. Глаза у него сразу засветились. — Ты Федькина не слушай, — сказал он. — Видишь катер? — Он показал глазами на катер с бочками. — Хорошая посудина! Может, возьмут на камбуз картошку чистить. А плавать всё равно где. Вода везде солёная. А покачает больше, чем в океане!

— И это называется морская жизнь? Таскать бочки, чистить картошку? — Чья-то тяжёлая ладонь хлопнула Солнышкина по плечу. Он оглянулся. — И это называется морская жизнь, а, Солнышкин?!

Сзади стоял длинный детина в белой рубаше с галстуком, по которому карабкалась нарисованная обезьяна. Вытянутый нос у него всё время раздувался и как-то странно вращался слева направо.

— Разве это моряки? От их парохода даже компотом не пахнет. А как они принимают товарищей? Разве они что-нибудь понимают в морской дружбе?! — презрительно усмехнулся детина и положил Солнышкину на плечо руку. На ней синими буквами было написано: «Дружба — закон моря».

Потом он повертел головой, нос у него повернулся резко влево и уставился в сторону большого парохода.

— Идём, Солнышкин, со мной, идём! — Здоровяк, как полководец, указал пальцем на пароход. — И ты поймёшь, что есть ещё на свете морская жизнь и есть на океане настоящие моряки!

Солнышкин не успел подумать, а ноги его уже оторвались от земли и в ушах засвистел морской ветерок.

Слева так и мелькали мачты пароходов. Солнышкин едва поспевал за своим неожиданным покровителем. Ноги у него устали от ходьбы. В животе урчало. Но он не унывал! Тем более что навстречу от пароходов всё сильнее неслись запахи котлет, жареной картошки и молодого чеснока.

«Всё будет хорошо!» — думал Солнышкин.

Конечно, если бы Солнышкин знал, что впереди него шагает известный всему флоту бездельник и гуляка, по прозвищу Васька-бич, если бы

он знал, что и галстук с обезьянкой, и хрустящую рубашу Васька месяц назад одолжил на вечер у знакомого моряка, а ботинки — у знакомого повара, что завтракает он на одном, обедает на втором, а ужинает на третьем пароходе, то, может быть, Солнышкин думал бы по-другому.

Но ничего этого он, понятно, не знал и гордо шагал за Васькой. Скоро показалось большое судно, с которого кранами выгружали металллом. Камбуз судна был приоткрыт, и оттуда поднимались клубы пара. Васька немного сбавил шаг, потянул носом воздух и процедил сквозь зубы:

— Т-к-с, щи из кислой капусты, макароны с ливером...

И он снова потащил Солнышкина по причалу.

— Идём, Солнышкин! Не будем унижаться возле каждой посуды из-за каких-то паршивых макарон.

Они подошли к аккуратненькому, как игрушка, пароходику с чёрной трубой и яркими иллюминаторами. Они собирались миновать и его. Но с камбуза раздался крик:

— Привет, Васька! — И на палубу выбежал в белом фартуке кок с кружкой компота в руке.

— Салют! — ответил Васька.

— Куда торопишься? — спросил кок.

— Куда ведёт мой верный компас! — подмигнул Васька.

— А ты всё не плаваешь? — удивился кок.

Васька развел руками.

— Для моей персоны ещё не построили достойного судна!

— Давай к нам, — пригласил кок и с удовольствием отпил из кружки компот.

— Не! — засмеялся Васька, окинув взглядом кружку с компотом. — Не пойдёт! Не пойдёт! Пароход у вас большой, а компот маленький! —

И он махнул Солнышкину рукой: — Вперёд, Солнышкин! У больших людей должны быть большие цели и большой компот!

Скоро над лесом мачт и труб поднялась корма громадного парохода. Он красовался на воде недалеко от берега. Это от него неслись запахи котлет и чеснока.

ВОТ ТАК МОРСКАЯ ЖИЗНЬ!

Кок парохода «Старый добряк» Бабкин был в самом приподнятом настроении. Дважды он успел побриться и поодеколонить свои красные щёки. С десяток раз он примерял перед зеркалом самый чистый колпак и разглядывал себя с придирчивостью модницы. Он выглядел так браво, что капитан перед ним чуть не стал по стойке «смирно». На старости лет Бабкин надумал жениться и ждал сегодня в гости невесту, у которой был день рождения.

По этому поводу он готовил ей подарок.

Два дня Бабкин размышлял, а на третий испёк красавец торт и стал разукрашивать его самыми вкусными кремами. Посреди торта Бабкин выложил из белого крема якорь и решил изобразить на его лапах двух голубков. Он уже нарисовал кремовую голубку и с нежностью выдавливал из трубочки крем на крылышко толстенького счастливого голубя, как в дверь камбуза вошёл его старый знакомый Васька-бич и с ним круглоголовый парнишка с мешком на плече.

— Привет! — сказал Васька.

У Бабкина от этого голоса перехватило дыхание. Он прикрыл торт полотенцем. Но Васька так засопел, что полотенце чуть не улетело вместе с тортом. Тогда Бабкин загородил его спиной и живо спросил:

— Васька, котлету хочешь?

— Две! — сказал Васька, но тут же задумчиво сощурил глаза.

— Ладно, четыре! — поспешно согласился Бабкин и стал пятиться к печке, не выпуская торта из поля зрения.

Солнышкин стоял сбоку. Наконец-то он находился на палубе! Щёки его горели, а язык уже чувствовал вкус настоящей флотской котлеты.

Но тут случилось нечто такое, что надолго запомнилось всем присутствующим.

Едва Бабкин повернулся к пылающей плите, Васька откинул полотенце и, как ножом, проворно выкроил длинным пальцем кусок торта с голубкой...

— Хорош, хорош торт! Не хватает только орешков и ванильных палочек.

— Что? — испуганно спросил Бабкин.

— Орешков и ванильных палочек.

— Что? — спросил ещё раз Бабкин. И вдруг завопил: — Вон! — И с размаху запустил в Ваську котлетой. За котлетой полетела горячая сковорода.

Васька, согнувшись, бросился к выходу. Солнышкин замигал и, не долго думая, тоже кинулся за ним. Он чувствовал, как по его спине колотили вилки, ложки, тарелки. А Бабкин в отчаянии и ненависти метал вслед всё, что попадало под руку.

— Воры! — взвыл Бабкин и швырнул кастрюлю с макаронами как раз в тот момент, когда на трапе появилась его невеста.

Макароны облепили её с ног до головы. Кастрюля шлёпнулась о стенку. А мимо невесты вслед за гостями пронёсся рассвирепевший жених. Васька выскочил уже на трап. Но Солнышкин услышал за спиной крик: «Ах жулики! Ах тунеядцы!» — и получил ногой такой пинок, что пролетел по причалу и уткнулся головой в забор.

«Ничего себе! Ничего себе! — подумал Солнышкин. — Вот так морская жизнь! Получать за кого-то синяки и шишки!»

Он стал потирать ушибленные места, но тут из-за забора показалась Васькина голова и донёсся ободряющий голос:

— Настоящий моряк должен пережить всё, Солнышкин!

Но Солнышкин промолчал.

ПРИВЕТ ПИРОЖКОВОЙ ПЛОЩАДИ!

От голода у Солнышкина так кружилась голова, что готова была взлететь в воздух вместе с рыжим чубчиком. Но на пароход он сейчас не пошёл бы с Васькой ни за какие отбивные!

Однако Васька и сам резко изменил направление.

Он посмотрел в сторону океана, потом повернул нос к берегу и вдруг воодушевился:

— Солнышкин, пошли! Пирожковая площадь всегда приютит пострадавшего моряка!

Солнышкин с подозрением посмотрел на Ваську, но тот уже стремительно шагал и на ходу разводил руками:

— Что поделаешь, Солнышкин? И у великих людей бывают ошибки! Но никаких сомнений — и, клянусь, я сделаю из тебя настоящего моряка!

Солнышкин ещё верил. Но никогда не думал, что великие люди запускают пальцы в чужой пирог.

Друзья пошли вверх по пустынной улочке, и скоро Солнышкин увидел перед собой знакомый вокзал, похожий на сказочный терем. Перед ним раскинулась площадь. От неё вкусно пахло, и десяток продавщиц с корзинами кричали, будто зывали к скатерти-самобранке:

— Пирожки! Горяченькие, с капустой!

— А вот с мясом — свеженькие, горяченькие!

— С творогом, с творогом!

К ним выстраивались в очередь моряки, старушки, мальчишки. Кое-кто уже жевал, и пирожки нежно дымились.

У Солнышкина защекотало в горле, а Васька крикнул:

— Привет Пирожковой площади! — и мигом очутился в этой вкусно пахнущей толпе. — Вот человек, который нас угостит! — сказал Васька и хлопнул по плечу молоденького моряка.

Но моряк окинул его таким взглядом, что Васька развернулся на все сто восемьдесят градусов.

— Слушайте, бабки! — обратился он к продавщицам, глядя сверху. — Отпустите в долг! Морякам, попавшим в беду!

— В долг? — грозно спросила толстуха и угрожающе сжала ручку уже пустой корзины. У неё, видимо, с Васькой были давние счёты.

Васька зло посмотрел на неё, на Пирожковую площадь. Потом окинул взглядом Солнышкина и вдруг спросил:

— А что это у тебя в мешке? Может, ты тащишь колбасу? Может, кусок курятины?

Солнышкин даже растерялся от обиды. В мешке давно ничего не осталось, кроме майки, трусов и связанного бабушкой свитера. Солнышкин раскрыл мешок. И тут Васька, заорав: «Мы спасены!» — запустил внутрь руку.

Он вытащил свитер и засмеялся:

— Такую вещь любая мамаша купит. Продадим, Солнышкин, а?

Солнышкин недовольно замигал глазами. Он хотел объяснить, что это бабушкин подарок. Но Васька наклонился к нему:

— Эх, Солнышкин! Через неделю в Японии купишь себе десять таких и лучше. Ну, закон моря?

— Ладно! — улыбнулся Солнышкин.

«Неужто,— подумал он,— какой-то свитер, даже бабушкин, дороже морской дружбы?»

И через минуту они уже поднимались вместе с толпой на громадную сопку. Верхушка её пряталась в белом облаке, похожем на шхуну, и казалось, что люди забираются в неё по трапу.

СОПКА, НА КОТОРОЙ СОШЁЛСЯ ВЕСЬ МИР

Солнышкин устало отсчитывал ступеньки: «Триста тридцать одна... Триста тридцать две...» Ноги его словно стали деревянными и, наверное, поэтому так тяжело стучали о лестницу. Но Васька подмигивал:

— Солнышкин, здесь вертится весь мир! На этой сопке сошлись все меридианы!

Солнышкину хотелось увидеть мир, и он терпеливо поднимался в гору.

Наконец он переступил последнюю ступеньку и оглянулся. Далеко внизу, у подножия сопки, синел залив, по которому шли белые пароходы.

За ним снова поднимались сопки. А дальше во все стороны разбегался и гудел сверкающий Тихий океан. В прозрачной дымке синели острова, и за горизонт скрывалось какое-то судно.

О ноги Солнышкина тёрся ветер. По сопке сбегали вниз дома, а над Океанском кружили чайки. Солнышкин забыл про голод и неудачи. Он едва не заплакал от счастья и сиял так, словно внутри ему ввинтили лампочку в тысячу ватт. И если бы у него были крылья, он сейчас закувыркался бы вместе с чайками.

А за спиной слышался шум базара:

— Штаны, покупайте штаны из Сингапура! Только одна дырочка на колене. Прокурил кубинской сигарой!

И вдруг раздался Васькин бравый голос:

— Свитер, свитер! Только что из Японии!

Солнышкин удивлённо повернулся. Он хотел сказать, что свитер не из Японии, а из Сибири и что связала его бабушка. Но Васька подмигнул Солнышкину и снова закричал:

— Только что из Японии, только что из Японии!

Вокруг шумела торговля. Лысый старичок совал в руки Солнышкину старые ходики с кукушкой и приговаривал:

— Бери! Сто лет куковали и ещё сто куковать будут!

Мужчина в ватнике держал в руках банку с цветными рыбами. Солнышкин хотел было остановиться, но рядом появилась толстая тётка и закричала:

— Попугай! Говорящий! Жаль, как родного сына, да деньги нужны!

В клетке вертелся белый попугай с изодранным хвостом. А продавала его старая спекулянтка, потому что попугай выдавал все её тайны. Он и сейчас выпаливал её слова: «Загоню дурака! Доведёт до милиции! Загоню дурака, доведёт до милиции!»

Солнышкин так и не оторвался бы от этого зрелища. Но вдруг Васька крикнул кому-то:

— Стёпа, здоров! — и полез обниматься с рыжим толстяком.

— Здорово, здорово, Васенька! — отвечал рыжий. — Что делаешь?

— Продаю свитер!

— Ха-ха, твой товар — моя покупательница! — сверкнул рыжий золотыми зубами. — Давай жди! — И он исчез в толпе.

— Свитер! Свитер из Японии! — ещё громче затараторил Васька. — Из Японии!

Через несколько минут толстяк выбрался из толпы с маленькой седой женщиной.

— Бери! — сказал он ей. — Что надо! Из Японии.

— Ну нет, — сказала женщина. — Это не японский, а из чистой сибирской шерсти. Будет подарок племянничку!

Она отсчитала пять пятёрок, завернула свитер в газету и пошла к лестнице.

Васька спрятал деньги в карман, хлопнул Солнышкина по плечу и подмигнул Стёпке: «Начинается весёлая жизнь».

ВЕСЁЛАЯ ЖИЗНЬ

— Куда теперь? — спросил Стёпка.

— Туда! — показал весёлыми глазами Васька вниз, на ресторан «Золотой кит». — Солнышкин хочет угостить старых моряков! Так ведь я говорю, Солнышкин? — Он тут же спохватился: — Я не представил тебе моего друга. Знакомься, Солнышкин, это лучший матрос парохода «Даёшь!».

— Артельный, — подсказал Стёпка. — Вся кладовая в наших руках! — И он подбросил в руке звякнувшую связку ключей.

Солнышкин живо вспомнил пароход «Даёшь!», но Васька снова заговорил.

— Представляешь,— сказал он,— Петькин и Федыкин не хотели пустить его даже к трапу!

Стёпка возмутился.

— А человек в море хочет, в матросы!

— Да мы их — за борт, а его возьмём! И ночевать он сегодня будет в моей каюте.— И Стёпка снова подбросил в руке связку ключей.

— В каюте? — спросил осторожно Солнышкин, и сердце у него громко застучало.

— В моей! — сказал Стёпка.

— И койки там подвесные? — поинтересовался Солнышкин.

— Настоящие. Всё как в кино!

Солнышкин даже не верил такому счастью.

Между тем друзья подходили к старому, обшарпанному зданию, на котором было написано: «Золотой кит». Из подвального доносилась музыка. Пилюкали скрипки, пищал кларнет, и кричал аккордеон.

— Так ты угощаешь нас, Солнышкин? — спросил Васька и поставил ногу на ступеньку.

— Конечно! — воскликнул Солнышкин и заглянул в дверь. Ему хотелось на славу угостить этих добрых моряков.

— Спасибо! Большое спасибо, Солнышкин! — раскланялся Васька. — Только тебе самому придётся нас подождать. Вечером гражданам до шестнадцати лет вход сюда воспрещён!

Растерянный Солнышкин хотел было сунуть голову в дверь, но мрачный швейцар в чёрной ливрее и белых перчатках так решительно направился к нему, что Солнышкин отпрянул. А день уже подходил к концу. Накатились прохладные сумерки, и по всей бухте открыли глаза ночные фонарики. На кораблях зажглись огни. И в подвальчике, у ног Солнышкина, вспыхнул свет.

У Солнышкина похолодели нос и уши. Он заглянул в окно и сквозь занавеску увидел своих друзей. Они сидели за столом у самого окна.

Перед ними громоздились тарелки с бутербродами, а посреди стола стояли кружки с пивом.

— За удачу! — сказал Васька и поднял кружку.

— За Солнышкина! — хихикнул Стёпка, проглотив бутерброд с красной икрой.

Солнышкин хотел уже стукнуть в окно и потребовать хоть кусок хлеба. Но тут за его спиной раздался укоризненный голос:

— Ай-яй-яй, молодой человек...

Солнышкин оглянулся. На него с доброй усмешкой смотрел невысокий старичок в морской форме. Солнышкин, краснея, отошёл от окна и сделал вид, что прохаживается.

А между тем, пока он прохаживался, в подвале происходили следующие события.

Стёпка допил последнюю бутылку пива и пробормотал:

— Хочу спать, пошли в каюту.

— Сейчас, только закушу, — сказал Васька и ткнул по ошибке вилкой в толстую лапу артельщика.

— Ого-го! — взвыл Стёпка. — Этак ты меня ночью уколошишь якорем! Нужен ты мне, друг нашёлся!

И когда Солнышкин в третий раз заглянул в окно, он увидел, как Васькина рука, на которой было написано «Дружба — закон моря», врезалась в Стёпкин глаз так, что по всему ресторану разлетелись искры. Один из бывалых моряков с криком «Полундра!» даже бросился заливать огонь пивом. А Васька и Стёпка тут же вылетели на улицу.

Наверное, оба друга так и легли бы под ноги прохожим. Но навстречу им бросился Солнышкин, и они вдвоём повисли на его плечах.

— Солнышкин! Солнышкин! — плакал Васька. — Спаси меня, Солнышкин! Тону! Закон моря! Матрос должен спасти своего капитана. Слышишь, вода?

Рядом и вправду булькало и плюхало, как в трюме. Это переливалось пиво в брюхе артельщика.

— Тону! — кричал Васька.

— Тонешь, давно тонешь! — раздался вдруг насмешливый голос.

Сбоку подкатила милицейская машина. Из неё выпрыгнул молодой лейтенант, открыл заднюю дверцу и затолкал в неё обоих друзей, освободив Солнышкина от тяжёлой ноши.

— Спасём! — сказал лейтенант. — Обязательно спасем!

И машина скрылась в темноте.

КАЮТА СТАРОГО РОБИНЗОНА

Солнышкин присел на порог и стал думать, где бы устроиться на ночлег. Как вдруг опять услышал голос:

— Ай-яй-яй, молодой человек! И не стыдно?

Он обернулся и увидел прежнего старичка в морской форме. Это был известный всем морякам старый инспектор океанского пароходства МIRON ИВАНЫЧ. Больше всего на свете он любил море. Отправляя в океан пароходы, он мечтал о кругосветном плавании. Но так и не смог за всю жизнь выбраться в путь. Его и теперь приглашали в плавание, но он показывал на свои галоши и говорил:

— У меня теперь одно плавание. Мои старые баржи делают две мили в сутки. Одну из дому сюда, вторую — обратно.

Звали его ещё Робинзоном потому, что жил он в старом доме один. Но вспоминали его на

всех морях. Вывел в люди он многих моряков. А тех, кто мечтал о плаваниях и пароходах, старый инспектор узнавал за квартал.

— Ай-яй-яй, мечтали о море и чуть не попали в милицию? — сказал Солнышкину Мирон Иванович.

— А вам какое дело? — угрюмо буркнул Солнышкин.

— А я ищу матроса на судно, которое отправляется в кругосветное плавание. Только вежливого...

— Мне не до шуток, — невесело ответил Солнышкин.

— Тем лучше, — улыбнулся старик. — Будем знакомы. Робинзон. Старый Робинзон... — И он протянул руку.

— Солнышкин, — удивлённо ответил Солнышкин.

— Ну, вот и хорошо, Солнышкин. Разрешите мне пригласить вас в свою каюту. На моём корабле нет кроветок и виски. Но голландский сыр, чашка чёрного кофе и мягкая постель всегда найдутся.

Всё-таки Солнышкину везло!

Робинзон заложил руки за спину, и они стали подниматься по сопке, на которой Солнышкин уже побывал сегодня с Васькой. Только вместо облака на ней сидела громадная луна, окружённая звёздами, и заливала всё жёлтым-жёлтым светом.

Робинзон расспрашивал Солнышкина о его похождениях, и поэтому усталый Солнышкин не обратил внимания на тот удивительный факт, что они поднимаются вверх, а не спускаются к морю.

Наконец они остановились у старинного островерхого домика, который возвышался на крутой скале и отбрасывал вниз большую тень. Робинзон показал на дверь:

— Сюда! — Щёлкнул ключом и сказал: — Каюта к вашим услугам!

Солнышкин нерешительно вошёл в комнату. Не веря глазам, повернул голову влево, потом вправо, потом снова влево и снова вправо и восхищённо выпалил:

— Вот это да!

Комнаты не было. Под ногами лежала корабельная палуба. Напротив двери у единственного большого окна, смотревшего на бухту, был укреплён корабельный штурвал с отполированным колесом. Вместо окон в стенах были иллюминаторы. Над одним висел барометр, а рядом с другим спасательный круг, на котором было написано: «Один за всех». На полке рядом с книгами лежала подзорная труба и розовели морские раковины.

С потолка свисали пальмовые листья. Одна стенка была сделана из пальмовых стволов, а топчан был накрыт шкурой медведя.

— Вот на этом судне и спасается старый Робинзон! — подмигнул Солнышкину старик и подтолкнул его к распахнутому окну.

Вся бухта внизу сверкала, и в темноте переливались разноцветные огоньки. В море над чёрной водой вспыхивал и гас свет маяка. Над ним светили громадные звёзды, и Солнышкину показалось, что он плывёт по далёким южным морям...

Вдруг Мирон Иванович зашмыгал носом, посмотрел в окно, потом на барометр искомандовал:

— Задраить иллюминаторы, или через полчаса хижину старого Робинзона зальёт водой!

Солнышкин с сомнением посмотрел на звёздное небо и собирался возразить, но тут же громадная капля щёлкнула его по носу и по стёклам забарабанил дождь. Солнышкин стал изо всех сил закручивать винты на иллюминаторах. Он так то-

ропился, что не заметил, как на маленьком круглом столике появились сыр, колбаса и Мирон Иванович налил из термоса в чашки ароматного кофе.

Через несколько минут Солнышкин с вымытыми руками сидел на медвежьей шкуре, потягивал вкусный кофе и собирался подумать о том, как хорошо всё устроилось. Но тут за стенами так забушевало, что весь дом задрожал и, казалось, покатился вниз. Наверху что-то треснуло, и по пальмовому листу побежала струйка. Мирон Иванович схватился рукой за голову, посмотрел вверх и крикнул:

— Солнышкин! Аврал! В судне старого Робинзона пробоина!

Солнышкин вскочил на стол, потом на подставленную табуретку, раздвинул листья и увидел в потолочной доске дырку, из которой выстрелил сучок. Солнышкин сунул в дырку указательный палец, но табуретка вылетела из-под его ног, и он повис в воздухе. Палец ныл, как зуб, в кото-

рый доктор залез буром, но Солнышкин держался. Робинзон нашёл сучок, завернул в кусок старой тряпки и подставил Солнышкину табуретку. Солнышкин крепко вколотил сучок в дырку кулаком и прыгнул.

— Молодец, Солнышкин,— сказал Робинзон, и они сели допивать кофе, которого стало от дождя вдвое больше.

Буря всё усиливалась. Внизу трещали деревья, прыгали по сопке потоки. Сбоку, сквозь щель в стене, которую старый Робинзон не заделывал нарочно, посвистывал настоящий морской ветер, и теперь Солнышкину было так хорошо, как будто он потерпел кораблекрушение и вдруг оказался на острове в гостях у настоящего Робинзона.

Глаза у него слипались, но он подошёл к окну с подозрительной трубой и посмотрел вниз. Океан бушевал. На улицах города никого не было. Только у отделения милиции, под фонарём, приплясывали две какие-то странные фигуры. Издалека Солнышкин, конечно, не узнал Ваську и артельщика, которых лейтенант выгнал протрезвиться под бесплатный холодный душ.

Солнышкин положил на место трубу, улёгся на шкуре и, хотя у него болел палец, уснул, как под хорошую корабельную качку.

...Солнышкину снились жуткие вещи. Ему приснилось, что его прямо на ходу поезда вытряхивают из мешка. Он вылетает в окно, катится по скалам и с громадной высоты падает в зелёное-зелёное море. На лету он с треском цепляется брюками за нос какого-то корабля, выскальзывает из них, а сверху раздаётся голос: «Ай-яй-яй, молодой человек...»

Он приготовился ласточкой нырнуть в воду и открыл глаза.

Над ним качал головой старый Робинзон: «Ай-яй-яй...»

Солнышкин сидел в глубокой дыре, оттого что доски под ним с треском провалились.

— Крепкая была качка,— сказал с улыбкой Робинзон и похлопал рукой по спинке топчана.— Видно, отслужил старина. Тридцать лет обеспечивал ночлег всем потерпевшим кораблекрушение. Ну, подъём, подъём!

Солнышкин вскочил, высунул в открытое окно круглую, как яблоко, голову и зажмурил глаза. Сверкало солнце, приплясывало море, свистели птицы, а под окном потихоньку булькали ручейки. Он оделся, схватил ботинки, мешок и направился к двери. Но Робинзон надел на морщинистый нос очки и повернулся к нему:

— Куда?

— Искать пароход,— сказал Солнышкин.

— А этот тебе не нравится? — спросил Мирон Иванович.— И команда получилась бы неплохая: Робинзон и Солнышкин!

Солнышкину очень не хотелось обижать старика. Он ещё раз посмотрел на штурвал, на иллюминаторы, на окно, обращённое к заливу, и вздохнул:

— Корабль что надо, да ведь он стоит на одном месте...

— Эх-хе-хе... — усмехнулся Робинзон,— что верно, то верно. Всё на месте и на месте. Все уходят в море, а Робинзон живи один, волнуйся из-за них и шагай свои две мили в сутки!

Он подошёл к большому глобусу, к которому были прицеплены белые бумажные пароходики, повернул его, и пароходики тоже завертелись и побежали по голубым морям.

— Что ж, прикрепим сюда ещё один пароход,— сказал старик.— Пароход, на котором поплывёт Солнышкин.

Потом он остановился у полки, взял что-то с неё, положил в карман кителя и вместе с Солнышкиным вышел из этой удивительной хижины.

ПРИВЕТ МИРОНУ ИВАНОВИЧУ!

На каждом шагу Солнышкин поворачивал голову то влево, то вправо, потому что из каждого переулка то и дело раздавалось:

— Мирону Ивановичу привет!.. Привет, Мирон Иваныч!

А рота курсантов мореходной школы приветствовала его хором, будто старый Робинзон был сегодня именинником и одновременно командующим парадом.

Всё в городе после ливня было чисто, ярко и празднично. Пуговицы на кителе маленького сухонького Робинзона сверкали, как адмиральские ордена. Он переступал через лужи и весело помахивал всем рукой.

Вдруг из-за поворота кто-то закричал:

— Стойте! Стойте!

Робинзон и Солнышкин повернулись. По улице босиком шлёпал весь мокрый Васька-бич. Брюки у него были закатаны, в руках он держал раскисшие туфли, а с его чуба и длинного носа срывались громадные капли.

— Мирон Иваныч! — заныл Васька... — Мирон Иваныч, помощи. Надоела эта тунеядская жизнь...

— Неужто? — удивился Робинзон.

— Ей-ей, — заплакал Васька.

— Чем же тебе помочь?

— Дай мне хороший пароход!

— Так, так, — усмехнулся Робинзон, — ну, какой, например?

— Ну... — замялся Васька, — чтобы боцман подобрей, а компот побольше.

Васька забежал то с одной, то с другой стороны. Солнышкин смотрел на него с презрением.

— Ну что ж, с превеликим удовольствием, — улыбнулся Робинзон и пошёл с Солнышкиным дальше.

Васька зашлёпал босиком сзади.

Они прошли по набережной мимо чугунного забора, мимо громадного памятника, с пьедестала которого двадцатиметровый красноармеец в будёновке трубил победу Красной Армии на весь океан. Уже вдали поднялось важное океанское пароходство. И по улице, обгоняя друг друга, помчались на совещание капитаны, начальники и помощники начальников.

В это время из-за угла появился кто-то громадный и громогласно сказал:

— Батюшки! Вот это встреча! Мирон Иваныч!

Солнышкин отшатнулся и увидел капитана, который был в два раза выше Робинзона. А фуражка на голове у него была такая, что налезла бы на голову двум капитанам вместе.

— Батюшки! — сказал капитан и стал трясти руку старому Робинзону.

— Евгений Дмитриевич, дорогой, так мы, кажется, вчера виделись, — улыбаясь, сказал Робинзон. — Даже точно виделись.

— Неужели? — удивился капитан.

И тут состоялся разговор, от которого Солнышкин весь взмок, а чубчик у него застыл от волнения.

— Евгений Дмитрич, вы помните топчан в каюте старого Робинзона? — начал старый инспектор.

— Конечно. Как же, как же! Разве можно забыть? — воскликнул капитан и вскинул руки, сверкнув золотыми нашивками. Мужественное лицо его стало добрым и внимательным. — Да, да! Я ещё провалился тогда. И подзорную трубу помню. Я ведь в неё увидел мачты своего парохода! А помните, как я затыкал пальцем дырку от сучка в вашем потолке? Помните? — И он захохотал. — Я тогда чуть не проткнул крышу!

— Ах, Евгений Дмитрич, — сказал Робинзон, — конечно, помню. А сегодня на этом месте спал ещё один мореплаватель и смотрел в подзорную трубу на мачты вашего парохода...

И он показал глазами в сторону Солнышкина.

— Так где же он? — засуетился капитан и стал оглядываться вокруг себя, будто потерял иголку и никак не мог ее найти. — А, вот он! Да какой красавец, прирождённый моряк! Прирождённый! Немедленно выписывайте направление на пароход.

— Но он ещё молод, — сказал Робинзон.

— Ничего, это я всё улажу. Жду, жду, — сказал громовым голосом моряк и побежал на совещание.

Это был капитан парохода «Даёшь!» — Евгений Дмитриевич Моряков.

— Ну вот, Солнышкин, вот и всё, — сказал маленький Робинзон и грустно подмигнул.

Через полчаса он выписал ему направление на судно и, когда Солнышкин уже собрался бежать, остановил его. Он достал из кармана маленький бронзовый компас и протянул Солнышкину.

— Возьми, — сказал Робинзон. — Мне его подарил один старый моряк. Он говорил, что, если у человека в жизни всё правильно, стрелка компаса показывает точно на север — так держать! Если же нет, то она начинает выписывать кренделя. Может быть, это сказка. У меня он всегда показывал на север, а жил-то я, наверное, не очень правильно. Но всё-таки возьми...

Потом он вытащил из кармана пятирублёвую бумажку, дал Солнышкину и весело сказал:

— Когда-нибудь рассчитаемся!

А ещё через минуту он с самым серьёзным выражением лица выдавал направление Васкебичу к самому доброму боцману.

А ФУРАЖКУ НУЖНО СНИМАТЬ!

Солнышкин летел навстречу морю и кораблям. Он бежал так, что лужи, как птицы, разлетались из-под его ног.

На щеках у него будто выросло по красному яблоку.

До слуха Солнышкина вдруг долетело чиканье ножниц, стрекот машинки, и он вспомнил, что не мешало бы зайти в парикмахерскую. Он остановился под вывеской, дождался звонка, подошёл к креслу и стал рассматривать себя в зеркале. Уж теперь-то он пошлёт бабушке фотокарточку!

Но тут в зеркале появилась вытянутая физиономия в капитанской фуражке.

— Пересадите его, — сказала физиономия и растянулась, как тесто. — Я бреюсь только у этого мастера.

Солнышкин повернул голову и хотел возмутиться. Он тоже хотел стричься у хорошего мастера. Но тут появился другой парикмахер и, как артист, пропел Солнышкину:

— А я вам не нравлюсь? Прошу, очень прошу!

И Солнышкин согласился. Не потому, что парикмахер ему понравился, а просто Солнышкин не любил обижать людей.

Капитан даже не поблагодарил его и плюхнулся в кресло прямо в фуражке. К нему тотчас подлетел мастер в белом халате. Он был такой чистенький, что на щеках у него отражались бухта, пароходы со спасательными кругами и мелькали быстрые чайки.

— У вас чудесный загар! — с подчёркнутым восхищением затеял разговор мастер. — Вы, наверное, только что из Индии?

— В Африке тоже жарко, — уклончиво ответил капитан.

— А-а-а,— с любопытством протянул парикмахер,— так вы из Африки? Ну, как там в джунглях?

Капитан почему-то промолчал, а мастер замурлыкал и стал взбивать в чашечке пушистую мыльную пену.

— Что вам, молодой человек? — пропел, как артист, второй мастер.

— Под бокс,— сказал Солнышкин и посмотрел на себя в зеркало.

Теперь сзади него стояла маникюрша и жевала булку, а сбоку отдыхала детский мастер. Она только что стригла очень упрямого мальчишку и поэтому всё ещё хваталась за сердце.

— А в джунглях свирепствуют львы,— вдруг сказал капитан.— Нет антилоп — хватают слона и глотают с бивнями!

Второй мастер так удивился, что открыл рот и машинкой начал стричь Солнышкину нос. Солнышкин дёрнулся, и мастер стал извиняться.

— Нет слона — хватают автомобиль!
«Глупые шутки», — подумал Солнышкин, но промолчал.

— Потрясающе! — сказал первый мастер.

Капитан снова замолчал. Тогда мастер стал намыливать капитану подбородок. Махал кисточкой он так, чтобы не испачкать капитанскую фуражку. Поэтому мыльные хлопья отлетали в сторону. Ляп! — и кусок пены залепил Солнышкину глаз.

Солнышкин сердито утёрся. Ляп! — и пена повисла у него на носу.

— Ну, знаете... — не вытерпел Солнышкин. — Фуражку надо снимать!

— Что? — спросил капитан.

Все мастера испуганно примолкли.

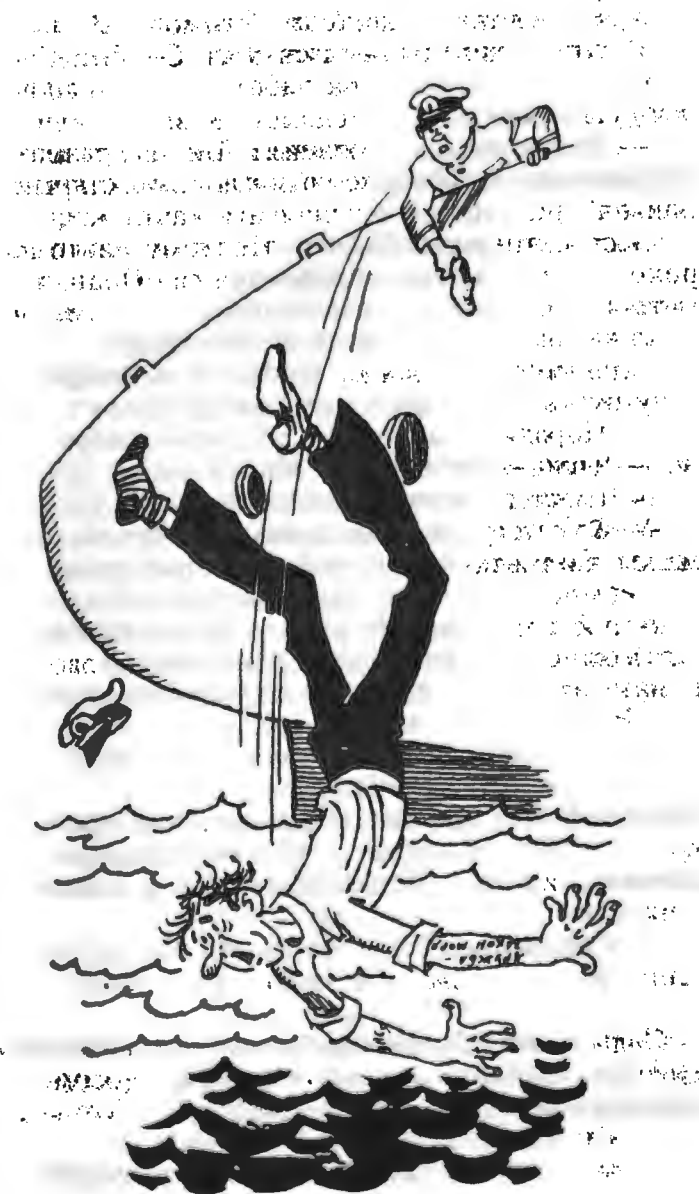
— Фуражку в помещении надо снимать, — сказал Солнышкин. — Это знают даже первоклассники!

Все застыли в ожидании. Что же произойдёт? Маникюрша от растерянности вместо булки затолкнула в рот резиновую грушу от пульверизатора, а детский мастер по привычке, как ребёнку, протянула капитану для успокоения бутылочку из-под одеколона.

— Что?! — заорал капитан. — Ну, знаете ли... Извините! Плавали — знаем! — выкрикнул он, натянул фуражку ещё глубже и с намыленными щеками выскочил на улицу.

ДОБРЫЙ БОЦМАН ШАХРАЙ

Солнышкин быстро забыл о происшествии в парикмахерской и подходил к пароходу. Уже издаля он увидел нечто необыкновенное: вся палуба «Даёшь!» была облеплена моряками. На причале тоже стояла толпа, а на каком-то сторожевике матросы забрались даже на мачты. Все

смотрели на трап парохода «Свежая камбала», по которому гордо поднимался Васька-бич.

— Васька, неужто на работу? — кричали отовсюду.

— Разумеется, — отвечал он и размахивал направлением, которое выписал ему старый Робинзон.

Все смотрели на Ваську. Поэтому никто на пароходе не заметил Солнышкина. Один только матрос Петькин оставался равнодушным, но он удил камбалу и ничего не видел вокруг.

Солнышкин взбежал по трапу и взобрался на гору пустых ящиков из-под макарон.

— Поразительно, честное слово, поразительно! — удивлялся капитан Моряков.

— Курица медведя снесёт, — сказал Петькин.

Между тем Васька, помахивая рукой, поднимался по трапу, и нос его улавливал сладкий запах компота. Он уже видел вкусные блины, мягкую постель, тёплый уголок в подшкиперской, где можно будет отоспаться во время работы, и думать не думал, какую шутку сыграл с ним старый Робинзон.

Васька шёл с направлением к доброму боцману Шахраю. Но ведь на флоте было два Шахрая! Младший был добряк и филон и не прочь дать храпака. Зато у старшего при виде лодыря и бездельника кулаки увеличивались по крайней мере в пять раз.

— Где боцман? — спросил Васька у вахтенного.

— А вон, — кивнул вахтенный.

Васька двинулся вдоль стенки, и тут его длинный нос столкнулся с крючковатым носом Шахрая-старшего.

— Ко мне? — спросил Шахрай.

— Не... не... — заикаясь, затряс головой Васька и стал пятиться.

— Стой! — крикнул Шахрай и бросился вдогонку. Ему позарез нужны были матросы.

Но Васька уже бежал по палубе к борту.

А на пароходе «Даёшь!» всё увеличивалась толпа, и судно медленно покачивалось. Там уже надеялись увидеть Ваську в робе, но вдруг раздался пронзительный крик, и растрёпанный Васька-бич выскочил на нос «Камбалы». За ним грохотал сапогами старый Шахрай.

— Не уйдёшь! — пропыхтел боцман и схватил Ваську за обезьяний галстук.

— Уйду! — отчаянно крикнул Васька и, выдернув голову из галстука, прыгнул за борт. — Лучше гибель, чем Шахрай!

Боцман схватил его за туфлю, но Васька заорал и сиганул вниз, в мазутную воду, на которой качались отражения облаков.

— Утонул! Убился! — заволновались кругом. — Васька убился!

— Не, не утоп! — с досадой сказал Шахрай и запустил Ваське вдогонку туфлю, которая осталась у него в руках.

Все перегнулись через борт и смотрели в глубину. Скоро там появилось белое пятно, и через минуту вынырнул Васька. На голове у него, как берет, лежала медуза, а изо рта торчал пучок морской травы.

— Пф, пыф, — плевался Васька, — пф, помогите! Стёпа, друг, помоги!

— А ты вот так, вот так, — показывал рыжий Степан своему товарищу и размахивал в воздухе руками.

Но это Ваське не помогло. Он не умел плавать.

И вдруг над толпой что-то со свистом пронеслось. Это Солнышкин схватил ящик и швырнул вниз. Васька ухватился за него. И тут рыжий артельщик заорал:

— Оставь! Оставь, говорю! Ящик два с полтиной стоит!

— Не бойся, уплачу,— с достоинством сказал Солнышкин.

И все повернулись к нему, а Васька добрался на ящике до берега, вскарабкался на причал и скрылся в дырке забора.

НЕОЖИДААННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

— Солнышкин! Явился? Великолепно! — сказал капитан Моряков и похлопал его по плечу.— Герой, настоящий матрос!

Все заговорили:

— Молодец!

Тут капитан сердито нахмурил брови и повернулся к артельщику, у которого кривые ноги сразу сделались колесом.

— А ваше поведение, ваше поведение мы ещё разберём. Не помочь утопающему, позор! — И хотя сам он презирал Ваську, но выполнение морских законов считал святым долгом.

— Явился,— злобно прошипел Стёпка Солнышкину и стал расталкивать толпу.

— Ну что ж, Солнышкин, сейчас мы тебя к кому-нибудь определим,— сказал Моряков.

— Ко мне! — звонко предложил маленький, с острым носиком радист Перчиков.— Конечно, ко мне!

Он вообще отличался гостеприимством, а новый матрос сразу же пришёлся ему по душе.

Солнышкин пошёл за Перчиковым в каюту.

Кабюта была чудесная: слева стояла двухэтажная койка, перед столом, вделанный в палубу, вращался великолепный стул, а за иллюминатором слышался плеск волн. Солнышкин был готов обнять Перчикова, но тот стеснялся подобных вещей. Он заторопился:

— Ну, теперь за работу! Грузить продукты.

И они вышли из каюты. Навстречу им уже мчались Петькин и Федькин с ящиками на плечах. А с палубы доносились крики артельщика. Он бегал и суетился.

Вечером пароход должен был отправиться на Камчатку, а сделать достаточные запасы артельщик вовремя не успел.

Подъёмный кран опустил на палубу груды ящиков. Солнышкин бросился к одному из них, но Степан широко расставил ноги:

— Этот не трожь.

Солнышкин бросился к другому. Но артельный только ухмыльнулся:

— Ишь, сарделек захотел? Половину слопаешь!

Солнышкин поставил ящик и собирался сказать, что, во-первых, лопают свиньи, а во-вторых, он не такой обжора, как Степан. Но за его спиной раздался громовой вскрик:

— Ба-тюш-ки! Опять сардельки! Да куда вы их? Лопнете — придётся хирурга вызывать! — И мимо, качая головой, прошёл капитан Моряков.

Следом за ним шли три штурмана. Моряков торопился в пароходство, больше он ничего не сказал, но артельщик сразу прикусил язык.

Солнышкин взмок. Вместе со всеми он носил ящики и муку, и теперь из его рубахи можно было печь пирог: мука на спине превратилась в тесто. Но он этого не замечал. Он бегал по трапам, таскал с Перчиковым в холодильник бараньи туши, пока на палубе вдруг снова не зашумела толпа.

Солнышкин отёр лицо, просунул голову в толпу. Сзади, положив ему руки на плечи, стоял Перчиков, и они слышали потрясающую новость: полчаса назад «скорая помощь» увезла из пароходства капитана Морякова. Произошёл ред-

чайший в медицине случай: у сорокалетнего капитана неожиданно обнаружилась младенческая болезнь — корь!

Перчиков хотел от удивления всплеснуть руками, но они прилипли к спине Солнышкина.

Команда заволновалась. Солнце уже стояло в зените, до вечера оставалось немного времени. Как быть без капитана?

Вдруг все повернулись к трапу. У Перчикова покраснел нос, а рыжий артельщик захихикал и потёр руки.

— Хе-хе! — сказал артельщик, и его толстые ноги стали выбивать твист. — Хе-хе, вот это капитан! Вот с ним мы заживём! И сарделечки он уплетает — будь здоров.

По трапу с чемоданчиком в одной и с клеткой в другой руке поднимался новый капитан. В клетке вертелся бесхвостый белый попугай, который показался Солнышкину очень знакомым. Что касается капитана, то тут не было никаких сомнений: сегодня утром Солнышкин так мило беседовал с ним в парикмахерской.

— Вот это повезло! — Артельщик бросился к капитану: — Счастливы приветствовать!

Но капитан прошёл мимо.

— Плавали — знаем! — сказал он.

Потом он выпучил глаза на Солнышкина, потёр небритую щёку и стал подниматься к себе в каюту.

ПЕРВАЯ КОМАНДА ПЛАВАЛИ-ЗНАЕМ

Боцман парохода «Даёшь!», седой, крепкий Бурун, последним подошёл к трапу. Уже за несколько шагов он стал присматриваться к следам, оставленным капитанскими сапогами. Он плавал со всеми капитанами и точно знал, кто как ставит ногу. Сейчас он увидел кривой и неровный след.

— Что? — испуганно спросил Бурун. — Плавали-Знаем?

— Да! — ответил Перчиков.

— Ну, всё! Начинается веселое плавание!

Имени нового капитана никто не знал. Весь флот звал его по кличке Плавали-Знаем. Кто бы ни обращался к нему с советом, что бы ему ни говорили, все слышали от него один небрежный ответ: «Плавали — знаем». Знаний у него было с гулькинос, но важности хватило бы на сто капитанов. И, говорят, капитаном он стал только из-за своей важности. Когда на экзаменах ему задавали какой-нибудь вопрос, он так важно отвечал: «Плавали — знаем», что старым профессорам становилось неловко спрашивать его и они в смущении ставили ему пятёрки.

Но боцман Бурун знал его лучше всех преподавателей, поэтому он и почесал себе затылок. Солнышкин тоже сощурил глаз. Такая перемена обещала ему мало хорошего, но он не привык унывать. Тем более что он был на палубе настоящего корабля и корабль уже готовился к отплытию.

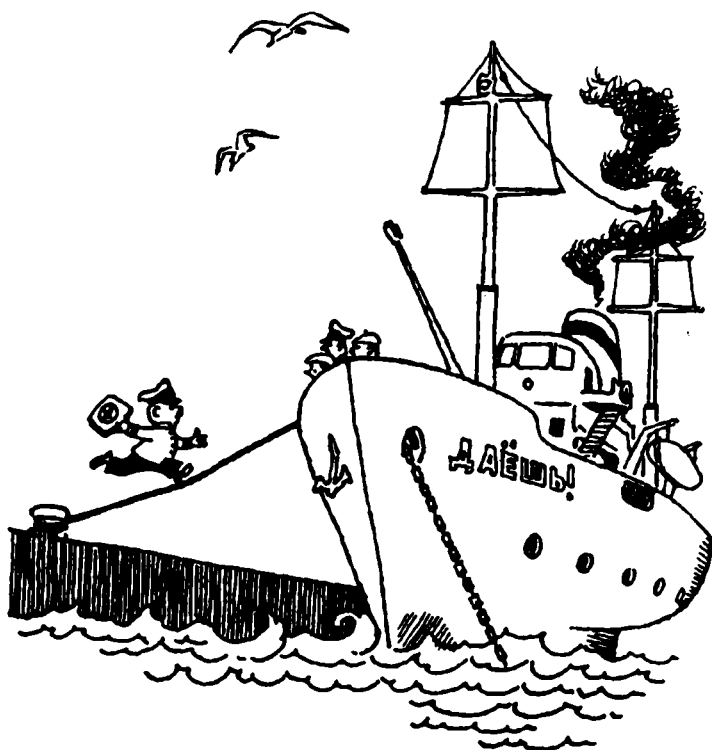
И едва он об этом подумал, в рубке появился Плавали-Знаем и крикнул в микрофон:

— Машинисты, заводи примус! Палуба, по местам!

Боцман бросился на бак. Солнышкин за ним, сзади побежали Петькин, Федькин и Стёпка-артельщик с куском сардельки во рту. Через несколько минут на палубе всё было как в бою: поползли цепи, загрохотали якоря. Бурун шумел на артельщика:

— Брось сардельку, держи трос!

Солнышкин изо всех сил тянул мокрый и толстый канат; от лебёдок шёл пар и дым, как от подбитых танков, и пароход потихоньку отваливал от причала. Оставалось убрать последний трос, когда на причале раздался спокойный голос:

— Стойте! Стойте!

Из-за пакгауза вышел доктор Челкашкин с чемоданчиком в руке.

— В чём дело? — спросил строго Челкашкин, так что все притихли, и посмотрел на часы. — До отхода ещё ровно две минуты.

Плавали-Знаем молчал.

— Я спрашиваю: почему убрали трап?! — сказал Челкашкин.

— Явились после меня и хотят, чтобы я ждал медицину! — закричал Плавали-Знаем.

— Во-первых, явился я вовремя! Во-вторых, я спасал человека, и, в-третьих, я не собираюсь бегать впереди вас стриженным бобиком!

— Что?! — спросил капитан, и щетина у него на подбородке стала вдвое длиннее.

— Трап,— показал Челкашкин пальцем.

Боцман побежал на помощь, но Плавали-Знаем крикнул:

— На место! Не смей!

— Ах, даже так! — возмутился доктор.— Ну ладно!

И вдруг он разбежался, вскочил на трос и быстро побежал по нему, помахивая чемоданчиком. На палубе не успели даже мигнуть, как он перелез через борт.

— Вот так,— сказал Челкашкин и улыбнулся.— А с ним,— он показал вверх,— мы ещё поговорим.— И тут же отправился к себе в лазарет.

В это время из-за угла, запыхавшись, выбежали три молодых красивых штурмана. Они отвезли Морякова в больницу и теперь отчаянно размахивали руками. Но пароход уже уходил из бухты.

РУКУ НА ДРУЖБУ, СОЛНЫШКИН!

Наступила ночь. На небе высыпали тысячи звёзд, и все отразились в воде. Пароходик бежал по ним, как петух по зерну.

Солнышкин стоял на самом носу парохода.

Сзади пароход догоняла луна, и Солнышкину казалось, что сам он — тугой, наполненный парус. Мешало только тесто, которое начало подсыхать на спине, и поэтому пришлось спуститься в душ.

Там уже приплясывали Петькин, Федькин, плюхался толстый Степан. Солнышкин еле пробился к душе, и тугие горячие струйки забарабанили по спине. Но через минуту ему стало со-

всем тесно. Он повернулся боком и увидел, что артельщик вроде бы увеличился в объёме. Он хотел повернуться поудобнее, но деться было некуда. От горячей воды артельщик разбухал, как сарделька.

— Ого! — сказал Солнышкин.

— Что? А ну-ка, вали отсюда! — прикрикнул артельщик, шлёпая себя ладонями по мокрому брюху.

Солнышкин поглядел на артельного исподлобья.

— Не слышал? — зашипел артельщик. — Да я тебя...

Но не успел договорить — в душевую вошёл боцман Бурун с берёзовым веником под мышкой.

— А-а, опять тут артельщик разоряется! — сказал он. — А ну-ка, хватит! Дай людям после работы помыться.

Артельщик поплёлся к двери. Солнышкин снова забрался под душ, и старый Бурун принялся хлестать его веником. Это было особенно приятно после длинной дороги и всех событий, которые свалились на голову Солнышкина.

Наконец всё утихло. Поблёскивая вымытым лбом, Солнышкин направился в каюту. На пороге его встретил Перчиков и протянул новенькую тельняшку:

— Держи!

Глаза у Солнышкина загорелись.

— Ух ты, вот это да!

— Бери, надевай, — сказал Перчиков и сам засиял от удовольствия.

Когда Солнышкин просунул голову в тельняшку и рассмотрел себя в зеркале, Перчиков вдруг озабоченно спросил:

— Слушай, Солнышкин, а почему Плавали-Знаем так сердито на тебя смотрел? И что у тебя случилось с артельщиком?

Солнышкин забрался на верхнюю койку, которую, понятно, Перчиков уступил ему, и рассказал всё по порядку. В каюте стоял приятный полумрак, за бортом бежали волны; Перчиков ремонтировал какой-то радиоприёмник, и от света ламп носик его тоже светился, как радиолампочка. С каких-то неизвестных берегов в каюту доносились попискивания азбуки Морзе, долетала тропическая музыка, и Перчиков посмеивался над приключениями Солнышкина. Но когда тот рассказал о случае с милицией, о встрече в парикмахерской и о последней стычке в душевой, Перчиков задумчиво сказал:

— Да, тебя могут ждать неприятности. Но ничего, мы тебя в беде не оставим.— И протянул вверх руку: — Руку на дружбу, Солнышкин!

И хотя Солнышкин сам не собирался давать себя в обиду, он с радостью пожал мужественную руку Перчикова.

ПЕРВЫЙ ПРИКАЗ БРАВОГО КАПИТАНА

Ночь прошла спокойно. И Солнышкин начал утро в самом боевом настроении. Под плеск волн он сделал на палубе зарядку, под крики чаек встретил солнце. Оно выкатилось из-за моря и полетело ему навстречу. Потом Солнышкин позавтракал куском хлеба с маслом, настоящим флотским чаем и теперь в раздевалке ждал команды боцмана.

— Федькин! Петькин! — крикнул Бурун, влезая в сапоги.— За мной! Солнышкин, за мной!

Но тут в коридоре раздались тяжёлые угрюмые шаги, и у раздевалки остановился Плавали-Знаем. Правая рука его была в кармане, а левая поглаживала густую щетину и ощупывала подбодок.

— Солнышкин, за мной! — процедил он сквозь зубы.

Все переглянулись. А Солнышкин помрачнел и с тяжёлым предчувствием зашагал сзади. Он медленно сжимал кулаки и готовился к бою. Он думал, что сейчас его ждёт какая-нибудь страшная работа. Ну ничего! Он себя покажет! Он докажет, что такое настоящий человек.

Плавали-Знаем остановился у своей каюты, снял грязные сапоги и, открыв дверь, сказал:

— Сначала надраить их, потом побрить меня! — И он злорадно посмотрел на Солнышкина. — А потом накормить моего индийского попугая. Ясно?

У Солнышкина на лбу воспламенились пятна.

— Я не чистильщик и не парикмахер. Я матрос!

Но из-за двери раздался важный голос:

— Плавали, Солнышкин, знаем. Настоящий матрос должен выполнять все распоряжения своего капитана.

Солнышкину ничего не оставалось делать. Он со злостью схватил сапоги и пошёл на палубу.

«Тоже нашёл себе слугу, — подумал он и швырнул сапоги, как кота, сожравшего на кухне сметану. — Я тебе начищу, я тебе покажу, какой я слуга!» И он пнул их ногой, как бешеного пса, который располосовал новые брюки. Потом он их начал драить так, что щетина разлеталась из щётки. «Вот так я тебя буду брить», — приговаривал Солнышкин. Но чем больше он злился, тем ярче сверкали сапоги. Настроение у Солнышкина стало исправляться, и мысли пошли веселей.

«Что бы такое ему подстроить? — подумал Солнышкин. — Как отомстить?»

Но ничего придумать ему не удалось, и он отнёс сапоги к капитанской каюте.

Но тут в дело вмешался артельщик Степан. Он отсиживался в каюте и курил папиросы

«Казбек», целую пачку которых купил в «Золотом ките». В тот самый момент, когда Солнышкин ставил сапоги, он выглянул из каюты.

— Хе-хе,— захихикал Степан.— Вот сейчас я ему подстрою. Сейчас Солнышкину нагорит! — И как только тот отошёл в сторону, он подкрался на цыпочках к капитанской каюте и опустил в сапог горящую папиросу.

— Ну что, долго я буду ждать? —раздалось в эту минуту за дверью. И через порог в носках шагнул Плавали-Знаем.

Он втиснул одну ногу в сапог, потом сунул вторую и тут же завертелся и заревел, как пароходная сирена: огонёк прилип к самой пятке. Полкоманды бросили работу и понеслись наверх, прыгая через ступеньки. Плавали-Знаем вертелся на одной ноге и выл: «У-у-у!» Наконец он сдёрнул сапог, и, увидев папиросу, заорал:

— Солнышкин! Где Солнышкин?

— А вот Солнышкин,— услужливо подскочил артельщик.

Солнышкин растолкал всех и протиснулся в середину.

— Это что же, вредительство? — сверкнул глазами Плавали-Знаем и протянул сапог.

— В чём дело? — спросил Солнышкин.

— А вот в чём.— И Плавали-Знаем вытряхнул из сапога окурок «Казбека».

— А я при чём? — спросил Солнышкин.

— При чём Солнышкин? — выступил вперёд Перчиков.

— Постойте, постойте! — сказал Бурун и взял папиросу.— «Казбек»! Да ведь их курит у нас один артельщик.

— Кто? — спросил Плавали-Знаем.

— Артельщик,— подтвердили все.

— А-а, так это ты? — зашипел Плавали-Знаем.

— Я нечаянно, я думал — это урна,— сказал артельщик, но сапог со всей силой шлёпнул его по самой макушке, как по мишени.

— Ну что, теперь побреемся? — деловито спросил Солнышкин.

— По местам! По местам! — заорал Плавали-Знаем и в одном сапоге заковылял на капитанский мостик.

Бриться ему уже не хотелось.

ПРЕСТУПНАЯ ХАЛАТНОСТЬ КОКА БОРЩИКА

Теперь Солнышкин мог заниматься настоящей матросской работой. Он закатал рукава тельняшки и вместе с боцманом драил палубу. Он так старательно натирал её шваброй, что даже выдавший виды Бурун удивлялся:

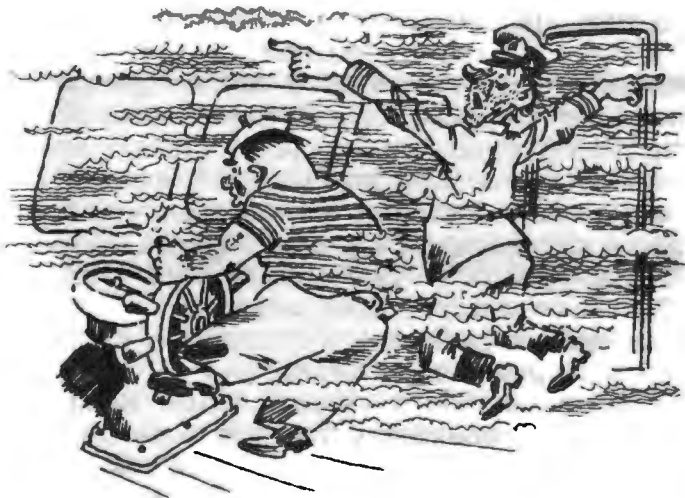
— Вот это да!

И он сразу же доверил Солнышкину поливать палубу водой из шланга. Шланг был новенький, вода из него била тугой прозрачной струёй, во все стороны разлетались сверкающие брызги, за бортом кричали чайки, и Солнышкин опять был такой радостный и счастливый, что ему захотелось послать фотокарточку бабушке. Он вымыл всю палубу, струёй сбил с бортов пыль и даже облил спасательные круги, так что они засветились как новенькие. Потом он вымыл две грузовые машины, которые стояли у трюмов и плыли на Камчатку.

Рабочий день подходил к концу, и Бурун, присев на трюм, удивился, что больше не случилось никаких происшествий.

— Странно,— сказал Бурун,— просто странно.

И в этот самый момент сверху, над капитанской рубкой, появился Перчиков с антенной и молотком в руках. Бурун насторожился. Именно

на том месте, на поручнях, у боцмана сушились самые лучшие тряпки и висело самое красивое пожарное ведро. Перчиков отодвинул их и, напевая, стал прикреплять антенну.

— Ты что это делаешь, Перчиков? — покраснел от волнения боцман. — Опять за своё?

Он уже несколько раз ссорился из-за этого места с радистом и сбивал антенну. Ему казалось, что нет места удобнее для ведра и тряпок.

— Ты зачем это снял тряпку и отодвинул ведро? — дрожа от волнения, спросил снова Бурун.

— Эти знаменитые тряпки могут занимать более скромное место, а антенна нужна людям, она должна быть как можно выше! — ответил Перчиков, продолжая приколачивать антенну.

— Мои тряпки, — сказал боцман, — мои тряпки на более скромном месте?

— Угу, — ответил Перчиков, потому что во рту он держал гвоздь.

— Тогда эти знаменитые тряпки будут сохнуть на твоей знаменитой антенне!

Боцман повернул голову и вдруг приоткрыл рот: пока они спорили, солнце спряталось, и перед пароходом стояла такая густая стена тумана, что его можно было сгребать, как снег, лопатой. На поручнях и иллюминаторах повисли капли, словно у парохода случился насморк. Всё притихло.

— Ну и туман! — удивился боцман. — Ну и туман! — И он пошёл к себе в каюту.

А Солнышкин забрался в грузовик и стал наблюдать за морем и за туманом.

Именно из-за этого тумана такой хороший день закончился неприятностью для кока Борщика — одного из лучших коков пароходства.

Как только судно вошло в туман, в рулевую рубку поднялся заспанный Плавали-Знаем. Он любил подремать в это время, но туман на него плохо подействовал: у него закололо в ушах и заложило нос.

— Что тут происходит? — спросил он, протирая глаза.

— Ничего, порядок! — буркнул Петькин, который стал на вахту к штурвалу.

И вдруг впереди, прямо перед носом парохода, раздался резкий автомобильный гудок.

— Лево руля! — заорал Плавали-Знаем и выглянул в окно.

Куски тумана цеплялись прямо за щетину. И конечно, ему не было видно ни грузовиков, которые он не разглядел с самого начала, ни Солнышкина, который нажимал изо всех сил на сигнал.

— Лево руля! — крикнул он.

Судно резко повернуло влево, но впереди снова раздался автомобильный гудок.

— Право руля! — застучал кулаком Плавали-Знаем.

Петькин изо всех сил рванул штурвальное колесо и чуть не полетел.

Гудки прекратились, потому что Солнышкин вылетел из машины.

— Ну и техника пошла! — переводя дух, выдавил из себя Плавали-Знаем. — Тоже мне изобретатели, придумали по морю разъезжать на автомобилях. Да ещё в такой туман!

Туман всё ещё сгущался и сгущался.

— И откуда это валит? — сказал Петькин.

— А сейчас узнаем! — хмуро пообещал Плавали-Знаем и вышел из рубки.

Он протопал по коридору, выбрался на корму. И тут ему показалось, что туман пахнет компотом! Он ощупью двинулся к камбузу. Запах стал сильнее. И было от чего. Кок Борщик, распахнув окно, изо всех сил выгонял наружу клубы пара, как из комнаты выгоняют мух. От резкого поворота парохода влево на плите подпрыгнула кастрюля с компотом и от шипящей плиты валил пар.

— Вот оно что... — процедил Плавали-Знаем и схватил кока за плечо. — Работаешь, значит?

— Работаю, — взмахнул полотенцем Борщик, и клуб пара вывалил на палубу.

— Добавляешь, значит, туману?

— Ага, добавляю, — улыбнулся краснощёкий Борщик. И снова взмахнул полотенцем.

— Значит, шутишь? Ну-ну! — хмуро сказал Плавали-Знаем и зашагал к себе.

Борщик озадаченно посмотрел ему вслед и закрыл окно.

В это время судно вышло из полосы тумана, и снова на горизонте засверкало солнце.

— Ничего себе шуточки! — сказал Плавали-Знаем. — Из-за них, из-за этих дураков, того и гляди, лишишься головы.

Через десять минут он пришлёпал на стенку приказ, у которого тотчас собралась вся команда.

«За непростительную халатность и глупые шутки во время работы, из-за которых в море образовался густой туман, коку Борщику объявить строгий выговор. Капитан парохода «Даёшь!»».

Вместо подписи стоял крючок, похожий на восклицательный знак. Все удивлённо пожимали плечами и расходились по каютам, обсуждая это событие. Кое-кто пробовал с Борщиком шутить, но заслуженный кок больше не отвечал ни на какие шутки.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ УКАЗАНИЯ БРАВОГО КАПИТАНА

Плавали-Знаем ходил взад и вперёд по рулевой рубке и всё ещё с досадой выглядывал в окно. «Даёшь!» полным ходом шёл на Камчатку при попутном ветре. Он гудел каждому встречному пароходу, и они тоже дружески приветствовали его гудками. На горизонте кувыркались дельфины. Но три вещи раздражали капитана: во-первых, нос парохода сидел в воде ниже, чем хотелось бы Плавали-Знаем, и от этого судно выглядело, по его мнению, не очень героически; во-вторых, на носу парохода торчал Солнышкин, который мешал Плавали-Знаем как муха на носу; и в-третьих, попутный ветер заносил в рубку дым, и от него у капитана слезились глаза и во рту было кисло, словно он проглотил муравья. Он вызвал к себе боцмана и сказал:

— У нашего парохода неважный вид.

Старый Бурун содержал судно в образцовом порядке. Он провалился бы от стыда, если бы кто-нибудь нашёл на палубе хоть одно пятнышко. Это заявление его поразило. Но Плавали-Знаем угрюмо объяснил:

— Дрянной вид, бодрости не хватает. И носом оно смотрит как-то вниз. Выпрямить его, перетасовать всё оборудование на корму!

Бурун хотел возразить, но капитан отмахнулся:

— Плавали — знаем!

И бывалый боцман объявил аврал. В пять минут вся команда была на ногах, словно её подняли в атаку, и тащила с носа на корму боцманское хозяйство. Солнышкин и Федькин тянули тросы. Кок Борщик, как свинью за хвост, тащил за верёвку бочку. Артельщик, громыхая сапогами, гудел: «Вот это работа!» — и одним глазом посматривал, долетают ли его слова до капитана. На палубе всё кипело, и только радист Перчиков сердито заявил боцману, что не собирается потакать ничьим дурацким выдумкам.

За каких-то полчаса корма превратилась в настоящую баррикаду и грузно осела в воду. Зато нос задрался вверх, как ствол пушки.

— Ну как? — крикнул боцман, повернувшись к рулевой рубке.

— Так, так! — подбодрил Плавали-Знаем. — Ещё немного, и будет полный порядок!

Ещё через полчаса Плавали-Знаем взмахнул рукой и произнёс:

— Теперь — что надо! Не пароход, а космическая ракета!

Он поправил фуражку и, выйдя на капитанский мостик, гордо расправил плечи. Правда, с встречных пароходов стали поступать запросы, не нужна ли ему помощь: ведь все знают, что когда судно слишком задирает нос, оно начинает тонуть. Но Плавали-Знаем не обращал на это никакого внимания. Единственное, что ему теперь мешало, — это дым, от которого пощипывало язык. Плавали-Знаем позвонил в машинное отделение, но машинисты ответили, что ничего не могут поделать. Тогда он сверкнул глазами и крикнул:

— Боцман, ко мне!

Бурун взлетел на мостик, утираясь рукавом куртки.

— Ликвидировать дым! — показал пальцем Плавали-Знаем на трубу.

— Как? — выкатил глаза старый боцман. Таких приказаний ему слышать не приходилось.

— Мешком. А лучше — брезентом, — поразмыслив, заметил капитан. — Солнышкина туда. И Федькина тоже, с брезентом. Пускай половят дым.

— Не положено! На ходу парохода не положено! — взмолился боцман.

— Плавали — знаем! На пользу обществу всё положено.

— Так они ведь изжарятся и прокопятся! — в отчаянии крикнул Бурун.

— На пользу обществу! — сказал Плавали-Знаем и кивком дал понять, что разговор окончен.

Боцман и Федькин ругались самыми страшными словами. Сочувствующие подавали советы, но Солнышкину эта затея понравилась. Он, Солнышкин, на настоящей паровой трубе! И он в нетерпении бегал вокруг неё.

— Здорово! Здорово, а?

Первым по лестнице поднялся Федькин в своих узких брючках и цветных сингапурских носках. Потом он подтянул подвеску, на которую уселся Солнышкин, и они повисли в небе по обе стороны трубы, держа в руках громадный брезент.

— Ну как? — крикнул снизу Бурун.

— Ничего, — ответил Солнышкин.

И тут же чуть не полетел с подвески. Ветер надул брезент, как парус, и рванул вверх. Солнышкин вцепился в него и едва не перелетел через трубу.

— Держи! — заскрежетал зубами Федькин.

Он болтался на другом конце брезента. При каждом порыве ветра они то подлетали вверх, то из всех сил шлёпались на подвески. Дым так валил на них, что через минуту, окосев и кашляя, Федькин спросил:

— Отдохнём?

— Попробуем, — сказал Солнышкин.

— Сейчас! — крикнул Федькин. — Посмотрю, много ли там копот!

Он сунул голову в трубу, но оттуда вывалили громадный клуб дыма и сажи. Следом из трубы с воплем вылетела совершенно чёрная голова Федькина.

— Не могу-у больше! — ревел ошалелый Федькин.

В этот момент брезент так наполнило клубом горячего воздуха, что он взлетел, как воздушный шар, и на нём повисли два настоящих трубочиста. Ещё минута — и их выбросило бы за борт, в море. Но брезент зацепился за мачту, а Федькин и Солнышкин с размаху стукнулись лбами.

— Ох! — сказал Федькин и стал съезжать вниз по мачте.

Солнышкин еще держался. Сверху открывался прекрасный вид, но видеть всё это Солнышкину не давала громадная шишка на лбу. Он слетел вниз, прямо на руки перепуганному Перчикову.

— Жив? — крикнул Перчиков, ощупывая друга.

Он схватил Солнышкина за руку, позвал Федькина и вместе с ними зашагал в рубку. Сзади ковылял боцман и гудела толпа.

— Пошли! — говорил Перчиков. — Хватит с нас всего этого!

Они распахнули дверь рубки, по которой всё ещё ходил Плавали-Знаем. Капитан остановился, посмотрел на них и вдруг выкатил глаза:

— Негры? Иностранцы? Откуда на судне иностранцы?

— Кхе-кхе! — возмущённо кашлянул Федькин, и из горла у него вылетел ком сажи.

— Ха-ха! — захохотал вдруг Плавали-Знаем. — Так это же мои матросы!

— Мы не ваши матросы, — сказал сердито Солнышкин.

— Мои, мои! — заявил Плавали-Знаем и радостно понюхал воздух. Ветер в это время переменялся, и дым отлетал в другую сторону. — Вы стали настоящими матросами, вы великолепно справились с заданием!

И Плавали-Знаем приказал Борщику выдать им по лишней порции компота. Но пить его у Солнышкина не было никакой охоты.

ХОТЯ БЫ ПОРЯДОЧНАЯ КАЧКА!

Целых два часа Солнышкин и Федькин оттирали друг друга мочалками. Потом Солнышкин принялся отстирывать свою тельняшку. Пять раз он без толку мылил её, пока в дело не вмешался Федькин.

— Настоящие моряки стирают чуть-чуть иначе! — сказал он. — Смотри. — Он намылил тельняшку в шестой раз, намылил свои носки и брюки, потом связал всё это тонкой верёвкой-выброской и спустил за борт.

— Что ты делаешь? — крикнул Солнышкин.

— Избавляю руки от лишнего труда!

Тельняшка и брюки запрыгали по волнам, а Солнышкин и Федькин уселись на канат. Солнце обжигало плечи. Федькин насвистывал мексиканскую песню. Солнышкин одним глазом косил на тельняшку, а другим успевал замечать всё, что встречалось на пути, и размышлял. Чаек он уже видел, медуз и камбалу тоже, дельфинов встре-

чал, пережил почти тропический ливень в доме старого Робинзона. Настоящему моряку не хватало настоящей качки. Волны и сейчас были спокойными, прозрачно-синими, и в глубине мелькали клочья морской травы.

«Не везёт», — подумал Солнышкин. Ему хотелось бури.

— Хотя бы маленькая качка, — мечтательно сказал он вслух.

Федькин молчал.

— Хочется посмотреть на настоящий шторм, — сказал Солнышкин.

— Не надо торопиться, — заметил Федькин и вдруг вскочил.

Выброска лопнула, его сингапурские носки и одна штанина скакали по волнам обратно к Океанску. А тельняшка Солнышкина размахивала руками.

— Тяни, тяни! — запрыгал Федькин и выдернул выброску с тельняшкой и остатками своих брюк.

Солнышкин испуганно бросился проверять рубаху, а Федькин взял двумя пальцами штанину и сказал:

— Везёт человеку. Подумать, что было бы сомной, если бы я сам сидел в этих брюках! — Он бросил штанину боцману на тряпки и направился в каюту.

ЛЕВО РУЛЯ, ПРАВО РУЛЯ!

В это время с мостика в свою каюту решил спуститься Плавали-Знаем. Он насладился видом поднятого корабельного носа, и теперь ему захотелось вздремнуть. За штурвалом, широко расставив ноги, стоял Петькин. Он обладал замечательным слухом и любое приказание начальства услышал бы на расстоянии сотни миль.

Плавали-Знаем вошел в каюту и, сняв китель, бисом пропел: «Лево руля, право руля!» Потом прямо в сапогах бухнулся на кровать, так как никогда не снимал их на всякий случай, и качнул рукой клетку с попугаем, которая висела на слуховой трубе. Попугай подпрыгнул, а Плавали-Знаем, подмигнув ему, повторил: «Лево руля, право руля, дурачок!» — и тут же захрапел.

Через несколько минут Петькин уловил донёсшуюся из слуховой трубы команду: «Лево руля!» и, оглянувшись, повернул руль влево. Но скоро оттуда же раздалась сердитая команда: «Право руля, дурак!» И он испуганно дёрнул руль вправо. «Лево руля!» И он снова повернулся влево. И опять, ещё громче и строже, прозвучало: «Право руля, дурак!»

Петькин втянул голову в плечи. Он не понимал, за что его ругают, но тем исправнее выполнял команду и дёргал штурвал то влево, то вправо. Судно качалось так, что из кают стали вылетать чашки и стаканы. Стулья заходили ходуном.

Солнышкин хотел выглянуть в иллюминатор, но врезался головой в аптечку.

Артельщик, который нёс сардельки для капитана, летал из конца в конец коридора и каждый раз стучался головой то об одну, то о другую стенку. Наверху, в рулевой рубке, Петькин крутился на штурвале, а в капитанской каюте, над головой Плавали-Знаем, качался попугай и при каждом новом толчке остервенело орал в трубу: «Лево руля, право руля!»

Наконец при очередном броске артельщик так врезался в дверь, что она распахнулась, и он, поддев головой клетку, шлёпнулся на Плавали-Знаем.

Попугай кончил свою песню, но качка продолжалась. Море разошлось не на шутку, и говорят, что именно в это время разыгрался короткий, но самый жестокий шторм за много лет.

СЛЕВА НАПРАВО!

С каждой минутой волны поднимались всё выше и наваливались на левый борт. Пароход накренился и ехал боком по воде. Мачты повисали над морем, как удочки.

Держась за переборки, боцман кое-как добрался до рубки и, оттащив Петькина, пытался развернуть пароход носом к волне. Он повис на штурвале, когда в рубку ввалился Плавали-Знаем. Едва держась на ногах, он спросонья взглянул на море.

— Боцман, команду наверх! Помпы на палубу!

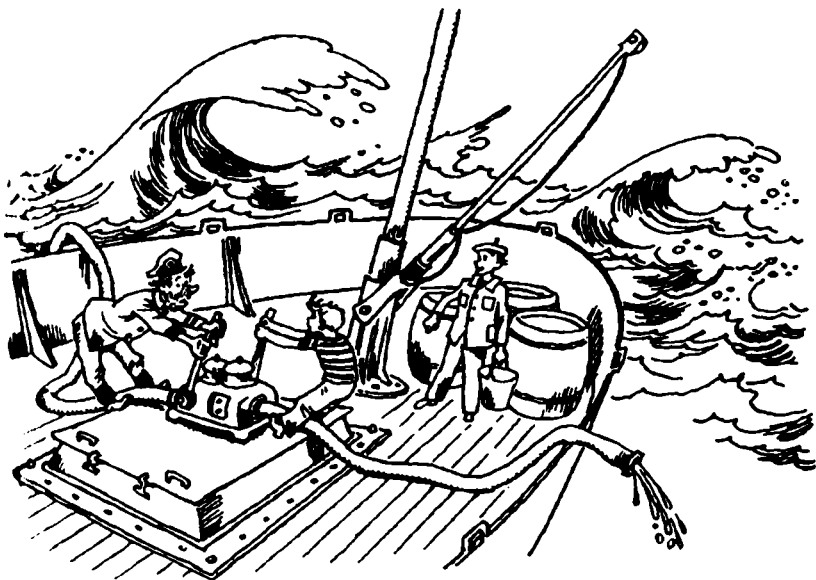
— Так пробойн нету! — крикнул боцман, стараясь перекрыть рёв воды.

— Вы что, не видите, — покачиваясь, сказал Плавали-Знаем, — что одна половина моря выше другой? Помпы на палубу! И мы его перекачаем! Слева направо! Слева направо!

И Плавали-Знаем с криком «Аврал!» бросился вниз по трапу. Следом мчалась палубная команда и машинисты. Солнышкин тоже выскочил из каюты и, падая, на четвереньках пустился за капитаном. Судну угрожала опасность! Начинался первый аврал в его жизни, и ему хотелось настоящей морской работы. Едва помпу вытащили на трюм, Солнышкин сразу же ухватился за рукоятку.

— Шланги в воду! — командовал Плавали-Знаем. Он подкатил рукава и стал напротив Солнышкина. — Начали, начали! — крикнул он, и вода загудела в шлангах. — Слева направо, слева направо!

Руки у Солнышкина ходили как заводные, а поясница сгибалась и разгибалась так быстро, что скоро в ней стало что-то похрустывать. Подумать ему было некогда. Со лба Плавали-Знаем катились громадные капли.

— Молодцы! — раздался голос Перчикова. — Молодцы, хорошо работаете! — В руках у него было ведро. — Может быть, ведром помочь?

Плавали-Знаем выпрямился, окинул море взглядом. В это время старый Бурун повернул судно, и волны громоздились с другой стороны.

— Кажется, переборщили! — сказал Плавали-Знаем. — Ну-ка, поменяемся местами. Справа налево!

Пальцы у Солнышкина уже не разжимались. Он опустил на колени, но продолжал работать так, что тельняшка трещала по швам. На руках лопнули мозоли.

Наконец Плавали-Знаем, посмотрев на море, сказал:

— Ну вот, теперь, мне кажется, порядок, ребята.

— Ну нет, что вы! — крикнул Перчиков. — Разве вы не видите, что с левой стороны на одно

ведро больше? — Он подошёл к борту и, зачерпнув воды слева, выплеснул её направо. — Вот теперь порядок! — сказал он.

— Порядок! — устало процедил Плавали-Знаем. — А ведь найдутся ещё такие, что скажут, будто впустую работали. Найдутся! Плавали—знаем!

КАЮТА ДЛЯ ИНДИЙСКОГО ПОПУГАЯ

Всю ночь судно бросало с волны на волну. За иллюминаторами грохотало, и по стёклам били брызги.

— Держись крепче! — кричал Перчиков и хотел привязать Солнышкина к койке.

Солнышкин упирался то ногами, то головой в переборку, и ему казалось, что внутри у него взад и вперёд перекатываются гружёные вагоны.

Но к утру шторм успокоился. И Солнышкин враскачку вышел на палубу. Море было зелёным и так пахло арбузами и свежими огурцами, что из него можно было делать салат. Волны были белыми, лохматыми и прыгали у борта, как пудели в цирке. Солнышкину хотелось по-свойски потрепать их по загривку. Он перегнулся через борт, но тут за спиной раздался голос Перчикова:

— Любуешься природой? А наверху баталия!

Солнышкин побежал за Перчиковым. В коридоре стоял гам. Полкоманды толпилось около каюты уборщицы Таи. Каюта находилась возле капитанской. Тая стояла с чемоданчиком и узелком и утирала глаза. В дверях топтался капитан с клеткой в руках. Перчиков возмущённо взмахнул руками:

— Из-за какого-то попугая переселять человека!

— Не из-за какого-то, а из-за ценного. Он куплен у факира в Индии! — с усмешкой возразил Плавали-Знаем.

— Не имеете права!

— Послушайте, Огурчиков, — Плавали-Знаем многозначительно поднял палец, — вы мне надоели...

— Во-первых, не Огурчиков, а Перчиков! — оскорбился Перчиков. — А во-вторых, мы будем жаловаться начальству!

— Начальство вас готово выслушать, — сказал Плавали-Знаем.

Он повесил клетку на вешалку, запер каюту и опустил ключ в карман.

И попугай опять показался Солнышкину очень знакомым.

Тая взяла чемоданчик и, всхлипывая, пошла к молоденькой буфетнице Марине, которая поддерживала её под руку. Толпа зашумела. Все были возмущены. И только артельщик сверкнул зубами:

— Будь я капитаном, я бы отхватил себе не одну каюту, а все четыре! — И кривыми ногами он начал выписывать твист.

— Прекрати! — крикнул Перчиков.

— А-а, Огурчиков, вам не нравится? — засмеялся артельщик.

— Вертится, как камбала на крючке! — обозлился Перчиков и сплюнул.

Боцман только посмотрел под ноги, но промолчал.

— А может, попугай и вправду особо ценный? — сказал он, вздохнув.

— Будь он трижды индийский... — начал Перчиков.

Но тут из-за двери на чисто русском языке раздался крик: «Загоню дурака! Доведёт до милиции!» Загоню дурака, доведёт до милиции!»

Все переглянулись, раскрыв от удивления рты. А Солнышкин вдруг щёлкнул себя по лбу:

— Вот оно что!

Он сразу же вспомнил шумную барахолку на сопке, старую спекулянтку и, конечно же, знаменитого попугая из Индии.

— Ну, всё! — сказал он и сжал кулаки.

— Что — всё? — озадаченно спросил Перчиков.

— Всё! — твёрдо ответил Солнышкин.

Что «всё», он ещё не решил и сам, но кулаки его были готовы к бою.

ПАРТИЗАНСКИЕ ДЕЙСТВИЯ НА ПАЛУБЕ ПАРОХОДА «ДАЁШЬ!»

Солнышкин сидел на палубе и суричил царпины. Он опускал кисть в большую банку с красным суриком и мазал палубу. Палуба становилась красной, как пожар. Руки и щёки у него тоже были красными. Ветер раздувал его чубчик и приклеивал волосы к щекам. Солнышкин отдиралих и ещё больше размазывал краску. Он всё не мог успокоиться: выжить человека из-за какого-то попугая...

Сперва он решил обляпать Плавали-Знаем с ног до головы суриком. Потом этот способ показался Солнышкину неподходящим. Он размашисто поставил кистью на палубе крест. Потом еще один, а за ним и третий, так как забраковал ещё два придуманных способа.

— О чём ты задумался? — забеспокоился подошедший Перчиков. — У тебя вся палуба в крестах!

— Задумаешься!

— А в чём дело?

— Дело в том, что я кое-что знаю. Помнишь, я рассказывал тебе про барахолку, про свои приключения?

— А как же! — с достоинством ответил Перчиков. Память ему никогда не изменяла...

— Так вот. Этого капитанского попугая я уже видел.

— Где?

— На барахолке! — И Солнышкин рассказал ему про встречу со знаменитым попугаем.

— Эй, братцы, о чём вы там шепчетесь? — раздался вдруг рядом бас. Это огромный машинист Мишкин только что кончил смазывать лебёдку и, присев рядом с Солнышкиным, поставил сбоку банку с жёлтым, как вазелин, солидолом.

Солнышкин ещё раз пересказал историю с капитанским попугаем.

— Ну, ты сам не очень-то воюй! — сказал Перчиков. — Мы его на общем собрании...

— На собрании! — хохотнул Мишкин. — Насолидолить бы ему и артельщику пятки, чтобы катились по шарiku до самого полюса, — вот и все собрание!

— Как ты сказал? — переспросил Солнышкин и насторожился.

— Насолидолить бы, говорю, пятки, — повторил Мишкин и пошёл искать папиросу, потому что никак не мог отвыкнуть от дурной привычки курить.

Следом за ним ушёл по своим делам Перчиков, а банка с золотистым солидолом осталась стоять рядом с Солнышкиным...

Когда Мишкин вернулся, выпускаая колёсики дыма, банки уже не было. Мишкин, недоумевая, потоптался около Солнышкина, пожал плечами и пошёл к лебёдке. Он оглядел лебёдку, посмотрел под скамью, но банки нигде не было.

— Вот ещё артистка! — усмехнулся Мишкин и побрёл в машинное отделение.

Солнышкин как ни в чём не бывало продолжал усердно суричить палубу. И никто, даже

Перчиков, не смог бы догадаться, что он никак не дожждётся наступления вечера.

Наконец солнце село, и наступила темнота.

Боцман с командой отправился в столовую, и оттуда тотчас раздался весёлый стук домино и крики: «Дупель два!», «Есть два — четыре!».

Перчиков пошёл на вахту в радиорубку.

Потом по трапу прогрохотали тяжёлые сапоги. Это Плавали-Знаем поднялся в рулевую.

И Солнышкин, оглядываясь, выбрался на палубу. Над головой висела луна и перемигивались звёзды, будто знали что-то весёлое. Солнышкин подошёл к грузовику, открыл дверцу и вытащил из кузова банку. Теперь начиналось самое опасное. Он снова заглянул в коридор. Там никого не было. Вверху тускло мерцали ночные лампы. Солнышкин быстро пошёл вперёд. Около каюты с попугаем он нагнулся и стал размазывать солидол по палубе. И тут невдалеке раздалось какое-то лопотанье и вкусно запахло. Это артельщик тащил Плавали-Знаем собственноручно сваренные сардельки.

«У, подхалим! — зло подумал Солнышкин. — Помешал!»

Едва он успел вбежать в свою каюту, как за углом раздался толстый шлепок, крик, будто квакнула жаба, и мимо Солнышкина пролетела пара горячих сарделек. Артельщик поскользнулся на солидоле и прокатился на спине. На шум из рубки выглянул Плавали-Знаем и удивлённо открыл рот, чтобы спросить у артельщика, что он делает. Но тут же одна капитанская нога скользнула вперёд, вторая промчалась впереди первой, задралась чуть не в потолок, и Плавали-Знаем шлёпнулся на палубу.

— Так вот что ты здесь делаешь! — прохрипел он, уставясь на артельщика и сжимая кулаки.

— Да я сам чуть не отбил печёнку! — возразил тот. — Это кто-то из машинистов наследил. Я нёс сардельки. Вкусные, очень вкусные. Вот, попробуйте! — Он с улыбкой подобрал валявшуюся у ног сардельку и протянул Плавали-Знаем. — Чудесная сарделечка!

— Что?!

— Вкусная! — И артельщик торопливо сунул сардельку себе в рот.

— Шагай отсюда!

— В один миг, в один миг! — залез безил артельщик и, улыбаясь, начал пятиться за угол.

Плавали-Знаем поковылял к каюте, где жили Тая и буфетчица.

— Откройте! — ударил он в дверь кулаком.

Дверь приоткрылась, и из неё, как из скворечника, выглянула Таина голова.

— Убрать! — показал Плавали-Знаем на перепачканный солидолом порог её бывшей каюты.

— Ночью? — удивилась Тая. — А почему?

— А потому, — пробурчал Плавали-Знаем, потирая место, на которое только что шлёпнулся. Один глаз у него спрятался в щёлку, будто прицелился, а второй готов был выстрелить, как пушечное ядро.

Тая, тяжело вздыхая, стала мыть палубу, а Плавали-Знаем протопал снова на мостик.

«Ну ладно, я тебе ещё не то покажу! — подумал Солнышкин. Всё это время он выглядывал из-за двери и еле сдерживал смех. — Я тебе покажу, как по ночам гонять людей!»

Как только Тая скрылась за углом, он снова бросился к каюте Плавали-Знаем и начал заново мазать палубу. Но вдруг нога у него самого поехала назад, и он встал на четвереньки. И тут взгляд его упал на руку: на запястье был старый бронзовый компас. Стрелка его, обычно точная, теперь бегала и качалась из стороны в сторону.

Будто хотела сказать: «Ай-яй-яй, молодой человек, как вам не стыдно!» Солнышкин удивился, привстал, и тут вправду раздался укоризненный голос:

— Ну и ну! Вот это партизан!

Он оглянулся. Сзади него стояла Тая.

— А я ничего, — сказал Солнышкин.

— А это что? — И Тая показала на руки, с которых медленно капал солидол. Она бросила тряпку и сказала: — А ну-ка, пойдём в каюту...

И смущённый Солнышкин отправился за ней.

В это самое время Мишкин вышел из машинного отделения. Он прошёлся по коридору и вдруг почувствовал, как о его ногу что-то трётся.

— Брысь! — сказал он, так как не мог терпеть бродячих котов и кошек, хотя на пароходе их не было и в помине.

При тусклом свете машинист разглядел пропавшую банку с солидолом. От вибрации она вздрагивала и медленно двигалась по палубе.

— Вот артистка! — воскликнул Мишкин и подхватил её.

НЕ НАДО МОЛЧАТЬ!

Солнышкин просунул в дверь голову. На койке сидела тоненькая буфетчица Марина и быстрыми спицами вязала цветную варежку. Солнышкин прибавил баску и спросил:

— Можно?

— Можно, — ответила Марина и кивнула круглой, как кокосовый орех, причёской.

Солнышкин прошёл за Таем в каюту. Руки он спрятал за спину.

— В чём дело, Солнышкин? — удивилась Марина и подняла большие зелёные глаза.

Солнышкин покраснел, не зная, что ответить.

— А это он мне помогал убирать,— усмехнулась Тая. Она протянула Солнышкину кусок мыла и открыла кран с горячей водой.

Солнышкин мыл руки, а Тая тихо вздыхала:

— Вояка ты, вояка! И зачем с ним связываться, шума не оберёшься! Лучше его не трогать!

— Лучше не трогать,— подтвердила Марина, словно всё поняла, и опять склонилась над клубком.

— Как это — не трогать?

— Так,— вздохнула Марина,— а то он ведь жизни не даст!

— Вот и не даст, если будете молчать! — воскликнул Солнышкин.

— Ну ладно,— вздохнула Тая.— Ладно... Надо пойти вымыть палубу.— И глаза её смотрели тихо и устало.

— Не надо,— сказал Солнышкин.— Спокойной ночи! — И он решительно шагнул за дверь.

Кругом была тишина. Спокойно светили лампы. Внизу по-паровозному ухала машина. Все спали. Только радист Перчиков не снимал наушников в радиорубке. Перчиков никому не говорил, что мечтает стать космонавтом и поплавать по марсианским морям, и каждый день после работы он сидел и вслушивался в доносившиеся сигналы спутников. И сейчас он слышал их быстрый писк. За иллюминатором в темноте горели звезды, вокруг простирался чёрный океан, и Перчиков чувствовал себя почти на борту космического корабля. А внизу, в коридоре, его друг Солнышкин крепко сжимал швабру и натирал палубу. Ему было немного грустно. И потому, что из-за него обидели Таю, и потому, что где-то грустит его бабушка. И он тёр палубу так, как будто помогал им обеим.

И странно: чем сильнее двигал он руками, тем точнее стрелка компаса показывала на север.

ЗВЁЗДНАЯ НОЧЬ

Боцман Бурун никак не мог уснуть. Когда он проигрывал несколько партий в домино, то с грустью думал, что через год ему уходить на пенсию. А что он будет делать на берегу, Бурун никак не мог представить. Тогда он потихоньку отправлялся в подшкиперскую и перебирал своё хозяйство. В борт гулко стучали волны, и он под этот приятный для него шум рассматривал каждую тряпушку и каждый гвоздик. Бурун любил свой пароход.

В этот раз боцман, войдя в подшкиперскую, взял в руки почти новенький пульверизатор для окраски стен, наполнил бачок красной краской и вздохнул:

— Хотя напоследок поработаю по-новому...

Он вытащил пару старых вёдер и стал их обрызгивать краской. Дверь была открыта, краска садилась на вёдра, а мелкая пыль при каждом толчке разлеталась с ветром по палубе.

В это самое время Солнышкин закончил уборку и собирался ложиться спать, но в коридоре столкнулся с Перчиковым.

— Солнышкин, Солнышкин! Ты только посмотри, какие сегодня звёзды!

Перчиков открыл дверь и потянул Солнышкина на палубу. От усталости у Солнышкина уже склеивались глаза, но морской ветер сразу взбудрил его. Небо было полно громадных звёзд — таких Солнышкин ещё и вправду никогда не видел, даже у себя в тайге. Большая Медведица, сверкая, садилась на самый нос парохода, созвездие Скорпиона угрожало ярко сверкающим голубым хвостом. И всё это отражалось в шумящем бесконечном море.

Солнышкин замер в восторге. А Перчиков не унимался:

— Смотри (через всё небо пролетал маленький розоватый спутник). Когда-нибудь мы с тобой тоже полетим на какую-нибудь планету, туда, в глубину космоса! — И Перчиков положил руку Солнышкину на плечо. Он в первый раз делился своей мечтой и ни капельки не стеснялся.

— Полетим! — сказал Солнышкин и добавил: — Если там будет море.— И вдруг Солнышкин грудью навалился на борт.— Смотри, смотри! — крикнул он и потянул Перчикова за руку.

Из морской глубины к самому носу парохода поднимались таинственные зелёные ракеты. За ними тянулось голубое пламя и мчались искры. Казалось, они сейчас поднимутся вверх и умчат к звёздам. Но они не отрывались от воды и уверенно парили впереди парохода.

— Это дельфины,— сказал Перчиков и мечтательно вздохнул: — Эх, Солнышкин, сколько интересного будет ещё на земле! Представляешь, человек договорится с дельфинами, человек войдёт в океан! Представляешь, мы с тобой плывём в глубине океана!

У Солнышкина по спине поползли мурашки.

— Как человек-амфибия? — спросил он.

— Человек-амфибия был одиночка, а нас двое,— сказал Перчиков и похлопал Солнышкина по плечу.— И понимал он только одного дельфина, а мы будем понимать всех. Во всех океанах.

Пароход шёл вперёд, поднимая нос к звёздам, взрезая волны. И Солнышкину казалось, что весь мир летит ему навстречу. В правую щёку ему бил ветер. Он повернул к нему лицо, и теперь прохладные брызги освежали и лоб, и губы, и нос.

И конечно же, ни Солнышкин, ни Перчиков не слышали, как боцман Бурун всё нажимал и нажимал на кнопку пульверизатора.

СНОВА КОРЬ!

Доктор Челкашкин заканчивал ночной обход. Он прислушивался к дыханию спящей команды и наконец дошёл до каюты Перчикова и Солнышкина. В каюте никого не было. Но тут отворилась дверь коридора, и Перчиков с Солнышкиным появились на пороге.

— Принимали воздушные ванны? — спросил Челкашкин. — Молодцы! Полезно!

И вдруг лицо его побледнело, нахмурилось; указательным пальцем доктор повернул голову Солнышкина налево, потом направо, внимательно посмотрел ему в глаза и воскликнул:

— Снова корь! Самая настоящая корь. Немедленно в изолятор!

Перчиков посмотрел на друга и грустно присвистнул: всё его лицо было покрыто мелкой красной сыпью.

— Да, угораздило! — вздохнул Перчиков. — Моряков, Солнышкин...

— Вы ещё стоите? — изумился Челкашкин. — Вы хотите, чтобы на всю команду распространилась эпидемия? — И он потащил Солнышкина в изолятор.

Солнышкин не успел опомниться, как за его спиной захлопнулась белая дверь с красным крестом.

Вокруг запахло лекарствами. Челкашкин включил свет и сказал:

— Вот койка, вот табуретка и всё остальное. До завтра спать. Иллюминатор не закрывать: свежий воздух полезен во всех случаях!

В это время раздался стук в дверь, и жалобным голосом Перчиков спросил:

— Доктор, а передачи приносить можно?

— Никаких передач! — энергично ответил Челкашкин, выходя ему навстречу, и захлопнул за собой дверь.

Солнышкин остался один. Он присел на жёсткую койку и опустил голову. Только что он с Перчиковым мечтал о море, о далёких планетах, только что перед ним летели дельфины... Он посмотрел в иллюминатор и вздохнул. Там, в нескольких метрах отсюда, их каюта, где, наверное, сейчас грустит Перчиков. Солнышкин представил попискивание приёмника, уютный свет лампы-чечек, и ему стало совсем горько. Вдруг ему показалось, что за иллюминатором кто-то царапает о переборку. И тотчас внизу раздался шёпот:

— Солнышкин!

Солнышкин вздохнул. Наверное, послышалось.

— Солнышкин! — раздалось снова. — Иди сюда!

Солнышкин мгновенно подскочил к иллюминатору и увидел Перчикова. Он стоял на поручнях над самым морем, в руках у него была подушка.

— Что ты делаешь? — ужаснулся Солнышкин.

Ведь один миг — и Перчиков полетит в воду! А Перчиков прошептал:

— Тихо... — И протянул подушку: — Держи, а то в лазарете твёрдая! Всё будет в порядке.

Перчиков спрыгнул на палубу и скрылся в темноте.

— Спасибо, Перчиков, спасибо! — крикнул Солнышкин. Он обхватил подушку руками и мгновенно уснул.

В это же время, лёжа в опустевшей каюте, Перчиков составлял план, по которому вся команда должна будет работать с Солнышкиным. Голова Перчикова подпрыгивала на жёстком матрасе, но это совершенно не мешало ему думать.

Завтра с утра он, Перчиков, передаст по радио концерт для Солнышкина. Федькин будет зани-

маться покраской трюма напротив изолятора, чтобы Солнышкин видел, как правильно владеть кистью. Бурун покажет ему вязку морских узлов.

А если можно ускорить лечение и понадобится переливание крови, то он, Перчиков, завтра же первым пойдёт на помощь другу.

Как только солнце тронуло Перчикова за кончик носа и за бортом закричали чайки, он выбежал на палубу. Там уже Челкашкин делал зарядку, похрустывая упругими мышцами, а боцман возился с пульверизатором. Челкашкин занёс руки над головой и собирался делать стойку, но внезапно замер и с ужасом посмотрел на Перчикова: правая щека радиста прямо на глазах у доктора покрывалась сыпью.

— В изолятор! — произнёс Челкашкин, вытянув вперёд руку, но тут же глаза его сделались ещё шире: его собственная рука покрылась сыпью.

Челкашкин повёл усиками, удивлённо огляделся, посмотрел на боцмана, на ярко выкрашенное ведро, на шипящий пульверизатор и вдруг, схватившись за голову, с отчаянным хохотом закричал:

— В изолятор! В изолятор!

И Перчиков, забыв про все свои планы, бросился за ним, перелетая сразу через пять ступенек. Они открыли дверь и остановились у порога изолятора. Солнышкин спал, все ещё нежно обнимая принесённую Перчиковым подушку.

— Момент,— сказал Челкашкин,— спокойно!

Он взял клочок ваты, сунул её в спирт и смахнул со щеки Солнышкина всю краску.

— Медицина! — улыбнулся Челкашкин.

— Медицина,— засмеялся Перчиков.

И только Солнышкин ничего ещё не знал о своём удивительном выздоровлении.

А ВСЁ-ТАКИ АРГЕНТИНА БЫЛА В АМЕРИКЕ

Утром Федькин встал за штурвал, а Петькин с Солнышкиным начали уборку в рулевой рубке. Петькин разливал по палубе мыльную воду, а Солнышкин следом насухо вытирал палубу. Сперва Федькин стоял молча, а потом незаметно для себя начал напевать известную морскую песню «Бананы ел, пил кофе на Мартинике».

В это время в рубку вошёл Плавали-Знаем. Федькин примолк. Но Плавали-Знаем, наоборот, поощрительно кивнул головой: «Ничего, ничего». Песня как раз подходила к его великолепному настроению. Он выпил только что три чашки кофе «Африка» и испытывал прилив бодрости. Пароход бежал вперёд по ярким волнам. Ветер овеивал мужественное капитанское лицо, и капитану захотелось поговорить о далёких плаваниях. Правда, дальше Камчатки он никогда не ходил, но о своих удивительных странствиях любил рассказывать. Он выглянул в окно, посмотрел вдаль и задумчиво произнёс:

— Когда после тяжёлого шторма мы подошли к Африке и стали на якорь у берега Аргентины...

Тут судно так тряхнуло, что Плавали-Знаем едва не вылетел в окно, а Солнышкин чуть не поехал по мыльной палубе. Это Федькин крутнул в сторону штурвал, потому что его передёрнуло от удивления. Ведь любой третьеклассник знает, что Аргентина находится в Америке!

Наверное, в другой раз Плавали-Знаем треснул бы кулаком по стенке и прогнал его от штурвала, но сейчас он только строго посмотрел на Федькина. Уж очень хотелось ему рассказать эту историю.

— Да, когда мы были в Африке и бросили якорь у Аргентины... — начал Плавали-Знаем снова.

— Но Аргентина находится в Америке,— сердито заметил Солнышкин, выкручивая тряпку. От толчка вода разлилась, и ему прибавилось работы.

Плавали-Знаем насмешливо взглянул на него:

— Где-где?

— В Америке,— твёрдо ответил Солнышкин.

— Петькин, скажите этому знатоку, где находится Аргентина.

Петькин засопел. Ему совсем не хотелось спорить с начальством. Он уже собирался сказать: «Если вы её видели в Африке, то, значит, в Африке», но его опередил Федькин.

— Конечно, в Америке,— сказал он.

— Тоже мне грамотеи, географы! В школе учились! — закачал головой Плавали-Знаем.— Я никогда ничему не... — Он хотел сказать что-то ещё, но вдруг спохватился, мигнул и подошёл к Федькину: — А это что, во-первых, за разговоры на вахте? Вы что, забыли? А во-вторых, когда я плавал, Аргентина была в Африке! Ясно?

Федькин только усмехнулся и постучал ногой об пол. Но Солнышкин стерпеть этого не мог.

Он выпрямился и, выкручивая тряпку, спокойно произнёс:

— А всё-таки Аргентина была в Америке! Всегда была в Америке. Это знает любой школьник.

— Ну хорошо,— многозначительно сказал Плавали-Знаем и потряс перед ним пальцем.— Ну хорошо, вы ещё вспомните, где была Аргентина, когда останетесь в первом порту! У вас там будет много времени для воспоминаний. В первом порту!

Разозлившись, он так схватился за подбородок, что уколол пальцы собственной щетиной.

Солнышкин вытирал палубу и думал: «Ничего, хуже, чем с ним, не будет».

Петькин сердито сопел, а Федькин усмехался и про себя всё напевал старую морскую песню.

— В первом порту, в первом порту... — пробубнил ещё раз Плавали-Знаем и сбежал по трапу.

Может быть, так всё и случилось бы, если бы в скором времени на пароходе «Даёшь!» не произошли куда более важные события.

НЕВЕРОЯТНОЕ СОБЫТИЕ В ТИХОМ ОКЕАНЕ

В последнее время с боцманом Буруном случилась удивительная перемена. При встречах с Перчиковым он улыбался, вежливо пожимал ему руку, будто сто лет не виделся, и радист был доволен: наконец наступил мир. Но он не замечал, как ухмыляется чему-то боцман за его спиной.

Как-то вечером Перчиков вышел понаблюдать за звёздами и помечтать о межпланетном путешествии. Он уселся на шлюпку и стал смотреть в тёмную высоту. Одни звёзды сверкали так близко, что их хотелось положить на ладонь, как снежок; другие мерцали так далеко, что при взгляде на них начинало тоскливо ныть сердце. Звёзд было множество. Они горели над трубой, мачтами...

И вдруг Перчиков увидел, что несколько звёзд пропали. Он вскочил. Звёзды появились опять. Он хотел было сесть, но звёзды снова пропали.

«Что за чушь? — подумал Перчиков. — Видимо, их заслоняет какой-то предмет». И тут он вспомнил, что как раз в этом направлении находится его антенна. Перчиков вспомнил угрозы боцмана, его улыбку и в волнении бросился по трапу вверх. На его любимой антенне висели боцманские тряпки и развевалась штанина от федькинских брюк!

Такого подвоха, такой подлой насмешки Перчиков не ожидал. От ярости кончик носа у него едва не засветился.

«Вот что значит доверять лстивым улыбкам! Вот что значит потерять бдительность», — думал Перчиков. Он собрался уже сорвать штанину, но тут ему в голову пришла такая мысль, что он подпрыгнул от удовольствия, засмеялся и бросился к себе в каюту.

«Вот так Перчиков! Вот это Перчиков! — нахваливал он сам себя. — Ну, держись, Бурун, я проучу тебя, боцман!»

Перчиков открыл ящик стола и стал лихорадочно перебирать мотки магнитофонных плёнок.

— Что ты ищешь? — спросил с верхней полки Солнышкин.

— Эх, Солнышкин, ну и дело мы с тобой проделаем сегодня! Вот так дело! — засмеялся Перчиков, продолжая выкладывать на стол множество разных мотков.

На них были десятки голосов и весёлых разговоров, которые Перчиков ухитрялся потихоньку записывать для собственного удовольствия. Стоило плёнкам завертеться, и с них в любую минуту мог захохотать знакомый матрос, крикнуть начальник, запищать штурманский сынишка.

Наконец Перчиков вытащил какую-то плёнку и шлёпнул ею об стол.

— Вот она! Ну, теперь держись, Бурун!

Старый боцман спал за перегородкой и ничего не подозревал. Он видел уже десятый сон и выпускал тоненькие струйки храпа. Ему снились якоря, спасательные круги, штанина, которая болталась на антенне, и над всем этим кружились чайки.

Вдруг чайки разлетелись. Боцман вскочил и схватился за голову. Где-то рядом раздался знакомый крик:

«Ну-ка, где этот старый хрыч? Опять утащил у меня юбку на свои тряпки? Открывай каюту!»

И в дверь постучали. Боцман побледнел. Он узнал бы этот стук из десяти тысяч стуков. Но никак не мог сообразить, откуда в Тихом океане, посреди Охотского моря, объявилась его старуха. Бурун нащупал ногами тапочки и побежал к двери. Сперва он приоткрыл её только немного и поглядел в щёлку одним глазом. Потом открыл дверь пошире и высунул голову. Старухи не было!

— Фу-ты! — сказал боцман. — Вот так при-
снилось!

Он вытер пот и снова забрался на койку.

Но едва он задремал, как снова услышал самый настоящий стук и самый настоящий старухин голос закричал:

«Что, прячешься? Ну погоди, я до тебя доберусь!»

Сонный Бурун выскочил босиком в коридор, промчался из конца в конец. И вдруг остановился возле каюты Перчикова. Голос доносился оттуда. Боцман изо всей силы распахнул дверь и влетел в каюту. На койках давились от смеха Солнышкин и Перчиков. А на полу с магнитофонного диска продолжали слетать грозные старухины крики.

Растерянный Бурун замигал глазами, надулся. Но потом почесал за ухом и зевнул:

— Ладно, в расчёте!

Спать ему уже не хотелось. Он даже сам стал посмеиваться над собой и над своей старухой. Но тут Солнышкин вскочил с койки с горящими глазами и шёпотом выпалил:

— Слушайте, слушайте! А голос начальника пароходства есть?

— А как же! — сказал Перчиков. — Да ещё какой!

— Что я придумал! — произнёс Солнышкин.

Он прикрыл дверь и стал говорить что-то такое, отчего Бурун и Перчиков громко приснули, приговаривая:

— Вот это да! Вот это здорово! Выдающаяся мысль!

СТРАШНЫЕ ВОЛНЕНИЯ ПЛАВАЛИ-ЗНАЕМ

В кают-компании парохода «Даёшь!» шёл обед. Было солнечно и свежо. Все иллюминаторы были распахнуты, и за ними сверкали вершины Курильских островов. Ножи и вилки на белой скатерти горели от солнца ярче всяких драгоценностей. Из тарелок поднимался пар. За столом слышалось весёлое похрустывание. У всех был замечательный аппетит. Марина едва успевала подавать добавку.

Плавали-Знаем с хрустом всадил длинные зубы в сардельку.

— Пятую ест, пятую! — раздался за дверью восторженный шёпот. Это Стёпка-артельщик, потирая руки, чуть не лопался от счастья: наконец-то ему удалось угодить начальнику!

Все сделали вид, что ничего не расслышали, и продолжали работать вилками. Напротив Плавали-Знаем сидел доктор Челкашкин и ловко резал сардельку, словно делал операцию. Он нарезал её на мелкие кусочки, по одному отправлял их в рот и тщательно пережёвывал.

— Аппетит у доктора как у комара! — сострил Плавали-Знаем.

— Чрезмерное увлечение едой нередко приводит к смертельному исходу, — ответил Челкашкин и отправил в рот кусок сардельки.

— Зато кое у кого небывалый аппетит на всё: на сардельки и на каюты, — сказал Перчиков.

Он уже доел свою порцию. Плавали-Знаем промолчал.

— А до начальства эта история с каютой обязательно дойдёт,— снова затеял разговор Перчиков.

— Чихали мы на начальство! — не вытерпел Плавали-Знаем.— Слышали! Чихали!..

Но тут в коридоре послышался странный окрик. Все переглянулись, а Плавали-Знаем вскочил и быстро одёрнул мундир. Где-то возмущался начальник пароходства.

«До каких пор будет этот беспорядок? — кричал он за стенкой.— Опять эти бочки на палубе?»

Но через секунду всё пропало, будто ничего и не было. Плавали-Знаем осторожно оглянулся, потом, усмехаясь, посмотрел на Челкашкина и сказал:

— Разыгрываете? Опять ваши фокусы, доктор?

— Чрезовещанием не занимаюсь,— ответил Челкашкин и вытер губы салфеткой.

В это время на палубе начался такой шум, что и у Челкашкина лицо стало насторожённым.

«Опять грязь, опять эти бочки! — кричал начальник пароходства.— Немедленно вызвать капитана! И нечего меня уговаривать».

Плавали-Знаем побледнел, вытянулся и шагнул в коридор. Начальника не было. «Прячут»,— подумал Плавали-Знаем. Он осторожно поднялся в рубку, обошёл все помещения, но начальника не обнаружил.

«А может быть, всё это померещилось? — подумал Плавали-Знаем и усмехнулся.— А может...»

Но тут он вспомнил громовые слова начальника, и сомнения снова навалились на него:

«А вдруг всё это на самом деле? Вдруг... — Неожиданная страшная мысль поразила его.—

Может быть, это специально подстроено? Морякова вместо больницы — домой. Меня — сюда. А передо мной — незаметно — начальник пароходства для инспекции?»

Он заметался по коридору, но тут же взял себя в руки.

«Плавали! — подумал он. — Выкрутимся!»

И громко, так, чтобы все слышали, крикнул:

— Боцман, боцман!

Бурун словно вынырнул из-под ног. И тут же услышал громовой приказ:

— Бочки немедленно за борт!

Боцман крикнул:

— Солнышкин, за мной!

И они отправились выполнять приказ.

АРТЕЛЬЩИК ОТПРАВЛЯЕТСЯ В КОСМОС

Нужно сказать, что голос начальника пароходства Перчиков записал совсем на другом судне. Но так совпало, что и на пароходе «Даёшь!» стояли три никому не нужные бочки. Их оставили по особой просьбе артельщика, который уверял капитана, что они ему очень нужны. Так вот, самую большую ушлый артельщик приловчился использовать по своему усмотрению. После обеда, когда всё шли снова работать, он с весёлой улыбкой направлялся к бочке, приговаривая:

— Итак, отправляемся в ракету! Продолжаем наш космический рейс!

Он влезал в бочку, накрывался крышкой, и через минуту оттуда раздавалось еле уловимое посапывание. Все понимали, что артельщик трудится в каком-то уютном уголке, но про бочку никто не догадывался.

Когда Солнышкин и Бурун подошли к бочкам, артельщик уже занял своё излюбленное место.

— Ну-ка, взяли! — сказал Бурун и швырнул за борт первую бочку.

Она закувыркалась в воде.

— Есть! — крикнул Солнышкин. — Пошла! — И, подняв над собой, перекатил через борт вторую, от которой пахнуло вонючей селёдкой.

— Ну, последнюю! — крикнул Бурун. (Бочка не поддавалась.) — Ишь, отсырела!

— Может, там что-нибудь внутри? — спросил Солнышкин.

Но тут из рубки раздался крик Плавали-Знаем:

— Побейте, побейте!

— Пустая, — сказал Бурун. — Взяли!

— На старт! — крикнул Солнышкин.

И, пытаясь, они перевалили бочку за борт.

В это время артельщику приснилось, что его сажают в настоящую ракету и она с гулом поднимается в космос.

«Я не хочу в космос! — хотел крикнуть он. — Я не космонавт! Вы перепутали, пустите!»

Но Солнышкин сказал:

— Старт! — И ракета взлетела.

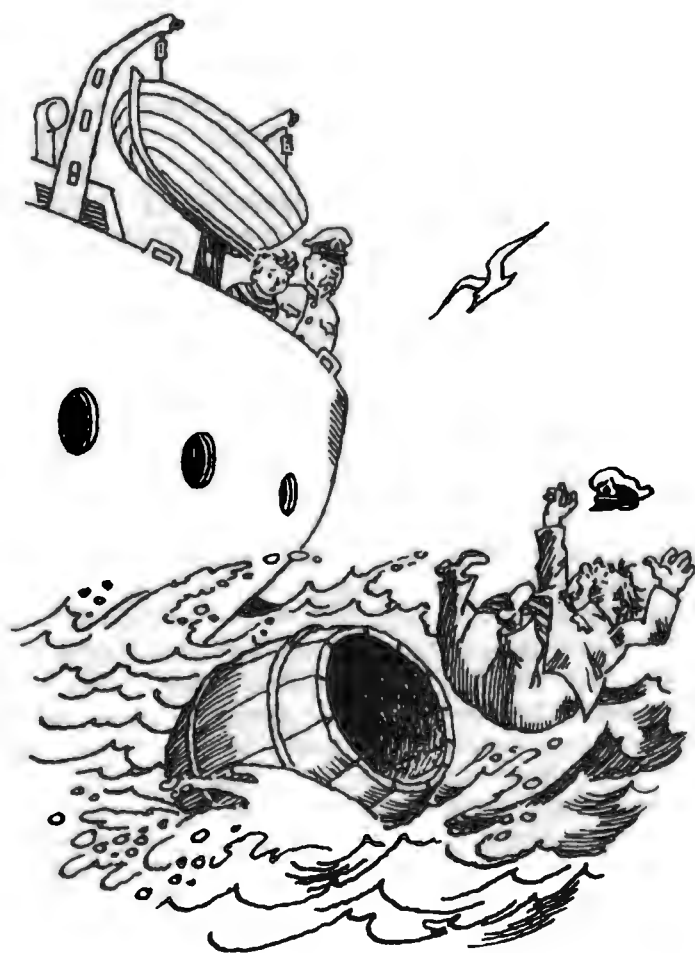
И едва бочка плюхнулась в воду, все увидели, как из неё, растопырив руки, с криком: «Я не космонавт!» — вылетел ошалелый Стёпка-артельщик.

— Человек за бортом, человек за бортом! — закричал перепуганный Бурун.

А Солнышкин от неожиданности чуть сам не прыгнул за ним, но спохватился и с размаху швырнул вниз спасательный круг.

— Стойте! — вопил артельщик. — Спасите! — И хватался за круг, но круг переворачивался и шлёпал его по толстой спине.

Судно остановилось, Петькин вывалил за борт штормтрап, и мокрый Степан взобрался наверх. От испуга он дрожал, как толстый щенок, но

мысли его, как злые собаки, уже кусали всех на свете, и больше всего Солнышкина.

«Я тебе запомню “старт”!»! — думал он.

А на капитанском мостике стоял Плавали-Знаем и, сощутив глаз, думал:

«Позор! При начальнике пароходства! У кого же он прячется? Кто тут мой самый злой враг?»

НОВОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ НА ПАРОХОДЕ «ДАЁШЬ!»

Плавали-Знаем сразу как-то похудел, щетина торчала, как иголки из сердитого ежа. Уши оттопыривались и вздрагивали при каждом звуке. Он мрачно бродил по коридору, заглядывал в каюты и каждого встречного прогонял с дороги движением указательного пальца. На судне стояла тяжёлая тишина.

«Где же он сидит?» — размышлял Плавали-Знаем и водил глазами по дверям кают.

— Хе-хе, хе-хе! — подкатился к нему, усмехаясь, обсохший артельщик.

— Что «хе-хе»? — зло передразнил его Плавали-Знаем. — Только пузыри умеешь пускать и дрыхнуть в бочке! — И он хотел махнуть в сторону указательным пальцем.

— Хе-хе! — расплылся опять артельщик. — Подойдите-ка, пожалуйста, к той двери и послушайте! — Он мигнул правым глазом и кивнул на каюту Перчикова.

— А что там?

— Посмотрите, посмотрите! — закивал Стёпка, и во рту у него вспыхнули три огонька.

Плавали-Знаем подошёл к каюте, приложил ухо к двери и вдруг вытянулся, как солдат на смотр. За дверью что-то тихо говорил начальник пароходства.

Лоб у Плавали-Знаем мгновенно взмок. Он хотел тут же распахнуть дверь. Но вдруг остановился и прислушался. Голос, как назло, стал ещё тише. Плавали-Знаем ничего не смог разобрать.

«Ладно, подождём,— решил он.— Подождём и... нечаянно встретимся в коридоре».

И он беззаботно стал прогуливаться взад-вперёд, ступая как можно мягче и поглядывая на потолок. Но из каюты никто не показывался. «Ничего! — сдерживал себя капитан.— Не будут же они сидеть вечность!» Но прошёл час, а начальник и не собирался выходить.

«Ждёт, ждёт, чтобы я сам пришёл! — тяжело дыша, рассуждал Плавали-Знаем.— Ну ладно...»

Он старательно одёрнул китель и, постучав, приоткрыл дверь:

— Прошу прощения, разрешите?

В каюте был один Перчиков, а на столе всю тараторил маленький магнитофон.

Плавали-Знаем не поверил своим глазам.

Он с опаской огляделся, потом подошёл к столу и нагнулся над магнитофоном. Тот добросовестно продолжал повторять речь начальника пароходства на одном из торжественных собраний.

— Так! — прохрипел Плавали-Знаем.— Издеваться задумали? — Он одним движением сгрёб плёнки и подхватил магнитофон.

— Не имеете права! — подскочил Перчиков.

— Права? — повторил Плавали-Знаем и прищурил глаз.— Я вам покажу право! Я вам его покажу!

И он вышел из каюты. Сапоги его загрохотали, как танки, прорвавшие оборону противника.

Вся команда высунулась из кают и смотрела ему вслед.

Плавали-Знаем грозно поднялся по трапу на капитанский мостик. Сзади него переваливался сияющий артельщик.

Слева над горизонтом поднимались Курильские острова. По всему морю бежали белые барашки. Судно подбиралось к самым глубоким местам Тихого океана.

— Утопить! — приказал Плавали-Знаем и с ненавистью вывалил в руки артельщику кипу плёнок и магнитофон.

— Сейчас? — спросил артельщик.

— Какая глубина? — крикнул в рубку Плавали-Знаем.

— Восемь тысяч метров! — раздалось оттуда.

— Мало! — рывкнул Плавали-Знаем и хищно прошёлся по палубе.

— Глубина? — спросил он снова через несколько минут.

— Девять тысяч метров!

— Мало!

И он прошёлся ещё раз в сладком ожидании экзекуции.

— А теперь? — крикнул он в третий раз.

— Десять тысяч метров!

— Бросай! — приказал Плавали-Знаем и выпятил грудь.

Артельщик размахнулся. Плёнки с жалобным свистом одна за другой полетели за борт. И следом за ними, кувыркаясь, нырнул в глубину магнитофон. Только хлюпнула вода и по волнам побежали круги.

— Всё! — доложил артельщик.

— Ну нет, это ещё не всё! — зловеще произнёс Плавали-Знаем и прищурил правый глаз.

И действительно, это было ещё не главное. Главное произошло ночью.

В полночь Солнышкин проснулся от холода. Он встал, чтобы закрыть иллюминатор и вдруг увидел, что дверь каюты распахнута, постель Перчикова разбросана, а его самого нет.

Солнышкин выскочил в коридор. В коридоре тоже никого не было. Он прошёл вперёд и увидел, как артельщик приклеивает на доску приказов бумажку, на которой что-то нацарапано. Солнышкин пригляделся и с ужасом прочитал:

«За насмешки и издевательства над вышестоящими руководителями и непочтительное отношение к ним высадить на необитаемом острове радиста Перчикова. Приказ приведён в исполнение».

Артельщик прошёл мимо Солнышкина, хихикая и потирая руки.

— Теперь можно и поспать! — сказал он и ввалился в свою каюту.

Солнышкин вдруг почувствовал, что чубчик у него поднимается дыбом. Он вспомнил, что во сне ему казалось, будто пароход останавливался и будто в коридоре шла какая-то возня. Теперь он всё понял. Он бросился на палубу и выбежал на корму. Из темноты стал хлестать по лицу холодный дождь. Но и сквозь него было видно, что судно, набирая ход, удаляется от скалистого острова.

— Пер-чи-ков! — закричал Солнышкин в темноту. — Пер-чи-ков!

И ему показалось, что откуда-то издалека, со стороны острова, в ответ раздалось что-то похожее на «...ол-ныш-кин!». Но ударил гром, с порывом ветра сильнее хлестнул дождь, и всё пропало во мраке.

ЗАГОВОР

Но нужно рассказать всё по порядку.

Расправясь с плёнкой и магнитофоном, Плавали-Знаем с артельщиком спустились в каюту и закрылись на ключ.

— Вот так! — сказал Плавали-Знаем и пошёл к клетке со знаменитым попугаем. — А самого Перчикова мы высадим! — продолжал он и повернулся к артельщику.

— Куда? — вытаращил артельщик глаза.

— А самого Перчикова на необитаемый остров, — протяжно сказал Плавали-Знаем и посмотрел артельщику в глаза.

— На необитаемый остров! Перчикова на необитаемый остров! — крикнул знаменитый попугай.

— Ха-ха, здорово! — восхитился артельщик. — И без еды!

— Ну нет, мы не варвары! — великодушно произнёс Плавали-Знаем. — Мы дадим ему воду, продукты.

— Какие? — тревожно спросил артельщик.

— Ну, хлеб, полсотни сарделек.

— Хлеб! Полсотни сарделек! — прокричал попугай.

— Ого! Полсотни!

— Ну, два десятка, — согласился Плавали-Знаем.

— Десяток! — сказал артельщик и стукнул кулаком по столу.

— Два десятка бутылок минеральной воды «Ласточка».

— Два десятка минеральной воды «Ласточка», — повторил попугай.

— Не выйдет! — сказал Стёпка.

— Ладно, десять, — согласился Плавали-Знаем.

— Пять! — сказал твёрдо Стёпка. — И полбуханки хлеба.

Теперь оставалось только найти необитаемый остров. Плавали-Знаем открыл иллюминатор и стал смотреть в бинокль. Там один за другим темнели острова. Над ними ползли большие чёрные тучи и погромыхивал гром.

— Вон островок! — Стёпка показал на маленькое пятнышко.

Плавали-Знаем навёл бинокль:

— Не годится, там стоит дом.

— Или вот этот, — показал артельщик правей.

— Не пойдёт, рядом с ним стоят лодки.

И вдруг бинокль замер на одной точке.

Перед ними поднимался каменистый остров. На верхушке его темнел лес, из которого можно было построить хижину. На берегу не было ни души.

— Вот это то, что надо! — сказал Плавали-Знаем.

Он поднялся в рубку и скомандовал:

— Лево руля!

У штурвала снова стоял Петькин. На этот раз и он открыл рот.

— Там скалы, — сказал он и замигал глазами.

— Плавали — знаем! — ответил капитан. Он посмотрел на карту и приказал: — К острову Камбалы!

Он спустился закрыть каюту и, поворачивая ключ, снова сказал:

— К острову Камбалы.

— К острову Камбалы, к острову Камбалы! — крикнул за дверью попугай и захлопал крыльями.

Стёпка-артельщик, выбрав десяток самых мелких сарделек, швырнул в шлюпку провиант, поставил пять бутылок «Ласточки» и поднялся в рубку.

Остров уже приблизился. Наступила ночь, все спали.

— Пора, — сказал Плавали-Знаем.

Он встал за штурвал и приказал Петькину без шума помогать во всём артельщику. Тихо ступая, они спустились по трапу в коридор.

В это время открылась дверь каюты Перчикова. Он шёл к себе в рубку. И тут артельщик обхватил его одной рукой, а другой — пухлой, как подушка, — зажал рот.

— Хватай за ноги, — шепнул он Петькину.

Петькин был поражён, но послушаться начальства не смел. Он крепко схватил Перчикова за ноги и вместе с артельщиком потащил его к шлюпке. Радиста вынесли в темноту, толкнули в подвешенную шлюпку. Артельщик нажал на кнопку спуска, и шлюпка быстро скрылась в темноте.

— Отваливаем, — сказал Плавали-Знаем и повернул штурвал вправо на рокот океана.

МЫ СПАСЁМ ТЕБЯ, ПЕРЧИКОВ!

Солнышкин в отчаянии кусал губы. И всё из-за его выдумки, всё из-за него, Солнышкина! Он случайно взглянул на компас, который не снимал

с руки и удивился: стрелка указывала точно на север! Солнышкин приободрился.

«Надо действовать,— решил он.— Надо воевать!» — И бросился наверх, в рубку.

В рубке было темно. Плавали-Знаем, расставив ноги и заложив руки за спину, смотрел в окно.

— Вы не имели права! — сказал Солнышкин.— Вы ещё за это поплатитесь! Это вам не пиратские времена!

Но Плавали-Знаем словно не заметил его и даже не повернул головы.

— Кто высаживал Перчикова? На какой остров? — повернулся Солнышкин к Петькину.

Но тот испуганно втянул голову в плечи и только мигал глазами.

— Ну ладно! — крикнул Солнышкин.— Мы ещё увидим!

Он хотел было поднять всю команду, которая ещё ничего не знала, но на минуту остановился. И тут за дверью Тайной каюты спросонья закричал попугай. Солнышкин прислушался.

— А Перчикова на остров! К острову Камбалы! А Перчикова на остров! К острову Камбалы!

Солнышкин притих. Не могло быть сомнений: Перчиков высажен на остров Камбалы. Но что это за остров? Солнышкин в три прыжка оказался у каюты боцмана. Он растормошил Буруна и выпалил:

— Камбала! Где Камбала?

— Не знаю,— сказал тот спросонья.— Наверное, всю съели. Спроси у Борщика.— И повернулся на другой бок.

— Да проснись же! — стал трясти его Солнышкин.

Наконец Бурун открыл один глаз, потом другой и, не поверив рассказу Солнышкина, в трусах побежал читать приказ. Пока он читал, волосы у него на ногах становились торчком.

Вернувшись, он закурил от волнения, но потом поплевал на палец, высунул в иллюминатор руку и прислушался к чиханью ветерка.

— Этот остров я знаю,— сказал он.— Перчиков не пропадёт, если догадается пойти на другую половину острова. Там есть рыбачки.

Старый Бурун был прав. Плавали-Знаем допустил ошибку. Он высадил Перчикова на ту сторону, которая казалась ему безлюдной, но другая часть острова была обитаема. Всё складывалось хорошо. Солнышкина мучило только одно сомнение: ведь и Перчиков не знает, что остров обитаем.

Он сжал кулаки и сказал:

— Держись, мы выручим тебя, Перчиков!

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПОЧИН МОРЯКОВ ПАРОХОДА «ДАЁШЬ!»

На рассвете почти вся команда уже знала о расправе с Перчиковым. В коридоре начала собираться толпа. Слышался возмущённый гул. Боцман Бурун уже в пятый раз рассказывал, как он услышал от Солнышкина всю историю, и переживал, что портил Перчикову настроение из-за каких-то тряпок. Тая утирала слёзы. Солнышкин вспоминал, как он услышал последний крик Перчикова, и, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, призывал:

— Надо его спасти!

— Перчикова на борт! — гудел машинист Мишкин.— Плавали-Знаем на остров!

— Немедленно повернуть!

Но тут неожиданно раздался спокойный голос:

— Тихо, ребята, тихо!

И словно из пустоты, перед командой возник маленький доктор Челкашкин. Он посмотрел на Мишкина голубыми глазами, повёл усиками и сказал:

— Прежде всего спокойствие. Бросьте кричать. Груз мы должны доставить вовремя. Скоро начинается учебный год, а мы везём для школ тетради. Раз. В яслях кончается манка и истрепались все соски, а у нас их полный трюм. Это два. Геологам нужны грузовики. Это три. Верно я говорю?

— Верно!

— Но мы должны спасти Перчикова! — крикнул Солнышкин.

— Перчикова! — подхватила команда.

— Правильно, — сказал Челкашкин и потёр лёгкую лысинку. — Доказано, что человек вполне может обойтись без пищи и воды неделю. И если даже у Перчикова ничего нет, то неделю он протянет наверняка. Наша задача состоит в том, чтобы вернуться сюда в три раза быстрее. Машинисты смогут развить предельную скорость?

— Будет сделано! — крикнул Мишкин и потряс рукой.

— Команда сможет выбросить груз за один день?

— Сможет! — вмешался кок Борщик.

— Трудновато! — почесал затылок Бурун. — Но раз Борщик сказал — сделаем.

— Сделаем! — подхватил Солнышкин.

И все быстро разошлись по местам.

Через десять минут машина загудела, пароход помчался вперёд так, что нелетучие рыбы начали разлетаться во все стороны. Один за другим проносились острова, и в ушах у матросов свистел ветер.

На палубе готовились к выгрузке, снимали с трюмов брезенты. И только толстый артельщик еле волочил ноги. Он ничего не знал, но, по всей видимости, о чём-то догадывался.

Через несколько часов над горизонтом задымили вершины камчатских вулканов. С каждой

минутой они становились всё больше. И скоро «Даёшь!» влетел на всех парях в прекрасную бухту. Солнышкин стоял на палубе. Задрав голову, смотрел на ослепительные снега. Увидеть эти горы он мечтал всю жизнь...

По улицам города в порт бежали жители. На причалах толпились грузчики. Все увидели влетающее в порт судно и были поражены его скоростью.

— Неужели за ними гонится морской змей? — спросил пенсионер, охотник до всяких историй.

— Видимо, у них к лопастям винта приклеены акульки плавники; я читал о таких усовершенствованиях, — предположил известный рационализатор.

Толпа росла.

— Что там у вас? — закричали на судно, едва «Даёшь!» подошёл к причалу.

— Экипаж встал на авральную вахту! — важно крикнул в рупор Плавали-Знаем, и все стали расходиться.

Но тут Борщик побежал вниз по трапу и потащил за собой Солнышкина.

— Стойте! — кричал он грузчикам. — Стойте!
Все остановились.

— Послушайте, что произошло с Перчиковым! — сказал Борщик.

— С Перчиковым?! — хором спросили грузчики.

— Да, — сказал Борщик и подтолкнул Солнышкина вперёд.

И едва тот рассказал уже знакомую нам историю, грузчики стали сжимать кулаки.

— Неужели на необитаемый остров?

— Хватит кричать! — сказал бригадир грузчиков Швыряй-Бросалкин. — Перчикову вопросами не поможешь! Крановщики, на места! Борщик, вари компот! — подмигнул он коку.

Длинные причальные краны подлетели к пароходу и начали снимать груз. Команда и грузчики вытаскивали из трюмов мешки с манкой. Бросалкин бросал на сетку сразу по десять мешков, а Солнышкин вытащил на причал один за другим двадцать ящиков сосок. Их тут же переправили в ясли, потому что даже на причале было слышно, как в городе кричат младенцы. За сосками пошли тетради. Солнышкин торопился. Он так вспотел, что последние пачки тетрадей промокли, и их пришлось пустить потом на черновики. Но в остальном всё было благополучно. Кок Борщик подавал грузчикам компот кастрюлями, а Бросалкин получил целое ведро.

Плавали-Знаем стоял на мостике. «Настоящая работа! — думал он. — Рекорд! Пришли домой — получай премию. На следующий раз — грамоту. А Моряков пусть отдыхает со своей корью».

Не успело солнце перевалить за полдень, а пароход «Даёшь!» готов был оторваться от причала.

ИДЕЯ КОРРЕСПОНДЕНТА РЕПОРТАЖИКА

Но в этот момент в порт влетел олень и застучал копытами по причалу. На нём сидел маленький человек, с ног до головы увешанный фотоаппаратами. Одной рукой он ухватился за рога, другой держал у глаз фотоаппарат, а ногами прищипоривал оленя. Это был Репортажник, фотокорреспондент газеты «Действующий вулкан».

— Одну минуту! Только одну минуту! — кричал раскрасневшийся Репортажник.

— Быстрее отдавайте концы! — зашептал доктор Челкашкин Буруну. — Быстрее! Или мы застрянем здесь на два часа!

— Одну минуту! — умоляюще воскликнул Репортажник и ухватился рукой за трос.

— Не можем! — сердито прошептал Солнышкин. — Ни минуты!

— Это почему же не можем? — раздался за его спиной густой бас. — Мы хорошо потрудились, мы заслужили, чтобы нас...

— Конечно, заслужили! — деловито поддакнул Репортажник и щёлкнул аппаратом: по трапу на причал спускался Плавали-Знаем.

Репортажик залез под оленя, лёг на живот, чтобы сделать снимок снизу, но вдруг вскочил и, отряхнув колени, щёлкнул пальцами.

— Идея! — крикнул он. — Мы сделаем замечательный снимок! «Вручение сосок благодарным малышам у подножия вулкана».

— У подножия вулкана? — живо спросил Плавали-Знаем. — Но где же младенцы?

— Младенцы будут! — заверил Репортажик, вскакивая на оленя.

— Кто выгружал соски?

— Я, — недовольно ответил Солнышкин.

— Берите ящик на плечо и ждите меня.

Он шлёпнул оленя и скрылся за поворотом.

А спустя несколько минут по улицам города двигалось необыкновенное шествие: три няньки подталкивали коляски с младенцами, за ними, агукая малышам, шагал Плавали-Знаем, а сзади с ящиком на плече топал Солнышкин. Сбоку носился взад и вперёд Репортажик и щёлкал аппаратом.

— Отличный кадр! — восклицал он. — Так! Голову выше, улыбнитесь!

— Бодрей, бодрей, Солнышкин! — покрикивал Плавали-Знаем. — Впереди вулканы!

— Дурацкая затея! — ворчал Солнышкин.

Он взмок, но всё же то и дело поглядывал в сторону вулкана. От его ледников тянуло волнующей прохладой. Вулкан величественно поднимал вершину, над которой колебалась светлая копна дыма. В небе кружили орланы, а где-то высоко-высоко проплывали прозрачные облака.

Солнышкин забыл про усталость. И мучило его только одно: «Перчиков! Перчиков! Эх, если бы не Перчиков!»

Он смотрел на вулкан, но в задумчивости совсем не обращал внимания на то, что дым над вершиной становился темнее и гуще.

Наконец экспедиция упёрлась в высокую скалистую стену.

— Прибыли! — крикнул Репортажик и соскочил с оленя.

Солнышкин сбросил ящик, огляделся. И у негохватило дух. Слева был крутой обрыв. Далеко внизу рокотал океан. «Даёшь!» сверху казался кузнечиком. А над головой с невообразимым шумом носились тысячи птиц. Они цеплялись за скалы, падали, и в воздухе рассыпались облака перьев.

«Птичий базар!» — с восторгом подумал Солнышкин и чихнул: перо залетело ему в нос.

«Апчи! Апчи! Апчи!» — зачихали младенцы.

Репортажик не чихал. Он был занят работой. Наведя объектив на скалу, он распорядился:

— Коляски к стенке, младенцев на руки!

Няньки вытащили ребят и выстроились в ряд.

— Капитан, вперёд! Солнышкин с ящиком, поближе! Руки — в ящик, соски — наверх. Ну, зачмокали, зачмокали!

Плавали-Знаем вытянул губы, причмокнул и протянул младенцу соску.

— Так! — крикнул Репортажик. — Отлично! — И приготовил аппарат, но Плавали-Знаем неожиданно дёрнулся и прошипел Солнышкину:

— Вы что, и здесь не можете без фокусов!

Ящик ударил его в бок.

Но Солнышкин только пожал плечами. Он был ни при чём. Его самого подбросило вверх.

— Не волноваться! — весело крикнул Репортажик. — Это как раз то, что нам нужно. Начинается лёгкое извержение. Соски на изготовку.

Но тут так тряхнуло, что он сам очутился у оленя на рогах. Внизу громко закричали птицы. Плавали-Знаем от толчка сунул соску младенцу в лоб. Однако Репортажик успел щёлкнуть аппаратом.

— Отлично! — крикнул он. — Отлично! Ещё раз!
Из кратера вулкана со свистом вырвались камни.

Плавали-Знаем бросился вниз, няньки за ним, а сзади, прикрываясь ящиком, бежал Солнышкин. Сбоку, болтаясь на рогах у оленя, скакал Репортажик и, хватая то один, то другой аппарат, щёлкал на ходу.

Камни барабанили по его спине, но он весело покрикивал:

— Замечательно! Чудесный сюжет!

А сзади, словно содрогаясь от хохота, вулкан всё выбрасывал из жерла камни.

Плавали-Знаем и Солнышкин влетели на паром, где их давно ждали.

— Полный вперёд! — скомандовал Плавали-Знаем. — Полный вперёд!

А Солнышкин ещё раз оглянулся на вулкан и вздохнул. Конечно, если бы не Перчиков, он бежал бы назад, к вулкану!

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ АРТЕЛЬЩИКА СТЁПКИ

Едва пароход вышел из бухты, на палубе появился доктор Челкашкин.

— Ребята, всем собраться у камбуза, — сказал он шёпотом.

— Есть собраться у камбуза! — подмигнули Солнышкин и Борщик.

И никто не заметил, как сзади, оттопырив ухо, к разговору прислушивался артельщик. Он тут же скрылся и побежал в каюту Плавали-Знаем.

Плавали-Знаем спросил:

— В чём дело?

— Заговор! — выпалил артельщик, вытирая лоб.

— Какой заговор?

— Тс-с... — приложил палец к губам артельщик.

И он выложил всё, что услышал на палубе.

— Я пойду туда сам, — сказал Плавали-Знаем.

— Но тогда они не будут ничего говорить.

— Верно, — сказал Плавали-Знаем. И хлопнул рукой по столу. — Ты должен всё подслушать.

— Но они меня туда не пустят, — сказал артельщик.

— Спрячься.

— Это идея! Это я могу. В канатный ящик.

Он засиял от собственной выдумки и на цыпочках побежал к камбузу. Там ещё никого не было. Стёпка, кряхтя, втиснулся в большой сундук для канатов, поудобнее улёгся, придвинул нос к маленькой дырочке в крышке и приготовился слушать. Но в тот момент, когда он закрывал крышку, на верхнюю палубу вышла Тая с одеялом.

Между тем у камбуза собралась почти вся команда. Боцман присел на край сундука. Солнышкин устроился рядом.

— Итак, — сказал доктор Челкашкин, — мы собрались для того, чтобы обсудить...

Артельщик напряг слух.

Тут в дверях появилась Тая. Она дёрнула Челкашкина за рукав и приложила к губам палец. Потом она шепнула собравшимся несколько слов и показала пальцем на сундук.

— Так, — сказал Мишкин, — о чём же мы будем говорить?

Он докурил сигарету и сунул окурочек прямо в сундучную дыру.

— О чём же мы будем говорить? — спросил Солнышкин и прикрыл дырку каблуком.

— О том, куда деть этот старый паршивый сундук! — сказал Челкашкин и стукнул по нему ногой. — Куда деть этот рассадник грязи!

У артельщика от канатной пыли щекотало в носу и першило в горле. Ему хотелось чихать, кашлять и плевать, но он со страхом прислушивался к тому, что сейчас скажут.

— Выбросить! За борт! — сказал Бурун.

— За борт! — крикнул Солнышкин.

У артельщика по спине побежали мурашки. Он хотел было уже выскочить, но Челкашкин сказал:

— Я думаю, пока его можно убрать в подшкиперскую, а после разрубить на дрова.

Матросы подхватили сундук и, швыряя из стороны в сторону, оттащили в подшкиперскую.

Артельщик слышал, как сверху что-то загрохотало. Это Солнышкин забрасывал сундук старыми вёдрами, канатами и обрезками досок. Наконец шум утих, скрипнула дверь, и всё смолкло. Стёпка попробовал выбраться, но крышка не поднималась.

НОРД! НОРД!

А в это время Плавали-Знаем мрачно ходил по рубке и размышлял: «Какой заговор? Кто эти заговорщики?» Он надеялся на артельщика, но думал, что не мешает предпринять что-нибудь и самому. Сверху в иллюминатор он увидел спешащего куда-то Солнышкина.

— Солнышкин! — крикнул он.

Солнышкин хотел ускользнуть, но не успел.

«Опять драить сапоги или кормить попугая», — насмешливо подумал он, тяжело поднимаясь по трапу. Но у самой рубки его встретил неожиданный возглас:

— Солнышкин, за штурвал!

У Солнышкина мгновенно спутались мысли. Прямо перед ним вращались спицы штурвального колеса. Петькин крикнул: «Вахту сдал!» —

и Солнышкин не заметил, как руки сами потянулись к штурвалу. Ноги приняли крепкую морскую стойку.

— Смотреть на компас, Солнышкин! — командовал Плавали-Знаем и крепкой рукой помог повернуть штурвал.

У Солнышкина совсем помутилось в голове. Вещи происходили просто невероятные. Он стоял у штурвала. Он вёл судно. Оно резало носом зелёные глыбы волн, и помогал ему не кто-нибудь, а Плавали-Знаем.

Плавали-Знаем с усмешкой посмотрел на Солнышкина: его затея начинала иметь успех.

— Что, не получается? — усмехнулся он. — Ничего, получится! Я сделаю из тебя матроса. Ты хочешь стать настоящим моряком? Я возьму тебя в самый дальний рейс. Хочешь в Аргентину? — Тут Плавали-Знаем остановился, но махнул рукой: — Где бы она ни приклеилась, в Америке или в Африке! Хочешь в Бразилию или в Австралию? Только надо знать, с кем дружить, Солнышкин!

У Солнышкина перед глазамиплыли радуги.

«Сейчас я из него выужу всё, что надо,— усмехнулся капитан.— Выложит всё до донышка»

— Я научу тебя держать курс! — сказал Плавали-Знаем.— Нужно только смотреть на компас.— И он постучал пальцем по стеклу, где медленно двигалась стрелка.— На компас.

Солнышкин посмотрел на компас, но ему в глаза словно заглянул другой, подаренный Робинзоном. Стрелка его вела себя как-то настороженно. Она показывала на север, но начинала колебаться.

— Эх, Солнышкин, если захотеть, если только захотеть, то все парокходства на земле ещё услышат: Магеллан, Лаперуз, Солнышкин. Как это

звучит! Но для того чтобы стать большим человеком, нужно вовремя отойти от всяких Перчиковых, Огурчиковых... Кто там затевает какие-то заговоры? Это бездельники, которые не умеют смотреть на компас. На компас надо смотреть, Солнышкин!

А Солнышкин и так уже смотрел на компас. На свой маленький бронзовый компас. Солнышкину очень хотелось быть Лаперузом и Магелланом. Ему было очень жаль отходить от штурвала, но он стиснул зубы и передал управление Петькину. Нет, пусть он не будет капитаном, пусть не будет моряком, но никогда он не станет предателем.

— Солнышкин! — закричал Плавали-Знаем. — Солнышкин, подумай!

Но Солнышкин уже всё обдумал. Он смотрел на маленькую бронзовую коробочку, где стрелка показывала: норд, норд!

РАЗВЕДКА УХОДИТ СПАТЬ

Плавали-Знаем ходил по рубке и стрелял по углам глазами. План провалился. Негодование переполняло капитана.

«Заговор! Я вам покажу заговор! Плавали — знаем!» И он с нетерпением ожидал своего разведчика.

Но прошёл час, второй, а артельщика не было.

Подавился он там сарделькой, что ли?

Над палубой уже качался из стороны в сторону месяц. Артельщик всё не появлялся.

С подозрительностью глядя по сторонам, Плавали-Знаем вышел к камбузу и остолбенел: канатного ящика не было. Только Бурун сметал венником с палубы мусор.

— Где ящик? Куда его дели? — взвыл Плавали-Знаем.

— А что? — как ни в чём не бывало спросил Бурун. — Я его оттащил в подшкиперскую. Хотите — могу открыть.

— Сам, я открою сам! — крикнул Плавали-Знаем и бросился в подшкиперскую.

Расшвыряв канаты и вёдра, он открыл крышку, и из сундука, серый, как ливерная колбаса, вывалился артельщик.

— Ну что? — зашептал Плавали-Знаем. — Что услышал?

Но артельщик только чихал и кашлял. Потом, шатаясь, он поплёлся в свою каюту, шлёпнулся на пол и проспал ровно двадцать четыре часа. А за это время произошло немало важных событий.

«СМОТРИТЕ НА ГОРИЗОНТ!» — КРИЧИТ СОЛНЫШКИН

Всю ночь Солнышкин не мог уснуть. Хотя руки и спина у него ныли после работы, он то и дело выбегал на палубу и вглядывался: не покажутся ли вдаль очертания острова Камбалы? Навстречу дул сильный ветер. Волны взбирались на палубу, и брызги, словно солёные пули, барабанили по лицу Солнышкина. Он весь, до ниточки, промок, а сердце его стучало изо всех сил:

«Держись, Перчиков, подмога рядом!»

В час ночи Солнышкин заглянул к боцману. В два он растормошил Борщика. Потом он поднялся в рулевую рубку, чтобы сверху посмотреть в сторону острова.

Но нужно сказать хотя бы несколько слов о разговоре, который состоялся у камбуза, пока артельщик лежал в сундуке в подшкиперской.

— Итак, — сказал доктор Челкашкин, — утром мы подходим к острову. План операции по спасению Перчикова следующий...

Тут все придвинулись к доктору.

— Солнышкин следит за появлением острова и даёт знать мне. Боцман готовит шлюпку и с Федькиным направляется к берегу.

— А я? — закричал Солнышкин. Ему показалось, что о нём забыли.

— Разве я кончил говорить? — возмутился Челкашкин. — Борщик держит наготове горячий бульон и чай. Тая готовит чистую постель. Не исключена возможность, что у Перчикова есть какие-либо повреждения или злокачественный насморк. Плавали-Знаем я беру на себя. Помощником оставляю Солнышкина. Ясно?

— Ясно, — ответили ему шёпотом.

— А теперь по местам! И каждому помнить о своём долге.

Так вот, в два часа ночи Солнышкин поднялся в рулевую рубку и натолкнулся на промокшего Плавали-Знаем. Он кашлял и чихал.

— Нечего шататься! — сказал он. — Время спать.

— Плавали — знаем! — весело подмигнул ему Солнышкин.

Неслыханная наглость! Ему отвечали его знаменитыми словами. Петькин, который стоял на руле, втянул голову в плечи, будто его могли стукнуть, но Солнышкину до этого не было никакого дела.

Ровно в четыре часа утра на горизонте, за гребнями зелёных волн, он увидел фиолетовую вершину острова и постучал к Челкашкину.

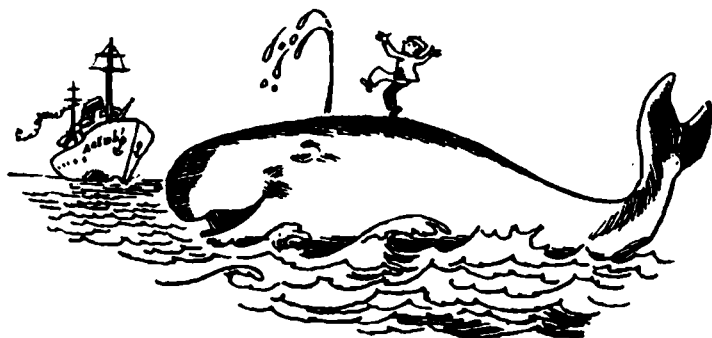
— Слышу, — раздался из-за двери голос.

Из каюты, сверкая лысинкой, появился аккуртно выбритый Челкашкин.

Из рубки доносился отчаянный кашель.

— О, это как раз то, что нам надо! — сказал доктор и заспешил в рубку.

Плавали-Знаем задыхался от кашля. Он схватился обеими руками за живот и согнулся.

— Как? — сказал доктор Челкашкин. — Вы так больны и не легли в изолятор?

— Никаких изоляторов! Кхе-кхе-кхе! — закачался из стороны в сторону Плавали-Знаем. — Эта проклятая погода!

— Но вы заразите всю команду! Примите хотя бы таблетки!

— Та-кха-блетки! Да-а-вайте ваши та-кха-блетки! — яростно кашлял Плавали-Знаем.

Челкашкин достал из правого кармана две белые пилюли. Плавали-Знаем сунул их в рот. Ровно через минуту он, зевнув, сказал:

— Ну, я пошёл спать, — и улёгся прямо на полу.

Когда Челкашкин убедился, что две таблетки снотворного сделали своё дело, он повернулся к Петькину и приказал:

— Курс сто шестьдесят! Маршрут к острову Камбалы.

— Есть к острову Камбалы! — пробормотал Петькин и повернул штурвал.

Через час на пароходе «Даешь!» все готовились к встрече Перчикова. На плите у Борщика кипел бульон. Тая взбивала подушку, постукивая каблучками, Марина несла в его каюту самые

лучшие вилки и ложки, а боцман на палубе готовил к спуску шлюпку. И только из двух кают раздавался непробудный храп, но он совсем не мешал общему хорошему настроению.

Солнышкин теперь не уходил с мостика. Над океаном поднялось солнце, навстречу бежали зелёные волны, и то и дело сверкали рыбёшки. И вдруг за гребнями волн, вдалеке Солнышкин увидел какую-то тушу, над которой с криками летали чайки. Солнышкин схватил бинокль, и его храбрый чубчик стал удивлённо качаться влево и вправо.

— Смотрите на горизонт! — закричал Солнышкин.

Впереди, навстречу пароходу, важно плыл громадный кит, а на его спине приплясывал живой и невредимый Перчиков!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЕРЧИКОВА НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ

Конечно, все помнят бурную ночь, когда Перчиков был отправлен в лодке на необитаемый остров. Не успел он сделать несколько взмахов веслом, как шлюпка врезалась в прибрежные камни и мгновенно пошла ко дну. Волна трижды перевернула Перчикова в воздухе и швырнула на берег. А следом за ним выплеснула на песок десяток сарделек и пять бутылок «Ласточки».

Всю ночь мокрый Перчиков подпрыгивал и бегал по песку, но никак не мог согреться. Зубы у него отбивали азбуку Морзе. Но вот рассвело, выкатилось солнце, и Перчиков осмотрелся. Сзади него поднимались скалы, под ногами лежал нетронутый песок, а впереди шумел океан. Из-под камня на радиста поглядывал осьминожек.

Перчиков съел сардельку, взялся за бутылку «Ласточки», и тут ему в голову пришла счастли-

вая мысль. Зря, что ли, он прочитал сотни книг? Перчиков вытащил из кармана мокрый блокнот, карандаш и, вырвав лист, написал на нём: «Радист парохода «Даёшь!» Перчиков ждёт срочной помощи в районе острова Камбалы». Он сунул записку в бутылку, заткнул горлышко деревяшкой и запустил бутылку в океан. «Будем ждать»,— решил Перчиков.

Рядом с бутылкой вынырнул странный красноносый дельфин и, схватив её, ушёл под воду.

«Вот так так»,— почесал Перчиков затылок и сел писать следующую записку. Но как только он бросил бутылку в воду, она снова оказалась в зубах у красноногого дельфина. В полчаса все пять бутылок оказались у него в пасти.

Перчиков схватился за голову:

— Обжора, из-за него я должен торчать всю жизнь на необитаемом острове!

Он был в отчаянии.

Но тут послышались чьи-то шаги. Из-за скалы появился маленький красноносый мужичок с чёрными усами.

— Привет, Перчиков! — сказал он.

— А ты откуда меня знаешь? — удивился Перчиков.

Мужичок молча протянул Перчикову все пять его записок.

— Твои?

Перчиков был потрясён. Откуда они? Мужичок самодовольно улыбнулся, трижды щёлкнул языком, и из моря вынырнул красный дельфиний нос.

— Мой слуга и напарник,— сказал мужичок.

— То есть как слуга и напарник? — изумился Перчиков.

— А так,— сказал мужичок и поманил Перчикова за собой.

Они прошли по вороху морской травы, обогнули скалу, и Перчиков увидел впереди себя гору пустых бутылок и несколько варёных крабов.

— Видишь? — показал мужичок на бутылки. — Все они лежали на затонувшей барже. Я научил дельфина — он достаёт. Потому и слуга. А пьём вдвоём, потому и напарник.

Тут он опять щёлкнул языком, и у берега вынырнул дельфин с бутылкой вина. Мужичок откупорил её, отхлебнул несколько глотков, заку-

сил крабьей клешнёй, а остальное вылил в глотку дельфина. Носы у обоих тотчас покраснели ещё больше.

— Хочешь в компанию? — спросил мужичок Перчикова.

А дельфин покосился на него лукавым глазом. Но Перчиков рассвирепел.

— Ты что же это? — сказал он и двинулся на мужичка. — Ты что это? Всё человечество думает, как наладить с дельфинами работу, как обменяться с ними мыслями, а ты их начинаешь спаивать?

Перчиков стал закатывать рукава.

Дельфин нырнул в воду, а мужичок, задрав голову, сказал:

— Не дури, Перчиков! Хозяин острова — я, Варенец.

— То есть как? То есть как? — остолбенел Перчиков.

— А так... Добрался до него раньше всех я, винный запах обнаружил я, и если будешь слушаться, то станешь моим наследником. Хоть губернатором!

— Ты что, с ума сошёл? — засмеялся Перчиков. — Каким губернатором?

— Так ты, — уставился на него Варенец, — не согласен?

— Конечно, нет!

— Ну так вон, видишь, коса? — показал мужичок на большую, появившуюся за ночь отмель. — Марш!

Так за одни сутки Перчиков второй раз отправился в ссылку. Он ходил взад и вперёд по песчаной косе и смотрел на бегущие волны.

«Был бы здесь Солнышкин, — думал он, — мы быстро привели бы в чувство этого Варенца. Захотел в хозяева!»

Он стал обдумывать план действий. Но тут к нему снова приблизился Варенец с шахматной доской под мышкой.

— Слушай, Перчиков! — вкрадчиво сказал Варенец, которому надоело скучать в одиночестве. — Давай сыграем в шахматы. Чья возьмёт?

— Ладно, — сказал Перчиков. Он имел по шахматам третий спортивный разряд и решил драться до конца.

Варенец взобрался на косу и стал расставлять фигуры. Но тут зашипела волна, и коса вздрогнула. Ещё волна — и она зашевелилась, с неё осыпался песок, вверх ударил чистый водяной фонтанчик.

Под ногами у противников оказался выброшенный на берег кит. Теперь он шевелился и ждал прилива.

— Ого! — воскликнул Варенец. — Вот это добыча! А что, если его закоптить? И продать? А, Перчиков?

— Ты что, и на кита раскрываешь рот? — вскипел Перчиков.

Но тут произошло нечто неожиданное. Кит словно прислушивался к разговору. Взмахом хвоста он отшвырнул Варенца в сторону и с Перчиковым на спине ринулся в открытое море.

Перчиков отчаянно испугался, но кит, будто всё понимая, ни на минуту не уходил под воду. Он пронёсся мимо острова, и последнее, что увидел Перчиков, — стая дельфинов, которая тянула за хвост от винной баржи своего загулявшего товарища.

Волны бурлили и бросались навстречу, но кит вёл себя совершенно разумно, и Перчиков почувствовал себя увереннее.

Кит продолжал свой путь, и скоро в утреннем воздухе Перчиков увидел очертания родного парохода.

РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА

— Перчиков! Перчиков! — закричал Солнышкин и бросился подавать штормтрап.

Кит аккуратно пришвартовался к пароходу. Перчиков ухватился за ступеньку трапа и полез наверх.

— Здравствуй, Перчиков! — бросился к нему Солнышкин и стал восторженно обнимать его.

Борщик тащил кастрюлю с горячим бульоном. Марина несла подушку. Но тут вынырнул Челкашкин с ложечкой в руке и сказал:

— Не создавать паники! Сперва — медосмотр. — Он подошёл к Перчикову и поднёс к его рту ложечку. — Откройте рот! Скажите: «А-а-а».

Перчиков затянул: «А-а-а!» И Челкашкин заглянул в горло.

— Всё в порядке, — сказал он и спрятал в карман ложку. Но тут же деловито справился: — Что это за маскарад, Перчиков, и при чём этот кит?

Кит отплыл от судна и струйкой воды обмывал себе спину.

— Всё как в сказке, — сказал Перчиков.

— Расскажи! — закричали все.

— Потом, — сказал Перчиков.

— Расскажи! — попросил Солнышкин. Он уже жалел, что это не его высадили на необитаемый остров.

— А что рассказывать! — сказал Перчиков. — Забросил я с острова удочку, слышу — дёрг, дёрг. Потянул, вижу — кит. Ну, думаю, поджарю я его. А он и говорит: «Имей совесть, Перчиков! У меня дети». Смиловился я и спрашиваю: «А ты читал сказку о рыбаке и рыбке?» — «Не читал», — говорит. «Всё равно, — говорю, — выполняй мои три желания». А он отвечает: «Выполню».

— Неужто правда? — спросил Бурун.
— Сказки! — сказал Челкашкин.
Перчиков важно оглядел всех и сказал:
— Ну ладно! — Он присел на трап и выложил всё, как было, по порядку.
Но едва он кончил рассказ, Челкашкин снова невозмутимо заявил:
— Сказки!
— То есть как — сказки? — подскочил Перчиков. — Может быть, это вы приплыли на ките?
Возразить было нечего. Шевельнув усиками, Челкашкин приказал:
— Отдыхать! — И пошёл в лазарет.
Перчиков, конечно, устал. Он чуть не валился с ног, но пересилил себя и отправился проверять радиорубку.

НОВЫЕ ПАССАЖИРЫ СЛАВНОГО ПАРОХОДА

Едва Перчиков присел к аппарату, как перед ним замигала лампочка и донёсся настойчивый сигнал. Перчиков мгновенно надел наушники и стал записывать радиограмму.

«Команда парохода “Весёлые ребята” просит принять для доставки в Океанск дрессированных медведей для городского цирка. “Весёлые ребята” вместо Океанска следуют за грузом в Австралию».

— Медведи! Медведики! — Перчиков схватил радиограмму и выскочил на палубу. — Дрессированные медведи!

— Что ещё за цирк? — удивился Челкашкин. — Киты, медведи! — Но, прочитав радиограмму, приказал: — Стоп, машина!

Вокруг снова собралось полкоманды.

— Что будем делать? — спросил Челкашкин.

— Возьмём! — крикнул Солнышкин.

— Ой, не надо! — вздохнула Тая.

— Сожрут! — подумал вслух боцман.

— Возьмём, возьмём! — кричал Солнышкин за двоих. В тайге он с этими косолапыми одну ягоду пробовал, по одним тропкам ходил!

Пока на палубе шли споры, вдалеке показался дымок. Он увеличивался, и скоро пароход «Весёлые ребята» подошёл к самому борту «Даёшь!». На носу, опустив на поручни лапы, вертели головами два рыжих медведя. Один из-под лапы рассматривал пароход, а второй время от времени тёр голову. Оба они были в тельняшках и походили на лохматых матросов.

— Ну что, принимаете? — крикнул боцман с «Весёлых ребят».

— А не сожрут? — спросил Бурун с опаской.

— Не-ет! — засмеялись с «Ребят». — Пожуют и бросят. Они ребята добрые. Мишка-1 — матрос-наблюдатель, Мишка-2 — любитель купаться. А ну, покажись публике!

Мишка-1 вытянул морду вперёд, поднял лапу и стал всматриваться в горизонт. А Мишка-2 начал тереть лапами себе голову.

— Возьмём! — закричали на пароходе «Даёшь!».

— Берём! Берём! — закричал Солнышкин и стал просовывать трап в сторону «Весёлых ребят».

— А кто за ними будет смотреть? — спросил Бурун.

Все смолкли. А Солнышкин сказал:

— Я!

— Так, может, ты и пригласишь их сюда? — сказал Челкашкин.

— Пожалуйста, — воскликнул Солнышкин, — одну минуту!

Он буквально скатился в каюту и через минуту выскочил на палубу.

— Дорогу! — приказал Солнышкин и вскинул руку.

Медведи задрали носы. Солнышкин ещё раз поднял руку. Медведи принюхались. Он поднял руку в третий раз. В кулаке у него сверкнул сахар, и медведи бегом бросились по трапу. Первый ковылял в настоящих флотских брюках, а второй — в футбольных трусах.

— Бегом! — крикнул Солнышкин, как заправский дрессировщик. — Бегом!

И медведи подкатились к нему.

Все приоткрыли рты, будто им, а не медведям предназначался сахар. Но Солнышкин всунул в медвежьи пасти по куску рафинада и вместе со зверями стал приплясывать на палубе. Даже Челкашкин сказал:

— Невероятно, но факт!

Солнышкин расплылся в улыбке.

Пароход «Даёшь!» шёл курсом к Океанску, на палубе его продолжалось веселье, а сбоку парохода плыл кит. Он косил глазом в сторону судна и, когда видел Перчикова, радостно салютовал, выпуская маленький фонтанчик.

ЖАРКАЯ ПОГОДА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

День выдался на редкость жаркий. Высоко в небе кувыркалось облачко со спасательный круг. Вся команда парохода «Даёшь!» бегала по палубе в трусах. Мохнатый Мишка-2 обалдело вертел от жары головой, тёр лапами брюхо, и Солнышкин отвёл его в душ. Мишка-1 занял своё любимое место на крыле мостика и смотрел из-под лапы вдаль.

Приблизительно в это время в своих каютах начали продирать глаза артельщик и Плавали-Знаем.

«Апчхи!» — чихнул артельщик. Из носа у него вылетел кусок шпагата. Артельщик испуганно схватился за ключи и, переваливаясь, пошёл в артелку проверять, целы ли продукты.

Плавали-Знаем потянулся изо всех сил и так хрустнул пальцами, что ему показалось, будто судно лопнуло пополам. Он, озираясь, поднялся и загромыхал по коридору.

— Ну и встряска! — процедил он сквозь зубы. — Чёртов артельщик! — И вдруг остановился.

Прямо на него по коридору как ни в чём не бывало шёл Перчиков. Плавали-Знаем протёр правый глаз. Перчиков продолжал идти. Он протёр левый глаз. Перчиков всё шёл.

— Привет! — сказал самый настоящий Перчиков и удалился в свою каюту.

Плавали-Знаем бешено заскрипел зубами и бросился в рубку. Он высунул в иллюминатор голову и увидел, что судно полным ходом удаляется от острова Камбалы.

— Кто посмел?! — кинулся он к Федькину.

Но тот невозмутимо держал в руках штурвал.

— Кто посмел? — ещё громче закричал Плавали-Знаем.

Он выскочил на крыло рубки и схватил за плечо стоявшего перед ним матроса-наблюдателя.

— Петькин! Кто посмел? — И тут он заметил, что у Петькина оттопыриваются мохнатые уши.

Матрос повернулся, и страшный медвежий нос уткнулся в глаз Плавали-Знаем.

— Иа, иа,— заикал от испуга Плавали-Знаем и попятился назад.

Мохнатый Петькин сделал шаг вперёд и мигнул страшным медвежьим глазом.

— Не надо,— попросил Плавали-Знаем и на четвереньках стал спускаться по трапу.— Проклятая жара! — сказал он, опомнившись.— Всё от неё. Нужно освежиться, и всё пройдёт.

Он взял полотенце и решительно направился в душевую.

В соседней кабине кто-то уже плескался и от удовольствия фыркал.

Плавали-Знаем открыл душ, намылил голову, побулькал водой в горле и крикнул соседу:

— А ну-ка, потри спину!

Сосед не обратил внимания.

— Ну, ты что, не слышишь? Говорят, потри спину!

За переборкой кто-то зашевелился, и Плавали-Знаем выгнулся, как кот на солнце. И тут же на поясницу ему обрушился крепкий шлепок, что-то острое царапнуло по спине.

— Эй, полегче нельзя? — крикнул Плавали-Знаем.

Он сердито повернул голову и, прикусив язык, шлёпнулся на мокрую палубу. На него снова надвигалась чёрная медвежья морда. Плавали-Знаем застучал зубами, тихо завыл и, весь в мыле, бросился из душевой. Он скатился по последнему трапу, влетел в первую открытую дверь и за-

хлопнул её за собой. Тут же щёлкнул замок, в скважине повернулся ключ, и испуганный Плавали-Знаем почувствовал страшный холод. Он огляделся и с ужасом увидел вокруг себя мороженные бараньи туши. Он попал в морозильник. Артельщик, проверяя его, забыл закрыть дверь. Теперь она захлопнулась. У Плавали-Знаем застучали зубы. Мыло на голове превратилось в лёд.

Капитан подпрыгивал, на голове у него звенели льдинки. Наконец он присел и стал примерзать к полу.

К счастью капитана, артельщик спустился вниз, чтобы пересчитать бараньи туши. Он отомкнул дверь и с размаху налетел на застывшую скорченную фигуру.

Он решил, что это баранья туша, но вдруг услышал голос Плавали-Знаем:

— Лом! Тащи лом!

— Лом! — заорал изо всех сил артельщик, стараясь сообразить, как Плавали-Знаем очутился в этом месте.— Капитан примёрз к палубе! Давайте доктора!

Все бросились к боцману в поисках лома, а в морозильник спустился Челкашкин. Он качнул Плавали-Знаем влево, потом вправо и вытолкнул в коридор:

— В изолятор! Растереть спиртом, и двадцать четыре часа отдыха!

При этих словах знаменитый капитан дёрнулся и открыл рот.

— Что-о? — вылетело оттуда. Он с трудом выпустил глаза из-под заиндевевших ресниц.— Не выйдет! Плавали — знаем! Ещё один такой сон — и по палубе вместо команды забегают бразильские мамонты!

И капитан мрачно направился на капитанский мостик.

НЕТ ЛИ ЕЩЁ НЕОБИТАЕМОГО ОСТРОВА?

Солнышкин был возбуждён до предела. Он бежал из каюты на палубу, с палубы в каюту. На корме лежали медведи. В каюте сидел Перчиков.

— Слушай, Перчиков, расскажи ещё немного про остров и про кита,— упрашивал Солнышкин.

— Солнышкин, не могу же я придумывать,— разводил руками Перчиков и поворачивался к стенке. Ему страшно хотелось спать.

Солнышкин шёл на палубу. Он так жалел, что не его высадили на острове! Увидеть красноного дельфина, прокатиться на ките — об этом можно было только мечтать! И он смотрел, не попадётся ли ещё где-нибудь необитаемый остров. Необитаемого острова не было. Тогда Солнышкин бежал к медведям и угощал их сахаром, пока не налетел на сердитого Буруна.

— Значит, забавляемся, медведиков кормим! А палубу кто будет драить? Может, они? — спросил ехидно Бурун.

— Кто — они? — спросил Солнышкин.

— Медведики.

— А что? — воскликнул Солнышкин. — Идея! Вёдра и швабру! — крикнул он и бросился расталкивать медведей. — За дело, ребята, за дело, братцы!

Бурун удивлённо приоткрыл рот, но Солнышкин прикрикнул: «Вёдра, швабру!» — будто боцманом был он, а не Бурун. И старик, как матрос, бросился исполнять приказание. Солнышкин окатил палубу водой, намочил швабры и сунул в лапы медведям.

— Так они тебе и пойдут! — сказал Бурун.

Пройдя на другой конец палубы, Солнышкин положил на край два куска сахара. Медведи живо

повернули головы и потянулись со швабрами вперёд.

— Пошли! — сказал Бурун. — Пошли! Ну-ка, кто раньше?

— Мишка-2, — сказал Солнышкин.

— Нет, Миша-1 проворнее, — ответил Бурун.

На палубе начиналось настоящее соревнование. Мишка-2 в футбольных трусах весело подталкивал швабру. Миша-1 был потяжелей и в брюках, но пытался не отставать. Вокруг собралась команда.

— Мишка, давай, давай! — взвизгивала Марина.

— Тёзка, не подведи! — хохотал Мишкин.

До конца оставалось меньше пяти метров. Миша-1 вырвался вперёд. Все были уверены в его победе. Но тут случилась неожиданность: Мишка-2 цапнул Мишу-1 за штаны, тот схватился за них лапами, а его противник в два прыжка подскочил к сахару и схватил оба куска.

— Нечестно! — закричали все.

Но Мишка-2 проглотил свой кусок рафинада и тут же хрустнул Мишиным. От возмущения тот

бросил швабру, брюки с него слетели, и он с рёвом вцепился в затылок мошеннику.

— Солнышкин! Солнышкин! — звала Марина.

Но Солнышкин и сам уже смело бросился вперёд. Он вытащил из кармана еще кусок сахара и поднёс его к разъярённому Мишиному носу. Медведь выпустил противника, схватил сахар и заковылял в сторону. Но этим дело не кончилось. Полночи медведи трудились. В наказание Солнышкин заставил их вымыть всю палубу.

— Как родненькие! — пообещал Солнышкин.

Он достал из кармана два куска сахара. Медведи потянулись к нему и оперлись на швабры. Солнышкин отступил назад, и медведи двинулись за ним. Он сделал ещё шаг, и они, налегая на швабры, пошли дальше. А сзади зажелтела ярко надраенная палуба.

— Ого! Как желточек! — всплеснул руками Бурун.— Хоть яичницу жарь!

Солнышкин побежал к корме. Медведи со швабрами — за ним. А сзади Бурун приговаривал:

— Хоть яичницу жарь!

На корме Солнышкин дал мишкам по куску сахара и повернулся к Буруну:

— Ну что?

— Надо издать приказ! — крикнул Бурун.— Приказ! На каждую палубу по дрессированному медведю!

— Это ещё что! — сказал Солнышкин.— Это что! Сейчас они у меня побегут сами!

САМОЕ ВЕРНОЕ «ПЛАВАЛИ — ЗНАЕМ»

Солнышкин, волнуясь, ходил по рубке, а Федькин уговаривал Петькина пустить Солнышкина к штурвалу:

— Пусти, Петькин! Человек хочет быть моряком!

— Не моё дело, — говорил Петькин. Он стоял на палубе твёрдо, как глиняная копилка на комод.

— Слушай, Петькин, человек в порту за тебя отстоит вахту! — сказал Федькин.

Петькин дважды мигнул.

— А точно? — спросил он.

— Конечно! — воскликнул Солнышкин и весь засветился от радости.

— Ладно, — согласился Петькин.

И Солнышкин снова встал за штурвал.

Море бросилось к нему навстречу. Солнышкину показалось, что оно само понесло пароход на могучей синей спине. «Даёшь!» шёл полным ходом, и Солнышкин только направлял его движением руки.

Вот слева вдалеке пронёсся остров. Вот от горизонта стал быстро приближаться встречный пароход, и когда поравнялся, издал могучий приветственный гудок.

Солнышкин в восторге замахал руками и едва не упустил руль.

Картушка компаса качнулась влево. Солнышкин, схватившись за ручки, дёрнул штурвал влево. Стрелка тут же перелетела в обратную сторону.

Солнышкин, высунув от волнения кончик языка, повернул штурвал вправо — и стрелка медленно вернулась на место.

— Ничего! — сказал Федькин. — Ничего!

Солнышкин радостно скосил на него глаза. Он готов был обнять штурвал и расцеловать компас.

— Ничего! — повторил Федькин. — Но если учесть, что впереди у моряка Мексика, Индия, Австралия, то, конечно, нужно подучиться.

Ах, если бы это могла видеть его старая бабушка! Ведь сидит она сейчас где-нибудь в уголке клуба, держит на коленях веник и ничего этого не знает...

— Тютелька в тютельку,— удивлённо пробормотал Петькин. Но вдруг он оттолкнул Солнышкина и ухватился за ручки штурвала.

По трапу загрохотали сапоги. В рубку поднялся Плавали-Знаем. Он был явно не в духе.

Капитан покосился на Солнышкина, выглянул в иллюминатор и крикнул:

— Боцман! Опять пароход потерял бодрость! Ниже корму, выше нос!

Снизу донёсся тяжёлый вздох.

— Фёдкин, за мной! Солнышкин, за мной!

И они потащились перекладывать боцманское хозяйство.

— Скобы на корму! Якорь на корму! — командовал боцман.

Но судно не меняло положения.

— Что за шут! — сказал боцман.

И тут, откинув брезент, он увидел спящего на трюме артельщика, который подыскал себе новое место для сна.

— А ну-ка, проваливай отсюда!

Тяжёлый артельщик бросился на корму, и нос парохода быстро пополз вверх.

— Вот это совсем другой вид,— сказал Плавали-Знаем и скрестил на груди руки.

А между тем пароход подходил к самым туманным местам, возле которых кок Борщик получил свой знаменитый выговор. Скоро мелкие капли стали садиться на лицо и руки Плавали-Знаем, а из тумана выглянул остров, который все бывалые моряки называли островом Опасности. Около него проходило коварное течение, возникали мели, и даже самые brave капитаны обходили его стороной.

— Справа мель! — тревожно сказал Петькин.

— Мель слева,— жестко произнёс Плавали-Знаем.

Петькин хотел промолчать, но судно быстро приближалось к опасному месту.

— Справа мель,— испуганно повторил он.

— Плавали — знаем! — раздалось в ответ.— Мы не трусы, чтобы уходить от опасности.

— Нужно включить локатор! — крикнул Петькин. Его квадратный лоб побледнел от ужаса.

— У меня свой локатор! — ответил Плавали-Знаем.— Ничего страшного.— Он видел перед собой только высоко задранный нос парохода.

И тут Петькин не выдержал: он быстро потянул штурвал влево.

— Как? — повернулся к нему Плавали-Знаем.— Дай штурвал! — Он упрямо нагнул голову.

Петькин отскочил в сторону.

— Моё дело — сторона! — только и успел крикнуть он.

Плавали-Знаем дёрнул штурвал вправо. Раздался удар, и Петькин вылетел в дверь. Плавали-Знаем сделал в воздухе сальто и повис на штурвале.

Судно влипло в берег.

— Полный назад! — заорал Плавали-Знаем.

Судно не двигалось.

— Полный вперёд! — крикнул он.

Пароход дёрнулся, но застрял ещё больше. Высоко вверх торчал его героический нос, а корма сидела на мели. Через минуту схлынул туман. И рядом с пароходом показался посёлок. К судну со всех лап неслись с лаем барбосы, шавки, дворняги. Плавали-Знаем открыл глаза: из угла на него смотрела красно-синяя физиономия Петькина.

— Что теперь будет? — просипела физиономия.

— Плавали,— ответил бравый капитан,— знаем! Судить будут!

А за бортом радостно заливалась гостеприимная собачья свора.

ПОСЛЕДНЕЕ ПЕРО ИЗ ХВОСТА СТАРОГО ПОПУГАЯ

Через час Плавали-Знаем ходил по Таинной каюте с перевязанным глазом, подвязанной челюстью и повторял:

— Будут судить...

А попугай подхватывал:

— Плавали — знаем! — и важно задирает единственное перо из своего хвоста.

— А может, и не будут? — раздался вдруг в двери голос артельщика.— Начнётся к вечеру прилив, и выберемся!

— Начнётся прилив... — задумчиво повторил Плавали-Знаем.— Начнётся прилив, и мы выберемся! Только,— понизил он голос,— только нужно закрыть радиорубку, чтобы этот Перчиков не сообщил начальству. Немедленно закрыть радиорубку! Ты, Стёпа, становишься на пост у дверей, и никаких Перчиковых!

— И никаких Перчиковых!
— И может быть, судить не будут?
— Плавали — знаем! — подхватил попугай.—
Судить будут! — И посадил капитану на фуражку громадное пятно.

— Что?! — сказал капитан.

— Судить будут! — крикнул попугай.

Капитан перекопился от злости и так хватил попугая, что последнее перо из его драгоценного хвоста застряло в стенке. Попугай подскочил, ударил крыльями и вдруг произнёс давно забытую фразу:

— Загоню дурака, доведёт до милиции! Загоню дурака, доведёт до милиции!

«ВЫЛЕТАЮ НА ВЫРУЧКУ. КАПИТАН МОРЯКОВ»

Перчиков проснулся от лая, петушиного крика, хрюканья и выглянул из каюты. Судно сидело на мели.

«Надо сообщить в пароходство. Немедленно сообщить в пароходство»,— решил он и побежал в рубку. Но у её дверей прохаживался артельщик с палкой в руке.

— Куда? — с усмешкой спросил он и расставил ноги, как полицейский.

— Пусти,— сказал Перчиков.

— Ха-ха, видали такого? А этого не хочешь? — И он постучал по ладони здоровой дубинкой.

— Всё понятно,— сказал Перчиков.— Понятно, они хотят скрыть это безобразие.— И он бросился искать Солнышкина.

Красный от волнения Солнышкин сам летел ему навстречу.

— Видал? — сказал Перчиков и показал на Стёпку.— Поднимай команду, собирай народ.

— Зачем? — удивился Солнышкин. — Зачем поднимать шум?

— Ну и ну! — возмутился Перчиков. — Значит, трусишь?..

— Да что ты!

У Солнышкина было такое замечательное предложение, что некогда было даже обижаться. Он потянул Перчикова за угол и стал что-то шептать ему.

— Идёт! Порядок! — хлопнул его по плечу Перчиков. — Я всегда думал, что ты настоящий человек, Солнышкин!

И они направились к камбузу, где Борщик, несмотря на панику, продолжал готовить обед. На второе у него было пюре с сардельками. Он собирался уже опустить длинную связку сарделек в кипяток, но тут к нему подскочили Солнышкин с Перчиковым и схватили за руки.

— Стой! — закричали они. — Не бросай! Дай нам десяток!

— Вот так так! А чем я буду кормить команду? — удивился Борщик

— Так ведь для общего дела! — сказал Солнышкин.

— Ну ладно, для общего дела можно, — сказал Борщик. — Как-нибудь выкручусь. — И отсчитал им десяток сарделек.

Друзья, подпрыгивая, побежали на корму, туда, где отдыхали медведи.

А артельщик всё стоял на своём посту. Он чувствовал себя исполняющим очень важное дело. Вдруг до него донёсся крик Солнышкина:

— Перчиков, айда в артелку за сардельками! Вся команда жуёт. А мы что, стоять будем?!

Артельщик схватился за карман. Ключи были на месте. «Пугают, собаки. Не выйдет». Он стал успокаиваться, но вдруг прямо ему навстречу заковылял Миша-1. Из пасти у него торчала сарделька, а в лапе была вторая. Через минуту мимо него затопал Мишка-2 с целой гирляндой сарделек на шее. Артельщик заметался. И тут в конце коридора он увидел Солнышкина, который тоже весело жевал сардельку.

— Обжоры! Тунеядцы! — завыл артельщик и бросился со всех ног вниз.

И в тот же самый момент Перчиков влетел в рубку и уселся за аппарат.

«Внимание, внимание! — понеслось из-под ключа. — SOS! Пароход “Даёшь!” находится на мели у острова Опасности. Срочно принимайте меры! Перехожу на приём!»

И тут же издалека, с берега, донеслось в ответ:

«Держитесь! Жив, здоров, вылетаю на выручку. Капитан Моряков».

СЧАСТЛИВЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

— Беда, беда! — ворвался в каюту Плавали-Знаем артельщик. — Меня обманули. Перчиков сообщил в пароходство. К нам летит Моряков!

Плавали-Знаем в бешенстве вскочил с кресла:

— Команду на корму! Всех до единого! Я сам буду командовать действиями. — Он сбросил сапоги, скинул китель и выбежал на палубу.

Команда шумно толкалась, ничего не понимая.

— За мной! — приказал Плавали-Знаем и прыгнул с кормы на землю. Из-под его ног с хрюканьем выскочил поросёнок. — За мной! — повторил Плавали-Знаем. — Налегай! — И упёрся плечом в корму.

— Охота была! Видал я это дело в белых тапочках, — сказал сверху Федькин.

Но тут появился Челкашкин.

— Ничего не поделаешь, — сказал он. — Судно нужно спасать. — И полез в воду. Вокруг сразу запахло медикаментами.

Скоро вся команда навалилась на корму и пыхтела так, что вокруг поднимался ветер.

— Без толку! — ворчал Бурун. — Подождём прилива!

— Я вам подожду! — скрипел зубами Плавали-Знаем.

Ему хотелось во что бы то ни стало сняться с мели до появления Морякова. Но тут в синем небе что-то застрекотало, и все увидели прямо над собой большой вертолёт. Дверь его распахнулась, по трапу стал быстро спускаться Моряков, а за ним три молодых штурмана.

— Боцман! Перчиков! Петькин! Дорогие мои, да что с вами стряслось? — бросился к корме Моряков. — Ай-яй-яй! — И он закачал головой: — Кто это вас загнал в воду?

Тут из-под кормы выбрался Плавали-Знаем, весь в морской траве и в тине.

— А-а-а, это вы здесь руководите действиями? — грустно сказал Моряков. — Так вот: вас отзывают немедленно в пароходство.

Плавали-Знаем взобрался наверх и заковылял в каюту.

— Теперь по местам! За работу, ребята! — скомандовал Моряков.

Все полезли на палубу. Волны стали подкачивать к судну. «Даёшь!» покачулся, и из-под его кормы с лаем разбежались собаки. На берег с квохтаньем полетела курица, и на палубе осталось одно беленькое яичко, которое она успела снести. Его тут же подобрал Борщик. В это время на палубу вышел Плавали-Знаем. В сапогах, в капитанской фуражке, он полез по трапу на вертолёт. На руке у него болталась клетка, в которой сидел попугай и при каждом толчке кричал: «Лево руля, право руля!» Вертолёт взмыл вверх и скрылся из виду.

Тогда Моряков поднялся на мостик и скомандовал:

— По местам!

На рукавах его сверкнули золотые капитанские нашивки. Потом он посмотрел вниз и приказал Федькину, ставшему за штурвал:

— Лево руля!

Корма тихо поползла с мели.

— Ещё лево!

Пароход покачулся на волне. И Моряков приказал:

— Полный вперёд!

«Даёшь!» понёсся вперёд.

Команда мыла судно, артельщик перетаскивал с кормы на место боцманское имущество и пыхтел:

— Уйду на берег! Хватит! Меня в любой магазин возьмут колбасником!

Солнышкин с медведями драил палубу, а Моряков говорил о нём:

— Матрос, прирождённый матрос! Как работает, а? И что за фантазия! Придём в Океанск — премирую его десятью порциями мороженого.

А сзади парохода весело плыл знакомый кит и выбрасывал вверх весёлые фонтанчики. Он так и приплыл вместе с судном в Океанск. И когда председатель Океанского горисполкома узнал о его подвиге, он тут же пообещал построить для кита специальный бассейн в Океанском аквариуме.

Кита знают все жители Океанска и зовут его Землячком. Каждое лето Землячок приплывает в бухту Золотой кит и смотрит, скоро ли выстроят обещанный ему бассейн.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Солнышкин возвращался из первого рейса и, конечно, волновался. Он выбрался на бак, ухватился руками за край фальшборта и вглядывался в очертания Океанска. Слева от него, положив на лапы морду, смотрел Миша-1, справа стоял Мишка-2. Вот вдалеке уже показался бронзовый трубач в краснозвёздной будёновке, вот знакомая сопка, на которой сверкнул стёклами островерхий домик старого Робинзона. Сердце Солнышкина закопалось, как лодка во время прилива. Он обнял медведя. Вот откуда-то сверху грянула песня:

Штормы нас всех позовут,
В море герои уйдут...

Солнышкин поднял голову. Слева от сопки раскрылись ворота мореходной школы, и из них строем вышли курсанты. Сверкали трубы, будто в городе готовились к празднику.

Солнышкин бросился одеваться. Сегодня он будет ходить по городу, заглядывать в магазины и кино, и никто не будет знать, что за человек идёт, какие штормы он пережил.

Солнышкин надел чистую рубаху, приоткрыл воротник, чтобы виднелся уголок тельняшки, но тут же решительно застегнул его снова. «Не хватать!» — решил Солнышкин и вышел из каюты. Он шёл по коридору и думал, как заявится к старому Робинзону.

— Ах, Солнышкин, какой же ты красивый! — раздался тихий вздох. Из каюты выглядывала Тая. — А ну-ка, стой! — сказала она и осмотрела его. — Всё в порядке, не хватает только одной вещи.

— Какой? — с испугом спросил Солнышкин.

— Сейчас узнаешь! — сказала Тая. Она открыла чемодан и достала свитер. Его, солнышкинский, свитер! — А ну-ка, надевай, — сказала Тая. — Моему племяннику он, наверное, мал, а тебе как раз. Надевай!

Солнышкин молча продел голову в свитер, просунул руки, и Тая всплеснула ладонями:

— Смотри, ну будто на тебя связан! Теперь хоть в Москву поезжай!

Солнышкин промолчал, но глаза его заблестели от благодарности.

Едва судно вошло в порт, он разогнался по трапу.

— Куда? — преградила ему путь тяжёлая толстая рука. Перед ним, расставив ноги, стоял Петькин. — Куда? А вахту за меня кто стоять обещал?

— Ты что? — возмутился вдруг появившийся следом Перчиков.

И Петькин втянул голову в плечи. Он хорошо помнил, как однажды в бурную ночь помогал тащить Перчикова за ноги...

В это самое время на причал въехал зелёный грузовик с тяжёлой металлической клеткой. В неё можно было бы упрятать слона. Из-за решётки выглядывали несколько человек в цирковых ливреях. Из кабины выпрыгнул румяный мужчина в форме укротителя, в галифе с лампасами и с бичом в руке. Он подошёл к пароходу и спросил:

— Медведи здесь?

— Там,— живо откликнулся Петькин и показал на корму.

— Вперёд! — скомандовал укротитель и хлопнул в воздухе бичом.

Пять работников цирка выпрыгнули из клетки, пригибаясь, будто на охоте, и побежали за ним по трапу. В руках у них громыхла ржавая железная цепь.

— Обходи слева, обкладывай справа! — кричал дрессировщик.

— Храбрецы! — язвительно усмехнулся Перчиков. — Интересно, почему они не притащили с собой взвод гвардейских миномётов?

— Или танковую дивизию,— дополнил Солнышкин.

Румяный укротитель свысока посмотрел на них и хотел что-то сказать, но Перчиков подтолкнул Солнышкина в бок:

— А ну-ка, покажи им настоящую цирковую работу!

Солнышкин, раздвигая цирковых служителей, направился к корме.

Но ещё из-за угла он увидел странную группу: старый Бурун стоял около медведей и из обеих рук подкармливал их сахаром.

— Медведики мои, славные, хорошие! — приговаривал он и грустно улыбался.

Мишки хрустели сахаром и тёрлись мордами о его рукава.

Солнышкин окликнул их. Медведи повернулись. А Бурун испуганно вскинул голову.

— Что, уже в цирк? — спросил он.

— Угу, — кивнул Солнышкин.

— А может, спрячем их, Солнышкин? — сказал боцман. — Ведь как палубу дряют, ни один матрос так не сработает. Спрячем, а?

— Нельзя, внизу ждёт машина, — развёл руками Солнышкин.

Боцман взглянул на причал и вдруг подскочил с криком, преграждая дорогу:

— Не дам, не позволю в клетку! Что они — звери какие-нибудь? — И на все увещевания Солнышкина он продолжал кричать: — Не дам, не пушу!

— Боцман, медведи-то цирковые, — сказал Солнышкин. — Мы их и так проведём через весь город. — И в обнимку со своими мохнатыми друзьями он прошёл мимо изумлённого дрессировщика. Потом взял под руку Перчикова, и они двинулись по улице к зданию цирка с полотняным куполом.

Сзади гроыхал грузовик с клеткой, внутри которой сидели служители цирка. Укротитель стоял на подножке и каждую минуту с бесстрашным видом щёлкал бичом. Из всех дворов выскакивали мальчишки и кричали:

— Цирк на улице!.. Медведи!

Выходили и взрослые. Говорили:

— Это в нашем цирке придумали к празднику, хорошо!

Над улицей хлопали разноцветные флаги расцвечивания — голубые, жёлтые, красные. Солнышкин чувствовал себя счастливым.

А сзади толпы по улице, забыв все судовые дела, шёл старый боцман. И с завистью смотрел на Солнышкина. С боцманом происходили удивительные вещи.

ПОДАРОК БАБУШКЕ

Оставив медведей в цирке, Солнышкин и Перчиков выбрались на улицу.

Трепетали листья акации, от цветочных запахов щекотало в носу, носился белый тополиный пух...

— Ах, всё как дома у бабушки, — сказал Солнышкин и вдруг спохватился: — Перчиков, идём на почту! Я должен дать бабушке телеграмму.

— Телеграмму! — сказал Перчиков. — Нашёл чем удивить!

— А что? — спросил Солнышкин.

— Пошли ей денег, пусть купит себе подарок.

— Денег... — вздохнул Солнышкин.

Он бы послал, но он ведь ещё не успел получить ни одной копейки, и, кроме пятёрки, подаренной старым Робинзоном, у него ничего не было. Но Перчиков сказал:

— Пошлём денег!

Он сунул руку в карман, вытащил три красные хрустящие бумажки и приказал:

— Заполняй бланк!

Солнышкин вывел на бланке адрес и с обратной стороны крупными буквами стал писать:

«Дорогая бабушка Анна Николаевна, шлём Вам привет и эти деньги. Купите себе новый платок и...»

— Приёмник «Рекорд»,— подсказал Перчиков.

«...приёмник “Рекорд”,— написал Солнышкин.

— И слушайте передачи с Тихого океана,— сказал Перчиков,— по которому плавает ваш внук.

«Желаем счастья и здоровья. Матрос парохода “Даёшь!” Алексей Солнышкин».

Потом он подумал и дописал:

«И его друг радист Перчиков».

Оба они подписались, отправили деньги и вышли на улицу.

Земля перед ними покачивалась, дома покачивались, а ноги медленно вели вверх на сопку, где стоял островерхий домик старого Робинзона.

Солнышкин уже представлял себе, как они встретятся, как, сидя на медвежьей шкуре, будут пить кофе и вспоминать разные приключения...

Но, подойдя к дому, Солнышкин увидел: окна были заколочены, а на двери висел большой ржавый замок.

— Куда делся Робинзон? — волновался Солнышкин. — Что с ним случилось?

— Чудак! — успокоил его Перчиков. — Просто он, наверное, переехал в новый дом. Выбрал себе что-нибудь поуютней этой развалины.

И хотя Солнышкину этот дом очень нравился, он, в общем, согласился с Перчиковым. И они направились в порт.

А по другой стороне улицы шагал счастливый Бурун. Он шёл готовиться к своему последнему

рейсу, потому что после него уходил на пенсию — и на работу в цирк. Правда, не укротителем и не дрессировщиком, но он был готов даже расстилать ковёр, на котором будут выступать его любимые медведики!

НЕУЖЕЛИ ВСЁ КОНЧИЛОСЬ?

Вечером, когда усталый от ходьбы Солнышкин прилёг отдохнуть на своём втором этаже, в каюту ворвался Перчиков.

— Дрыхнешь и ничего не знаешь?

— А что? — вскочил Солнышкин.

— Как «что»? Идём в Антарктиду!

Солнышкин так подскочил, что врезался головой в потолок, но даже не обратил на это внимания.

— Не может быть!

— Может! — крикнул Перчиков. — Всё может быть, Солнышкин. Мы везём продукты полярникам!

И друзья бросились обнимать друг друга:

— Да здравствует Антарктида! — крикнул Перчиков.

— Да здравствуют айсберги!

— Да здравствуют пингвины! — ещё громче заорал Солнышкин и с маху сделал стойку на руках.

С этого часа дни помчались наперегонки, как дельфины. Все бегали, суетились, к пароходу подлетали грузовики. В трюмы вносили ящики с консервами и компотом, мешки с сахаром и мукой, сгущённое молоко и шоколад, сухари и галеты.

Солнышкин торопился со всеми, сам себе командовал и сам всё исполнял. Он купил карту, чтобы отмечать маршрут судна, смастерил клетку, в которой решил привезти на Большую зем-

лю настоящего королевского пингвина. По ночам он часто вскакивал с постели и, выглянув в иллюминатор, вздыхал: ему снились айсберги! И он совсем не замечал, как к нему исподтишка подкрадывалась беда.

Наступил день отплытия. Пароход «Даёшь!» торжественно вывели на рейд. Солнышкин стоял на вахте у трапа и всматривался в берег. Там махали платочками женщины, инспекторы носились с бумагами, а Моряков получал на берегу последние документы и особо важные распоряжения.

Он должен был подойти к судну на катере, и Солнышкин привязывал к борту красивый капитанский штормтрап. Он завязал его уже на один узел, как вдруг за спиной раздался знакомый возглас:

— О, привет Солнышкину!

Солнышкин оставил трап и оглянулся. С другой стороны, прямо через борт перебрасывая длинные ноги, с маленького буксирного катера кто-то перелезал на «Даёшь!». Нос человека медленно вращался, принюхиваясь к запахам, а глаза уже нашаривали дверь камбуза. И хотя лицо и руки человека были чернее сажи, Солнышкин сразу узнал Ваську-бича. Он вспомнил первую встречу, путешествие по городу и с улыбкой спросил:

— Ну, как компот?

— Ах, Солнышкин! — торжественно сказал Васька. — Я ведь работаю. Работаю, Солнышкин. В жизни, кажется, есть кое-что поважнее компота...

В это время с катера закричали:

— Васька! Васька!

Он кивнул чумазой головой и заторопился:

— Видишь, без Васьки никуда! Лошадиных сил у мотора не хватает. — Он перекинул ногу че-

рез борт и улыбнулся: — Будь здоров, Солнышкин! Нас ждут великие дела!

Солнышкин протянул ему свою руку, и вдруг Васька оцепенел: на руке у Солнышкина сверкнул удивительный старинный компас.

— Вот это штучка! — сказала Васька. — Продай!

— Не могу, — ответил Солнышкин.

— Меняю на тельнягу и ботинки.

— Не могу, — сказал Солнышкин. — Не нужны мне тельняшки и ботинки. Компас-то особенный...

— А что? — спросил Васька.

— Да так... Говорят, если правильно живёшь, на север показывает, плохо — вертится из стороны в сторону.

Солнышкин разговорился, а именно в этот момент Моряков возвращался с берега на судно. Он был человек верного слова и держал в руке десять порций сливочного мороженого, которыми обещал премировать Солнышкина.

— Отличный, настоящий матрос! — повторял он.

И как только катер подвалил к борту «Даёшь!», Моряков прыжком повис на штурмтрапе и стал подниматься вверх.

Фьюить! — свистнуло вверх.

Фьюить! — свистнуло второй раз.

— Стойте! — крикнул Солнышкин, но трап уже дёрнулся, узел развязался, и Моряков вместе с десятью порциями мороженого бултыхнулся вниз.

Он тут же вынырнул, но короткая балясина — деревянная ступенька — стукнула его по лбу. Он вынырнул второй раз, но вторая ступенька больно шлёпнула его снова. Солнышкин с ужасом смотрел, как десять раз выныривал Моряков и десять раз ступеньки шлёпали его по одному и тому же месту. Наконец трап свалился совсем, и

на поверхности рядом с ним закачалась капитанская фуражка.

— Спасайте! — завопил Солнышкин.

— Человек за бортом! — закричали на катере и бросились на помощь.

Моряков, вынырнув, приоткрыл один глаз, высунул из воды крепкую руку, ухватился за конец каната и в минуту оказался на палубе. С него ручьями стекала вода, на лбу вырастала громадная шишка. Потирая лоб, он бросился в каюту.

«Всё! — подумал Солнышкин. Он побледнел, и его рыжий чубчик стал бледным, как лёд в Антарктиде. Он закрыл рукой лицо.— Вот тебе и Антарктида! Вот тебе и пингвины! Неужели всё кончилось?»

ВПЕРЕДИ ПАРУСА!

Вокруг Солнышкина собралась вся команда.

— Бедный Солнышкин! — ехидно ухмыльнулся артельщик, которого не успели выгнать из-за срочности рейса.

— Разиня! — сердито процедил сквозь зубы Федькин и отпустил Солнышкину щелчок.

— Ах, Солнышкин, мы все тебя любим,— сказала Марина, будто уже прощалась.

— Ну и ну, отмочил! — вздохнул Перчиков.

А Солнышкин стоял ни жив ни мёртв и думал: «До свиданья, Антарктида, до свиданья, океан!»

— А всё из-за Васьки и ещё из-за этой вот штуки! — с горечью проговорил он и щёлкнул пальцем по крышке маленького бронзового компаса.

— Не мели ерунду,— возразил Перчиков, который никогда не интересовался, что это за компас у Солнышкина на руке.— При чём тут эта коробка?

— А при том,— сказал Солнышкин и выложил Перчикову историю робинзоновского подарка.

— Забавно,— качнул головой Федькин, глядя на компас.

— Всё показывал правильно! А тут, когда я болтал с Васькой, в самую трудную минуту не мог шевельнуться! За штурвалом я стоять не умею, а на компасе — всё правильно. Узлы вязать не умею, а на компасе — правильно. И моряком я ещё не стал — всё равно правильно,— чуть не глотая слёзы, говорил Солнышкин.

— Знаешь,— задумчиво перебил его Перчиков,— ты, конечно, прав, настоящим матросом ты ещё не стал, но не беда, Солнышкин, не всё сразу! Самое главное, чтобы работал как следует твой самый надёжный компас.— И Перчиков положил ладонь Солнышкину на грудь, где тихо и грустно стучало его сердце.— А он работал неплохо. И этот бронзовый старичок всё показывал верно.

И тут все увидели, как стрелка маленького бронзового компаса, едва шевельнувшись, твёрдо указала на «норд».

— Жаль только, что случилась вся эта ерунда,— сказал Перчиков и подумал вслух: — А что, если нам всем пойти к Морякову?

Вдруг среди общего крика раздался голос боцмана:

— Солнышкин, к капитану!

Все замерли. Где-то далеко в городе звякнул трамвай, за бортом плеснула волна, и с криком пролетела чайка.

Солнышкин вздохнул, пригладил чуб, поднялся по трапу и переступил порог капитанской каюты.

Моряков ходил взад и вперёд, прикрывая подушкой посиневший лоб.

— Та-ак,— мрачно сказал капитан и повернулся к Солнышкину: — Значит, убить меня захотел?

— Нет, что вы... — грустно ответил Солнышкин.

— Значит, утопить меня захотел?

— Не хотел... — ещё грустнее сказал Солнышкин.

— Опозорить меня перед всем флотом захотел?

— Нет-ет,— покачал Солнышкин головой.

— Так не хотел? — спросил сердито Моряков.

— Нет,— повторил Солнышкин и посмотрел на свои ботинки.

— Ну что ж, раз не хотел — так и быть. Марш на вахту! А шишку я тебе ещё посажу не такую! — погрозил Моряков кулаком и потёр лоб.

— Десять шишек! — раздалось за дверью, и в каюту влетел Перчиков.

— Тысячу шишек! — крикнула Марина и чмокнула Солнышкина, как после долгой разлуки.

Всё это время они стояли за дверью. Солнышкин хлопал рыжими ресницами и не верил своему счастью.

— Марш на вахту! По местам! — сердито приказал Моряков и выглянул в иллюминатор. И вдруг он охнул и запричитал: — Батюшки, батюшки! Мирон Иванович! — Он прикрыл ладонью шишку и, повернувшись к Солнышкину, крикнул: — Трап! Немедленно парадный трап!

Солнышкин выглянул в дверь и увидел, что к борту подходит катер, а с него машет мичманкой старый добрый Робинзон.

— Батюшки! Мирон Иванович! Как же так?! Куда?

— В отпуск. В Антарктиду,— сказал Мирон Иванович и весело улыбнулся.

Робинзон выбрался в плавание. За долгие годы он наконец взял отпуск и решил провести его на пароходе своего прославленного воспитанника.

— А как же дом, хижина, глобус? — крикнул Моряков.

— Всё пошло в музей пионерам, — махнул рукой Робинзон. И подошёл к трапу, который на редкость быстро наладили Солнышкин с Перчиковым.

Моряков осмотрел узел, потрогал его рукой и крикнул вниз:

— Поднимайтесь! Поднимайтесь! — И скоро принял в объятия отважного старика.

— А где же Солнышкин, что с ним? — спросил Мирон Иванович.

— А вот он, вот он, — показал на него Моряков, прикрывая шишку на лбу.

— И как он? — спросил старик.

— Отлично, отлично! — потирая лоб, сказал капитан. — Будет настоящим моряком. — И он повёл Робинзона в свою рубку.

Через минуту оттуда раздался его громовой голос:

— Все по местам!

Бывалый капитан показывал своему воспитателю старую выучку.

Но тут на катере за бортом раздался знакомый возглас:

— Стойте! Стойте!

Это, как всегда, в последнюю минуту с катера по трапу поднимался доктор Челкашкин.

Наконец все встали по местам. Загудела машина, загрохотали лебёдки.

Боцман Бурун выбирал якорь и, поглядывая на берег, шептал:

— До свидания, медведики! До скорого свидания, родные!

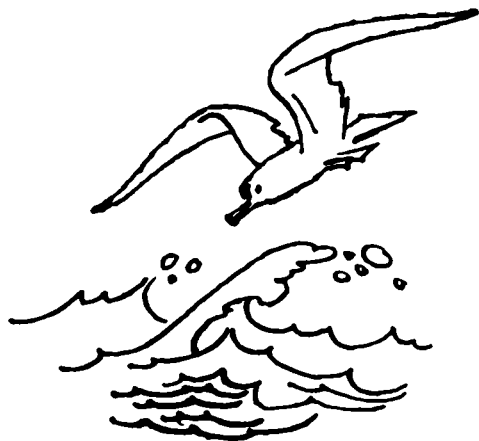
Судно разворачивалось, вдали оставались сопки и становились лилипутиками белые домики Океанска; по бортам парохода пенилась зелёная вода.

Капитан Моряков отдавал команды.

А на самом носу парохода «Даёшь!» в обнимку стояли Солнышкин и Перчиков. Над ними кричали чайки, мимо пробегали яхты и впереди покачивались белые паруса.

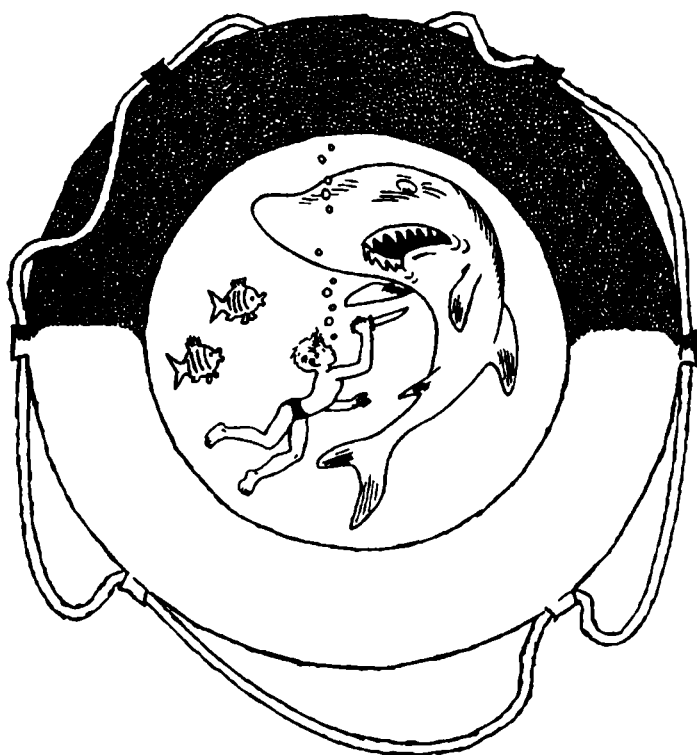
Друзья всматривались в горизонт, и навстречу им катились волны далёких океанов.

1965 — 1966

**СОЛНЫШКИН
ПЛЫВЕТ
В АНТАРКТИДУ**

КАЮТА ДЛЯ РОБИНЗОНА

Пароход «Даёшь!» торопился на юг, к жарким тропическим водам. Перед ним вежливо раскладывались медузы, и молодые акулки, сворачивая налево и направо, почтительно уступали ему дорогу.

Над мачтами качалось солнце, ныряло в каюты, и настроение у матроса Солнышкина было самое солнечное. Он усердно мылил стены каюты, в которой совсем недавно обитал драгоценный попугай храброго капитана, и вокруг разлетались радужные мыльные пузыри.

Теперь попугай шатался со своим хозяином по Океанску, а Солнышкин смывал их следы и слушал доносившуюся с палубы песенку, которую сочинил матрос Федькин:

Шутки и песенки — их багаж;
Полночь, но не до сна им:
Что это, братцы, за экипаж?
Плавали, братцы, знаем!
По Антарктиде грохочет лёд,
Но и во льду — весна им!
Что это, братцы, за пароход?
Плавали, братцы, знаем!

Солнышкин окатывал переборки водой, и по ним золотистыми медузами расплывались солнечные пятна. Он представлял, как внесёт в каюту Таин чемодан и поставит на прежнее место, как она всплеснёт руками, а Марина скажет: «Молодец, Солнышкин!»

Солнышкин засмеялся, и его руки забегали ещё быстрее.

Наконец он вытер пол, отжал тряпку, выставил на палубу ведро и постучал к Марине в каюту.

— Да-да, входи, Солнышкин! — сказала Марина, и Солнышкин улыбнулся: она узнала его стук!

Он распахнул дверь.

— Разрешите ваш чемоданчик! — попросил он, протягивая руки к Тае.

— Зачем? — удивилась Тая.

— Можете перебираться в свою каюту!

Тая всплеснула руками, Марина хотела что-то сказать. Но Солнышкин уже подхватил чемодан и, высоко подняв голову, шагал к Таинной каюте.

В коридоре торжественно посвистывал встречный ветерок.

Через несколько шагов Солнышкин вскинул голову ещё выше: с противоположного конца коридора к нему приближался его друг, старый инспектор Океанского пароходства Мирон Иванович, по прозвищу Робинзон.

— Здравствуйте, Солнышкин!

— Здравствуйте, Мирон Иванович! — радостно кивнул Солнышкин. Но вслед за этим на его лице появилось лёгкое недоумение и на носу проступили крупные веснушки.

В руке у Робинзона тоже был чемоданчик. Под мышкой торчала свёрнутая медвежья шкура, из которой внимательно поглядывал глазок подзорной трубы. И остановился Робинзон у той же самой каюты.

— Кажется, эта каюта свободна? — спросил Робинзон.

Солнышкин мигнул, не зная, что сказать. Он готовил каюту для Таи. Но не мог же он выпроводить и своего старого друга! Солнышкин покачал чемоданчиком и смущённо оглянулся.

Марина и Тая остановились.

Робинзон тоже качнул чемоданчиком и усмехнулся:

— Вот так дела! Кажется, я забрёл не на своё место!

Солнышкин готов был провалиться сквозь палубу. Он думал, что бы предпринять. Но сзади раздался голос Марины:

— Что вы, Мирон Иванович! На своё!

Солнышкин исподлобья посмотрел на неё.

— Но кажется, вы тоже направляетесь в эту каюту? — учтиво поклонился Робинзон, поглядывая на чемоданчик в руке Солнышкина.

— Конечно! — сказала Марина.

— Конечно! — подтвердила Тая. — Мы пришли посмотреть, как Солнышкин приготовил для вас каюту!

— Неужели для меня? — лукаво спросил Робинзон. — Но зачем же тогда ваш чемодан?

— А увидите, — сказала Тая.

— Ну что ж, тогда прошу, — пригласил Робинзон. — Прошу! — И распахнул дверь.

По переборкам струились солнечные блики. За иллюминатором перекачивались зелёные волны, а с лёгким сквознячком в каюту влетал громкий крик чаек.

— Спасибо, Солнышкин! — сказал Робинзон и приподнял фуражку.

— Молодец, Солнышкин! — сказала Марина.

А Тая вынула из своего чемоданчика белую скатёрку.

— Вот видите, — сказала она и одним взмахом накрыла ею стол.

Солнышкину показалось, что всё вокруг наполнилось солнцем. Он готов был мыть и драить все каюты, все корабли, все флотилии на земле.

И сверху раздался крик боцмана:

— Солнышкин, ко мне!

ЦИРКОВЫЕ ШТУЧКИ БОЦМАНА БУРУНА

«Даёшь!» был чист, сиял, как ложки перед обедом. Но боцману Буруну не терпелось начать покраску. На кормовой стреле с кистью в руке сидел матрос Петькин. А на носовой стреле раскачивался матрос Федькин. Оттуда и доносились его песенки.

Сам Бурун на коленках ползал по коридору с лупой в руке и приглядывался к палубе, высматривая царапины. У машинного отделения он чуть не прилип к палубе носом. Прямо перед ним краснело пятно с целый пятак, а рядом ржавело несколько закорючек вроде запятых. Красить, медленно красить!

Бурун крикнул!

— Солнышкин! — и поднял вверх глаза.

Солнышкин стоял перед ним. Он ждал любого, самого отчаянного приказа. И Бурун приказал:

— Спать!

Этого Солнышкин не ожидал.

— Ты что, боцман? — удивился Солнышкин. Раньше он не замечал за Буруном любви и шуток.

— Спать! — сказал Бурун и вскинул брови. — Сейчас спать, а ночью красить. Чтоб не топтали. Раскатаем под зелень. — И боцман улыбнулся: — Как в цирке!

Старый Бурун скучал по своим медведикам, которых оставил в Океанске. Ему всюду мерещился цирк, и, если бы мог, он превратил бы в цирковую арену весь пароход.

Боцман приготовил ведро краски и пошёл в каюту, засыпая уже на ходу...

Солнышкин тоже прилёг. Приказ! Но ему не спалось. Запахи краски кружили голову. Он видел, как из его рук выплывают разноцветные корабли и, поводя боками, идут к Антарктиде.

Наконец за иллюминатором потемнело. В небе покачнулась звезда, за ней вторая, третья. И скоро тысячи звёзд приплясывали над огоньками парохода.

На палубе смолкли разговоры. Сделав обход, захлопнул дверь лазарета доктор Челкашкин. Взялся за ключ рации Перчиков. И как только наверху затихла последняя песня Федькина, Солнышкин бросился в красилку.

Ведро было полнѐхоньким. Солнышкин три раза отдыхал, оглядываясь по сторонам. Но через несколько минут он уже макал кисть в ведро и размазывал краску по палубе.

«Пусть старый поспит подольше, и всё будет как в цирке!» — думал Солнышкин.

Палуба становилась ярко-зеленой.

— Как ковер! — говорил Солнышкин и добавлял: — И как мокрая трава в тайге.

Палуба зеленела, словно луг после дождя. Не хватало только пения лягушек.

Солнышкин водил из стороны в сторону языком и быстро пятился. Он оглянулся только тогда, когда его пятки упёрлись во что-то твердое. Сзади был трап! Солнышкин выплеснул на палубу остатки краски, растёр её и, выйдя из коридора, довольный, присел на краешек трюма.

Выходила луна. Влажный ночной ветер дул ему в лицо, и Солнышкин, усмехнувшись: «Всё как в цирке», опустил голову...

Он дремал наверху, боцман похрапывал в каюте.

Сквозь сон до боцмана донеслись нежные запахи краски. Бархатной, зелёной! Рука боцмана сползла с одеяла и от лёгкой качки двигалась влево-вправо, влево-вправо.

«Хорошо получается! — думал боцман. — Очень хорошо!»

Ему снилось, что это он сжимает кисть и красит коридор. Но рука ударилась о край койки, и боцман вскочил: а ведь и в самом деле пора красить!

Бурун нащупал ногами деревянные колодки и шагнул в коридор.

Он хотел повернуться и идти направо, но его ноги не сдвинулись с места. Он попробовал оторвать их от пола, они не поднимались. Колодки намертво приросли к палубе.

Ошарашенный Бурун вылетел из колодок, ухватился за фонарную решётку и, боясь опустить ноги, словно летучая мышь, повис под потолком. Пароходик подбросило.

— Кажется, начинает покачивать, — заметил в рубке молодой штурман Безветриков, по прозвищу Тютелька в тютельку, который любил необыкновенную точность. — Полбалла есть!

— Да, вы правы: на балл меньше или на балл больше! — согласился штурман Ветерков, по прозвищу Милей больше, милей меньше.

— Магнитит! — рассуждал боцман, качаясь
взад и вперёд.

В это время сбоку открылась дверь машинного
отделения.

— Ты что это раскачиваешь судно? — уди-
вился машинист Мишкин.

— Магнитит! — показал глазами на палубу
Бурун.

— Да ну? — ещё больше удивился Мишкин.

Он нагнулся, приложил к палубе большой па-
лец, и на нём оттиснулся толстый слой краски.
«Магнитит», — усмехнулся Мишкин и закрыл
дверь.

Бурун косо посмотрел вниз, приподнял пятку,
припомнил свой сон... Потом раскачался и,
разжав пальцы, пролетел через весь коридор.
Он ещё раз осмотрел палубу и опустил на сту-
пеньки.

А в десяти шагах от коридора, на краешке
трюма, дремал Солнышкин. Над ним светили
южные звёзды, а из его рук всё уходило к Антар-
ктиде цветные корабли.

НУЖНО ЗАКАЛЯТЬСЯ, ПЕРЧИКОВ!

Солнышкин проснулся оттого, что кто-то
больно ухватил его за щеку и тянул неизвестно
куда. Он завертелся от боли. К щеке присохла
кость, которую он дёргал то вниз, то вверх.

Солнышкин скатился к умывальнику и, пока
спала команда, усердно оттирал краску.

Когда захлопали двери кают, он вышел в ко-
ридор.

У машинного отделения Бурун показывал
Федькину и Петькину то на потолок, то на палу-
бу, к которой примагнитились его колодки, и
рассказывал приключившуюся с ним историю.

— Неужели во сне? — спрашивал Петькин.

— Сам удивляюсь! — говорил боцман.
— А Солнышкин? — поинтересовался Федькин.
— Солнышкин! — воскликнул Бурун. — Да он спал, как килька в банке!

Солнышкин был доволен. Он сдерживал смех и думал, что бы сделать ещё такое неожиданное и приятное.

— Ха-ха! — хлопнул он себя по лбу и посмотрел на каюту Робинзона. — Пока старик может, наведу у него порядок!

Он взялся за ручку, но кто-то тронул его за плечо:

— Доброе утро, Солнышкин! — За спиной у него стояла Марина.

— Доброе утро! — сказал Солнышкин и сунул руку в карман.

— Ну, что ж ты стал? — улыбнулась Марина. — Ведь вместе будет быстрее!

— Быстрее! — кивнул Солнышкин и приоткрыл дверь. В лицо ему едва не порхнуло полотенце.

В каюте было ветрено и свежо. Робинзон любил песни морского ветра — и иллюминатор был распахнут настежь. Койка была строго заправлена, и от зари уголок подушки светился, будто ломтик арбуза.

— Морской порядок! — сказал Солнышкин. — И хозяина уже нет.

— А хозяин смотрит, скоро ли появится Антарктида, — сказала Марина, выглянув в иллюминатор.

Робинзон стоял на палубе у борта и смотрел в подозрную трубу, будто искал что-то на горизонте.

— Ну, до Антарктиды далеко! — возразил Солнышкин. — Впереди ещё Жюлькипур!

— Далеко, а кое-кто к встрече с ней готовится сейчас. Вон у Пионерчикова вся каюта завалена

книгами про Антарктиду,— сказала Марина.— Правда, нам это ни к чему. Мы ведь новые земли открывать не собираемся. Нам бы доставить груз — и домой.

Но Солнышкин нахмурился: ничего себе! Штурману Пионерчикову книги к чему, а Солнышкину ни к чему?

Минуты и секунды не шли, а летели, как брызги из шланга. Полдня Солнышкин то и дело бегал мимо книжного шкафа, в котором стояли тяжёлые тома энциклопедии.

Он притащил в каюту столько книг об Антарктиде, что Перчиков поёжился, как от холода.

— Ты это что? — спросил он, оторвавшись от радиоприемника.

Но Солнышкин плюхнулся на койку и открыл том, на боку которого золотом была отгиснута яркая буква «А». Через секунду он уже не слышал ни рокота волн, ни гула машины. Солнышкин шагал по сверкающей Антарктиде среди льдов и пингвинов, и перед ним открывались новые земли. Земля Перчикова. Земля Робинзона. Названия старых земель ему нравились не всегда. Подумаешь, Земля Королевы Мод! Уж лучше бы Земля Марины! Никакая королева туда и носа не показывала, а Марина плывёт к настоящей Антарктиде на настоящем пароходе!

— Послушай, Солнышкин, нельзя ли потише? — сказал вдруг Перчиков, зашмыгав носом.

Под пальцами Солнышкина так летали страницы, что у Перчикова от ветра начался насморк. Солнышкин на минуту остановился, потом махнул рукой и сказал:

— Нужно закаляться, Перчиков! Впереди Антарктида!

Он захлопнул книгу и направился к шлюпочной палубе. Там, у шлюпки, лежали два увесистых болта, с которыми Солнышкин упражнялся

каждое утро. Правда, Перчиков под насторожёнными взглядами Буруна то и дело язвительно замечал: «Ты бы прихватил что-нибудь потяжелее! Ну хотя бы боцманский якорь!» Но Солнышкин не обращал на это внимания. Он поднимал болты, бицепсы наливались под кожей, играли, как крупные антоновки, горячий ветер обдавал грудь, а сердце выстукивало: «Так держать, Солнышкин!» Но сейчас Солнышкин вдруг изменил курс: на корме к шуму волн примешивался быстрый лёгкий стук. Это у камбуза заядлые игроки начинали игру в домино.

БРИЛЛИАНТЫ, КОЛБАСНЫЕ, НЕБОСКРЁБЫ!

Артельщик парохода «Даёшь!» лежал на койке и радостно хихикал. Пароход приближался к Жюлькипуру, покачивая боками, словно их щекотала тёплая тропическая вода. А Стёпке казалось, что палуба подпрыгивает вместе с ним от восторга: тысяча топазов, тысяча алмазов, тысяча рубинов!

В руках артельщик держал потрёпанную книжку. Обложки у неё не было, первых страниц тоже. Но Стёпке они были совершенно ни к чему. Зато в тысяча первый раз он перечитывал одну и ту же страницу, и каждая буква на ней подмигивала ему, как драгоценный камень, а каждое слово позвякивало, как горсть золота.

«Там, в одном из кварталов, у самого Жюлькипурского храма пираты зарыли свою добычу — тысячу рубинов, тысячу алмазов, тысячу топазов». Стёпка ещё раз перечитал эту строчку, и в глазах у него сверкнули алмазные фонарики. На книгу упали лучи заката, и страница заиграла рубиновым светом.

— Тысяча рубинов! — воскликнул артельщик. — Да это же целая колбасная!

И буквы на странице взвизгнули, как тысяча сосисочных поросят.

— А почему колбасная? — спросил он сам себя и перевалился на другой бок так, что под ним хрустнула койка. — Какая колбасная? Тысяча колбасных! Тысяча небоскрёбов! Только бы добраться до Жюлькипура. — Он запустил пятерню под матрац, вытащил оттуда ванильный сухарь и перекусил его пополам. — А что мы сделаем с Перчиковым? — И он хрустнул новым сухарём. Сухари хрустели, как косточки. Артельщик вспоминал всех. — А, это вы, гражданин Моряков? А в чистильщики не хотите? Могут взять. Не хотите? Ходите безработным. — И он хрустнул ещё одним сухарём. — А-а, это вы, старый Робинзон? Вам очень подходит форма моего швейцара! Дайте только добраться до Жюлькипура! — Артельщик хрюкнул от удовольствия и, потянувшись, воскликнул: — Тысяча рубинов! Тысяча топазов! Тысяча алмазов!

«Даёшь!» приближался к тропикам, и в лицо артельщику дули тёплые ветры Жюлькипура.

СИГНАЛЫ НЕИЗВЕСТНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ни Солнышкин, ни Перчиков, ни Моряков, конечно, не догадывались о нависшей над ними опасности. Солнышкин играл в домино, а коричневые от загара капитан и радист стояли на самом носу парохода. На тысячи миль вокруг них синел океан. Попутный ветер доносил с камбуза чесночный аромат котлет, над которыми колдовал кок Борщик. Порой судно вздрагивало, и тогда из рубки раздавался голос вахтенного:

— Перчиков, попросите, пожалуйста, вашего друга обращаться с пароходом поосторожнее!

Дело в том, что два дня тому назад, вечером, в радиорубку к Перчикову прибежал взволнованный штурман Пионерчиков:

— Срочно включите локатор!

— Минуту,— неторопливо сказал Перчиков, снимая наушники, в которых раздавалось его любимое «бип-бип-бип».

— Скорее,— попросил Пионерчиков,— мне кажется, нас всё время кто-то преследует.

Перчиков взглянул с иронией на юного штурмана, но, подтянув брючки и выйдя на палубу, насторожился. Его остренький нос вонзился в темноту. При свете луны среди волн действительно то появлялся, то исчезал неясный округлый предмет. Он быстро шёл на сближение с пароходом, и по бокам его бурлили светлые фосфорические полосы. У Перчикова перехватило дыхание. Здесь могли быть и не совсем приятные встречи.

— Ну что? — крикнул Пионерчиков.— Я говорил!

— Бежим! — бросился Перчиков к рулевой рубке.— Морякова вверх! Тревога!

Но едва они взлетели на трап, пароход так подбросило, что Пионерчиков сел и, подскакивая, поехал вниз по ступенькам, а Перчиков задел головой штангу и, к изумлению штурмана, выпал:

— Ура!

От удара в глазах у радиста стало так светло, что он сразу увидел кита. Это же Землячок! Кит, который однажды вынес Перчикова на спине с необитаемого острова, выпускал белый фонтанчик и нежно прижимался боком к пароходу после долгой разлуки. Делал он это не очень осторожно, и поэтому вахтенные просили Перчикова повлиять на кита.

Но Перчикова сейчас волновало не это.

В тот же вечер, когда появился Землячок, счастливый радист вернулся в рубку, настроил аппаратуру на привычный лад, и вновь из звёздных просторов к нему донёсся весёлый звук «бип-бип-бип».

В открытую дверь было видно, как по небу среди звёзд быстро плывёт спутник, и Перчиков снова почувствовал себя в кабине настоящего космического корабля.

Но скоро в наушниках раздался какой-то далёкий-далёкий звук, совершенно незнакомый и непривычный. Такого Перчиков не слышал за всю свою жизнь. Он замер и стал прислушиваться. Звук почти погас. Усмехнулся и погас. И вдруг повторился с новой силой, будто прорвался сквозь далёкие-далёкие миры. Звук напоминал что-то похожее на «дзинь-дзинь-дзинь».

Перчиков бросился в рубку к Морякову:

— Сигналы, непонятные сигналы!

— Позвольте, позвольте! — воскликнул Моряков.— Уж не те ли, которые недавно приняли учёные?

— Какие? — опешил Перчиков.

— Разве вы не слышали сообщений радио? Короткие затухающие сигналы, сигналы других миров, других планет!

И Моряков, распахнув дверь, кинулся в радиорубку. Перчиков трусцой побежал за ним. Сигналы были слышны!

На второй день звуки повторились в то же самое время.

— Если примем их в третий раз,— сказал Перчиков,— сообщим в Океанск!

— В Академию наук! — воскликнул Моряков.— Подумать только, может быть, кто-то за миллионы километров подаёт сигналы всей Земле, всему человечеству, а слышим мы одни?!

А их должны слышать все — в России, в Америке, в Англии!

Вот о чём говорили Моряков и Перчиков на носу парохода «Даёшь!».

— Да, Евгений Дмитриевич! — спохватился Перчиков, услышав об Англии. — У меня к вам просьба.

— Я вас слушаю!

— Не поможете ли вы Солнышкину подучить английский? Ведь скоро Жюлькипур!

Даже в такое время Перчиков помнил о друге.

— С удовольствием! — сказал Моряков. — С удовольствием! — И посмотрел сверху на Перчикова: — Но почему просите об этом вы?

— А я хочу ему сделать сюрприз с помощью техники! — улыбнулся Перчиков. — Положил на ночь магнитофон под подушку, а утром проснулся — и сразу: «Гуд монинг!»

— С удовольствием! — повторил Моряков. — О чём речь! — И посмотрел на часы: — Но кажется, нам пора?

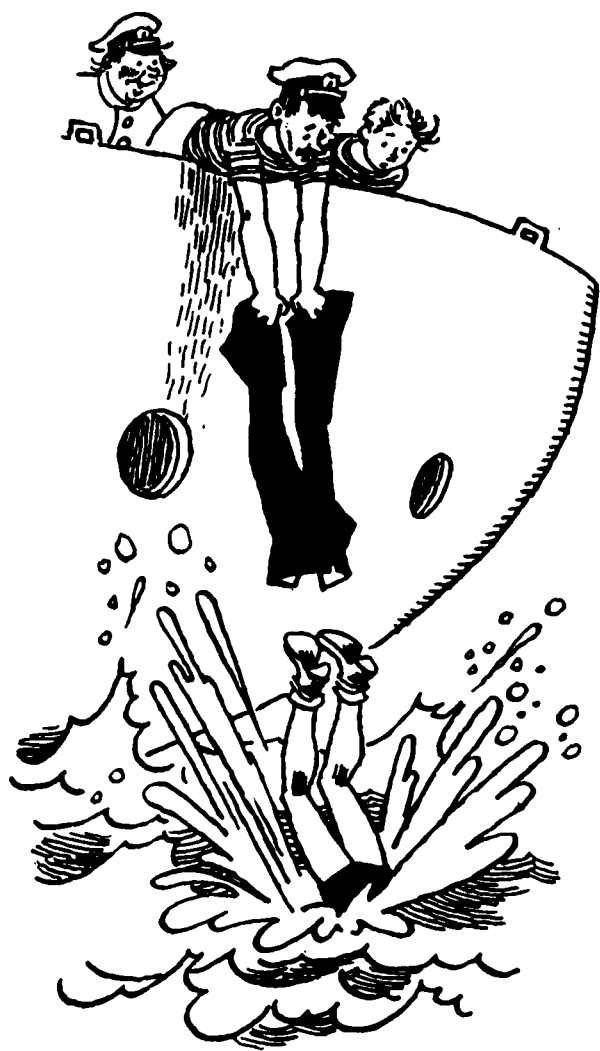
И они решительно направились к рубке.

В этот самый момент с кормы сквозь шум донёсся крик Буруна:

— Стоп! Стоп! Человек за бортом! Человек за бортом!!!

ДУБЛЬ ШЕСТЬ!

Спрятав под матрац заветную книгу, артельщик поднялся на палубу. От великих планов у него кружилась голова, волны несли его на своих плечах к Жюлькипуру, к городу небоскрёбов, базаров, харчевен. Стёпка сам чувствовал себя целым городом с колбасными, небоскрёбами, глаза его вспыхивали, как витрины в лучших ресторанах. Ключи от артелки сами приплясывали в ру-

ках, и пальцы искали, из кого бы тут наvertеть колбас, а кого свернуть в рулет.

Возле камбуза в воздухе вились три уютных дымка, мурлыкала гитара Федькина и на весь океан шлёпали костяшки домино. Там забивали в морского козла. Сбоку на трапе сидел Солнышкин и наблюдал за игрой.

«Повеселитесь, повеселитесь», — подумал артельщик и подошёл к компании:

— Сыграем?

— В пару с Петькиным, — сказал Борщик, мешая домино и принохиваясь: не горят ли на плите макароны.

Степка запустил пятерню в кости и сразу с грохотом хватил ладонью о ящик. Везенье так и валило в руки!

— Шесть — шесть! На всю капусту!

Борщик от неожиданности приподнялся и замигал подпалёнными ресницами. Мишкин сощурился и, прикусив папироску, приставил камень сбоку.

— Шесть — пять.

— Правильно! — сказал Солнышкин, который болел за Мишкина.

— Вас не спрашивают, Лунышкин, — сострил артельщик и так шлёпнул камнем по ящику, что белые точки едва не вылетели из камня. — Четыре — шесть!

— Ну и разошёлся! — с интересом посмотрел на него Солнышкин.

— А нельзя ли потише? — раздался за спиной артельщика сердитый голос.

И на бак в полной форме выскочил штурман Пионерчиков с раскрытой тетрадью в руках. Он сочинял статью о делах юных моряков.

Крик артельщика помешал ему думать в тот момент, когда в голову пришли великолепные слова, а теперь они из головы вылетели.

Пионерчиков и без этого терпеть не мог артельщика.

При каждой встрече он мечтал дать ему хорошего пинка. Но честь морского мундира и пионерский закон не позволяли распускать руки.

— А может, сыграем? — повернулся к нему Стёпка, вскинув рыжую бровь.

— Я в подобные игры не играю, — отчеканил Пионерчиков и сморщил лоб. Он старался вспомнить великолепные слова.

— Дрейфите! — ухмыльнулся артельщик.

— Кто?! — изумился Пионерчиков. Его обвиняли в трусости!

Поставив ногу на край ящика, на котором сидел Борщик, он решительно взял камни из рук поражённого кока.

— Пять — два! — ударил по столу штурман.

— Отличный ход, молодец Пионерчиков, — сверкнул Стёпка тремя золотыми зубами и вбил очередную шестёрку с другой стороны.

Мишкин присвистнул:

— Стучу, еду!

— А ну-ка, Петькин, подайте и мистеру штурману колясочку до самого Жюлькипура! — захотал артельщик.

Но Петькин уныло пожал плечами и выставил совсем другой камень.

— Что делаешь?! — Артельщик толкнул Петькина ногой.

Но было поздно: Пионерчиков удачно выставил следующий камень, а артельщик, замигав, споткнулся носом о собственную ладонь: «Еду».

— Так, — сказал Мишкин, — у кого-то присох дупелёк. Рыба. — И он опустил камень на кон. С обеих сторон стояли четвёрки.

— Считать очки, — сказал Пионерчиков.

Федькин опустил гитару.

Борщик забыл про макароны.

Солнышкин соскочил с трапа.

Все склонились над столом.

И вдруг Пионерчиков насторожился:

— А у кого дубль пять?

Мишкин положил руки на стол. Петькин раскрыл ладони.

— А вон он! — крикнул Солнышкин. — Вон! — И показал в рукав артельщика.

— Какой дубль? — разжав пальцы, усмехнулся артельщик.

И тут Пионерчиков почувствовал, как что-то, щелкнув его по носу, полетело за борт. Он вытянул руку, будто ловил муху, но опоздал.

— Там камень? — сказал Пионерчиков.

— Хе-хе! Где камень? Проверьте!

Это было уже делом принципа. Пионерчиков бросился к борту. Федькин вцепился ему в брюки, но тоненький штурман выскользнул из них и ласточкой полетел в океан. На секунду все в изумлении открыли рты и вдруг разом взвыли.

— Человек за бортом! — кричал Бурун.

— Круг! — крикнул Солнышкин и бросился за спасательным кругом.

— Горим, горим! — заметался Борщик: на камбузе стреляли и дымились макароны.

— Акула, акула! — заорал Федькин.

И тут все увидели, как, переворачиваясь вверх брюхом, к штурману несётся громадная акула.

СТРАННАЯ ТРОПИЧЕСКАЯ АКУЛА

Навстречу Пионерчикову мимо «Даёшь!» стремительно несло серое брюхо приготовившейся для броска странной тропической акулы.

— Багром её, багром! — выпалил покрасневший Бурун и метнул вниз пожарный багор.

Акула пронеслась мимо и приближалась к тому месту, куда нырнул юный штурман. Теперь Пионерчиков остался с хищницей один на один.

— Пропал,— сказал Федькин.

Но штурман вынырнул. В руке он победоносно сжимал дубль и собирался произнести обличительную речь, когда увидел, что пароход уходит. Возмущённый Пионерчиков помахал кулаком вдогонку и тут заметил летящую на него задранную акулю морду. Акула пыталась сорвать ему выступление! В запальчивости Пионерчиков так двинул её ногой, что морда мгновенно вогнулась, а во все стороны от неё полетели красные брызги. Правда, красными они были от заката, но Пионерчиков этого не видел. Он схватил хищницу за горло и с таким треском рванул, что из неё тут же со свистом вылетел дух.

К этому времени «Даёшь!» дал задний ход, и все увидели, как в краснеющую с каждой минутой глубину опускается тело убитой акулы.

Конечно, свысока трудно было разглядеть, что на её морде вышита буква «Т». А Пионерчикову тоже было не до этого.

И только Тая вздыхала, глядя в воду: там тонул её любимый пододеяльник с красивой буквой «Т», который она выронила от испуга, увидев, как Пионерчиков прыгает за борт.

— Шут с ним, с пододеяльником! — сказала она.— Главное — штурман жив, целёхонек.

НЕКОТОРЫЕ НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

— Стоп, машина! Шлюпку на воду!

Моряков и Перчиков летели по трапу через три ступеньки. Солнышкин катил впереди себя спасательный круг, а Пионерчиков уже взбирался по штурмтрапу, который держали Федькин и Бурун.

— Что случилось, что это значит? — спросил Моряков.

Но мокрый победитель акулы, перебросив через борт ноги, направился к артельщику и размахнулся так, что у Стёпки заранее взбухла щека и показалось, будто корабль накренился влево.

Пионерчиков занёс руку. Пионерчиков развернул ладонь, он уже сам слышал звон горячего шлепка. Но по пионерским законам и морским правилам этого делать не полагалось. И победитель акулы стукнул дублем о крышку канатного ящика.

«Хе-хе, сдрейфил,— подумал артельщик.— Ничего, мы еще себя покажем». И он покосился в сторону Жюлькипура.

— В чём дело? — ещё раз громко спросил Моряков. Он нервничал: до приёма космических сигналов оставались считанные минуты, а на судне разгорался скандал.

Корма была полна народу.

— За борт артельщика! — кричал Мишкин.— Он травил Солнышкина.

— Перчикова на необитаемый остров высаживал,— сказала Марина.

— Макароны из-за него подгорели! — крикнул с камбуза Борщик.

— И кроме всего, он мошенник, мошенник! — вспыхнул Пионерчиков, который до сих пор не оделся и держал в руках брюки.

— Так-ак,— сказал Моряков.— Так. Что же мы с ним сделаем?

— За борт его! — взмахнул кулаком Солнышкин.— А в лодку ему десяток сарделек и пять бутылок «Ласточки», как он когда-то Перчикову!

Артельщик, как толстый барбос, прижался к стене. Кажется, наступало время расплаты. Команда ждала решения.

Суровый Пионерчиков прошелся по палубе и сказал:

— Вынесем выговор!

— За что? — взвыл артельщик, хотя сам чуть не обезумел от радости. Такое решение его устраивало.

— Так выбросим или выговор? — Моряков обвёл глазами команду.

— Выговор, — сказала Марина, — а ключи от артелки передать боцману.

— Протестую! — загнусавил Стёпка. — Я протестую!

Теперь-то он оставался на корабле. Ничего, лишь бы добраться до Жюлькипура, а там — он ещё поговорит с этими перчиковыми-пионерчиковыми. И вдруг, на удивление самому себе, Стёпка выпалил:

— Я протестую! Я объявляю голодовку!

— Что? — спросил Перчиков.

— Что-что? — повторил Солнышкин.

— Голодовку! — сказал артельщик и швырнул боцману ключи.

— Ну и обидел! — захохотал Мишкин.

— Врёт, — сказал Пионерчиков.

— А вы, — повернулся на его голос доктор Челкашкин, — а вы зайдите-ка, пожалуйста, на минутку ко мне.

— И ко мне тоже, — сказал Моряков и бросился в радиорубку.

Солнце село, на небе горели звёзды, и вот-вот должны были раздаться далёкие таинственные сигналы. Сигналы космической цивилизации.

СИГНАЛЫ КОСМИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ночь была в тысячах мерцающих огней. Корабль тёрся щеками о бархатную темноту, за бортом мягко шелестела вода. Моряков любил такие часы. Тысячу раз он проходил под южны-

ми созвездиями, но всегда замирал перед этим небом и готов был снять свою капитанскую фуражку перед каждой далёкой звездой. Звёзды вежливо отвечали ему лёгким всплеском и заглядывали в рубку, словно просились в гости. Казалось, протяни руку — и какая-нибудь из них опустится на ладонь и начнёт удивительный рассказ.

Но это, конечно, только казалось.

Теперь звёзды должны были говорить в самом деле. И Моряков шёпотом спрашивал у Перчикова:

— Ну что?

— Молчат,— хмуро сдвинул наушники Перчиков.

— А может, что-нибудь с антенной? — спросил Моряков.

— Проверим,— сказал Перчиков и полез на стул, но руки его не дотягивались до потолка.

— Становитесь на плечи,— сказал Моряков и подставил спину.

Перчиков замигал.

— Не валяйте дурака, Перчиков, дорогá каждая секунда!

Перчиков поставил ногу на могучее капитанское плечо и сразу услышал, как в наушниках затенькал далёкий угасающий звук. Перчиков едва не полетел на пол. Но удержался и продолжал слушать.

— Поднимите выше.

— Что? — затаив дыхание, спросил Моряков.

— Выше! — сказал Перчиков.

Капитан распрямился. Радист упёрся лбом в потолок и закричал:

— Есть, есть! Понял, понял! — И, соскочив, он показал на иллюминатор: — Видите, взошла луна и появились сигналы.

— Ну и что? — спросил Моряков.

— Они отражаются от луны. А если к ней приблизить нашу антенну, если поставить её на носу, звуки усилятся! — живо объяснил Перчиков. — Ведь судно идёт носом к луне!

— Гениально! — воскликнул Моряков. — Просто и гениально! — И с переносной антенной, растягивая за собой провод, он шагнул в темноту.

На палубе стояла жара. Тут и там раздавались храпы. Протяжно посапывал сам океан. Моряков миновал мачту, перешагнул через Буруна, который ворочался с боку на бок и во сне умолял свою старуху: «Да хватит топить, жарко!» — и вдруг услышал крик Перчикова:

— Есть! Есть!

Капитану показалось, что он даже простым ухом уловил знакомый летучий звук. Он сделал ещё несколько шагов, но услышал разочарованный голос Перчикова:

— Пропали.... Пропали...

И вдруг капитан увидел интересную картину. На фоне луны чётко обозначался силуэт Ветеркова, сидевшего на самом носу парохода. Молодой штурман облюбовал самое прохладное место на судне и, подставляя лицо освежающему ветру, намыливал щёки. В руке у него сверкала бритва. Штурман брился!

«Сигналы так далеки, что даже лезвие бритвы может их пресечь», — испуганно подумал Моряков. Он хотел схватить Ветеркова за руку, но в эту минуту явственно услышал знакомое волнующее «дзинь». Молодой штурман провёл бритвой по щеке.

— Отлично! — закричал из радиорубки Перчиков.

Дзинь-дзинь!.. — повторилось снова.

— Чудесно! Великолепно! — сообщил Перчиков, как только штурман коснулся подбородка.

Но вот штурман закрыл бритву, и звуки пропали.

— Позвольте, — сказал моряков так, что Ветерков едва не уронил кисточку от неожиданности, — позвольте ваш инструмент.

— А, — улыбнулся штурман, — вы тоже хотите побриться? Пожалуйста.

Моряков приподнял подбородок: щетина росла в тропиках, как бананы на плантациях. Капитан раскрыл бритву и с волнением провёл по щеке: дзинь-дзинь....

Не веря себе, он коснулся щеки ещё раз.

— Есть, есть! — закричал сверху Перчиков.

Моряков провёл лезвием по подбородку, и в наэлектризованный воздух посыпался целый фейерверк звуков.

— Ура! — снова закричал Перчиков.

— А как вам кажется, на Марсе бреются? — спросил Моряков штурмана.

— Возможно,— пожал плечами Ветерков, глядя, как Моряков срезает щетинку за щетинкой и начинает громко хохотать.

И только Перчиков в рубке ничего этого не слышал. К нему летели космические радиogramмы, в голове вертелись слова, которые он передаст в Академию наук: «Обнаружена внеземная цивилизация, осталось расшифровать значение сигналов!»

БУДЬТЕ БОЛЬШИМ, СОЛНЫШКИН!

Конечно, Солнышкин тоже пошёл бы с Перчиковым и Моряковым, но от возмущения он весь кипел. Концы его чубчика взвивались, как жаркие протуберанцы.

— Подумаешь, выгнали из артелки! Нашли наказание!

В запасе у Солнышкина было кое-что покрепче.

Когда артельщик со злостью хлопнул дверью каюты, когда машина парохода затянула вечернюю песню, убаюкивая себя и команду, Солнышкин вытащил из подшкиперской громадную железную скобу. Прислушиваясь, он прошёл по сонному коридору и принялся подвязывать её над Стёпкиной дверью.

— Пусть только выйдет! — приговаривал Солнышкин.— Пусть только покажется.

Он уже видел, как судно просыпается от грохота. Это артельщик врезается в скобу лбом! Вот над океаном вспыхивает свет. Это из глаз артельщика вылетают шаровые молнии! Он уже слышал его испуганный голос.

И голос раздался. Рядом. Правда, спокойный и тихий, но, узнав его, Солнышкин так быстро повернулся, что по нечаянности сам приложился лбом к скобе.

— Добрый вечер, Солнышкин! — В дверях коридора стоял Робинзон и наводил подозрную трубу на его сооружение. — Что это вы конструируете? Часы?

В коридоре раздавался чёткий, как бой часов, стук машины, и скоба раскачивалась от удара, подобно маятнику.

Солнышкин промолчал и сдвинул брови.

— Мне кажется, конструкция не совсем удачна! — с иронией заметил Робинзон. — Неважный, очень громоздкий маятник! Во-первых, пробьёт он всего однажды, а во-вторых, сделает даже доброго человека злым. — И он с улыбкой посмотрел на лоб Солнышкина, по которому разливалось багровое пятно. — А часы должны бить каждое утро! — взмахнул Робинзон трубой. — И каждое утро напоминать человеку, что нужно вставать и браться за добрые дела! Людям нужно делать добро, Солнышкин! — И он поднял трубу вверх, как восклицательный знак.

Судно слегка кивнуло, словно соглашаясь с Робинзоном. Но у Солнышкина возникло сомнение.

— А если это дрянной человек?! — сердито возразил он.

— Что ж... Даже и для плохого человека иногда стоит сделать добро, — рассудил МIRON ИВАНЫЧ. — Может, он станет лучше.

— Ждите!

— А если не поймёт, тем хуже для него. Дрянные дела сами приведут его к тому, чего он заслуживает. — Седые виски Робинзона строго сверкали, а глаза смотрели на Солнышкина серьёзно и задумчиво. — А вот если человек, — сказал Робинзон, — даже очень хороший человек начинает придумывать мелкие пакости даже очень плохим людям, он сам становится мелким. Людям надо делать добро, нужно быть большим, Солнышкин.

Робинзон приподнял фуражку и, взяв трубу под мышку, пошёл в свою каюту.

Солнышкин задумался и посмотрел вверх, где качалась ржавая скоба. Да, для доброго дела этот маятник, конечно, не годится. Теперь Солнышкин понимал это особенно хорошо! И хотя делать что-нибудь хорошее для артельщика Солнышкин пока не собирался, он сорвал скобу и, выйдя из коридора, швырнул её за борт. Там тихо плеснула вода, по ней снова побежала ровная лунная дорожка.

И удивительно, но Солнышкин почувствовал себя так, будто стал чуточку выше.

НОВЫЕ МЕТОДЫ ДОКТОРА ЧЕЛКАШКИНА

Пока Моряков и Перчиков проводили свой выдающийся эксперимент, в каюте Челкашкина произошло событие не менее удивительное.

К доктору постучал Пионерчиков.

— Входите, садитесь,— пригласил Челкашкин и, усадив штурмана на вращающееся кресло, взял его за подбородок.— Смотрите мне в глаза,— сказал он.

— Но я совершенно здоров,— предупредил Пионерчиков.

— Проверим,— сказал доктор и взял молоток, при виде которого у юного штурмана сразу дёрнулась нога.

— Нервишки! — сказал Челкашкин и показал пальцем на колено.

— Это качает,— оправдывался Пионерчиков, хотя за иллюминатором стоял полный штиль.

— Нервишки,— повторил Челкашкин и добавил: — Будем лечиться. Гипнозом.

— Каким ещё гипнозом? — поднялся Пионерчиков.

Он не верил в подобные сказки с самого детства. Но у доктора не было ни малейшего повода сомневаться в могуществе гипноза. Во-первых, об этом говорило множество медицинских журналов, а во-вторых, во время стоянки в Океанске доктор проделал два удивительных эксперимента. Прямо на улице, недалеко от пароходства, он заставил поверить собаку в то, что она кошка, а кошку в то, что она собака. Это могут подтвердить многие жители города, которые видели, как собака спалась от кошки на дереве. Они же, кстати, видели и второй опыт доктора. В кинотеатре «Океанск» он загипнотизировал билетёршу, и она без билетов провела на очередной сеанс целую толпу мальчишек.

И доктор сказал Пионерчикову:

— Обыкновенным гипнозом.

— На меня это не подействует, я в это не верю, — сказал Пионерчиков.

Усики Челкашкина сдвинулись в улыбке.

— Доказать? — спросил он.

— Ну зачем хвастать, доктор?

Теперь усики доктора дёрнулись от обиды.

— В кого вас превратить? — спросил Челкашкин.

— В кого угодно, — зевнув, разрешил Пионерчиков и положил ногу на ногу. — Только, пожалуйста, не в тигра и не в льва. А то ещё проглочу по нечаянности!

— Чудесно! — Приблизился к штурману доктор и с расстановкой сказал: — Я превращу вас в барбоса!

— Как хотите. Только учтите, что я не собираюсь ни рычать, ни лаять, ни становиться на четвереньки, — заявил Пионерчиков.

— Вы чудак, штурман! Когда-нибудь ещё напишете об этом рассказ...

Пионерчиков едва не взорвался. Он сочинял статьи, придумывал прекрасные слова, а ему предлагали писать о каких-то собаках!

Но Челкашкин заглянул глубоко в зрачки Пионерчикова своими голубыми глазами, и у того по спине пошли мурашки. Штурман дёрнулся.

— Ну, что же вы? — Челкашкин с усмешкой шевельнул правым усиком.

Юный штурман выпрямился и уже с любопытством посмотрел доктору в глаза.

— Представьте себе, что вы дворняжка. — Челкашкин поднял руку. — Нет? Не хотите дворняжкой? Ну, сенбернар. Великолепный сенбернар. Вы лаете: «Гав-гав!»

Штурман пренебрежительно отмахнулся:

— Но я не ла... Но я не лав... — Он поперхнулся. — Но я не гав...

Пионерчиков подскочил. Он побледнел и хотел крикнуть, чтобы доктор прекратил эти шуточки. Но с языка сорвались непривычные звуки...

Пионерчиков испугался. Он в отчаянии кинулся к доктору и взмахнул руками.

— Не хотите? — остановил его доктор и улыбнулся добрыми ясными глазами.— Ну ладно, ладно. Вы человек. Вы говорите на настоящем человеческом языке. Дайте руку.

Но Пионерчикову было не до этого. Он сорвался с места и выбежал из лазарета. Придя в себя, он приоткрыл дверь, чтобы выразить ещё раз своё возмущение, но, посмотрев в глаза Челкашкину, вдруг вскрикнул: «Гав!» — и в испуге бросился по коридору.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ УРОК КАПИТАНА МОРЯКОВА

Звёзды перемигивались всё так же хитро и таинственно.

Конечно, от космической неудачи носик Перчикова немного побледнел, но в запасе у радиста было множество дел на земле. Он тут же взял собранный недавно магнитофон и отправился к Морякову записывать для Солнышкина первый урок английского языка.

Накинув полотенце на шею, капитан сидел перед мольбертом и держал в руке кисть. Он любил рисовать красивые суда, заморские гавани, чтобы их могли увидеть ребята из его далёкого городка. Его картины согласны были приобрести известные музеи, но Морякова это не привлекало. Зато в школе, где когда-то на старенькой скрипящей парте он рисовал паруса, теперь на стенах бушевали все моря и океаны. Стоило новичку войти в коридор — и на него обрушивались волны Бискайского залива, надвигались арктические льды, а между ними весело кричали ладные, яркие пароходики. Нет, не зря почти вся школа собиралась в дальнее плавание.

Теперь Моряков взялся за портреты лучших людей с прославленного парохода «Даёшь!». И на полотне из облака пара возникало весёлое лицо в колпаке.

— Борщик! — воскликнул Перчиков, войдя в каюту.

— А что, похоже? Правда, похоже? — радостно сказал Моряков. И, сощурившись, посадил коку на нос маленькую розовую запяную.— Но не будем терять драгоценного времени,— сказал Моряков, бросив взгляд на магнитофон.

— А может, лучше завтра? — спрятал магнитофон за спину радист.

— Что вы, Перчиков,— сказал капитан, чуть-чуть выпятив губу и разглядывая исподлобья портрет.— Открывайте-ка ваш аппарат. Минуты, Перчиков, как раковины в океане. Одна пустая, а в другой в это время растёт маленькая жемчужина. Это ведь здорово, что растёт, а? — И, услышав, как зашелестела магнитофонная лента, Моряков сказал: — Гуд монинг,— и вежливо улыбнулся Борщику.— С чего же мы начнём наш урок? Пожалуй, мы поговорим с вами как джентльмен с джентльменом. Не так ли? — И капитан учтиво раскланялся.— Начнём с правил морской вежливости.

Перчиков на цыпочках вышел в коридор и поднялся в радиорубку. А Моряков, легко работая кистью, продолжал на английском языке преподносить возникающему на холсте Борщику урок вежливости.

Но неожиданно за дверью раздалось такое громкое «гав», что он едва не выронил кисть и бросился в коридор.

На пороге, виновато переступая с ноги на ногу, стоял Пионерчиков.

— Послушайте, Пионерчиков,— опешил капитан,— что с вами? Что за ребячество?! То вы

прыгаете за борт, то лаете, как барбос! Как же вы станете капитаном?

Пионерчиков покачулся. Он хотел объяснить, что он тут ни при чём, что это гипноз, но только плотней сжал губы.

— Вам, наверное, нечего делать,— сказал Моряков, взмахнув кистью.

Пионерчиков собирался сказать, что у него есть дела, но снова прикусил язык.

— Так вот, завтра утром проверите у Солнышкина урок английского. Ясно?

Пионерчиков кивнул головой. А Моряков, вернувшись к Борщику, продолжил с ним джентльменский разговор.

Пионерчиков, увидев, как капитан рисует Борщика и разговаривает с ним, будто с живым, потрогал свой лоб, вздохнул и отправился спать.

А через несколько минут в каюту капитана спустился Перчиков, захлопнул магнитофончик и быстро удалился, пожелав Морякову спокойной ночи.

ГУД МОНИНГ, СОЛНЫШКИН!

Слова Робинзона оказали на Солнышкина удивительное действие. Мало того, что он почувствовал себя подростком. Ему захотелось завтра же с утра сделать что-нибудь приятное своему другу Перчикову. Он подумал о том, как хорошо плывётся в тёплых водах их бравому пароходу, как уютно дремлет ему среди тропической ночи, и Солнышкину самому захотелось вздремнуть.

Но прежде чем забраться под простыню, он поднялся в рубку узнать, далёко ли до Жюлькипура.

— Миль двести,— определил Ветерков, выглянув в иллюминатор.

— Ну нет, что вы! — возразил Безветриков. — Двести пятьдесят!

— Двести, Солнышкин! — сказал Ветерков. — Воздух пахнет перцем!

— Но ведь перцем от жюлькипурской кухни пахнет за двести пятьдесят миль. Об этом даже пишется в лоции! А вот соусом за двести!

Солнышкин потянул носом, но, увы, таким морским нюхом он ещё не обладал. Зато фантазии у него было сколько угодно. И он услышал крики обезьян, щёлканье попугаев, шелест пальм и фрамбойанов. Горячий ветер раскачивал перед его глазами громадные банановые листья.

Под их колыхание Солнышкин так крепко уснул, что не слышал, как пришёл Перчиков, как укрыл его одеялом и поправил подушку. Ему только приснилось, как из банановой пальмы неожиданно выглянул Моряков, вежливо поклонился и по-английски сказал: «Гуд монинг».

Едва открыв глаза, Солнышкин улыбнулся. Ему захотелось чихнуть. Луч солнца бегал по кончику носа. Солнышкин прыгнул с койки, высунул голову в иллюминатор и отскочил: прямо в лицо ему плеснула вода — хватит спать! За бортом, под самым иллюминатором, нырял Землячок и выбрасывал вверх фонтаны воды. Кит будил своего друга.

Но радиста уже не было. Солнышкин, которому не терпелось сделать что-то хорошее, бросил верному киту кусок сахара. Кит наполовину вынырнул из воды, сделал настоящую стойку и, разинув пасть, поймал сахар. Пароход подбросило, и Солнышкин едва удержался на ногах.

Солнышкин не поверил случившемуся. Но из воды на него смотрел маленький лукавый глаз. Кит ждал добавки.

Солнышкин бросил второй кусок. В каюте звякнули стаканы, а из графина вылетела пробка.

Сверкнув спиной, Землячок сделал бросок, которому позавидовал бы не один бывалый вратарь, и проглотил второй кусок.

Солнышкин в восторге бросил третий кусок и закачал рыжей головой: кит снова делал стойку!

Солнышкин хотел постучать боцману, но в это время за спиной скрипнула дверь. На пороге стоял юный штурман Пионерчиков. Тот самый Пионерчиков, который вчера поразил всю команду поединком с акулой. И пришёл он вовремя. Сейчас Солнышкин покажет ему фокус с китом!

Но Пионерчиков, чуть-чуть заикаясь, спросил:

— При-г-готовили урок?

— Какой урок?

— Английский.

Солнышкин в недоумении пожал плечами, а Пионерчиков сказал:

— Я так и з-знал,— и собрался уходить.

Но вдруг Солнышкин задумался. Ему кивнула листьями пальма, показалось лицо Морякова.

«А, гуд монинг»,— вспомнил он и крикнул вслед штурману:

— Гуд монинг!

Пионерчиков с любопытством повернул голову.

— С чего же мы начнём наш урок? — обратился к нему Солнышкин и сам удивился своему красноречию.— Пожалуй, мы поговорим с вами, как джентльмен с джентльменом. Не так ли? Начнём с правил морской вежливости. Послушайте, Пионерчиков, когда вы прекратите это мальчишество? То вы прыгаете за борт, то лааете.— Солнышкин в испуге попробовал остановиться, но слова продолжали вылетать сами: — Что с вами? Как же вы станете капитаном?

Солнышкин прихлопнул ладонью рот. Он выставил вперёд руку и хотел объяснить, что это не он, это какое-то недоразумение! Но победитель

акулы тоже почему-то зажал рот, нагнулся, как будто хотел боднуть обидчика, и побежал по коридору.

Солнышкин сел на кровать. Он схватил подушку. И тут из-под неё выглянул маленький магнитофончик.

— Вот чьи это штучки! — подскочил Солнышкин. Он натянул тельняшку и бросился искать Перчикова.

МЕЛКОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ И КРУПНАЯ ПОТАСОВКА

Возмущённый Солнышкин босиком летел вверх по трапам.

Волны вспыхивали, словно на них устроили праздничный танец миллионы солнечных мотыльков. Но Солнышкин этого не замечал.

— Мало ему шуток! Теперь потешается над друзьями!

Чертыхаясь, он несколько раз стукнулся пальцами о ступеньки так, что по ногам брызнуло электричество, и выбежал к радиорубке. Но Перчикова там не было.

То и дело подпрыгивая, Солнышкин помчался на корму. Несмотря на утро, палуба так накалилась, что пятки дымились.

Он обежал всю палубу и наконец остановился и притих. Возле камбуза слышались весёлые голоса.

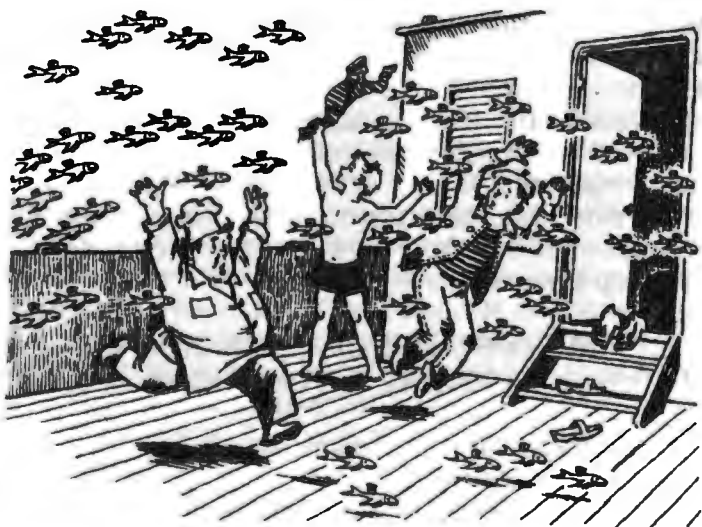
— Вот это блины! — хвастался Борщик. — Встанет команда, проглотит их вместе с коком!

— А вот сейчас, — слышался голос Перчикова, — сейчас Солнышкин проснётся англичанином.

Было слышно, как радист жевал блин.

— Как это? — спросил Бурун.

— Как?.. — Перчиков не договорил.

Из-за угла вылетел Солнышкин:

— Подстроил и ещё хвастаешься?

— Ваша светлость, а почему не по-английски? — усмехнулся Перчиков.

— Это не по-товарищески! — крикнул Солнышкин, подпрыгивая то на одной, то на другой ноге. — Знаешь, что за такие вещи делают?

Бурун и Борщик удивлённо переглянулись. Перчиков едва не выронил надкушенный блин.

— Слушай, Солнышкин, иди выпись!

— И пойду! — Солнышкин повернулся, но вдогон получил такую затрешину, что завертелся волчком. — Так ты ещё драться?! — В глазах Солнышкина вспыхнуло короткое замыкание.

— Да ты что, спятил? — откликнулся Перчиков. Но и ему достался такой шлепок, что загудели и небо, и земля, и палуба.

Он схватил Солнышкина за руку. Но теперь на них обоих сыпались удар за ударом. Рядом, прикрыв лицо фартуком, вертелся Борщик, а Бу-

рун на четвереньках влетел на камбуз, и оттуда торчали только его ноги. Кажется, на палубе начиналась такая потасовка, какой боцман ещё не видел.

— Да хватит вам, хватит! — кричал он.

А Солнышкин, уже забыв обо всём и не обращая внимания на удары, размахивал тельняшкой и хлопал ресницами. Вокруг с шелестом вспыхивали алые, фиолетовые, зеленоватые крылья. В воздухе переливалась радуга: это, горя чешуёй, над палубой пролетали десятки настоящих летучих рыб. Они взмывали из океана и, перелетев через борт, долго-долго парили над синевой.

— Дождь, рыбный дождь! — сказал Солнышкин.

Перчиков потёр ухо, Бурун открыл глаза, а Борщик, растопырив пальцы, бросился вперёд: «Лови! Держи!» — от него улетал великолепный завтрак для всей команды.

Рыбы за бортом продолжали летать, сверкать, трепыхаться. И только иногда на поверхности океана показывалась громадная серая туша. Там, гоняясь за косяком, веселился Землячок, который устроил для друзей маленькое тропическое представление.

Да, этого момента Солнышкин ждал с самого рождения! Он мечтал об этом, когда над Сибирью трещал мороз, а в маленькой печурке его бабушки пылали жаркие сосновые поленья.

Он листал страницу за страницей, а бабушка вязала и не видела, как в их комнатке возникают океан, акулы, настоящая палуба и вокруг порхают летучие рыбы!

Перчиков положил Солнышкину руку над плечо.

— А я думал, это ты меня съездил, — смущённо почесав затылок, сказал Солнышкин.

— За что? — спросил Перчиков.

— Не знаю,— опять рассердился Солнышкин,— но зато по твоей милости я наговорил только что Пионерчикову немало гадостей.

— Каких ещё гадостей? — удивился Перчиков.

— Тех самых, которые вдолбил мне в голову твой магнитофон!

— Ну, это ты поосторожней! — сказал Перчиков. Обижать такой замечательный аппарат он не мог позволить даже Солнышкину.— Я могу при свидетелях доказать, что это клевета.

— Пожалуйста,— сказал Солнышкин.

— Пожалуйста! — крикнул Перчиков.

И вся компания отправилась к месту происшествия.

Едва с магнитофонной ленты прозвучало «гуд монинг», Перчиков победоносно взглянул на друзей. Но когда магнитофон повторил вчерашний разговор капитана со штурманом, Перчиков виновато оглянулся, сдвинул на лоб беретик и притих.

— А что,— спросил Борщик,— Пионерчиков и правду лаял?

— Это его дело,— ответил Перчиков.— А вот то, что мои затеи дважды за один вечер погорели, как у Борщика макароны, это точно.

Борщик заёрзал на месте, но промолчал. А радист выложил друзьям историю с сигналами внеземной цивилизации.

— Да, с магнитофоном, конечно, вышел цирковой номер! — заметил Бурун. Ему приятно было вспомнить о цирке.— А насчёт цивилизации ещё ничего не известно. Сегодня слушали радио? Летающие тарелки объявились.

— Где? — спросил Перчиков. Самолюбие радиста было задето. Он снова пропустил важное сообщение!

— А в Америке,— сказал боцман.— И в океане.

— Ерунда! — сказал Борщик. — Ерунда! Рыбы летают — это ещё можно понять. — И он потёр синяк под глазом. — А тарелки? Ерунда! Не видел!

Однако весь этот разговор был утром. А вечером произошла история, которая заставила кока Борщика в корне изменить свою точку зрения.

ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ КОКА БОРЩИКА

Конечно, все помнят, как разжалованный артельщик, на удивление команде и самому себе, объявил голодовку. Он и представить не мог, к каким последствиям приведёт это необдуманное решение.

Пока же Стёпка старательно голодал. Ни утром, ни вечером он не появлялся в столовой. И никто не слышал, как весело похрустывали сухарики и сахар в его каюте и то и дело раздавалось лопотание: «Тысяча рубинов, тысяча топазов, тысяча алмазов! Всех в рикши! Всех в бобики!»

Но на второй вечер, запустив руку под матрац, артельщик замер. Там лежала только жалкая, замусоленная горбушка.

Запасы иссякли, а впереди было еще несколько дней пути.

И вдруг Стёпка хихикнул и сам себе подмигнул: «Плавали — знаем!»

Артельщик решил предпринять небольшую, но рискованную вылазку. Он приоткрыл дверь, выглянул в притихший коридор, и озираясь, заковылял к камбузу...

Перебив посуду и осмотрев свои владения, не притаилась ли где случайная муха, кок Борщик улегся на корме рядом с Перчиковым и Солнышкиным. Хотя стало свежо, он по камбузной привычке обмахнулся полотенцем. Все вокруг были сыты, и заботливого кока беспокоил только Пер-

чиков, который целый день не ел от огорчения. Было слышно, как у него попискивает в желудке.

— Может, принести котлету? — изредка спрашивал Борщик, поглядывая на радиста.

Но Перчиков движением указательного пальца отклонял все заботы кока.

За бортом весело бежали волны, и в лад им торопились мысли Перчикова. Вокруг вспыхивали тысячи светлячков, и в голове Перчикова, как светлячки, загорались новые удивительные идеи.

Солнышкин не чувствовал ни рук, ни ног. Целый день он красил с Буруном борт, и в его глазах плясали тысячи красок: зелёное море, голубое небо, желтые борта, и над всем этим парящие летучие рыбы. Рыбы и сейчас летели из темноты на свет, и, между прочим, у Солнышкина тоже начинала созревать одна небезынтересная мысль. Он собрался уже высказать её вслух, но Борщик снова заглянул в глаза Перчикову:

— А может, компоту с сухариками?

— Ну ладно, с сухариками давай, — согласился Перчиков, и Борщик побежал на камбуз.

Он открыл дверь и остановился: среди ночной тишины коку слышалось, будто в углу раздался странный шорох. Борщик вздрогнул. За всю жизнь у него на камбузе не было не то что крыс, но и самого захудалого мышонка!

Но шорох повторился. И именно там, где у Борщика стоял мешок прекрасных тонких булочных сухарей. Кок гневно скомкал фартук и с размаху запустил им в угол. Шлёп! И фартук врезался в глаз артельщику, сунувшего руку в мешок с сухарями.

Артельщик схватил со стола что-то подвернувшееся под руку и метнул в дверь.

В ту же секунду мимо Борщика с резким свистом пролетел таинственный белый предмет.

К звёздам, едва не задев кока по носу, удалялась тарелка!

Кок снова заглянул на камбуз, и тогда на встречу ему одна за другой вылетела целая дюжина тарелок. «Одна, вторая, третья...» — считал Борщик.

Перепуганный насмерть артельщик бомбил своего преследователя.

— Тарелки! Тарелки! — закричал Борщик, хватаясь за голову. Он уже не слышал ни шороха, ни кряхтения артельщика, который с полной паухой сухарей выкарабкался в боковую дверь и на четвереньках полз по трапу.

На палубе поднялся настоящий переполох. Все смотрели на горизонт. Там выкатывалось яркое созвездие Южного Креста, и к нему, посвистывая, уносились маленькие белые точки.

Перчиков бросился наверх, в штурманскую. Схватив бинокль, он направил его в сторону экватора. Сомнений не оставалось: три хорошо ви-

димые тарелки парили над океаном, уходя в сторону Южной Америки.

Нужно сказать, что в тот же вечер тарелки были замечены иностранными самолётами. Одна из них даже приземлилась на участке всеми уважаемого фермера, слегка задела его, и он видел, как из неё вышли два странных существа. Правда, чего не увидишь после того, как тебя треснет по лбу тарелкой! Но факт этот излагался в разных научных статьях. А точнее всего он записан в бухгалтерии океанского пароходства, где так и сказано: «За пропажу дюжины столовых тарелок высчитать из зарплаты кока Борщика 8 рублей 70 копеек».

Это, конечно, мало кого интересовало, но именно с тех пор Борщик поверил в существование летающих тарелок.

ВСЕГО ОДИН ПОВОРОТ КОЛЕСА

Если бы кое-кто из моряков Тихого океана заглянул в рулевую рубку парохода «Даёшь!», он бы, конечно, обрадовался и удивился: у штурвала стоял старый инспектор океанского пароходства Мирон Иванович, по прозвищу Робинзон. Но теперь в руках у него был настоящий штурвал. В открытые иллюминаторы врвался настоящий океанский ветер, и под сияющими тропическими звёздами настоящие волны поднимали и опускали судно.

— Вы слышали об этой истории? — влетел в рубку Моряков.

— О какой?

— С тарелками.

— Любопытно, — ответил Робинзон.

— И что интересно, — заходил по палубе Моряков, — с камбуза пропало с полпуда сухарей. Рассказать кому-нибудь — не поверят. Ведь не

прилетали же эти самые тарелочники к Борщику за сухарями? И почему вдруг пропали десять тарелок?

— Хм-хм,— почесал лысинку Робинзон.— С сухарями, конечно, немного странно. И всё-таки это приятно.

— Что? — Моряков был поражён.— Что пропали сухари? Что улетели тарелки?

— Приятно,— пожал плечами Мирон Иванович,— что есть ещё на земле чудеса!

Старик не мог жить без чудес. На каждом шагу ему хотелось бы видеть чудо. И он размышлял, как, бывало, в своём домике на сопке, когда он думал о дальних плаваниях. Лево руля, право руля! Он так крутанул штурвал, что судно со свистом описало дугу вокруг своего собственного носа. Моряков отлетел в сторону. Робинзон удержался, но отчаянно смутился.

Он даже не представлял, что без этого поворота колеса на палубе «Даёшь!» не случилось бы нескольких занимательных историй.

Дело в том, что в это самое время толстый артельщик улепётывал по трапу к себе в каюту. Сухари покалывали бока. Он уже миновал тёмный коридор, когда неожиданный толчок швырнул его обратно, прямо под ноги доктору Челкашину, который вышел из лазарета.

— Что с вами? — наклонился к нему доктор.

— Хе-хе... Немножко закружилась голова... Видимо, от голода,— промямлил артельщик и схватился за живот: как бы не вывалились сухари.

Челкашкин посмотрел на него и пожал плечами:

— Послушайте, милый, да вы опухли! Чёрт бы побрал вашу дурацкую голодовку!

— Опух, опух,— сказал артельщик, поддерживая руками майку, чтобы не похудеть у доктора на глазах.

— И признаки слабоумия,— заметил доктор, заглянув ему в глаза.— Немедленно в лазарет! Рыбку надо есть, рыбку. Побольше фосфора для мозга. А сейчас — ждать меня.

Как только доктор вбежал по трапу, артельщик со всех ног бросился в каюту и, отшвырнув матрац, вывалил свои хрустящие трофеи. Едва он успел их прикрыть, к нему вошли Челкашкин, Петькин и Федькин и, подхватив под руки, повели в лазарет.

«Ведите, ведите,— усмехнулся артельщик,— до Жюлькипура полежу без работы, пожую котлетки и пончики, попью компот. А там посмотрим, кто останется в дураках».

КРЫЛЬЯ ПАРОХОДА «ДАЁШЬ!»

За каких-нибудь полчаса «Даешь!» вонзился в густую тропическую ночь. Стало так темно, что люди налетали на мачту или друг на друга. Поэтому на палубе то и дело возникали короткие яркие вспышки и раздавалось:

— А-а! Чёрт возьми! Извините!

— Простите, пожалуйста!

И слышался шелест от потирания ушибленных мест.

Но белый колпак Борщика хорошо виднелся у камбуза, и на его свет пробирался Челкашкин с очень важным делом. Кок всё смотрел на небо, где высоко среди звёзд мерцали прозрачные летучие облака...

— Не видно? — спрашивал Солнышкин, который сидел рядом.

«Нет», — хотел сказать Борщик, но его остановил голос вынырнувшего из темноты Челкашкина.

— Борщик, вы знаете, что человеку нужен фосфор?

— Зачем? — спросил кок, обмахиваясь полотенцем.

Несмотря на темноту, жара была африканская.

— Чтобы лучше работал мозг,— вмешался Солнышкин.

— А я на свой не в обиде,— обиженно сказал Борщик, поправив колпак.

— Но кое-кому, к сожалению, фосфора не хватает,— побарабанил пальцем по голове Челкашкин,— и было бы вообще неплохо, если бы по утрам мы ели свежую рыбку! Постараетесь?

В другой раз кок просто бы швырнул полотенце о палубу, однако Челкашкин просил очень вежливо.

Но где взять ночью рыбу, не знал даже бывалый Борщик.

Солнышкин только и ждал этого момента. С самого вечера из-за шума с летающими тарелками он не мог высказать сверлившую его мысль. Над пароходом проносились целые косяки рыб. Нужно только задержать их на палубе!

— Но как? — спросил удивлённый кок.

— Плавали — знаем! — сказал Солнышкин.— Только бы раздобыть леску и крючки!

И, переглянувшись, Борщик и Солнышкин отправились к Петькину.

Через полчаса, после азартной торговли с известным рыболовом, они уже снова были на корме и под храп команды ряд за рядом натягивали между мачтой и камбузом увешанную крючками леску.

От ветерка леска гудела, как струна, и словно в предчувствии замечательного улова напевала рыбацкую песню.

Проверив, крепко ли завязаны узелки, Солнышкин добрался до двери камбуза и улёгся рядом с Борщиком. Он был доволен своей выдумкой и уснул, угадывая уже запах свежей рыбы.

Но того, что случится, Солнышкин, конечно, не мог предугадать.

Часам к пяти утра Моряков поднялся в рубку. Солнце уже проснулось и, пригладив макушку, вежливо кивнуло знакомому пароходу. Слегка потянулся и вздохнул океан. Навстречу солнцу пролетело стадо дельфинов, взметнулись вверх летучие рыбки. И тут Моряков почувствовал, что «Даёшь!» тоже рванулся вверх. Капитану почудилось, что от волны до волны пароход промчался по воздуху. Стоявший у штурвала Федькин поскользнулся и парил в невесомости. Штурман Пионерчиков, выглянувший в иллюминатор, чудом удержался.

— А вам не кажется, что мы летим? — крикнул Моряков, хватаясь за воздух.

Пионерчиков бросился на палубу. На его вахте с судном происходили вещи невероятные! Выбежав к шлюпкам, он собирался подать сигнал тревоги и вдруг застыл на краю шлюппалубы.

Под ним, от камбуза до мачты, на крючках махали крыльями сотни летучих рыб. При каждом взмахе этой упряжки судно приподнималось и, почти не касаясь воды, проносилось над розовым туманом.

— Не может быть, — сказал Пионерчиков.

Но рыбы так ринулись вверх, что пароход опять подпрыгнул, и юный штурман, потеряв равновесие, полетел вниз.

В этот момент разбуженный толчком Борщик открыл глаза и, слегка заикаясь, стал будить Солнышкина. Над кормой парили тысячи рыб, а среди них, на крючках, висел Пионерчиков. Штурман размахивал руками, будто дирижировал этим летучим ансамблем. У камбуза мгновенно собралась толпа. Борщик и Солнышкин бросились на помощь. Но Пионерчиков остановил их лёгким движением руки.

Конечно, сначала штурман рассердился и был бы не прочь поскорее освободиться от крючков. Но вокруг собралось так много народа, а шелест крыльев так напоминал аплодисменты, что Пионерчиков почувствовал, как к нему приливает настоящее вдохновение. От этого полёта рождались такие слова, которые хотелось сказать всем. Он торжественно простёр над толпой руки, но рыбы так рванулись вперёд и так ударили крыльями, что юный штурман, не успев произнести ни звука, вылетел из своего френча прямо в объятия к Борщику и Солнышкину. Они опустили его на палубу и хотели расспросить, как он попал в такое положение, но Пионерчиков, забыв обо всём, помчался к себе в каюту записывать речь. Прекрасные слова не должны пропасть, когда-нибудь они ещё пригодятся!

УСТАЛЫЕ ПЕРЕЛЁТНЫЕ ПТИЦЫ

Целый час Солнышкин испытывал угрызения совести из-за этого происшествия. Но скоро аппетитное похрустывание (вся команда жевала румяную поджаренную рыбку) настроило его на жизнерадостный лад. Тем более что по судовому радио Перчиков от имени всего коллектива объявил своему другу и коку Борщику благодарность. Челкашкин хотел выразить свою признательность отдельно.

И только Пионерчиков категорически отказался от прекрасного блюда. Его порция немедленно была отправлена в лазарет — тому, кто особенно нуждался в фосфоре.

Что же касается самого изобретения, то Моряков не находил слов для похвалы:

— Послушайте, Солнышкин, ведь это же просто гениально!

«Даёшь!» летел вперёд на сверкающих крыльях. Над ним мчались облака. Из трубы струился дымок, и рыбы одновременно коптились, поворачиваясь то одним, то другим боком. Но едва Борщик снимал их, как на крючках повисали десятки новых и с новой силой тянули пароход вперёд. От парохода бежали белые чистенькие барашки, а навстречу ему уже неслись волнующие запахи тропических земель. И если «Даёшь!» слегка покачивался, то только от волнения. Судно приближалось к Жюлькипуру.

Солнышкин натирал палубу так, что по ней разлетались солнечные зайчики. Время от времени он доставал из кармана кусок сахара и подходил к борту. Там среди волн фыркал Землячок, который прилежно делал стойку, ожидая угощения. Глядя на это, боцман, который поливал палубу из шланга, вздыхал:

— Вот бы сейчас медведиков...

Рядом с боцманом, закатав рукава, бодро налегал на швабру Робинзон. Старик не любил сидеть без дела. А к морской работе он, как известно, привык у себя дома, потому что никому не доверял драить палубу своей каюты. Он был в трусиках, и лысинку его прикрывала старая мичманка. Иногда инспектор отставлял швабру в сторону и, взяв с трюма свою трубу, задумчиво осматривал горизонт, словно что-то искал. Но океан был безупречно чист, и Робинзон, качнув головой, снова брался за работу.

Неожиданно Солнышкин заметил, как на доске, которую он только что надраил до желтизны, возникла какая-то клякса. Он сердито потёр её шваброй, но клякса отползла в сторону, а за ней по палубе потянулись другие — широкие, быстрые, чёрные. Над мачтами грохнул гром. Солнышкин поднял голову, и прямо на него выплеснулся быстрый тропический ливень. Солнышкин

втянул голову и бросился под навес, но ливень кончился. Солнышкин взялся за швабру — ливень ударил ещё сильнее. По небу бежали тысячи туч, из каждой лил свой ливень. Над океаном повисли тысячи голубых, прозрачных ливней, и «Даёшь!» весело проходил сквозь них.

Солнышкин приоткрыл рот. Бурун стал сворачивать шланг. А старый Робинзон подставил под дождь ладони и смотрел, как по ним барабанят капли настоящего тропического дождя.

Дождь стал плотнее. Тучи сомкнулись. Наступила темнота. Ударила молния.

— Под навес! — крикнул Бурун.

Но Робинзон поглядел на край неба и сказал:

— Смотрите, смотрите!

Под тучами появилось серое облачко.

— Летучие рыбы, — сказал Солнышкин, — догоняют Борщика.

Робинзон, взяв трубу, покачал головой:

— Нет, нас догоняют птицы. Усталые перелётные птицы. Слышите, как они кричат?

Издали действительно долетало еле различимое курлыканье.

Солнышкин ладонью прикрыл глаза от дождя. Робинзон был прав: вдалеке медленно летела стая. Она то взмывала вверх, то словно проваливалась в воду. Над ней вспыхивали молнии.

— Ей негде отдохнуть, и она не может нас догнать. Она нас не догонит,— вздохнул Робинзон.

— Догонит! — решительно сказал Солнышкин и побежал к камбузу.

К удивлению кока, который снимал с крючков копчёную рыбу, он схватил самый большой нож и одним ударом обрубил леску.

— Ты что это сделал? — со слезами в голосе закричал Борщик. — Ты что же это сделал?!

— Тебе всё мало! — сказал Солнышкин. — Всю кухню завалил рыбой и ничего не видишь!

Пароход потерял крылья. Упала скорость.

— В чём дело? — высунулся из рубки Моряков.

— Птицы! — крикнул Солнышкин. — Слышите? Птицы! — В ушах у него всё раздавались птичьи крики.

— Какие птицы? — Моряков вышел на крыло рубки, проговорил: — Это же аисты! — И командовал в машину: — Самый малый!

В воздухе всё отчётливей слышались тяжёлые удары крыльев.

Наконец из последних сил, поддерживая друг друга, птицы дотянулись до парохода и рухнули на палубу. Некоторые сели на борт и раскачивались, боясь упасть.

— На помощь! — крикнул Робинзон.

И команда бросилась на помощь.

ДВА ЖЁЛТЫХ БЕРЁЗОВЫХ ЛИСТКА

За Солнышкиным бежали Моряков и Борщик, Перчиков и Пионерчиков с толстой тетрадью под мышкой.

— Их нужно укрыть,— сказал Моряков, сбрасывая с плеч тужурку.

— На камбуз их, всех на камбуз! — предложил Борщик. У него было тепло и сухо.

— Вот это правильное решение! — раздался над палубой писклявый голос. В лазарете открылось окошко иллюминатора, и высунулась пухлая голова артельщика.— Из них выйдет чудесное жаркое!

Все на минуту опешили. Старый Робинзон мельком взглянул: не слышат ли этих слов птицы. Но птицы уже спали мёртвым сном. Только вожак на секунду тревожно поднял голову и тут же уронил её на палубу.

— Что вы сказали? — спросил Моряков.

— На камбуз,— хихикнул артельщик.— Я даже помогу ошипывать.

— Ай-яй-яй, молодой человек! — закачал головой МIRON ИВАНЫЧ.

Но окно быстро захлопнулось: это Пионерчиков запустил изо всех сил в артельщика своей драгоценной тетрадкой.

Никто не заметил, как прошёл дождь и снова выглянуло солнце.

— Интересно, откуда они и куда? — спросил Перчиков.— Посреди океана...

— Да...— сказал Моряков.— Их где-то прихватил шторм. Позади Япония, Китай... Откуда?

А МIRON ИВАНЫЧ, вытирая лысинку, улыбнулся:

— Смотрите...

На шее у вожака желтели два маленьких берёзовых листка.

— Из Сибири! — крикнул Солнышкин.

— Это почему же? Пожалуй, из-под Океанска,— предположил Моряков.

— А может, с Украины,— вздохнул Борщик и потянулся за листком.

Но Солнышкин дёрнул его за рукав:

— Может быть, он взял его себе на память.— И Солнышкин погладил птицу.

Снова стало так жарко, что от палубы пошёл пар. Чепчик Борщика и мичманка Робинзона задымились, как вулканчики.

Птицы стали просыпаться. Вожак расправил крылья, прошёлся по палубе, взлетел, и вся стая стала подниматься за ним.

— Стойте, стойте! — крикнул Борщик и бросился к камзубу. У кока не было, конечно, под рукой свежих лягушек, однако два десятка лучших рыбин он приготовил! Но птицы уже взлетели.

— Что? Упустили жаркое? — крикнул сверху артельщик.

Но на него никто не обратил внимания. Все смотрели туда, где, выстраиваясь клином, аисты расправляли крылья.

На минуту они затерялись в облаке, но, вынырнув, сделали над пароходом круг.

— Кивают! — крикнул Перчиков.

— Они кланяются,— удивился Бурун.

— Какое благородство,— сказал Моряков и помахал рукой.

В это время что-то маленькое, едва заметное, закружилось над палубой.

— Смотрите, смотрите! — крикнул Солнышкин, протянул руки, и в ладони ему опустились два жёлтых берёзовых листка.

Он взмахнул ими, а Моряков посмотрел вслед улетающей стае и сказал:

— Значит, рядом земля.

И все услышали, как наверху артельщик с многозначительной усмешкой повторил:

— Хе-хе, значит, скоро земля.

АРТЕЛЬЩИК НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Стёпка ходил по лазарету. На столе перед ним лежали недоеденные рыбы хвостики. А за иллюминатором занимался закат. Он горел, как персидские ковры на жюлькипурской барахолке, и, казалось, даже колыхался и хлопал на ветру.

— Тысяча рубинов, тысяча алмазов! — Артельщик решил, что время выбирать из лазарета.

Он тихо приоткрыл дверь и, сделав несколько шагов, носом к носу столкнулся с Робинзоном. Старый инспектор выбивал медвежью шкуру.

«У, чтоб тебя мурманская селедка слопала, и откуда ты взялся?!» — взд рогнул артельщик, но улыбнулся и пропел:

— Разрешите помочь?

Старик сдвинул фуражку на затылок и кивнул.

Почему бы не разрешить человеку сделать что-то доброе?

Артельщик взялся за край шкуры, тряхнул её раза два и уже посматривал, как бы половчее улизнуть, но сзади хлопнула дверь и рядом с ним раздался возмущённый голос Челкашкина:

— Послушайте, голубчик, разве вас кто-нибудь выпускал? У меня адмиралы не разрешали себе подобных вольностей!

— Хе-хе,— усмехнулся артельщик.— Извините, но меня просили помочь!

Он ещё крепче ухватился за шкуру и сдул с неё несколько пылинок.

— Мирон Иванович...— Доктор повернулся к инспектору: — Как же так? Ну позвали бы меня!

Челкашкин приподнял фуражку. Робинзон, наоборот, надвинул свою на брови, с интересом покосился на артельщика и сказал:

— Прошу прощения!

Он свернул шкуру и, взяв её под мышку, удалился к себе в каюту.

— А вы, голубчик, за мной! — сказал Стёпке доктор и поманил его за собой.

— А я не пойду! — буркнул Стёпка. (Но доктор только усмехнулся и распахнул перед ним дверь.) — Я здоров! — крикнул артельщик. — Я тоже хочу в город.

— Чтобы вас выволокли на жюлькипурскую свалку, когда вы от голода потеряете сознание, — подмигнул Челкашкин. — Не выйдет! — Погрозив артельщику пальцем, он подтолкнул его в лазарет и щёлкнул ключом.

Стёпка взвыл от злости. Перед ним на столе торчали рыбы хвостики, а вдалеке уже загорался огнями тысячи рубинов торговый город Жюлькипур.

ИСТОРИЯ КАПИТАНА МОРЯКОВА

Солнышкин стоял в гладильной, поплёвывал на шипящий утюг и наглаживал стрелочки на брюках Перчикова. Вот так Перчиков поведёт ногой — и стрелка сверкнёт на солнце. Вот так — и она зашелестит в воздухе. После случайной размолвки Солнышкину очень хотелось сделать для друга что-нибудь приятное. Так вот, пока радист передавал радиogramмы, его брюки готовились к завтрашней прогулке по великому торговому городу.

В стороне, сидя в трусах на столе, старый морской бродяга Альфонсо-Мария-Тереза-Федькин исполнял такие мексиканские песни, от которых, казалось, мчатся по жилам львы и прыгают ягуары.

А за иллюминатором уже возникал огромный город, подмигивал многочисленными огоньками, и каждый огонёк обещал какое-то занятное дельце. Огоньки вспыхивали и гасли, словно спорили друг с другом и торопились.

Солнышкин посмотрел в иллюминатор и тоже заторопился.

— Ого! Великолепно! Сразу видно, что на носу Жюлькипур! — сказал Моряков, наклоняясь, чтобы войти в гладилку. С плеча у него свисали громадные брюки. — Вы слышите шелест?

Моряков поднял вверх палец. Солнышкин мигнул.

— Нет? — Моряков удивился. — Так это же Солнышкин идёт по Жюлькипуру! Это же свистит воздух за его брюками. Слышите? Надо слышать, Солнышкин!

Солнышкин снова плюнул на уют и весело заработал.

— А знаете, — торжественно сказал Моряков, — когда-то я первый раз тоже наглаживал брюки у этих самых мест... А вон там... видите здания?..

На берегу среди высоких пальм светились две башни. На них по очереди вспыхивали и, сталкиваясь, гасли рекламы, будто нокаутировали друг друга, но, воспрянув, опять бросались в драку.

— Так вот, там, — кивнул Моряков, — у меня случилась забавная история, хотя началась она совершенно обычно.

Солнышкин хотел попробовать, горяч ли уют, но забыл и поставил его на штанину.

— Я был штурманом. Юнец! Моложе Пионерчикова! Вышел в город. Бананы — с луну. Пальмы. Попугаи. Непривычные улицы. И со всех сторон ко мне несутся рикши. Старики, мальчишки — бегом. Только садись! Я им говорю: «Извините, не могу, мы на людях не ездим».

Солнышкин притих. Он не дышал и поэтому не слышал, какой ароматный дымок распространяется из-под утюга. Морякову же этот дым казался дымом воспоминаний. И он продолжал рассказ:

— И вдруг вот у того самого здания появляется человек в пробковом шлеме и с ним дама и презрительно говорит: «Юному русскому штурману жаль денег. Я плачу за него!» Представляете? Это мне-то жаль денег! Он с хохотом садится с дамой на мальчонку. То есть, конечно, не на мальчонку, а в его тележку. Но какая разница?

— Никакой! — возмущённо крикнул Солнышкин, передвинув утюг на другое место.

— Меня бросило в краску.— Моряков заходил взад-вперёд.— Представляете положение?! Ехать на рикше я никогда себе не позволю, не сесть — тут же обвинят в жадности весь наш флот! Тогда я...— Моряков упёрся головой в потолок. Солнышкин тоже потянулся за капитаном, Федькин опустил на пол гитару.— Тогда я сказал: «Плачу вдвое больше, если этого джентльмена никто не повезёт!»

— Занятно! — сказал Федькин.

— Занятно! Если бы вы знали, что тут было! Свист, шум, визг. Но,— Моряков поднял палец,— ни один рикша не тронулся с места! Из банка вызвали такси, но дама желает только на рикше!

— И что же? — нетерпеливо спросил Солнышкин.

— Тогда в упряжку любезно бросились два молодых банковских служащих и побежали, стараясь обскákat друг друга.

— Зарабатывали авторитет! — сказал Федькин.

— Подхалимы! — крикнул Солнышкин.

— Ну что вы, зачем же так отзываться об уважаемых людях Жюлькипура?

— Уважаемых? — с негодованием спросил Солнышкин.

— Конечно! — умехнулся Моряков. — Ведь они теперь стали управляющими банков!

— И что же дальше? — поинтересовался Федькин.

— Я выложил все деньги тут же! Всю годовую штурманскую получку! И представьте, ни один рикша не позволил взять себе ни копейки.

— А вы? — спросил Солнышкин.

— А я тут же в харчевне заказал для всех двадцати по самому жирному тигриному хвосту в павлиньем соусе.

Глаза у Солнышкина горели. Сердце пылало. Брюки дымились.

ТОРГОВЫЙ ГОРОД ЖЮЛЬКИПУР

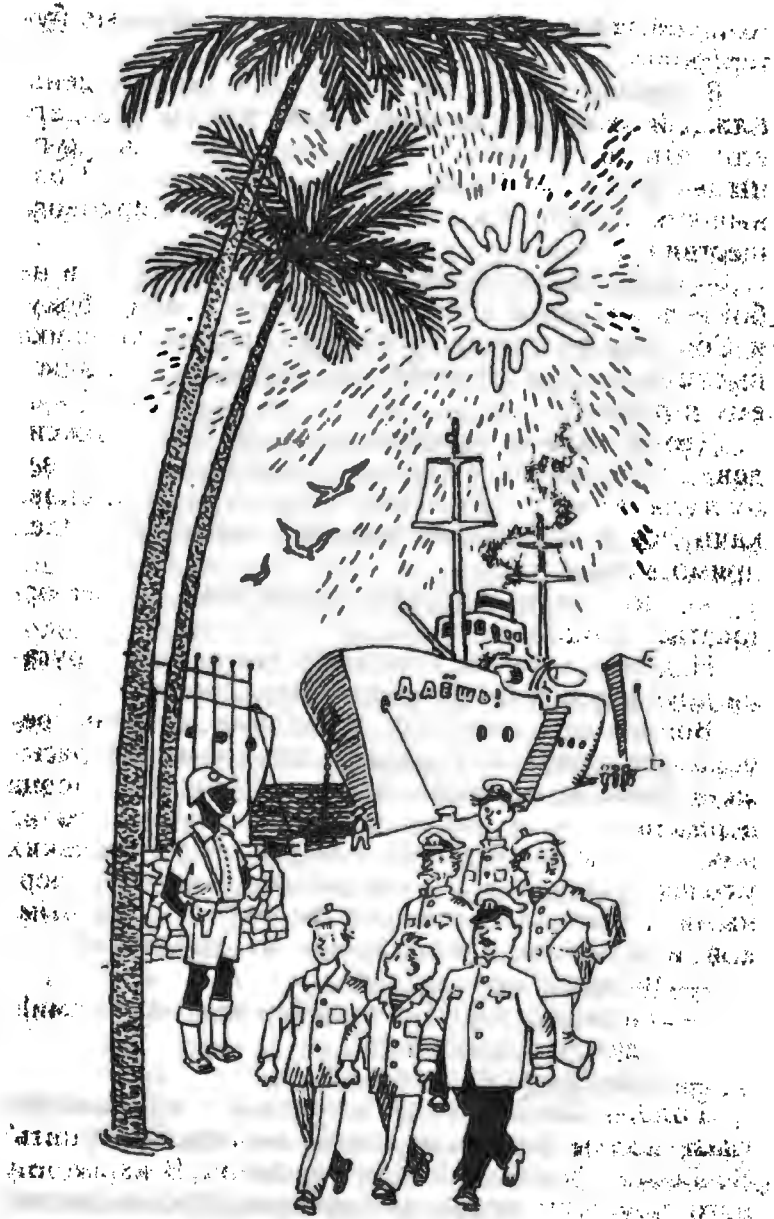
Рано утром, едва «Даёшь!» потёрся носом о причал, Солнышкин сбежал по трапу. За ним следовал Перчиков. Брюки у него были с таким тропическим загаром, будто месяц пролежали на африканских пляжах. Воздух дымился от перечных и горчичных запахов. У Солнышкина защи-пало язык и зашекотало в горле. Но он только выше поднял голову.

Дыша этим воздухом, в бухте гордо выпячивали грудь десятки пароходов. В небе щеголевато развевались флаги всех стран мира, а из-за ворот порта уже доносились громкие голоса:

— Бананы, лучшие в мире бананы!

— Кокосовые орехи! Самые крепкие в мире!

У ворот, под высокой королевской пальмой, задрав подбородок, стоял полицейский в коротких штанишках, и друзья прошествовали мимо него. Рядом с Перчиковым и Солнышкиным шёл Челкашкин, а за ним торопились Робинзон, Пионерчиков и Борщик с громадным свёртком под

мышкой, в котором хранились самые вкусные бутерброды.

В городе начинался большой торговый день. Каждый житель должен был что-то продать или что-то купить. В город тянулись купцы — рыжие, чёрные, красные. И скоро Солнышкин завертелся среди настоящего циркового шествия.

— Крокодилы! Крокодилы! Покупайте их и не бойтесь никакого врага! — крикнул кто-то сбоку, и Солнышкин отлетел в сторону: рядом из ящика высунулись две крокодильи морды и вцепились ему в рубаху.

Что-то больно щёлкнуло его по уху. Это сидевшая на голове у высокого индейца макака запустила в него вишнёвой косточкой. Он снова качнулся и налетел на торговца, который пропел прямо в лицо:

— Покупайте попугая, и ваш язык может оставаться дома.

Над ним хлопали крыльями два какаду и ругали друг друга самыми смешными словами.

Вокруг жонглировали зеркалами, громко трещали трещотками. Торговцы фруктами подбрасывали бананы, ананасы, кокосы. Продавцы перца держали на весу такие жгучие мешочки, что из них едва не вырывалось пламя. А из маленьких улочек, уставленных, как шахматная доска, чёрными и белыми столиками, валили десятки дымов, и зазывали, хватая прохожих, горланили:

— Варёные крокодилы!

— Тигриный хвост с поросячьими пятачками!

— Удав маринованный!

— Удав фаршированный!

Голова Солнышкина вертелась как волчок, а глаза весело бегали по сторонам: что бы купить? Зелёного крокодила? Или обезьяну? В кармане у него хрустели новенькие жюлькипурские долла-

ры, выданные штурманом Ветерковым, и Солнышкину не терпелось их потратить.

— С ума сошёл! — возмущался Перчиков. — Крокодила для бабушки! Да от него в Антарктиде и хвоста не останется!

Среди этого невообразимого шума до Солнышкина донёлся крик:

— Птицы, которые приносят счастье! Птицы, которые приносят счастье! Покупайте! Покупайте!

Солнышкин усмехнулся: купить счастье! Но всё-таки решил взглянуть. Такую птицу своей бабушке он купил бы за что угодно!

И вдруг сердце его больно и звонко ударило, как корабельный колокол. Он толкнул Перчикова.

Под высокой пальмой в птичьем ряду вдоль клеток расхаживал длиннобородый торговец в белом тюрбане. Пальцы его вспыхивали от золотых колец. У ног сквозь решётку просовывал голову настоящий павлин.

— Тебя ещё только павлин не клевал! — сказал Перчиков.

Но Солнышкин подтолкнул его вперёд, к другой клетке, и оба, белея от негодования, в один голос спросили:

— Где ты их взял?

— Их поймали мои работники! — сказал торговец.

— Твои работники!

В клетке, прижавшись друг к другу, как попавшие в беду товарищи, сидели аисты.

— Это наши! — сказал Солнышкин.

— Наши, — подступили к торговцу Робинзон и Борщик.

— Это бесчестно! — крикнул Пионерчиков. Он только вчера передал рассказ об их спасении в редакцию «Пионерской правды».

Вокруг собиралась толпа.

— Доллары,— потряс торговец пухлым кошельком,— и они будут ваши! Покупайте счастье! — закричал он изо всех сил.— Птицы, которые приносят счастье!

Солнышкин заглянул в клетку. Птицы грустно и устало посмотрели на него, и только вожак, просунув сквозь прутья голову, постучал клювом в ладонь.

— Доллары,— усмехнулся торговец и погладил увесистое брюшко.

Солнышкин вытащил все свои деньги и так ударил рукой по клетке, что вся толпа вздрогнула. На плечах у продавцов замолчали попугаи, мартышки вытянули шеи.

— Мало,— сказал торговец и спрятал деньги в карман.

— Вот! — Клетка подпрыгнула. Это ударил своим кошельком Перчиков.

Торговец опустил в карман и его деньги, потёр бороду:

— Мало!

Ещё четыре руки протянулись к торговцу. Но когда и эти деньги зазвенели в кармане, он сел на клетку, хитро сощурил маленькие глазки и сказал:

— Ещё столько — и все в порядке!

— Вот как! — крикнул Пионерчиков и нащупал рукой лежащий сзади на прилавке кокосовый орех.

Продавец орехов схватил Пионерчикова за руку.

— Деньги, деньги! — закричали испугавшиеся торговцы, потому что Перчиков взялся за банан, Робинзон подхватил ананас, а Борщик выдвинул поудобней увесистый пакет с чудесными ветчинными бутербродами.

Команда «Даёшь!» вооружалась.

В этот самый момент Челкашкин остановил друзей, подтянул рукавчики и посмотрел на торговца. Тот поправил тюрбан и хотел улыбнуться, но вдруг завертелся на месте, испуганно захлопал глазами и ухватился за клетку.

Челкашкин опять с настойчивой улыбкой посмотрел на него. Торговец вежливо поклонился и попробовал отвести глаза в сторону, будто улыбка доктора чем-то ему угрожала. Однако, не выдержав, он весело взглянул на Челкашкина, подпрыгнул, рывком распахнул клетку с аистами и под пронзительным взглядом доктора помчался по торговому ряду, открывая на бегу клетки. Павлины, попугаи, аисты рванулись ввысь. Обезьяны прыгали на пальмы. Но мало того: подлетев к продавцу перца, торговец сунул нос к нему в мешок, яростно чихнул и, выхватив мешок из рук, швырнул его в воздух.

В ту же секунду над толпой вспыхнуло алое облако и стало расплываться над Жюлькипуром. По улицам понеслось:

- Апчи!
- Ап-чи!
- А-а-пчи!
- А-а-а-пчи!

Чихали звери и птицы. Чихало всё на земле и в воздухе. Толпа бросилась врассыпную. По улицам покатались орехи и ананасы.

- Бежим! — крикнул Челкашкин.
- Бежим! — крикнул Солнышкин.
- Бежим! — крикнул Борщик.

Отдав Солнышкину бутерброды, он помог подняться одному аисту, у которого слегка было помято крыло, и припустил в порт.

Робинзон тоже поспешил в сторону парохода. А над Жюлькипуром всё расплывалось красное облако. Оно оседало в лавках и магазинах, разлеталось по коридорам учреждений. И жюлькипурцы хватались за носовые платки.

Что произошло, никто не взялся бы объяснить. Только Пионерчиков, торопясь за Перчиковым и Челкашкиным, вдруг заглянул к доктору в глаза и увидел нечто такое, отчего ему страшно захотелось взвизгнуть и сказать: «Гав!» Но он лишь вздрогнул и, задохнувшись до слёз, выпалил: «Апчи!»

...А через несколько дней по далёкой сибирской тайге, побрякивая от морозца, шли охотники. На бровях у них выросли белые сугробчики, на усах зазвенели сосульки.

— Жмёт, — сказал один.

— Поджимает, — подтвердил второй.

И внезапно оба остановились. Высоко над собой они увидели птиц.

— Есть! — сказал первый и стал целиться.

Но птицы так крикнули, что он едва не выронил ружьишко. Навстречу зиме, курлякая, летели аисты...

— Видел? — спросил первый охотник.

У второго от удивления с усов потекли ручейки.

А на следующее утро, когда по засыпанному снежком посёлку ребята пошли в школу, школьный дворник вышел открывать ворота и от неожиданности сел в сугроб. На крыше школы, поближе к тёплому дымку, сидели три аиста. Как только дворник открыл дверь, птицы, зябко поводя крыльями, слетели вниз и под весёлые крики ребят вошли в школу.

Объяснить этот удивительный факт тоже никто не смог. Но то, что птицы наконец нашли тёплый угол и чувствовали себя очень хорошо, могут подтвердить все ребята из сибирского села.

КАК ПОЖИВАЕТЕ, ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО?

Перчиков был поражён происшедшим и задумчиво потирал лоб. Пионерчиков, как уже было сказано выше, кое-что предполагал, но всё ещё боялся высказать свою точку зрения. А Челкашкин шёл, распахнув китель, весело посмеиваясь и что-то обдумывая. Не было только Солнышкина.

Разыскивая его, друзья выбежали на широкую площадь, посреди которой возвышался мраморный дворец, а по бокам торчали небоскрёбы банков. Рядом, за набережной, начинался океан; он так сверкал, что казалось, катил не волны, а золото прямо в жюлькипурские кладовые.

В то же самое время на площадь вступила удивительная процессия. Впереди неё два обнажённых по пояс гиганта торжественно несли двух дохлых кошек. Следом, увешанный звенящими колокольцами, мягко ставил ноги громадный слон, на котором под просторным балдахином восседал смуглый мальчишка. Его чалма так искрилась от алмазов, что несколько идущих ря-

дом телохранителей то и дело вздрагивали от зайчиков в глазах.

За слонем, поднимая облака пыли, ползла на коленях свита, а слева от него на курносом «джипике» чинно ехали два советника в погонах офицеров одной иностранной державы и в пробковых шлемах. В Жюлькипур спустился наследный принц одного из горных княжеств.

— Вот это да! — сказал Перчиков и хотел подтолкнуть Пионерчикова.

Пионерчиков на минуту оторопел, открыл рот и вдруг, замахав фуражкой, бросился к сидевшему на слоне мальчишке:

— Как живёте, ваше высочество?

— Прочь с дороги! — закричали телохранители.

Слон остановился. К Пионерчикову подбежала стража, а сидящий наверху мальчишка указал на штурмана жезлом:

— Чего хочет этот моряк?

— Как же, ваше высочество, вы что, забыли? — удивился Пионерчиков. — Мы же в одном лагере отдыхали! В Артеке. Помните, помидоры в колхозе собирали, а вам ещё арбуз на трудодни выдали...

Задрав носик, принц с насмешкой и презрением посмотрел на штурмана и взмахнул жезлом:

— С дороги!

Пионерчиков был оскорблён.

— А ещё пьесу написали о нём! — не унимался штурман.

Упоминание о пьесе, кажется, подействовало на принца. Во-первых, потому, что пьесу написали не о нём, достойном наследнике Солнца и Луны, а во-вторых, потому, что её написали о его злейшем враге.

В стороне фыркнула машина. С сиденья приподнялся сухопарый офицер и сказал:

— Ты оскорбил достойного из достойных, их высочество могли бы одним движением растоптать тебя, ничтожного, и бросить на съедение тиграм. (При этих словах слон многозначительно поднял и опустил ногу.) Но их высочество великодушны: они ограничиваются десятью ударами по пяткам за неразумные слова и приказывают купить тебе этих двух его любимых кошек.

Слуги подняли дохлых кошек за хвосты, а свита налетела на Пионерчикова.

Только теперь юный штурман, кажется, понял, что не каждый принц его знакомый, тем более хороший. Он сжал кулаки и повернулся к друзьям: слышал ли кто из них что-нибудь подобное?! Десять палок! Любимые кошки!

— Держитесь, Пионерчиков! — крикнул Перчиков и ринулся к штурману.

Но тут толпа шарахнулась, и на глазах у всех стали происходить вещи просто ошеломляющие. Стоявший смирно слон вдруг выхватил из машины советника в золочёном мундире и, перевернув в воздухе, затолкал его глубоко под сиденье. Потом он проделал то же самое со вторым советником и под возгласы разбегающейся свиты, обхватив хоботом принца, посадил его на советника. Подцепив кончиком хобота двух любимых кошек наследного принца, слон швырнул их ему на голову. Потом он сделал шаг вперёд и под общий ропот опустился на колени перед Челкашкиным. Пионерчиков смущённо приоткрыл рот. Он подскочил к доктору и шёпотом спросил:

— Что вы делаете?

— А ничего, — благодушно улыбнулся Челкашкин. — На этот раз я совершенно ни при чём! Сам удивляюсь! — И он, разведя руками, весело кивнул на болтающиеся в воздухе ноги советников.

Но тут случилось кое-что, заставившее Челкашкина удивиться ещё больше: слон приподнял хоботом самого доктора, а за ним Перчикова и усадил их, одного за другим, к себе на спину.

Пионерчиков было задумался, но слон хоботом подхватил его за штаны, сунул в корзину и рысцой побежал по улице. С его спины были видны проносящиеся мимо дома, широкая листва пальм и нежно дымящийся океан.

Слон трусил рысцой среди разбегающейся толпы, а Перчиков смотрел, не мелькнёт ли где-нибудь рыжая голова Солнышкина.

САМОЕ СТРАННОЕ ТОРГОВОЕ ЗАВЕДЕНИЕ

Любой моряк, побывавший в Жюлькипуре, конечно, видел за громадами сверкающих банков целый океан бедных лачуг.

Кажется, их загнал сюда жестокий шторм. Они теснятся здесь год за годом, их бока тихо тонут в земле. Нет здесь на прилавках ни гордых ананасов, ни ярких апельсинов, и только у ног какого-нибудь продавца зеленеют на циновке перья лука или петрушки.

Вот среди таких лачуг по путаным улочкам, отстав от друзей, бежал Солнышкин со свёртком под мышкой. Ни Перчикова, ни Челкашкина, ни Пионерчикова нигде не было. Он проскочил через мост, под которым, как рыбы в проруби, толкались в грязной реке тысячи джонок, и остановился у какой-то маленькой лавки. Вся она была завешана циновками и, как жучками, разрисована иероглифами. Ни прочитать, ни отгадать! Солнышкин повертел головой. И вдруг странный чёрный кот потянул его за штанину, а появившийся из-за циновок грустный хозяин, тихо кланясь, сказал:

— Не хотите ли купить гроб? — и раздвинул циновки пошире.

У стенки стоял десяток крепких гробов.

Солнышкин взмок от жары и волнения, но по спине у него побежал холодок. В окнах лавки висели сушёные каракатицы, с крыши на верёвочках спускались сухие осьминоги и шелестели щупальцами у самого уха. Солнышкину стало не по себе. Он попятился и хотел припустить дальше.

Но рядом с ним появился изящный белый пудель, вцепился в чёрного кота, а из двери противоположного дома раздался добрый старческий голос:

— Чудесные собачки! Пгекгасные собачки!

Дряхлый старичок в потрёпанном камзоле трижды повторил это по-английски, по-французски, по-русски и поклонился на все четыре стороны.

«Узнаю у него, как пройти в порт», — подумал Солнышкин и перебежал через дорогу.

На громадной вывеске были нарисованы породистый бульдог с оскаленными зубами и улыбающийся добрый пуделёк.

Старичок вежливо поклонился и, едва Солнышкин открыл рот, взял его под руку, увлекая в дом, причём Солнышкину показалось, что старичок очень близко наклонился к его свёртку и как-то странно лязгнул зубами. Но, ступив на порог, Солнышкин сразу об этом забыл. Перед ним открылся зал, сплошь заставленный собачьими будками. В будках вертелись лайки, шпицы, моськи; собаки метались, визжали, лаяли, грызли сухие корочки.

А в центре зала на бархатной подушке, задрав морду, лежал слюнявый бульдог, около которого была тарелка с нарезанной колбасой. Перед ним, согнувшись, стоял старый лакей. А сбоку сидел, заносчиво вертя мордой, маленький плюгавый

шпиц. Будьдог грыз фазанью лапку и так мрачно поглядывал на Солнышкина, что тому снова захотелось побыстрее спросить, как выбраться в порт. Но дальше произошло такое, что Солнышкин прикусил язык. Старичок рысцой подбежал к будьдогу и, поклонившись, ласково пропел:

— Ваше собачье пгевосходительство, к нам пгишёл покупатель!

— К нам пришёл покупатель, ваше бульдожье сиятельство! — поддакнул старичок, стоявший около бульдога.

У Солнышкина на затылке вскочили пупырышки: будьдог перестал грызть фазанью ножку, подвинул к себе зубами тарелку и ударом лапы небрежно метнул вверх два куска колбасы. Оба старичка подпрыгнули и, открыв рты, по-собачьи клацнули зубами. Глаза у них жадно вспыхнули и тут же погасли.

— Непонятно,— пробормотал Солнышкин, пятясь,— какой-то цирк!

Бульдог злобно зарычал. Шпиц тявкнул.

— Всё понятно! Всё понятно! — умилённо кланяясь, запел добренький старичок в камзоле.— Это не цигк, а тогговое заведение, но наши собачки есть и в цигке. Бывшая хозяйка оставила его сиятельству заведение в наследство. За вегную службу, за пгеданность. Но вегных товагической он не забывает и сейчас. Вот видите?

Лежавший перед бульдогом шпиц показал вставные зубы и, вскочив, трижды тявкнул.

О том, что избалованным моськам порой достаются в наследство целые дворцы, Солнышкин иногда читал. Но чтобы собаки торговали собаками — да ещё своей породы,— о такой подлости он не слышал!

Тем временем добренький старичок поймал ещё кусок колбасы.

Второй старик бросил на него злой взгляд и тут же пропел:

— Мы верой и правдой служили нашей хозяйке и будем служить хозяину! — Он тут же получил огрызок кости.

— Доброму хозяину, щедрому хозяину, — сказал добренький старичок, и Солнышкину опять показалось, что он очень близко наклоняется к его пакету и по-собачьи втягивает воздух.

— Посмотрите, какие у нас собачки! — подскокил второй старичок и тоже носом нацелился на пакет. — Вот у этого великолепная родословная.

— У самой хозяйки такой не было! — подпел первый.

— А это родная тётка его превосходительства!

— А вот его двоюродный бгатец! И пойдёт по весьма сходной цене.

В клетках, сидя у сухих корочек, злобно рычали на своего родственничка два бульдога.

«У, лакеи!» — посмотрев на стариков, подумал Солнышкин и отступил назад, потому что носы обоих так и тянулись к пакету. И вдруг, споткнувшись, Солнышкин едва не сел на порог. Сбоку от двери стояла клетка, в которой, опустив лохматую голову, сидел большой, грустный пёс.

— Не обращайтесь на него внимания, — вскинулся добренький старичок.

— Не обращайтесь, — поддакнул второй.

— Этот пагшивый когабельный пёс сегодня бгосился на хозяина только потому, что он пгиказал сделать жагкое из какого-то пагшивого щенка, — пропел добренький, вежливый старичок и радостно, сладко добавил: — А если сегодня его не купят, так из него самого для нас сделают такое жагкое, какого не едала сама хозяйка.

«Не едала сама... — хотел поддакнуть второй, но в зале поднялся такой лай, такой визг, что невозможно было что-либо разобрать.

«Негодяи! — подумал Солнышкин. — Погубить корабельного пса такой смертью? Не выйдет!» И он сунул руку в карман за деньгами. Но ведь всё — до единой бумажки — осталось в кошельке у торговца птицами! И Солнышкин решился на отчаянный план.

Обходя клетки, он приблизился к величественному хозяину и так зашелестел свёртком, что бульдог немедленно потянул носом. Его тоже тревожили ветчинные запахи, доносившиеся из пакета. «Его превосходительство» высокомерно поднял морду.

Солнышкин прошёлся рядом второй раз. Бульдог, посапывая, приподнялся на передних лапах. Наконец, отойдя в сторону, Солнышкин сделал вид, что ищет деньги, и уронил пакет на пол. Из него вывалились великолепные бутерброды, приготовленные Борщиком. Оба старичка обалдело плюхнулись ничком на пол, а следом,

описав в воздухе дугу, им на загривки опустился хозяин.

— А нам хоть шкугочки, нам шкугочки! — ползая на четвереньках, приговаривали старички. Они вцепились друг в друга и уже ничего не видели.

Солнышкин, открыв клетку, выпустил пса и бросился бежать из заведения. Следом за ними увязался шпиц, но так получил дверью по носу, что откинул задние лапки и упал в обморок.

Солнышкин мчался по переулку. Ему казалось, что сзади раздаются свистки, но это свистели наглаженные вчера брюки.

ВДОХНОВЕНИЕ ХУДОЖНИКА МОРЯКОВА

От парохода «Даёшь!», как от флакона с духами, по всему порту растекались ароматы.

Судно пополняло запасы провианта. На палубе белели новенькие ящики с жёлтыми, курносыми бананами, лимонами, из корзин торчали чубчики ананасов...

Штурман Ветерков долго пересчитывал их пальцем, потом махнул рукой: штукой больше, штукой меньше — какая разница!

Но кругленький Безветриков должен был знать всё точно. Он сбегал за арифмометром, пощёлкал ручкой и доложил капитану:

— Полный порядок. Тютелька в тютельку!

Моряков надел парадный китель и собирался нанести визит знакомому капитану бразильского парохода.

У самого трапа он на минуту задержался, потому что вахтенный Федькин сказал:

— Салютуют! Перьями салютуют!

В городе раздался такой гул, будто там палили из сотни пушек. По всему небу, хлопая крылья-

ми, разлетались птицы, цветные перья, пух и какое-то красное облачко.

— Но это, это... — сказал Моряков и не договорил.

Стуча каблуками, на причал, чихая, влетел растрёпанный Борщик, а за ним спешил старый инспектор Океанского пароходства. Мягкие волосы его развевались, глаза смотрели возмущённо и встревоженно.

— Что с вами, Мирон Иванович? — бросился навстречу Моряков.

— Неприятности! Огромные неприятности! — сказал Робинзон, вытирая пот со лба.

— Да что случилось?

— Некогда, некогда! Нужно выручать ребят! — Робинзону казалось, что с ними стряслась беда, и он потянул Морякова в город.

По дороге он рассказал обо всём, а когда дошёл до истории, случившейся на базаре, Моряков остановился:

— Позвольте, позвольте! Они что же, торговали нашими аистами?

— Конечно!

— А вы освободили их?

— Конечно! — сказал Робинзон.

— Bravo! Bravo! — крикнул капитан и помчался вперёд.

Его тень закрывала пол-улицы и головой доставала до конца квартала. Рядом торопилась маленькая тень Робинзона. Пальмы раздавались в стороны: капитан спешил на выручку своему экипажу.

Но никого из команды «Даёшь!» на улице не было. Только на мосту, обсуждая недавние события, стояли пять английских матросов и один греческий адмирал, а на деревьях громко чихали обезьяны.

Моряков остановился на минуту поразмыслить — и... до его слуха донёсся протяжный крик:

— Картины! Самые лучшие в мире картины!

Моряков приподнял голову. Робинзон потянул его вперёд, но из разместившегося под навесом салона снова донеслось:

— Картины! Самые прекрасные в мире картины!

Моряков торопился выручать товарищей, но речь шла о выдающихся произведениях искусства! И капитан, виновато сказав Робинзону «на одну минуту», направился к навесу, под которым у какой-то картины спорили несколько ценителей живописи.

Маленький человек — хозяин салона — в нейлоновой рубашке с бабочкой на воротнике бегал, расхваливая стоящие на подставках два холста, по которым расплывались жёлто-зелёные пятна. Рядом лежал ящик с красками и кистями.

— Но где же картины? — спросил осторожно Моряков.

— Перед вами! — воскликнул человек.— Прекрасные натюрморты. Вот бананы! — И он показал на холст, стоявший слева.— А вот фрукты! — И он показал направо.

Робинзон весело хмыкнул. А Моряков прошёлся так, что вокруг салона на пальмах закачалась листва.

— Какие сочные, какие волнующие краски! — восхитился человек.

— Это краски?! — остановился Моряков.— Да это же незрелая мазня...

— Но ведь это бананы,— лукаво усмехнулся хозяин.— Они созреют, пока вы донесёте их до вашего судна!

— Неужели созреют? — тоже с усмешкой спросил Моряков, ещё раз посмотрев на холсты.

— Конечно! — шустро подмигнул капитану хозяин и взмахнул руками. От рукавов с треском посыпались искры, а бабочка на воротнике, кажется, затрепетала крылышками.— Разве вы не видите, что они хорошеют на глазах?! — И человек во весь рот улыбнулся капитану.

— В таком случае,— сказал Моряков, и в глазах его вспыхнули весёлые светлячки,— я покупаю эти картины.

В толпе зашептались, а человек по-деловому присвистнул и бросился заворачивать картины.

— Но,— остановил его Моряков,— я не вижу подписи художника.

— Момент! — воскликнул хозяин.— Он обещает в десяти минутах отсюда.

— Я согласен! — сказал Моряков.

И хозяин побежал туда, где за мостом чадили дымки многочисленных кухонь.

Робинзон смотрел на своего воспитанника с явным неодобрением:

— Вы что же, собираетесь потворствовать этому шарлатанству?

— Мирон Иванович! Мирон Иванович...— всплеснул руками Моряков. Потом что-то шепнул Робинзону, дал несколько долларов, и старик, улыбаясь, вышел из салона.

Присутствующие зашевелились.

Моряков взял кисть и краски, шагнул к мольберту и на глазах у оторопевших зевак закрасил левый холст рыжей краской, а внизу нарисовал жёлтый-жёлтый банан. К нему тотчас стала подкрадываться вертевшаяся у ног обезьянка.

В это время за спиной Морякова появился Робинзон с огромным кульком в руках.

Моряков кивнул ему и принялся за вторую картину. Нет, он не чувствовал себя великим художником, но постоять за честное искусство считал своим долгом!

Он нарисовал ветку, потом жёлтой краской наложил такой мазок, что толпа ахнула: на холсте появился еще один банан, живой, полный солнца! Казалось, художник окунул кисть не в краски, а в солнечный луч.

Толпа увеличивалась. Перед зрителями на холст так и сыпались алые гранаты и солнечные апельсины, яблоки и грейпфруты. Наконец капитан провел кистью большой длинный штрих, и все увидели, как в глубине картины тяжело закачалась банановая гроздь...

Моряков посмотрел на часы, подмигнул Робинзону и положил кисть и краски на место.

И тут, расталкивая толпу, к Морякову пробился хозяин салона, за которым бежал создатель великих полотен.

— Вот и подпись! — сказал хозяин и показал на художника. И вдруг взвыл: — Где картины? Где бананы?

— Увы! — грустно сказал Моряков. — Они так быстро созрели, что нам пришлось их собрать. Вот, — сказал Моряков, а Робинзон под хохот толпы преподнёс художнику свёрток с бананами. — Один ещё остался, — заметил Моряков, показывая на картину. — Но и он, как видите, вот-вот созреет.

Хозяин посмотрел на Морякова, на кулёк, на жёлтый банан в углу пустого холста и тихо прислонился к двери.

— А этот натюрморт действительно несколько похорошел, — сказал Моряков, показывая на второй холст, — и я его покупаю.

— Но я его не продаю! — крикнул художник, удивлённый собственным талантом. Он протянул руку, чтобы схватить картину.

В этот момент толпа шарахнулась и взревела: сквозь неё ломился громадный слон, на котором сидели Пионерчиков, Перчиков и Челкашкин, и протягивал к картине длинный хобот. Издалека слон увидел на картине свои любимые фрукты.

Моряков взмахнул рукой, а Робинзон, подумав, подхватил картину, и они побежали по направлению к порту. Слон, помахивая хвостиком, затрусил за Робинзоном.

На улице снова поднялся шум. Пять английских матросов и греческий адмирал с криком нырнули с моста в воду. Салон опустел. В углу сидел схватившийся за голову хозяин, а у картины вертелась маленькая обезьянка и всё пыталась сорвать с неё прекрасный спелый банан.

ЧУДЕСА ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Большой торговый день Жюлькипура подходил к концу, и взволнованные событиями жюлькипурцы бросились к телевизорам.

С экрана раздавались крики ужаса. Выловленный репортёрами греческий адмирал рассказывал,

как он едва не утонул. Принц, вздрагивая, кричал о бешенстве своего лучшего слона.

А в это самое время в лазарете парохода «Даёшь!» метался артельщик. Необычный шум торгового города всё больше будоражил его.

— Тысяча рубинов! Тысяча топазов! Тысяча алмазов!

Артельщик с размаху бросался спиной на дверь, но дверь не поддавалась.

— Чтоб вас акулы сожрали! — выл Стёпка. Он был готов разметать всё вокруг. — Я вам покажу голодовку! — И артельщик со злостью начал глотать лекарства, которыми была набита аптечка Челкашкина.

Сперва он проглотил успокоительные пилюли, и нервы его начали успокаиваться. Но потом он добрался до возбуждающих, и ярость хлынула ему в виски. Ноги сами стали подбрасывать артельщика кверху, головой в потолок.

— Вот вам! Вот вам! — повторял артельщик.

«Бом-бам! Бом-бам!...» — отвечала верхняя палуба.

Но вот на палубе послышались шаги. Артельщик притих и, тяжело дыша, прислушался. К двери подходил вахтенный Петькин.

— Петькин, отвори, — шепнул Стёпка.

— Не положено, — отрезал Петькин.

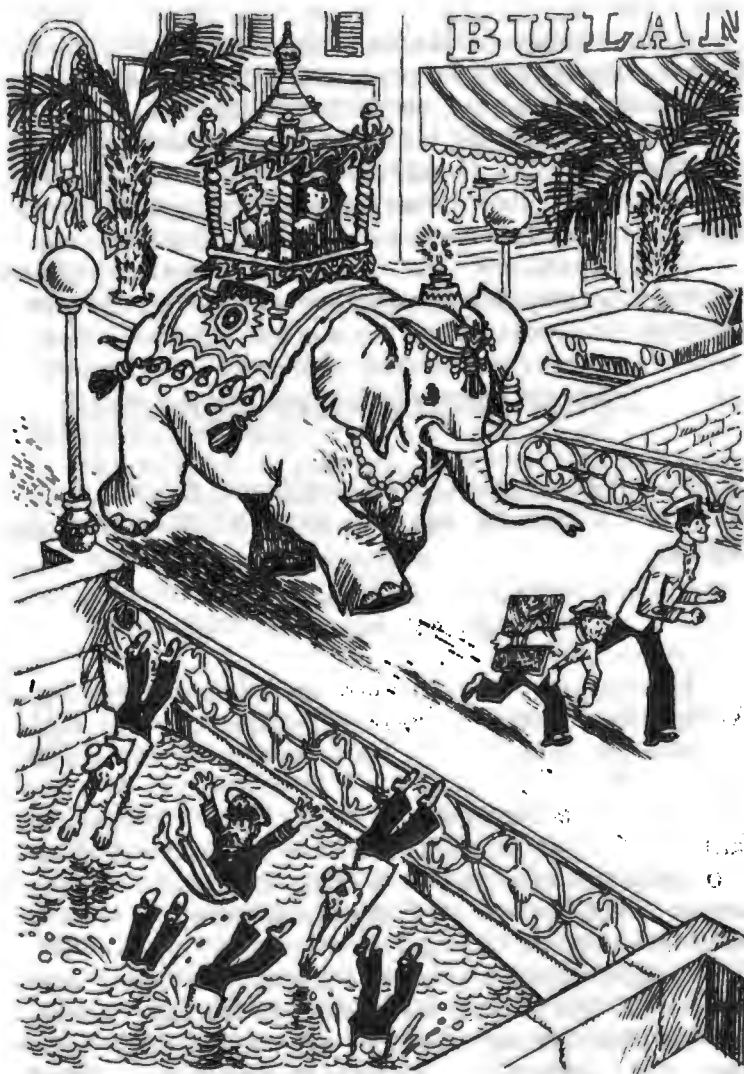
— На полчаса, — схитрил Стёпка. — Подышать!

Петькин остановился и повернул ключ.

Артельщик оттолкнул вахтенного и бросился вниз по трапу.

Теперь только бы добраться до каюты, одеться — и в порт. Он открыл дверь в коридор и попятился: напротив его каюты стоял Солнышкин и, размахивая руками, что-то весело рассказывал боцману, Робинзону и Перчикову.

THE BULLAIN

THE BULLAIN

Стёпка прикрыл дверь и оглянулся. У сходней сидел Федькин с гитарой. И этот путь был отрезан.

Но зато, зато «Даёшь!» стоял, уткнувшись носом в корму парходика, на котором в клетках вертелись обезьяны, медведи, тигры!

Наступала ночь. По небу проносились уже падающие звёзды. И артельщик решился на риск. Он тихо, на цыпочках, прошёл по коридору с другой стороны и исчез в каюте Робинзона.

Через минуту из неё вывалился черный толстый медведь и вразвалку потопал к носу пархода.

ВЕСЁЛЫЕ ПЕСНИ БОББИ ПОЙКИНСА

Бывалый матрос британского флота Бобби Пойкинс стоял на вахте и напевал любимую песенку:

Никогда не плавал я
По далёкой Амазонке...

Правда, он-то побывал и на Амазонке, и в Австралии, ловил тигров и анаконд, и на языке у него приплясывали тысячи великолепных историй.

Сегодня в полдень он с друзьями отправился в бар, чтобы за кружкой виски порассказать кое-что ребятам помоложе, а заодно отметить годовщину с той поры, как акула на виду у всех отхватила ногу их бравому капитану.

И вдруг с ним самим произошла такая история, что ой-ой-ой! Вместо того чтобы сидеть и промывать горло бренди, он, известный ловец анаконд, впереди толпы бежал от слона и барахтался в жюлькипурской луже! Подумать только, завтра годовщина с той поры, как кит чуть не

проглотил его любимого прадедушку, а он из-за этого слона ещё не успел выпить за ногу капитана! Пойкинс от досады крикнул. Но ничего, завтра он наверстает. Кстати, к завтрашнему дню подоспеет двадцать пятая годовщина с той поры, как он своими руками оторвал лопасть от винта вражеской подводной лодки. Эге, да тут можно будет заказать и торт на двадцать пять свечей! Бывалый матрос присвистнул от удовольствия. Вокруг плясала вода, в клетках посапывали медведи, урчал тигр.

Но тут Пойкинс обернулся и вздрогнул. Из-за ближней клетки прямо на него смотрела хитрая морда чёрного медведя. Зверь переступал с лапы на лапу и решал, с какой стороны удобней обойти бывалого моряка.

— Не выйдет,— сказал Пойкинс.— За такого медведя хозяин с меня самого сдерёт шкуру. И никакого торта в двадцать пять свечей!

Он приоткрыл дверцу клетки и с маху попробовал загнать в неё медведя. Но тот так отскочил, что Пойкинс шлёпнулся на четвереньки.

— Эге, да ты хитрить? — процедил сквозь зубы Пойкинс.— Ну, держись!

Но медведь цапнул его за ногу и ринулся вперёд.

— Так ты драться? Ты, братец, не знаешь, что Бобби Пойкинс был ещё и футболистом! — крикнул рассвирепевший моряк. И так двинул медведя по носу, что тот с криком влетел в клетку.

Но и сам Пойкинс отскочил в сторону и сел.

Медведь кричал по-человечьи! Нет, Пойкинс не ослышался и юбилея сегодня тоже не отмечал! Он опустился на колени, заглянул в клетку и откатился обратно с диким воплем: медведь потирал нос человеческой рукой!

— Эй, Покинс, что с вами? — спросил сверху штурман.

— Сэр, медведь... говорит,— не поднимаясь, произнёс ловец анаконд.— Он ругается!

Штурман махнул рукой. Но друзья Пойкина сразу почувствовали неладное. Бравые ребята видели, что в этом Жюлькипуре случаются диковинные вещи. И как только они подбежали к клетке, палубу огласили вопли, а brave моряки кинулись в стороны. Чёрный медведь действительно чесал нос человеческой рукой!

СТРАШНЫЕ ВОЛНЕНИЯ СТЁПКИ-АРТЕЛЬЩИКА

Конечно, под медвежьей шкурой прятался одуревший от боли артельщик. Он сидел в клетке, а рядом с ним в страхе карабкался на стенку настоящий гималайский медведь, которого артельщик едва не придавил своей тушей. Но, убедившись, что новый сосед не предпринимает никаких агрессивных действий, медведь тихонько потянул носом и опустил на пол.

Артельщик забился в угол. А мишка сделал шаг и обнюхал его.

«Сожрёт, сожрёт!» — хотел крикнуть артельщик. Шерсть на шкуре начала подниматься дыбом. Но добрый гималаец подошёл поближе и лизнул нового товарища по несчастью.

Он это сделал так ласково, что артельщик не выдержал: вцепившись в клетку, он посмотрел в ту сторону, где сверкал огнями жюлькипурский банк, и горько-горько всхлипнул.

А между тем к маленькому английскому пароходiku со всех сторон мчались жюлькипурцы. До чего же быстро распространяются слухи!

— Оборотень! — кричали одни.

— Он разорвал полкоманды! — ужасались другие.

А хозяин зоопарка, взлетев на трап, кричал:

— За любую цену, только нашему зоопарку!
Великие планы рушились. И артельщик заплакал ещё громче.

— Бобби, что он делает? — спросил сверху штурман.

— Он рыдает, — прохрипел старый матрос.

— Смотрите! Он в самом деле рыдает! — раздался над головой артельщика голос, от которого слёзы покатались у него, как ручьи по палубе.

— Он действительно рыдает! — воскликнул Моряков, который прибежал почти со всей командой. — Дайте-ка лампу!

Капитан присел и чуть не выпустил лампу из рук. Прямо перед ним, вцепившись в клетку волосатыми руками и прижавшись к прутьям пухлой щекой, рыдал артельщик, которого участливо лизал большой гималайский медведь. А сзади него лежала знакомая Морякову медвежья шкура.

— Артельщик! — крикнул Солнышкин.

— Он уже куплен! — предупредил хозяин зоопарка.

И тут случилось нечто неожиданное. Пионерчиков подскочил к доктору Челкашкину и, размахивая пальцем, яростно крикнул:

— Всё это ваши штучки, всё это ваши эксперименты, я знаю!

Челкашкин удивленно пожал плечами.

— Слушайте, штурман, что вы говорите? — вмешался Моряков. — Какие эксперименты?

— Вы ещё ничего не знаете, — сказал Пионерчиков, который кое-что повидал за это время. — Ничего не знаете! — Открыв клетку, он помог выбраться заливающемуся слезами артельщику.

Стёпка всхлипнул и вдруг, повернувшись, двинул ногой доброго медведя, будто тот был виноват во всех его бедах! Потом он побрёл за Пионерчиковым мимо потрясённого Бобби Пойкинса и ещё более потрясённого хозяина зоопарка, ос-

тавив в клетке гималайского медведя, который никак не мог понять, за что его ударил сосед и зачем он выбрался из такой чудесной шкуры...

А через час «Даёшь!» уже проходил под пальмами Жюлькипурского пролива. Луна хитровато смотрела ему вслед, пахло бананами, где-то кричали обезьяны, и славный пароход летел в Индийский океан навстречу новым ветрам, новым широтам и новым приключениям.

На земле Жюлькипура наступило привычное спокойствие. Породистый хозяин собачьей лавки торговал братьями и сёстрами. В художественном салоне дозревали новые натюрморты выдающегося художника. А в небе нокаутировали друг друга неоновые рекламы двух соперничающих банков.

Все недавние события нашли отклик в местной газете. На её страницах даже появился портрет артельщика с подписью: «Необычайные эксперименты на палубе русского парохода».

Кое в чём газета, конечно, оказалась права. Эксперименты были. Но о них мы расскажем чуть-чуть позднее.

НОВЫЙ ПАССАЖИР СТАРОГО ПАРОХОДА

В океане стоял полный штиль. Солнышкин лежал на шлюппалубе, в спасательной шлюпке, и слушал, как весело постукивает машина. Он по запаху чувствовал, какие сейчас прозрачные волны, какие на небе лёгкие облака, но окончательно просыпаться ему не хотелось. Сбоку, накрыв беретом лицо, спал Перчиков.

Вдруг Солнышкин шевельнул ногой, засмеялся и сказал:

— Перчиков, не дурачься!

Ему никто не ответил. В лицо подул ветерок, мягко пригладил волосы, и Солнышкин хотел ещё вздремнуть, но дёрнулся от хохота и поджал ноги.

— Перчиков, не трогай пятки!

Но больше того! Кто-то взвизгнул и лизнул Солнышкина в лицо. Солнышкин сердито подскочил, открыл глаза.

Вокруг зеленел океан, всходило солнце. Перчиков бодро посапывал своим остреньким носиком, а Солнышкина облизывал большой, добрый пёс, который недавно чуть не превратился в жаркое.

Солнышкин едва не вскрикнул от восторга. Пёс жив, пёс рядом и вместе с ним плывёт в Антарктиду! И он толкнул Перчикова в бок.

Перчиков приоткрыл глаз, чихнул и спросил:

— Ты где его прятал? В каюте?

— Да ты что! — воскликнул Солнышкин. — Он же сам прибежал!

— И не показывался до отхода? — удивился Перчиков.

— Конечно!

— Так теперь тебя ни один капитан не выбросит,— сказал радист псу.— Знаешь морской закон? — И пёс так кивнул головой, что Перчиков попятился.— Ого! Но ты его всё-таки показал бы доктору. Для порядка,— сказал он Солнышкину и прыгнул вниз.

Солнышкин отправился в лазарет. Впереди него, завернув колечком хвост, побежал пёс. Солнышкин приоткрыл дверь лазарета, пропустил собаку вперёд.

По трапу спускался Пионерчиков.

— Доброе утро! — кивнул он Солнышкину.

После вчерашних событий он придумывал новые слова о настоящем товариществе, которое даже из очень плохого человека может сделать очень хорошего. И кажется, к нему эти слова приходили.

— Доброе утро,— ответил Солнышкин и прикрыл за собой дверь.

Пионерчиков сделал несколько шагов по коридору, повторяя слова, и вдруг вздрогнул и замер от негодования: в лазарете у Челкашкина раздался громкий собачий лай. Пионерчиков обернулся и отлетел в сторону: прямо навстречу ему из лазарета выскочил большой, лохматый барбос. Вошёл Солнышкин, а выскочил барбос! Юный штурман побелел и, перескакивая через ступеньки трапа, помчался к Морякову.

— Не верили? — крикнул он, распахивая дверь.

— Что случилось? — спросил Моряков, у которого в руке жужжала электробритва.— Что случилось, Пионерчиков?

— А то,— крикнул Пионерчиков,— что вашего Солнышкина превратили в обыкновенного барбоса!

— Как? Кто? Зачем? — вскинул брови Моряков.

— Для эксперимента! — крикнул Пионерчиков. — Ваш Челкашкин.

Положив бритву, Моряков вышел из каюты. Внизу действительно раздавался воинственный лай. Капитан перешагнул через несколько трапов. Каюта Солнышкина была открыта, возле двери стояли ботинки, а около них сидел большой, красивый пёс.

— Солнышкин, Солнышкин, — ласково сказал Пионерчиков.

Пёс заворчал и приподнялся.

— Только, пожалуйста, не сердитесь, — в некотором смущении произнёс Моряков, с любопытством вглядываясь в барбоса.

— Что, хороший? — слышалось рядом, и из каюты выбежал весёлый, улыбающийся Солнышкин.

Пионерчиков тихо прислонился к переборке. Моряков, качая головой, сморщился от смеха. Он взялся за сердце и смотрел то на Солнышкина, то на барбоса. А Солнышкин выкладывал капитану весёлую, почти сказочную историю.

Наконец, переведя дыхание, Моряков сказал:

— Ах, Пионерчиков, вам хочется отправить меня в лазарет?

Капитан погрозил Солнышкину пальцем и пошёл в каюту, где на столе нетерпеливо жужжала электробритва.

МЕЧТЫ СТАРОГО РОБИНЗОНА

В самую жгучую жару Солнышкин заступил на вахту.

«Даёшь!» так накалился, что из-под него валил пар, как из-под утюга. Но океан был прекрасен. Широкие волны слегка приподнимали судно, и Солнышкин замирал от радости полёта. Штурвал он уже держал лучше любого Петькина.

Всё было в порядке, и маленький бронзовый компас — тот самый компас, который подарил ему когда-то Робинзон, — на его руке тоже показывал: норд, норд! Всё правильно. Полный порядок. Рядом с Солнышкиным сидел пёс. Иногда он бросался к окну и, поставив лапы на подоконник, дружелюбно лаял. Это среди волн появлялся Землячок и, делая свечу, выпускал белый фонтанчик.

— Подумать, какая удивительная привязанность! — говорил Моряков, прохаживаясь по рубке. — Кит провожает судно от Камчатки до экватора! Невероятно!

При слове «экватор» у Солнышкина кружилась голова и сердце, как быстрый поплавок, взлетало и опускалось от волнения. До экватора оставалось несколько дней пути!

Отойдя от окна, пёс завилял хвостом. По трапу застучали тихие шаги, и в рубку в одних трусиках и ботинках вошёл загорелый сухонький Робинзон. Моряков покосился. Даже Робинзону он не мог позволить так ходить по рубке. Подумать, вместо брюк — мятые трусы, вместо отутюженных штанин — волосатые ноги! Но старик, держа в руке спелый банан, был так увлечен какой-то мыслью, что Моряков только и спросил:

— Что с вами, Мирон Иванович?

— Послушайте, Евгений Дмитриевич, что это такое? — поднял руку старик.

— Помилуйте, Мирон Иванович, банан, обыкновенный банан, — ответил Моряков, удивлённый таким пустяковым вопросом.

— А что для вас в детстве значило обыкновенное слово «банан»? — посмотрел на него Робинзон.

Моряков задумался.

— Банан,— сказал он,— ну, банан, пампасы, джунгли...— И вдруг он улыбнулся: — И конечно, плавание, дальние страны.

— А кокосовый орех? — прищутив глаза, спросил Робинзон.

Моряков посмотрел вдаль:

— Океаны, экватор, Африка, Австралия.— Голова у него закружилась, как у Солнышкина.

— А вы помните стихи, Евгений Дмитриевич:

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран...

— А как же! — воскликнул Моряков. И вскинул руку:

...И мир опять предстанет странным,
Закутанный в цветной туман.

Он уже не замечал трусов Робинзона.

— А если дать ребятам не пылинку, не орех, а целый дворец чудес,— сказал Робинзон,— с кокосами, с якорями, с пальмовыми рощами...

— А что, это великолепная мысль! Великолепная, а, Солнышкин?! — воскликнул Моряков.— Разве у нас нет якорей? Разве мы не найдем кокосовых орехов?

— Ах, Евгений Дмитриевич! — прошёлся по рубке Робинзон.— Если бы я мог, я подарил бы им целый необитаемый остров.— Он внимательно осмотрел знойный горизонт.— Целый остров!

— С обезьянами, с попугаями, с пингвинами! — крикнул Солнышкин.

Но Моряков грустно улыбнулся.

— Ах, МIRON ИВАНЫЧ, это уже фантазия! Фантазия! — повторил Моряков. Он мог поверить в летающие тарелки, но в неведомые острова Моряков не верил. Он когда-то и сам мечтал назвать какой-нибудь островок именем доброго старика, но...

— Неужели ни одного? — спросил Робинзон.

— Не может быть! — воскликнул Солнышкин.

А сидевший мирно пёс, подпрыгнув, залаял.

— Может быть, вы имеете возражения,— спросил, наклонившись к нему, капитан,— или собираетесь сами открыть необитаемый остров?

Пёс бодро вильнул хвостом.

— А вот для дворца мы кое-что подберём. Вот здесь.— И, повернувшись к висевшей на стене карте, капитан показал на крохотное пятнышко среди голубых пространств: — Видите этот коралловый островок? Мы будем проходить мимо него. И уж как-нибудь на денёк забежим. Забежим, Солнышкин?

Побелевший от солнца и соли чубчик Солнышкина взметнулся кверху. Тряхнул ушами и залаял пёс.

Коралловый остров! Но, как и старому Робинзону, Солнышкину очень хотелось открыть свой, хотя бы самый маленький, островок.

СМОТРИТЕ! СМОТРИТЕ ВПЕРЁД!

Наперекор всем географическим картам мира Солнышкин верил в удачу. Отстояв вахту, он отправлялся на бак и всматривался в убегающую полосу горизонта. Нос у него облупился, щёки зарумянились, как яблоки в духовке. Рядом с ним, положив на борт лапы, смотрел вперёд верный пёс. Они мечтали открыть необитаемый остров. Но остров играл в прятки. Порой на палубе появлялся Робинзон и, подняв трубу, исследовал небосклон. Но и ему ничего не удавалось обнаружить.

А тем временем «Даёшь!» приближался к экватору, и, как положено, весёлый экипаж готовился к празднику Нептуна. На палубе началась суматоха.

Правда, когда появится экватор, точно сказать никто не мог, так как на вахте стоял штурман Ветерков, по прозвищу Милей больше, милей меньше, не придававший этому особого значения. А штурман Безветриков, по прозвищу Тютелька в тютельку, не терпел ошибок и в третий раз проверял верность своих расчётов.

Пионерчиков командовал праздничным парадом.

А Солнышкин всё стоял и смотрел, когда же появится эта линия, экватор, а вместе с ней — необитаемый остров. Но экватор не появлялся.

Солнышкин решил вздремнуть. Он спустился в каюту, но только закрыл глаза, как к нему с лаем ворвался запыхавшийся пёс и, вцепившись в трусы, потянул Солнышкина по коридору. Прыгая по горячей палубе, Солнышкин вылетел на бак. У борта спокойно прохаживался Робинзон и поглядывал в подзорную трубу.

— Что-нибудь есть? — спросил Солнышкин.

Робинзон поднёс к глазам трубу и невозмутимо произнёс:

— Волны.

Но Робинзон смотрел на корму, а пёс тянул Солнышкина к самому носу.

Солнышкин приложил к бровям ладонь и, понизив голос, быстро сказал:

— Трубу! Мирон Иваныч, трубу!

Робинзон озадаченно протянул трубу.

Заглянув в синее стёклышко, Солнышкин произнёс:

— Есть!

— Что? — поспешил к нему Робинзон.

— Смотрите, смотрите вперёд! — сказал Солнышкин.

Наклонившись к трубе, Робинзон взмахнул рукой и, подняв кверху указательный палец, тоже закричал:

— Есть! Есть!!

— Остров! — сказал появившийся рядом Федькин.

— И необитаемый! — крикнул Солнышкин.

Над горизонтом, среди широких синих волн, возникал и тихо покачивал листвой крохотный островок.

МИЛЕЙ БОЛЬШЕ, МИЛЕЙ МЕНЬШЕ

Моряков схватил бинокль, бросился к иллюминатору и увидел, как вдали действительно как бы всплывает остров. На вершине его, как укропчик, росла пальма, потом она стала как вершок молодой морковки... Моряков схватился за лоцию. Страницы так и зашелестели под его крепкими пальцами. И нигде, ни на одной из них не был обозначен этот маленький, поднимающийся на глазах кусочек суши! Сердце капитана забилося совсем как в юности. Прямо по курсу вырастал коралловый островок.

— Лево руля! Команде к борту! Всем надеть брюки! — Моряков посмотрел, в брюках ли он сам, и кинулся в каюту одеваться! Не мог же он открывать новую землю без штанов! Следом за ним по каютам разбежалась вся команда.

В рулевой остались штурман Безветриков и штурман Ветерков, который взял в руки штурвал.

— Так,— прикинул на глазок Ветерков,— кажется, до острова с полмили?

— Ну что вы! — удивился, вскинув голову, Безветриков.— Полная миля! Тютелька в тютельку!

— Ну подумаешь — мйлей больше, мйлей меньше,— сказал Ветерков и добавил: — А всё-таки не больше, чем полмили.

— Тогда давайте проверим по карте! — сказал Безветриков, который не мог терпеть малейшей неточности.

— Пожалуйста,— согласился Ветерков, и Тютелька в тютельку бросился за картой и циркулем.

— Вот, смотрите! — крикнул он уже с порога.— Вот наше судно.— И он ткнул в карту кончиком циркуля.

— Но судно находится здесь,— возразил Мйлей больше, мйлей меньше и показал пальцем совсем в другое место.

— Ну как вы не видите? — удивился Тютелька в тютельку.— Вот судно, а вот здесь, видимо, остров. Пожалуйста, посмотрите и на море...

Оба штурмана вскинули головы, посмотрели в иллюминатор и, бледнея, встали на цыпочки: острова не было! Впереди без конца бежали и вспыхивали волны.

В рулевую вошёл Моряков в полной форме, по пояс высунулся в иллюминатор и с криком: «Что произошло?» — побежал вниз по трапу.

На палубе, размахивая руками, уже метались Солнышкин и вызванный им из рубки Перчиков. Открывать без друга необитаемый остров Солнышкин не мог. Но пока он бегал за радистом и надевал брюки, остров пропал. Солнышкин забрался на канатный ящик, но ничего не увидел. Он собирался бежать вверх, но сзади, с кормы, раздался иронический голос Робинзона:

— Вы что-нибудь потеряли, Солнышкин?

— Остров!!!

— Ай-яй-яй, а вы оглянитесь, Солнышкин,— улыбнулся Робинзон, возле которого вертелся пёс, и протянул трубу: — Иногда стоит и оглянуться!

Но уже и без трубы Солнышкин обнаружил пропажу.

Пока Ветерков и Безветриков спорили, «Даёшь!» проскочил мимо острова.

Моряков строго посмотрел на краснеющих штурманов и скомандовал:

— Малый назад!

НОВЫЙ НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Островок ждал своих открывателей. Казалось, пальмочка укоризненно машет листьями из стороны в сторону.

— Шлюпку на воду! — крикнул Моряков.

И едва шлюпка коснулась воды, Солнышкин слетел в неё прямо на выброске. За ним спустились Перчиков и Пионерчиков. А сбоку, по штурмтрапу, сбежал Робинзон.

— Вот вам и фантазия! — кричал он Морякову.

Шлюпка просела. В неё ввалился артельщик, на корме примостился Моряков, а следом за ними прыгнул пес.

— Полный вперёд! — приказал капитан, и шлюпка помчалась к островку.

Пальма была уже рядом, и Моряков командовал:

— Приготовиться!

Перчиков приготовился к швартовке. Солнышкин стал рядом с ним. И вдруг оба приоткрыли рты. С противоположной стороны, оставляя за собой белый шлейф пены, к острову приближался перископ, за ним появилась рубка подводной лодки, и в открывшийся люк высунулось плечо с офицерским погоном, а за ним чопорная голова!

— Бобкинс, Гопкинс, вперёд! — выпалил офицер, и на остров, который чуть-чуть стал пониже, вскочили два матросика.

— Позвольте, позвольте, но этот остров замечен моряком нашего судна Солнышкиным! — сказал Моряков на великолепном английском языке.

— Это не имеет никакого значения! Его появление давным-давно предсказано нашими учёными, — вскинул голову офицер. — Здесь ещё год назад запроектировали строительство базы.

— Базы? — спросил Пионерчиков.

— Для сушки подмокших сапог! — уточнил офицер.

— Но остров открыли мы! — крикнул Солнышкин.

— Мы устроим здесь пионерскую лабораторию, и наши ребята будут изучать растущие острова! — сказал Робинзон.

Экипаж «Даёшь!» объяснялся по-английски не хуже заправского шкипера.

— Гопкинс! Бобкинс! Действуйте! — выпалил офицер. — Выкорчевать дерево!

— Поосторожней! — с достоинством остановил их Моряков.

Робинзон прыгнул на остров и обхватил пальму.

— А может, его лучше продать? — предложил артельщик.— Ещё драться из-за него! — И вдруг, вскрикнув, он схватился за ногу, потому что в неё вцепился зубами пёс.

В пылу спора никто не обратил внимания, как от горизонта к месту происшествия стал приближаться неясный округлый предмет. Над ним то и дело поднимался лёгкий сверкающий фонтанчик, а от боков откатывались в обе стороны упругие волны. И как ни странно, островок под ногами спорящих начинал слегка покачиваться.

— И всё-таки открыли его мы! — пытался доказать своё Пионерчиков.— Его увидел Солнышкин!

Солнышкин участия в споре не принимал. Он сунул руку в карман и вытащил кусок сахара, который держал про запас для Землячка.

В тот же миг раздался такой удар, что шлюпка отлетела в одну сторону, лодка в другую, а из глубины показалась громадная голова кита, который делал стойку.

Сам Солнышкин на минуту повис в воздухе и протянул вверх руки с воплем: «Держите!»

На глазах у всех необитаемый остров вместе с Бобкинсом, Гопкинсом и Робинзоном рванулся ввысь с первой космической скоростью. И к общему изумлению, у него обнажилось днище самой обыкновенной бочки! Остров превратился в едва заметную точку и со свистом ринулся вниз.

— Ложись! — крикнул Моряков.

Остров пронёсся мимо и, взорвав фонтан брызг, исчез в глубине. Там забурило, запузырилось. И на поверхность пробкой выскочила большая бочка, в которой росла пальма. Во время тайфуна её, очевидно, смыло в одном из прибрежных парков, и она гуляла по океану, обрастая травой и песком.

Бочка качалась, как ванька-встанька, и пальмочка, за которую крепко держался Робинзон, весело обдала брызгами команду «Даёшь!». Рядом фыркал старый друг Перчикова Землячок, фонтанчиком обмывая радиста, которому насыпалась на голову земля необитаемого острова.

Бобкинс ещё летел, Гопкинс плевался и карабкался на лодку.

Наконец команды разобрались по местам.

— Где же ваша база? — крикнул Солнышкин офицеру, подтягивая к шлюпке «остров» с Робинзоном.

— А как же предсказания ваших учёных? — съязвил Перчиков.

— Бандиты, — пробормотал Пионерчиков.

— Господа, мы имели в виду не этот остров, — откланялся офицер, голова его исчезла в рубке, люк захлопнулся, и через минуту над лодкой забурила вода, скрывая всю компанию.

Робинзон прыгнул в шлюпку, и Моряков командовал:

— Полный вперёд!

Вдруг пальма стала как-то оседать и уходить под воду.

— В острове пробоина! — крикнул Солнышкин.

Все оглянулись, а пёс прыгнул на корму и сунул в пробоину хвост. Течь прекратилась. Команда тронулась дальше.

— Слушай, Солнышкин, а как зовут твоего пса? — спросил Перчиков.

— Не знаю, — Солнышкин пожал плечами.

— Он заработал себе отличное имя, — погладил пса Перчиков. — Мы назовём его Верный, идёт?

— Конечно, — обрадовался Солнышкин, а пёс взвизгнул и хотел вильнуть хвостом, но спохватился. Он оправдывал свое новое имя.

Остров плескался в воде и делал свои последние самостоятельные метры в океане. Солнышкин сиял. Он всё поглаживал пальму и поправлял корешки, чтобы не разбежались от течения. Ведь всё-таки это была открытая им земля, да ещё отвоёванная у захватчиков! Моряков тоже был доволен. Сбылась мечта Робинзона: это был остров, который можно не только подарить, но и доставить ребятам прямо во дворец. И не беда, что он мал, зато с его открытием связана такая большая история, которая есть не у каждого большого острова! И капитан уже думал, как он изобразит всё это на большом художественном полотне.

Перчиков гордился Солнышкиным. Пионерчиков — всеми. И только артельщик злобно держался за штаны. Хотел подать добрый совет и — вот тебе на! — расплачивался собственными штанами.

— А где же Землячок? — вдруг вспомнил Солнышкин, и все оглянулись, чтобы посмотреть на главного героя недавней битвы.

Но кита рядом не было. А вдали среди солнечных всплесков взлетали несколько высоких фантанчиков, к которым постепенно приближался ещё один. Землячок встретил старых друзей. И никто из команды «Даёшь!» не видел его уже до следующей весны.

ЧУДЕСА В ОКЕАНЕ

Между тем Безветриков определил, что экватор уже остался за спиной. Штурман Ветерков не придавал этому особого значения: какая разница где — милей дальше, милей ближе! Но жара наступила совершенно экваториальная и творила просто-таки чудеса.

За час до обеда Борщик вынес на палубу остудить только что испечённые румяные кексы. Он

поставил противень на табуретку, обмахнул его по привычке полотенцем и приоткрыл рот от удивления: по морю гуляли тоненькие, вращающиеся смерчи. Они прямо-таки вальсировали на голубой воде, ввинчиваясь верхушками в самое небо. «Даёшь!» проходил между ними, как между колоннами на балу. Кок от восторга сдёрнул колпак.

И вдруг сзади него раздался пронзительный свист. Борщик оглянулся и остолбенел: один за другим его кексы взлетали вверх и исчезали в смерче. Кок бросился спасать их, но от кексов остался только запах.

В это же время у сидевшего невядалеке на трюме Буруна прямо из-под рук улелутился гвоздь, который он вбивал в крышку канатного ящика.

— Послушай, Борщик, ты видел? — изумился Бурун.

— А вот ты видел? — Борщик взмахнул полотенцем.

Через полчаса команда вышла обедать на палубу. Во-первых, потому, что сидеть в помещении было просто невозможно, а во-вторых, всем хотелось полюбоваться удивительным зрелищем.

Смерчи изящно огибали судно. Кое-кто из команды бросал за борт завалавшиеся в карманах монеты, и они тут же уносились вверх в струе воздуха.

Команда съела первое, уписала второе, и каждый взял в руки тарелку для третьего. Смущённый Борщик собирался уже беспомощно развести руками, но в это время к самому борту приблизился тонкий смерч и с ловкостью заправского официанта стал опускать каждому на тарелку чудесные дымящиеся кексы.

— Замечательно придумано! — воскликнул Моряков.

— Здо́рово! — сказал Ветерков, но в этот момент ему на тарелку со свистом шлёпнулся большой гвоздь.

Штурман возмущённо протянул тарелку Борщику, требуя объяснений, но к нему, кружась, наклонился лёгкий смерчик, как бы извиняясь и желая засвидетельствовать, что Борщик здесь совершенно ни при чём. Затем Ветерков увидел, как его штурманская фуражка легко поднялась с головы, кивнула ему и через минуту уже плыла среди облаков на верхушке смерча, который кланялся из стороны в сторону, будто юный курсант на балу в морском клубе.

ЖАРА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

После обеда старый Бурун, взяв банки с краской, позвал:

— Солнышкин, за мной!

Поставив ведро возле лебёдки, Солнышкин обмакнул кисть в краску и застыл на месте: прямо на глазах синий океан испарялся, и возле Солнышкина и над ним проплывали большие цветные облака. Он мог их потрогать, он шёл сквозь их разноцветные клубы. Вот впереди проплыло облако фиолетовое, как сирень, вот над головой вырос целый оранжевый букет, а вот большой алый облачный тюк опустился на плечи боцмана. Солнышкин в восторге замахал кистью.

А по трапу на палубу спускался штурман Пионерчиков. В руке он держал листок и карандаш. После сегодняшних событий он решил написать настоящие слова о дружбе. Штурман прошел по палубе от кормы до носа, взмахнул карандашом — и остановился: рядом Солнышкин красил облака! Он водил по ним кистью. А Бурун молча таскал их на себе. Штурман удивился. Штурман изумился. Ничего себе, нашли работку! Ну, укра-

шать улицы, расписывать к празднику фасады домов — это дело другое! Но красить облака? Этого Пионерчиков понять не мог.

— Смотрите, какая красота! — окликнул его Солнышкин и взмахнул кистью.

— Мальчишество! — сказал Пионерчиков. — Нашли занятие! И краски не жаль!

Солнышкин замигал, а Пионерчиков вдруг покраснел и, нахмуясь, прикусил язык: облако шло голубое, а краска на кисти Солнышкина была алой, как огонь.

Облака всё плыли, плыли, как большие слоны, как маленькие пони и как далёкие неведомые острова.

СТРАННОЕ ВИДЕНИЕ НА ПАРОХОДЕ «ДАЁШЬ!»

Но самое главное произошло всё-таки к вечеру. Солнце краснело, цветные лучи становились упругими и распахивали горизонт, как в кинотеатре распахивают широкий экран.

Солнышкин уже почти покрасил палубу и взялся за борт, как вдруг увидел, что прямо перед ним вдалеке возникает, как из кубиков, удивительный город. Вот появился один домик, вот, как гриб, вырос второй, подскочил третий, и в воздухе заколыхалась целая улица.

По сторонам улицы заколебались стены, а далеко за ними задымилась пустыня с пирамидами! Но ведь пирамиды в Африке, а впереди были Австралия и Антарктида! Вон по улице пробежал погонщик с ишаком, а вон, подпрыгивая на одной ноге, проскакал мальчишка. Солнышкин даже протянул вперёд руку, но всё исчезло.

— Мираж,— прошептал он,— настоящий мираж.

Солнышкин повернулся, снова увидел дома. Вот сопка, вот лестница. Да это же всё знакомое! Это Океанск.

И тут Солнышкину показалось, что рядом кто-то разговаривает. Он оглянулся. Перед кем-то изгибаясь, улыбающийся артельщик топтал свежевыкрашенную палубу.

«Ты что идёшь по краске? Не видишь?» — хотел крикнуть Солнышкин. Но он только захлопал глазами и почувствовал, как чубчик у него начинает приподниматься. Перед артельщиком плавало почти прозрачное облако, в котором возникали такие знакомые черты, что ой-ой! По палубе, заложив руку за китель и величественно откинув голову, шагал почти прозрачный Плавали-Знаем. Тот самый Плавали-Знаем, который ещё недавно, во время своего капитанства, так досаждал Солнышкину и устраивал на пароходе такие весёлые дела, что целый флот рассказывал о них легенды.

Тот же самый Плавали-Знаем. Только прозрачный нос, прозрачная щетина.

Он важно прошёлся вдоль трюма и кивнул головой, словно говоря: «Да, прекрасные были времена...»

— А какие были сарделечки! Какие сарделечки! — сказал артельщик.

Плавали-Знаем, усмехаясь, с вызовом вскинул прозрачную голову.

— А что они без вас? Ничего! Совершенно ничего! Мы с ними ещё рассчитаемся. Я знаю одно дельце, — хихикнул артельщик.

Но Плавали-Знаем его не слышал. Он прошёл мимо Солнышкина, проплыл сквозь борт, потом заколебался и растворился в воздухе. Артельщик завертелся волчком, бросился за ним и налетел на Солнышкина.

— Чего топчешься? А ну-ка, крась после себя! — сказал Солнышкин и сунул в руку артельщику кисть.

Но Стёпка, ничего не слыша, взбежал на бак и застыл у борта с протянутыми над океаном руками.

Солнышкин помчался к боцману, но налетел на Пионерчикова:

— Вы ничего не видели?

Пионерчикову было не до него: он перебирал десятый вариант нового пионерского закона.

Бурун возился в подшкиперской с канатами.

Солнышкин побежал к Перчикову и рассказал ему обо всём случившемся.

Перчиков спросил:

— А ты не рехнулся?

Солнышкин повторил всё, что видел и слышал, и показал на артельщика, который всё ещё стоял у борта, протягивая к океану руки.

Призадумавшийся Перчиков сказал:

— А впрочем, всё может быть. — И он ткнул пальцем в воздух: — Атмосфера сгущается.

Да, атмосфера сгущалась. На краю неба уже собирались тёмные облака, готовые столкнуться лбами, и передняя туча вспыхивала внутри ярким, холодным пламенем.

КАЛЬМАРЫ! КАЛЬМАРЫ!

Судно окружила небывалая темнота. Только за бортом в чёрной воде, как бы спросонья, вспыхивали светляки.

Стрелки барометров падали.

— Задраить иллюминаторы! — скомандовал Ветерков, и все бросились по каютам.

Солнышкин завинчивал гайки и сквозь стекло видел, как в глубине воды появляются громадные, светящиеся пятна.

Внезапно воздух расколола такая молния, что «Даёшь!» подпрыгнул на месте, а все каюты озарились белым, слепящим светом. Солнышкин прирос к полу. Как будто громадное электрическое дерево взорвалось и провалилось в океан у него на глазах. Гигантские молнии вспыхивали и взрывались уже со всех сторон, и маленький «Даёшь!» нырял среди них, как жучок среди каких-то электрических джунглей.

— Солнышкин, за мной! Федькин, за мной! — крикнул Бурун, и они бросились в подшкиперскую.

— Брезент на корму! — командовал Бурун. — Конец на корму!

И в этом грохоте и треске Солнышкин чувствовал себя как в самом горячем сражении. По нему били и стреляли залпами и одиночными снарядами, а он, живой и невредимый, тащил брезент, расправлял его и натягивал, карабкаясь на мачту. Рядом с лаем метался Верный.

Когда на палубу хлынули первые потоки дождя, над трюмом возле камбуза уже висел упругий, крепкий тент.

Солнышкин сел на груды канатов и смотрел, как устраивается на ночлег команда. Вот, накрывшись матрасом, пробежал Робинзон, вот мелькнул согнувшийся Федькин, за ним появился Моряков. Капитан бежал с мольбертом и красками. Пропустить такой момент? Такую яростную экваториальную грозу? Ни за что! Он расположился на краю трюма, прямо перед косыми струями дождя. И вдруг над ним что-то стремительно пролетело. Моряков приподнялся, и что-то шлёпнулось ему прямо на шею. Капитан, бледнея, крикнул:

— Кальмар!

При яркой вспышке все увидели, как в руке капитана шевелит щупальцами маленький извива-

ющийся кальмар. Солнышкин даже не поверил. Без кальмара не обходилась ни одна в мире морская история!

— Кальмар! Настоящий кальмар! — сказал Моряков.

Но тут раздался голос Буруна:

— Да разве это настоящий?! Вот тот, что у нас вытянул из артелки мешок муки и чуть не утащил бывшего артельного, тот был настоящий. Помните?

— Ещё бы! — сказал Моряков, бросив кальмара Верному. — Ещё бы не помнить! Да и случилось всё почти в этих же местах.

Все притихли. Кое у кого по спине побежал холодок.

По брезенту стучал дождь.

Справа и слева то и дело вспыхивали молнии, но грома не было.

— А как? — спросил Солнышкин.

— А вот так, протянул из-за борта щупальца — и в артелку, — сказал Моряков. — Это же какое щупальце — все двадцать метров!

— Ну и что дальше? — нетерпеливо спросил Пионерчиков.

— «Что»! Хорошо, что рядом оказались боцман и Перчиков. Перчиков его пригвоздил отвёрткой, а боцман по щупальцу топором.

— А где щупальце? — спросил Солнышкин. Он не знал такого героического эпизода из жизни радиста.

— А щупальце кальмар утащил в море!

Никто не заметил, как во время этого рассказа артельщик отодвинулся подальше в угол. Правда, ключи от артелки были сейчас у Буруна, но всё-таки излишняя осторожность не помешает.

— Но это ещё что! — воскликнул капитан. — Помните, Бурун, с английского судна в этих же местах они человека утащили?!

— И тоже артельщика,— сказал Бурун.— Чуют, к кому в гости ходить!

При этих словах артельщик отодвинулся ещё дальше и, нащупав рукой толстый манильский канат, обвязал его вокруг ноги. На всякий случай!

Этого тоже никто не заметил, так как все смотрели за борт, где среди тёмной глубины всё вспыхивали и расплывались непонятные пятна.

Наступила тишина. Среди шума дождя слышались лёгкие вздохи. Засопел Робинзон, всхрипнул Петькин. А Моряков взялся за кисти...

— Ну, пошли убирать,— шепнул Солнышкин и Федыкин Бурун.

На корме лежала груда ненужных канатов.

— Идём! — кликнул Верного Солнышкин. И, подхватив канат, они потащили его в подшкиперскую.

— Раз-два, взяли! Раз-два, взяли! — шёпотом командовал Бурун.

А в своём углу чутко спал артельщик. Сперва он тревожно ворочался и думал, не перебраться ли в каюту, но под шум дождя успокоился — на его ноге был крепкий узел! — и уснул. Он слегка посвистывал носом. Но вдруг вскинулся, открыл глаза, и зубы у него судорожно застучали. Канат шевелился! Стёпка, холодея, вцепился в него рукой, но в то же мгновение слетел с трюма.

— Кальмар! Кальмар! — срывающимся от ужаса голосом завопил артельщик.

Моряков бросил кисть, Пионерчиков вскочил с подушкой в руках, Петькин выглянул из-под одеяла. И при свете молнии команда увидела жуткую картину: по палубе, хватаясь за что попало, с воем катился артельщик.

— Багор! — крикнул Моряков.— Берегись щупалец!

Схватив пожарный багор, он кинулся на помощь артельщику. За ним сразиться с чудовищем летел Пионерчиков.

Ни Солнышкин, ни Бурун, ни Федькин этого не слышали: они усердно тащили канат навстречу дождю и ветру.

— Раз-два, взяли! — командовал Бурун и протаскивал канат метра на два вперед. — Раз-два, взяли! — И канат снова продвигался на два метра с ещё большей скоростью.

Но вот и сюда донеслись ужасные вопли.

— Бежим! — крикнул Солнышкин.

— Бежим! — сказал Бурун, хотя ключи от артелки были в его кармане. И все трое бесстрашно бросились на помощь гибнущему.

— Где кальмар? — спросил Моряков.

Бурун и Солнышкин заглядывали за борт.

— Здесь, — простонал от ужаса Стёпка. — Здесь! — И похлопал себя по ноге.

Моряков наклонился и увидел на Стёпкиной ноге завязанный двойным узлом манильский канат.

— Послушайте, что же это? — тяжело дыша, спросил Моряков.

— Самое обыкновенное хулиганство,— отчеканил Пионерчиков и посмотрел на Солнышкина.

— Хулиганство! — взвыл артельщик.

— А я при чём? — сказал Солнышкин. Он со всех ног бежал на помощь — и на тебе!

За бортом сверкнула молния. Она осветила гневное лицо штурмана. Кажется, готовился скандал, но вдруг артельщик снова завыл и вцепился в Морякова. Моряков схватил багор, Пионерчиков и Солнышкин бросились к Стёпке. И тут все увидели Верного, который сердито продолжал тянуть верёвку. Старый корабельный пёс не терпел беспорядка на палубе.

Пионерчиков замолчал. Моряков почесал в затылке, а Федькин промурлыкал:

Что это, братцы, за пароход?
Плавали, братцы, знаем!

Артельщик, отвязывая веревку, со злостью смотрел на своих спасителей. Он проклинал и их, и кальмаров. Он ещё отомстит тем, кто подстроил ему такую штуку!

Между тем гроза кончилась. Небо прояснилось. Только за верхнюю звёздочку Южного Креста зацепилась небольшая туча и проливала дождь, пока не превратилась в маленькую радужную каплю.

НОВЫЕ ИДЕИ РАДИСТА ПЕРЧИКОВА

Утро началось прекрасно. Океан стал бархатно-зелёным, и вымытый дождём «Даёшь!» летел чистенький и новенький, как из магазина. Команда тащила на корму доски, брезент, боцман стучал молотком. Через час на палубе красовался новый плавательный бассейн. По шлангу, который наладил Мишкин, в него текла чистая океанская вода.

С трюма уже прыгали, ныряли. А Солнышкин и Перчиков пристраивали рядом свой пальмовый островок, возле которого можно было позагорать. Рядом вертелся Верный и тихо повизгивал. Солнышкин забивал деревяшку в пробоину, которую островок получил при стычке.

— Негодяи,— сказал Солнышкин.— Чуть не утопили!

— Утопили бы — это ещё ничего,— сказал Перчиков.

— Что значит «ничего»? — спросил Солнышкин.

— Лучше утопить, чем позволить им организовать базу. Весь океан портят!

С этим Солнышкин был согласен. Он вбил чоп и сел на трюм.

— А что такое океан? — торжественно спросил Перчиков и сам себе ответил: — Это второй космос! — Его глаза засияли.— Это тайны глубин. Дельфины, киты, морские змеи! Это витамины и соли, металлы и электроэнергия. И всё это можно добывать уже сегодня!

Океан тихо гудел, волны его величественно перекатывались, словно показывали свои богатства.

— Хе-хе, пока это сделают — земля перевернётся,— раздался вдруг рядом голос артельщика. Он только что вылез из бассейна и развалился погреться на солнышке.

— Не перевернётся! — сказал Перчиков.

— И торговать ею тоже никому не позволим,— заметил Солнышкин.

— А насчёт использования океана,— подскокил Перчиков,— я уже кое-что даже придумал. Про электрических скатов слышал?

— Ещё бы! — Солнышкин кивнул головой.

— Представляешь, одного из них помещаем в бассейне на корме, другого на носу, а провода от

них подводим к динамо-машине! Один скат выпускает электрический заряд — мотор заводится, потом действует второй скат. Один — другой, один — другой. Электричество поступает в мотор, машина работает, пароход идёт — в ушах посвистывает!

— А что,— загорелся Солнышкин,— здорово! — Он сказал это особенно громко. Возле бассейна стояла в купальнике тоненькая загорелая Марина, и Солнышкину хотелось именно сейчас совершить что-нибудь необыкновенное.— Давай попробуем!

— Давай! — обрадовался Перчиков.

Друзья, несмотря на жару, даже не стали купаться и бросились делать крюк для ловли скатов.

— Только нужно сколотить небольшой бассейн,— спохватился Перчиков.

— Подумаешь,— сказал Солнышкин.— Великое дело! Вон доски, гвозди, вон брезент.

Скоро всё было готово, и они пошли к борту, на полубак, ловить скатов.

А в тени пальмы, кося им вслед глазом, остались лежать артельщик, раздумывая, что бы такое весёленькое устроить этим радостным мальчикам.

ОСТОРОЖНО, ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ!

Часа полтора Солнышкин и Перчиков стояли с петлей у борта. В зелёной глубине проносились серебряные рыбы, проплывали стебли морской травы и по-хозяйски поглядывали акулы: не торчит ли сверху нога какого-нибудь капитана. Но акулы друзей не интересовали. Им нужны были скаты. Наконец из глубины навстречу им стал планировать небольшой скат, величиной с подушку. Когда пароход поравнялся с ним, Солнышкин дёрнул верёвочную петлю и крикнул:

— Тяни!

— Осторожно,— сказал Перчиков,— триста вольт!

Вытащив ската за хвост, они отнесли и опустили его в приготовленный бассейн.

— Ну что? — спросил Перчиков.— Ещё? — Удача прибавила ему энергии.

— Сейчас, только возьму у Борщика хоть по куску хлеба,— сказал проголодавшийся Солнышкин.

— А я напишу плакат,— сказал Перчиков.— «Осторожно, высокое напряжение!»

И, посадив у бассейна Верного, они разбежались в разные стороны.

А на палубу выбежал штурман Пионерчиков. Он только что сдал вахту и, сбросив форму, торопился к бассейну, где раздавался весёлый галдеж и сверкали брызги.

Вдруг он остановился. Слева от большого бассейна сиял изумрудной водой маленький.

— Что это? — спросил Пионерчиков.

— Хе-хе,— раздался вздох из-под пальмы.— Это, так сказать, индивидуальный.

— То есть как — индивидуальный? — запальчиво спросил Пионерчиков.

— А так. Солнышкин и Перчиков себе отгрохали. И ещё собаку вон положили сторожить, чтобы никто не купался,— пожаловался артельщик и скосил один глаз на зарывавшего пса, другой — на Пионерчикова.

— Ну, мы их не спросим! — Пионерчиков терпеть не мог индивидуалистов. Теперь, даже если бы ему не хотелось купаться, он всё равно бы залез в бассейн! Им назло!

— Хе-хе, смотрите, я предупредил,— сказал артельщик.

Пёс заскулил и упёрся лапами в штурмана.

— Пошёл! — оттолкнул его Пионерчиков.

Верный, даже не обидевшись, с лаем бросился на него снова, но было поздно. Пионерчиков ласточкой прыгнул в бассейн. Вслед за этим раздался страшный треск, посыпались искры. Юный штурман, вылетев обратно, сделал в воздухе тройное сальто и плашмя шлёпнулся на палубу.

— Убило! — выкатив глаза, заорал артельщик. — Пионерчикова убило!

На крик со всех сторон бежала команда. Из большого бассейна вылетали купальщики.

— Как убило? Кто убил? — кричали вокруг.

— Солнышкин и Перчиков электрическим скатом. Опыты проводили, — развёл руками

Стёпка. — А я предупреждал, я предупреждал! — И он сокрушённо закачал головой.

— Дорогу! Дорогу! — крикнула Марина.

Толпа расступилась: к месту происшествия спешил с чемоданчиком в руке Челкашкин. Он наклонился к штурману и сам себе сказал:

— Шприц!

Это слово произвело на штурмана удивительное действие. Пионерчиков открыл глаз, потом другой, сорвался с места и припустил в коридор. Вокруг него с треском разлетались быстрые искры. А пятки его мелькали ещё быстрее.

Из коридора, с удивлением посмотрев на штурмана, бежали Перчиков и Солнышкин. В руках у радиста был плакат. Друзья готовились продолжать начатое дело. Но, увидев толпу, остановились.

— Ага, вот вы! — Челкашкин взял чемоданчик и приказал: — За мной, к капитану!

ПОЖАР

Моряков ходил по каюте громадными шагами, бросая на Солнышкина и Перчикова сердитые взгляды. Он был так возмущён, что пароход покачивался от его шагов влево и вправо.

— Подумать, — взмахнул капитан указательным пальцем, — чуть не убили своего товарища!

— А кто его просил туда прыгать? — сказал Перчиков.

— И пса посадили, чтобы не пускал, — добавил Солнышкин.

— «Пса»! — рассердился Моряков и вдруг остановился: — Позвольте, а почему вы в таком виде? Почему не по форме?

Челкашкин смущённо прикрылся чемоданчиком, так как из всего комплекта формы на нём были плапочки и фуражка. Солнышкин покрас-

нел, а Перчиков выставил вперёд плакатик, на котором красовалось: «Осторожно, высокое напряжение!»

— Да как вы смеее?! — возмутился Моряков.— Как вы можете шутить в такую минуту?

Перчиков смутился. Он хмуро заявил, что это вовсе не шутка, но капитан сказал:

— Хватит экспериментов! Марш на бак! Следить за морем и красить палубу!

И хотя Солнышкин выкрасил её только недавно, друзья решили, что сейчас вступать в спор бесполезно. Тем более что они чувствовали себя виноватыми.

— А ваш Пионерчиков тоже хорош! — разозлился Перчиков.— Уткнётся носом в свои бумаги и ничего не видит. Он, того и гляди, вылетит в море, а ты отвечай! И такая идея из-за него пропадает! — Перчиков хлопнул дверью и вышел.

Идеи Морякову тоже было жаль, но он даже не подал виду. А Пионерчикова всё не было. Моряков сердито приоткрыл дверь и вдруг услышал крик:

— Горим! Горим! Шланги!

По коридору тянулся дым.

ЯРЫЙ ВРАГ КУРЕНИЯ

Нужно сказать, что Пионерчиков был ярым врагом курения. И когда видел курильщика, с презрением уходил на другой борт или на другую сторону тротуара. А если у него в каюте лежала пачка папирос, то только для иностранных гостей. Но во всех фильмах и песнях в горькую минуту герои тянулись за папироской. А такой минуты, такого горького момента, как сегодня, у Пионерчикова ещё не было. В толпе около доктора Челкашкина стояла буфетчица Марина. Пионерчикову, конечно, не было до неё никакого

дела, но оттого, что она видела, как он шлёпнулся и как побежал, рассыпая искры, Пионерчиков почувствовал себя несчастным мальчишкой. Нет! Надо становиться взрослым, пора браться за ум. И штурман взялся за папиросы.

Но курить в каюте было как-то неловко. Волны от любопытства прямо толпой лезли в иллюминатор. И, потихоньку оглядываясь, Пионерчиков направился к туалету. Он закрыл дверь и, оставив папиросу в сторону, припалил её спичкой... Наконец он взял папиросу в рот и вдохнул дым. В глаза штурману словно забрались чёртики. На него напал такой кашель, что он закрыл ладонью рот. Так курить ему не нравилось! Он повернул папиросу другой стороной и стал в неё дуть. Из мундштука покатались голубые колечки дыма. Они расплывались, как волны. Штурман смотрел на них и в каждом голубом кружке видел себя мужественным капитаном с трубкой во рту. Голова тихо кружилась...

А за дверью стоял боцман и с ужасом смотрел, как в коридор ползут клубы дыма. Бурун потянул дверь, но увлечённый штурман этого не заметил. Боцман подналёг плечом, но это не помогло. Тогда-то он и издал клич: «Горим! Горим! Шланги!»

Пионерчиков повернулся. От него во все стороны сыпались искры, и он тоже закричал:

— Горим!!!

САМЫЙ ГОРЬКИЙ ЧАС ЮНОГО ШТУРМАНА

В рубке замигали сигналы. Пожар. Боцман тащил брандспойт. Моряков командовал:

— Ломать дверь! Там кто-то горит!

И тогда из двери, весь в клубах табачного дыма, появился Пионерчиков.

Бурун выпучил глаза.

Моряков присмотрелся и, отогнав ладонью дым, спросил:

— Пионерчиков, что это значит? Вы курите?

В трубах испуганно зажурчала вода.

— В туалете? — снова спросил Моряков.

И Пионерчиков почувствовал, что самый горький час его наступил. Бурун, сворачивая шланг, сочувственно посмотрел на штурмана.

— Та-ак,— сказал Моряков.— Так-ак... А я-то думал, вы будете капитаном.— И Моряков, горько усмехнувшись, пошёл к трапу.

— Я буду капитаном,— вздохнул Пионерчиков. В горле у него скребло, будто туда сунули сапожную щётку.

Но Моряков сурово оглянулся и сказал:

— Сначала на вашем месте я бы пошёл и извинился перед Перчиковым и Солнышкиным.

— За что?! — воскликнул штурман.

— За то, что вы сорвали им великолепный опыт,— сказал Моряков.— За отсутствие обыкновенной внимательности!

Он был так взволнован, что полчаса ходил по каюте. Потом достал из шкафа ящичек с сигарами, которые тоже держал для иностранных представителей, подумал и вышвырнул его в иллюминатор. Ящичек нырнул, вынырнул и быстро побегал вперёд за течением.

В дверь постучали.

— Войдите! — сказал Моряков.

И в каюту, насупясь, вошёл Робинзон.

— Ах, Евгений Дмитриевич,— сказал он,— что-то мне не по себе.

— Да что вы, МIRON Иванович,— забеспокоился Моряков.— Где Челкашкин? Вы у него были?

— Челкашкин тут ни при чём,— сказал Робинзон.— Не могу видеть, как наказывают невиновных!

Моряков тоже нахмурился и потёр ладонью затылок:

— Эх, Мирон Иванович, я и сам жалею. Но ведь чего не случается!

Он хмуро выглянул в иллюминатор, потом улыбнулся и хлопнул в ладони:

— А знаете, кажется, всё складывается неплохо!

Несмотря на все события, океан сверкал. Солнышкин красил палубу, Перчиков чинил транзистор. А к друзьям, описывая круги, робко приближался Пионерчиков.

«ТАК ЭТО ВЫ!» — КРИЧИТ ПИОНЕРЧИКОВ

Пионерчикову начинать разговор с извинения было неудобно. Он несколько раз потёр ухо, потом посмотрел на море, на Солнышкина, на Перчикова и глухо спросил:

— Что это за эксперимент вы там устроили, из-за которого меня чуть кондрашка нехватила?

— Сначала надо спрашивать, а потом лезть,— сказал Солнышкин.

— А человеку некогда голову от бумажек поднять,— сказал Перчиков и ввинтил в приёмник шурупчик.— А то кто же красивые слова и законы будет придумывать?!

Это замечание задело Пионерчикова.

— Если бы вас волновали пионерские дела, вы бы об этом тоже думали,— сказал он.

— Вы думаете, только вы были пионером? — усмехнулся Солнышкин.

— Во всяком случае, я был председателем совета отряда,— вспыхнул задетый за живое Пионерчиков.

— Ну зачем же так скромничать? — заметил Перчиков.

— Скромничать?

— Конечно, вы умаляете свою роль. Вы ведь были председателем совета дружины,— подмигнул радист.

— А вам откуда известно? — спросил Пионерчиков. Это было действительно так, но хвастать было не в его привычках.

— А вы меня как-то вызывали на совет,— сказал Перчиков и ввинтил ещё один шурупчик.

— Не может быть! Я вас раньше и не видел.

— Видели! — сказал Перчиков.— Просто не замечали. Некогда было. А я вас ещё клюшкой по носу на хоккее съездил, на «Золотой шайбе».

— Так это вы! — воскликнул Пионерчиков и бросился к Перчикову: — А что же вы не признавались?

— А вы бы обиделись,— сказал Перчиков и, замигав, посмотрел на Пионерчикова.

Но какие могли быть обиды! Посреди океана встретились два земляка, два товарища. Попробуйте сами встретить среди океана однокашника, да еще такого, который съездил тебя когда-то по носу клюшкой, и вы поймёте, какое это счастье! От радости Пионерчиков сел на выкрашенную Солнышкиным палубу. Солнышкин отбросил кисть, Перчиков отставил приёмник. Все недавние недоразумения были забыты. И Пионерчиков сказал:

— А бумажки — это и вправду ерунда! Но ведь охота придумать такие слова, чтобы всем захотелось сделать что-то хорошее, а может быть, и совершить подвиг.

Солнышкин давно без всяких слов мечтал совершить настоящий подвиг, но сказал:

— А ты бы написал стихи.

Пионерчиков пожал плечами. Поэтом становиться он не собирался. Во-первых, на земле и так много поэтов, а во-вторых, он вовсе не хотел,

чтобы его ругали школьники, которым зададут учить лишнее стихотворение из «Родной речи». Напечатают, а потом отдувайся на каждой улице!

А в общем, им всем было очень хорошо. Небо синело без единого облачка. Солёный ветер овеивал лица друзей. Они мечтали о подвиге.

И в это время далеко-далеко, у горизонта, двадцатью градусами ниже экватора, появилось маленькое пятнышко.

— Остров! — крикнул Солнышкин.

— Нет,— сказал Перчиков,— это облако.

— Человек за бортом! За бортом человек! — закричал Пионерчиков и, с трудом оторвавшись от крашеной палубы, бросился в рубку.

МИСТЕР ПОНЧ, ЧТО ЗА ВСТРЕЧА!

Это было невероятно. Среди пустынных волн Индийского океана ясно обозначилась фигурка, размахивающая руками.

Перчиков в отчаянии схватился за голову: где-то неподалёку случилось кораблекрушение, и он не принял сигнал SOS! А Солнышкин метался по палубе. Настоящий аврал, настоящее кораблекрушение!

Всё короче становилось расстояние до потерпевшего, и Перчиков с недоумением поворачивался к Солнышкину, а Солнышкин к Перчикову.

Навстречу им бежал по волнам маленький аккуратный плотик под белым треугольным парусом. Впереди паруса, в креслице, сидел коричневый старичок, и, положив ногу на ногу, приветливо помахивал шляпой. В правой руке он держал бамбуковую удочку, на которой висел большой кусок солонины.

На висках старичка сверкала морская соль, на ногах блестели надраенные ботинки. И — по-

разительно! — его плотик бежал против ветра и против течения...

Но это было ещё не самое удивительное.

Необычный мореход поравнялся с судном. Друзья ответили на его приветствие и ахнули, а Солнышкин даже выронил за борт кисть: плотик тащила в упряжке огромная акула. Кусок солонины манил хищницу, и подгонять её не было никакой надобности. Стоило отвести в сторону приманку, и рыба меняла направление вслед за ароматным куском.

Трижды описав возле судна круг, плот подпрыгнул и остановился.

На борту «Даёшь!» уже толпилась вся команда. И теперь посмотреть на странного мореплывателя торопился капитан Моряков. Но едва он подлетел к борту, как протянул вперёд руки и воскликнул:

— Мистер Понч, что за встреча!

— Мистер Моряков! — Привстал от удивления старик и так дёрнул удочкой, что едва не улетел следом: акула прыгнула за мясом.

— Поднимайтесь же к нам! — торжественно пригласил Моряков и протянул Пончу руку.

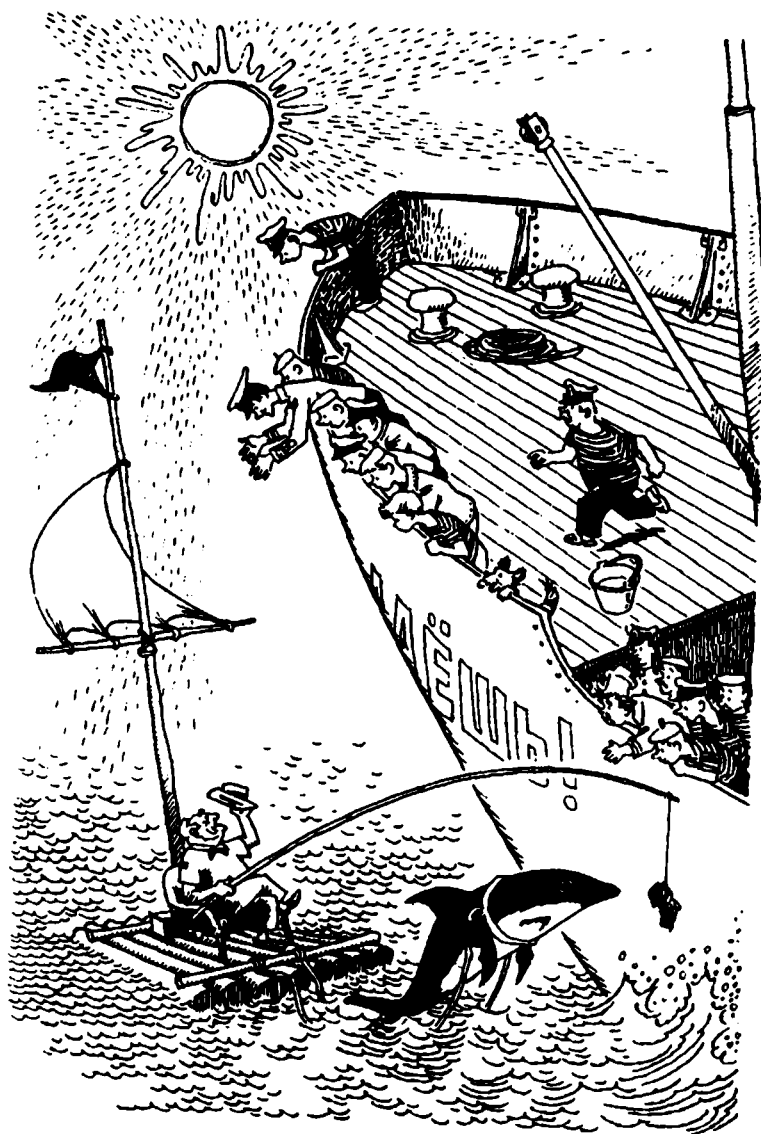
— Не могу, — сказал мистер Понч, показывая на упряжку.

Без него акула утащила бы плот или сбежала сама, а рисковать плотом, таким «рысачком», ему, конечно, не хотелось.

— Везёт же нам на встречи! — сказал Моряков.

— Да, — усмехнулся Понч, — помните, как мы с вами встретились за мысом Доброй Надежды? Это, кажется, было лет двадцать назад.

— И при каких обстоятельствах! — заметил Моряков. — Вы плыли, кажется, на последнем бревне плота.

— О да! — сказал старичок и улыбнулся: — Мистер Борщик угостил меня тогда прекрасным салатом!

Польщённый Борщик гордо посмотрел на всех и тут же выбрался из толпы.

— Я помню,— сказал Моряков,— вы предприняли тогда плавание с очень интересной целью.

— О, я просто доказывал, что в пятьдесят лет можно совершить кругосветное плавание в одиночку,— вспомнил мистер Понч.

— Ого! — сказал Солнышкин и, наострив уши, придвинулся к самому борту.

— А помните, как мы встретились с вами десять лет назад? — спросил Моряков.— У берегов Южной Америки?

— Конечно! — воскликнул мореплаватель.— У мыса Горн! Ещё бы! Мистер Борщик угощал меня тогда щами! — И он так сладко вздохнул, будто не было ничего на свете вкуснее, чем щи, приготовленные Борщиком десять лет назад.

— Кажется, вы тогда тоже доказывали что-то очень интересное? — припомнил Моряков.

— О да! — сказал Понч и быстро приподнял удилище, потому что из воды слишком высоко высунулась акуля морда.— О да! — повторил он.— Тогда я доказывал, что можно совершить одиночное кругосветное плавание в шестьдесят лет.— И он отодвинул ногу: акула уже начинала пожевывать башмак.

— Вот это да! — застонал Солнышкин.— Вот это жизнь!

Он уселся на борт и свесил вниз ноги. Солнышкин решительно был готов перебраться юнгой к старому мореплавателю! Но Перчиков ревниво посмотрел на него и втянул на палубу. Радист сделал это очень вовремя, потому что лошадка мистера Понча начала резво менять направление.

— Теперь всё понятно! — Моряков повёл могучими плечами.— Сейчас вы доказываете, что все океаны можно пересечь и в семьдесят?

— Вы угадали, мистер Моряков! — поклонился Понч.

— А куда же вы сейчас держите путь?

— К острову Тариора.

— О! — воскликнул Моряков.— Так мы идём туда же. Давайте мы вас немного подбросим, вы отдохнёте.

— Что вы! — закачал старик головой так, что с висков на ботинки посыпалась тонкая морская соль. Он аккуратно сдул её.— Это уже не будет считаться одиночным плаванием!

— Но ведь это совсем немного,— попробовал убедить его Моряков.

— Честность — до дюйма,— строго сказал Понч и посмотрел в глубину, как там ведёт себя его живая машина...

Вода тихо плескала между брёвнышками плотика, ножки кресла мягко погружались в неё и тут же всплывали.

«КОМАНДА, СМІРНО!» — ГОВОРІТ МОРЯКОВ

В это время произошло нечто неожиданное.

Дело в том, что не один Солнышкин был бы рад пуститься в дальний путь с Пончем.

На борту парохода «Даёшь!» был ещё один человек, который мечтал о чудесах и необыкновенных странствиях.

Из-за спины Морякова показалась седая голова и раздался голос старого Робинзона:

— Мистер Понч, так, может быть, вы возьмёте с собой до острова одного пожилого джентльмена, который всю жизнь думал о таком плаваніи? — И Робинзон с улыбкой приподнял

фуражку.— Мне кажется, ваше плавание только выиграет, если на плоту некоторое расстояние пройдут два семидесятилетних моряка.

Понч с интересом посмотрел на Робинзона и, не колеблясь, сказал:

— С удовольствием! Но всё зависит от капитана.

Старый Робинзон повернулся к Морякову. Тот бросил взгляд на акулу, потом на Понча и махнул рукой:

— С мистером Пончем куда угодно!

Но Робинзон уже сбегал вниз по трапу с криком: «До встречи на острове!» Из кармана его кителя торчал окуляр подзорной трубы.

В это время, расталкивая команду, к борту протиснулись Борщик и Пионерчиков с тарелками в руках.

— Отведайте! — крикнул раскрасневшийся кок.

— Я очень тороплюсь, — извинился Понч.

— Ну хотя бы компот! — взмолился Борщик.

— Ну, компот, пожалуй, — сказал мистер Понч. Качая от удовольствия головой, он выпил компот и положил в кружку косточки от ягод, чтобы не засорять океан: Понч гордился своей аккуратностью.

Потом он поклонился экипажу «Даёшь!», благодаря за гостеприимство, и протянул акуле бамбуковую палку с солониной. Плотик тотчас же рванулся вперёд.

— Стойте, мистер Понч! — крикнул капитан вслед.— Может быть, вы в чём-нибудь нуждаетесь?

— Ровным счётом ни в чём, — махнул Понч шляпой.— Сегодня океан подарил мне даже коробку великолепных сигар.

Старик показал на коробку, которую часа два назад вышвырнул в океан Моряков.

Старый моряк ещё раз махнул рукой, повёл шестом, и плотик, как весёлый кузнечик, поскакал к горизонту.

— Команда, смирно! — крикнул вдруг Моряков и подтянулся, выпятив грудь.— Перед такими стариками нужно стоять по стойке «смирно».

И Солнышкин тоже вытянул руки по швам.

— Слушайте, слушайте, мистер Понч! — спохватился вдруг капитан.— Но когда же мы встретимся?

Старый мореплаватель придержал колесницу и, сделав в воздухе сальто, прокричал:

— Лет через десять, в океане! Я надеюсь доказать, что это можно сделать и в восемьдесят.— И, перевернувшись ещё раз, он погнал к синему горизонту свою зубастую кобылку.

Уже наступил вечер, а визит Понча никому не давал покоя. Петькин бурчал:

— Задаром я бы ввек не поехал!

— Дурак! — посмотрел на него Федькин.

Солнышкин метался по палубе. Ему снова не повезло: Перчиков катался на ките. Робинзон едет на акуле, а он — на обычном пароходе. Солнышкину хотелось чего-то необыкновенного!

ЧТО-ТО НУЖНО ДОКАЗАТЬ

— Вот это да! — всё ещё вздыхал Солнышкин.

— Вот это дед! — сказал Пионерчиков.— Такого можно занести и в Книгу почёта. Только вот то, что он третий раз доказывает одно и то же, это, по-моему, ерунда!

— Ерунда?! — возмутился Солнышкин.— Да я бы проплыл десять раз. Зато все моря, все океаны! А, Перчиков? И один, кругом акулы, кальмары, штормы, а он один и ничего не боится!

— Десять раз я, может, и не поплыл бы,— подумал вслух Перчиков,— но один раз в жизни что-то доказать нужно. Каждый человек что-то должен в жизни доказать.

Из-за океана поднялась такая громадная луна, что Перчикову казалось: через десять минут пароход, как ракета, ткнётся в неё носом и можно будет вступить на лунный берег. «Но до лунного берега,— думал он,— надо ещё добраться! Это нужно ещё доказать!»

Перед Пионерчиковым в воздухе носились тысячи прекрасных слов. Они проплывали рядом. Казалось, только дотянись — и они в руке. В руке! Но и это ещё требовало доказательства!

Солнышкин не знал, что он будет доказывать, но ему хотелось доказать что-то очень хорошее. Большое и светлое, как луна, которая скользила за лёгкими облаками.

— А доказывать нужно каждый день, каждый час,— решительно сказал Перчиков.— Вот хотя бы энергия моря! — Он ткнул пальцем за борт, посмотрел вниз и вдруг с воплем повис на борту.

Солнышкин и Пионерчиков подбежали к нему: уж не кальмар ли вцепился радисту в носик? Но они и сами вскрикнули от восторга: вокруг парохода горели миллионы зелёных и голубых светлячков. Одни поднимались вверх, сверкали, а потом, как на парашюте, ныряли в глубину, и там становилось светло и уютно. Другие колебались на поверхности, будто вместе с волнами вежливо кланялись большому знаменитому пароходу. Южные моря приветствовали «Даёшь!» дружеским салютом.

— Банки! Сачок и банки! — крикнул Перчиков.— И вы сейчас увидите такое зрелище...— Он даже присвистнул от удовольствия.

Через десять минут Солнышкин и Пионерчиков тащили банки, а с ними Борщика, который

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

1957

никак не хотел расставаться с такой замечательной посудой!

— Чудак,— сказал Перчиков,— смотри! — Он зачерпнул банкой воды, и на палубе, как маленькая ракета, загорелся ясный фонарик.— Смотри, вот тебе твои банки! — говорил Перчиков и ставил на палубу фонарик за фонариком. И в каждом из них, будто улыбаясь, покачивался большой и добрый огонёк.

— Секунду,— сказал Перчиков.— Одну секунду!

И все почувствовали, что он затевает что-то необычное. Радист бросился в рубку и протянул руку к рубильнику.

— Что вы делаете? — спросил у радиста озадаченный Моряков.

— А вот что! — крикнул Перчиков и выключил на палубе свет.

И в тот же миг вся палуба осветилась волшебными огоньками, будто на палубе шёл какой-то очень весёлый карнавал. Команда расхватывала банки, а Перчиков улыбался: это только начало!

— Что же это? — спросил Солнышкин, когда радист спустился вниз.

— Это такие светлячки,— торжественно сказал Перчиков,— за которых жители ближайших островов отдают самые большие драгоценности. Ведь даже в этих морях они встречаются очень редко. Мы осветим ими весь пароход!

— При таких светлячках можно делать любую операцию! — восхитился Челкашкин.

— И ни одна мышь не заскребётся, если их поставить на камбузе! — сказал Борщик.

«И можно писать стихи»,— подумал Пионерчиков.

— При их свете очень хорошо петь морские песни,— усмехнулся Федькин и, тронув струны гитары, завёл песню про то, как на далёком

острове Таити жил с попугаем бедный негр Ти-ти-мити.

Словно большой светлячок, «Даёшь!» уютно покачивался под эту песню.

А на трюме, под тентом, лежал бывший артельщик Стёпка. Он смотрел на зелёные огоньки и бормотал:

— Милые светлячки, добрые светлячки! Это очень хорошо, что за вас платят самыми большими драгоценностями!

Солнышкин любовался яркими огоньками из рубки. Он заступил на вахту и стоял у штурвала.

ТЕПЕРЬ СВЕТИТЕ СКОЛЬКО УГОДНО!

Ещё вся палуба нежилась в крепком, предутреннем сне, когда артельщик открыл глаза и приподнял голову. За бортом вода нащёптывала колыбельную и покачивала юный экипаж.

Стёпка протёр глаза и осторожно стал пробираться между спящими. У камбуза он прихватил громадную банку, на цыпочках подошёл к борту и с досады плюнул. Хоть бы один порядочный светляк! Он трусцой подбежал к другому борту — там тоже было темно.

— Драгоценности! Вот тебе драгоценности! — От злости он чуть не швырнул банку за борт. Но вдруг что-то смекнул.

Рядом с Федькиным тихо, словно боясь его разбудить, мерцали два маленьких огонька. Артельщик подполз к банке, но огоньки зорко вспыхнули. «Тихо», — погрозил им пальцем Стёпка и, взмокнув от страха, запустил в банку пятерню.

В руке что-то затрепыхалось. «Есть!» — весело ухмыльнулся артельщик. Но, раскрыв ладонь, он ничего не увидел. В потном кулаке светлячки не горели!

Тогда артельщик опустил их в банку, и светлячки замерцали. «Ничего, загоритесь!» — пригрозил он и потрусил по каюте. Отовсюду лился мягкий зеленоватый свет.

— Хорош,— сказал Стёпка и потихоньку стал вылавливать светлячков в свою банку.

В каютах становилось темно. Но зато в его руках банка так засветилась, будто в ней кипело зелёное солнышко, и артельщик испуганно завертел головой. «Хе-хе, хватит, хватит света,— подумал он и, забежав к себе в каюту, бросил на банку старый фартук.— Теперь светите сколько угодно, пожалуйста!» Он ещё себя покажет! Закрыв дверь на ключ, Стёпка отправился в рулевую драить палубу.

ЭТО НЕ ПОЖАР, СОЛНЫШКИН!

Едва ступив на порог, артельщик услышал крик птиц, посвистывание ветра и голос Морякова:

— Право руля, Солнышкин! Вы слышите эти крики?

— Слышу,— ответил Солнышкин.

— Это близко земля, это скоро рассвет,— сказал Моряков.

Солнышкин повернул судно, и впереди по носу загорелась тонкая и быстрая полоска зари.

Но острова пока не было видно.

— Подтянитесь,— сказал Моряков,— скоро он появится, и мы увидим фуражку Мирона Иваныча!

Солнышкин поднялся на цыпочки, слегка налегая на штурвал. И судно потихоньку начало просыпаться. Кое-кто слетел с трюма и стал потирать бока. Но Моряков этого не замечал. Начиналось чудесное утро. Рокот океана бодрил, и, несмотря на бессонную ночь, капитан был возбуждён.

— Слышите гул, Солнышкин? Это разбивается прибой о коралловые рифы! Сегодня у нас будут такие кораллы, такие кокосы, такие раковины, которые украсят лучший дворец! Нужен только хороший нож, нужны рукавицы, и вы увидите, что такое подводный мир!

Ветер раздувал за спиной Солнышкина невидимые крылья. Солнце слегка подмигивало ему. И не только ему, потому что разбухшие лёгкой качкой среди полного штиля в рубке уже стояли Перчиков и Пионерчиков. А на пороге с ведром и шваброй на редкость бодро и весело трудился Стёпка.

— Возьмите своих товарищей,— сказал Моряков,— денёк поныряете — и музей Робинзона будет полон!

Перед Солнышкиным, Перчиковым и Пионерчиковым распахивались глубины океанской лагуны.

— Хе-хе,— приблизился к Морякову Стёпка.— А нельзя ли и мне понырять? Я буду хорошо работать,— заверил он,— очень хорошо.

Перчиков скорчил гримасу, но Пионерчиков сказал:

— Раз человек хочет поработать, почему бы не взять?

— Конечно,— сказал Моряков.— Конечно. Но учтите: осторожность. Иногда в лагуну заходят акулы...

Но какое это имело сейчас значение!

Друзья готовы были кричать, как птицы. И Солнышкин закричал:

— Смотрите, смотрите, там впереди пожар!

— Это не пожар, Солнышкин,— улыбнулся Моряков, всматриваясь, не видно ли впереди Робинзона.— Это на острове пылают алые тропические цветы.

— Но впереди клубится дым! — крикнул Солнышкин.

— Это не дым,— сказал взволнованно Моряков.— Это поводят кронами могучие фрамбойаны!

— Но ведь над ними взлетают искры!

— Это не искры, Солнышкин,— сказал Моряков,— это просыпаются тропические птицы. Вы же слышите, как они кричат?

Да, это кричали незнакомые птицы, а вдали зеленел лес, к воде опускались лианы, и ярко пылали цветы. Их озаряло солнце. Оно горело уже всюду.

Солнышкин правил прямо на остров.

Но чем ближе становился берег, тем тревожнее всматривался в него Моряков. Над пароходом летали сотни чаек. Но ни мистера Понча, ни Робинзона на берегу не было.

Едва смолк гул машины, а старый Бурун с грохотом опустил якорь, Моряков приказал:

— Бот на воду!

НОВОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ

Через несколько минут маленькая экспедиция уже сидела в боте. Солнышкин держал брезентовые рукавицы, Пионерчиков укладывал под скамью ножи.

Марина, выглянув в иллюминатор, кричала:

— Пионерчиков, привезите и мне кораллы!

Только артельщик всё ещё спускался по трапу, прижимая к боку обёрнутую тряпкой банку.

— Тащит всякое барахло,— возмутился Солнышкин.

— Это не барахло,— хитровато, но удивительно вежливо сообщил артельщик.— Это, хе-хе, лекарство, которое выписал мне Челкашкин.

— Ладно, садись,— нетерпеливо сказал Перчиков, и волны сами понесли бот навстречу стелющимся по ветру пальмам.

Солнышкин, привстав, смотрел туда, где в белоснежном воротничке морского прибора поднимался остров. Он думал, почему Марина попросила привезти кораллы Пионерчикова, а не его. Но это не мешало ему смотреть вперёд. В глубине, в синей прозрачной бездне, мелькали рыбы, а впереди, среди рифов, гудел и взрывался белый поток. Маленький бот быстро приближался к нему, и Солнышкин невольно старался поставить ногу потвёрже.

— Держись! — вдруг крикнул Моряков.

Могучая волна подхватила бот на самый гребень и швырнула вперёд. Солнышкин почувствовал, как правая нога оторвалась от днища, левая завертелась в воздухе, как на педали, и он полетел в пучину.

Когда он вынырнул, на него пахнуло таким ароматом, будто Борщик открыл свои кастрюли с компотом. Бот бежал впереди Солнышкина по синей-синей воде, вокруг лежала настоящая лагуна. Со всех сторон светился белый коралловый песок. Среди упругих зелёных листьев желтели бананы и пылали цветы. А на берегу, размахивая руками, плясали десятки курчавых людей в юбочках из пальмовых листьев. Они кого-то ожидали.

Солнышкин хотел взобраться на бот, но вдруг почувствовал, как под ноги ему поднырнуло какое-то животное. Он издал испуганный вопль и увидел, что летит к берегу на настоящей дельфиной спине.

На боте раздался смех, и по лагуне пронёсся лёгкий ветерок. Это облегчённо вздохнул Моряков. Он сразу понял, чьи это проделки. Конечно, все это устроил Робинзон: старик любит чудеса! Капитан расправил плечи и весело протрубил приветствие:

— Иа ора на!

Он подождал ответа и застыл в изумлении. И не только он. У притихшего Перчикова носик стал ещё острее.

На берегу хором ответили:

— Иа ора на, Перчиков!

И бросились надевать венки на Солнышкина, которого дельфин уже вынес к берегу.

— Вы что, бывали в этих местах? — удивлённо спросил Моряков. Сам он здесь был только юнгой.

— Нет, — ответил Перчиков.

— Так что же это значит? — спросил Пионерчиков.

— Не знаю, — развёл руками радист и вздрогнул: прямо на него из воды лукаво смотрела дельфинья голова с удивительно знакомым розовым носом и нежно произносила: «Пер-чиков!»

А на берегу Солнышкин снимал с себя гирлянды и тоже показывал туда, где сидел Перчиков. Едва бот ткнулся носом в песок и радист вышел на берег, на него полетели десятки венков. Толпа, смеясь, прыгала вокруг с весёлой песней: «К нам приехал Перчиков!» А вода закипала от дельфиньих спин.

Наконец все притихли.

К Перчикову подошёл старый вождь племени. Он был высок, необыкновенно толст и важен, но, прижав руки к сердцу, низко поклонился.

— Да что же все это значит?! — воскликнул Моряков.

Тогда из толпы вышел маленький лысый проповедник в белой сутане и с крестиком на груди. Он поклонился и сказал:

— Это всё сказка...

— Что? — спросил Моряков, уже совершенно ничего не понимая.

— Я всю жизнь,— поднял глаза к небу старичок,— всю жизнь старался им доказать, что есть бог...

Пионерчиков кашлянул, но из вежливости промолчал.

— Я доказывал им это самыми красивыми словами, но тариорцы только смеялись и плясали,— прослезился старичок.— Они верили своим дельфинам, каждому их слову! А теперь поверили в Перчикова!

— Кому поверили? — удивился капитан. Под его ногами мягко хрустнул песок.

— Дельфинам! — всплеснул руками старичок.— Они давно говорят с дельфинами. А теперь дельфины принесли сказку, будто какой-то Перчиков спас их товарища. Вон того.— Проповедник показал на красноногого дельфина.— И островитяне поверили в Перчикова. Теперь нет бога, а есть Перчиков!

— Но это не сказка,— подскочил Перчиков. Его голова едва выглядывала из цветов.

— Это не сказка! — крикнул Солнышкин. И выложил всю историю, которая произошла с Перчиковым в далёких морях, совсем у другого острова.

— Да, это не сказка! — вздохнул артельщик. Уж он-то знал, в чём тут дело.

Моряков даже вспотел от волнения. Он не мог этому поверить, но рядом с ним из воды выскакивали дельфины, которые на десятки ладов посвистывали, покрикивали, потрескивали: «Перчиков, Перчиков!»

Капитан махом разбил валявшийся на берегу кокосовый орех и от волнения осушил его до капельки.

— Да ведь это же ценнейшие научные данные! — потряс он перед Перчиковым рукой.— Что же вы молчали?

Но тут другая мысль остановила его: «А где Робинзон? Не терпят ли они бедствие с Пончем? Ведь можно попросить дельфинов разыскать их!»

Вождь островитян только улыбнулся. Он повернулся к морю, что-то пропел, хлопнул в ладоши, и десятки живых быстроходных ракет ринулись вперёд, за рифы, на поиски старого Робинзона.

А Перчикова и его друзей островитяне подхватили под руки и повели к зарослям цветов, на поляну. Молодые островитянки несли туда на банановых листьях жареных поросят, громадных красных омаров. На острове начинался весёлый пир.

И только артельщик повернул в сторону.

— Идём,— позвал его Пионерчиков. Но Стёпка схватился за живот и показал на банку с лекарством.

ДРАГОЦЕННОСТИ СТЁПКИ-АРТЕЛЬЩИКА

Конечно, каждому читателю понятно, что ушлый артельщик удалился совсем не для того, чтобы лечить живот. И конечно, не для этого он выудил ночью светляков из чужих банок.

Пока на лужайке звенели протяжные песни, трубили раковины, он торопился набить карманы драгоценностями Тариоры. Нужно было только найти, у кого бы их выудить. Стёпка прогулялся между бамбуковыми хижинами, но не встретил ни одного человека.

Все были на празднике. Только ветер колыбал громадные листья бананов. Правда, в одной из хижин кто-то заворочался, и артельщик дипломатично сказал: «Хе-хе». Но оттуда высунилось свиное рыло и дружелюбно ответило: «Хрю-хрю».

Артельщик откатился в сторону и прислушался. Музыка и пляски были в самом разгаре.

Вдруг над артельщиком что-то пронеслось, и неподалёку раздался удар, следом другой! Стёпка отлетел на верный десяток метров, словно катапультировался. И вовремя!

На верхушке кокосовой пальмы родственник вождя рубил орехи для праздника.

— Эй! — крикнул Стёпка и махнул рукой.

Островитянин швырнул в него орехом: ему было совсем не жаль для гостя!

Стёпка пригнулся и ещё раз махнул рукой. Громадный орех, как ядро, просвистел у самого уха.

— Хватит! — зло заорал Стёпка.

Но вдруг, опомнившись, он улыбнулся и, поманив островитянина пальцем, показал ему банку. Тот, отломив лист пальмы, приземлился, как на парашюте.

Артельщик хихикнул: дело пошло на лад! Он приблизился к островитянину, пальцем прикрыл ему один глаз, а к другому быстро поднёс приоткрытую банку. Тот отпрянул, потом посмотрел на Стёпку и заглянул в банку ещё раз. Губы у него сразу вытянулись трубочкой, а глаза заблестели, как две лагуны.

— Вот это дело! — подмигнул Стёпка и показал: — Я — тебе, ты — мне.— И, оглядываясь, он пощёлкал толстыми пальцами.

— Пальму с кокосами,— предложил островитянин.

Но Стёпка поморщился:

— Нашёл чем удивить!

— Свинью с поросятами,— показал пальцем на хрюкающее у хижины семейство раззадоренный родственник вождя.

— У меня дома таких десять тысяч! — отмахнулся артельщик.

Тогда, что-то сообразив, островитянин стукнул себя по лбу, радостно вскрикнул и помчался домой за самой большой на острове драгоценностью. Через минуту он вернулся с маленьким плетёным сундучком и потряс им перед ухом артельщика. Внутри что-то звякало, шелестело, будто пересыпающийся жемчуг.

— Вот это другое дело! — причмокнул артельщик. — Это другое... — Он хотел приоткрыть крышку сундучка, но островитянин оглянулся и замахал руками. — Понятно, — сказал артельщик. Он сам сегодня полночи оглядывался.

И, отдав счастливому островитянину банку со светлячками, Стёпка припустил к берегу. Над ним вприпрыжку бежали лёгкие облака, и оттого что у него в руках был тяжёлый сундучок, артельщик тоже чувствовал себя лёгким облаком среди пальм. А если ещё потрогать хоть один драгоценный камень, хоть одну жемчужину, он сиял бы, как само солнце!

Артельщик приоткрыл сундучок, сунул палец. И в тот же миг ему под ноготь вонзилось что-то острое и жгучее.

Он с воем швырнул сундучок на землю, и оттуда с гудом взметнулись крупные золотистые пчёлы. Обхватив руками голову, Стёпка бросился в банановую рощу. Он с треском продирался сквозь заросли. А драгоценности, за которыми он гонялся, звенели у самого его уха и никак не хотели отставать.

Каждый раз, когда в него впивалось жало, он подпрыгивал и лягал пятками воздух.

Внезапно артельщик рухнул в кустарник и замер. Обманутый рой словно споткнулся и заматся из стороны в сторону.

«Ну, мимо! Мимо! — не дыша следил артельщик. — Дальше, дальше... — И, увидев, что пчёлы наконец взяли направление на звуки пира, ух-

мыльнулся: — Попробуйте, попробуйте, Солнышкин! И вы, Перчиков, тоже!»

Но вдруг до его слуха донёсся какой-то гул, потом треск и крик Солнышкина:

— Лови! Лови!

«Узнали о светлячках! Развели!» — решил Стёпка.

Послышались удары барабана, охотничьи крики, и артельщик, не разбирая дороги, ринулся в дебри напролом.

ГИППОПОТАМЫ

Ещё минуту назад Солнышкин сидел на поляне и думал, как бы поскорее улизнуть из этого круга. Конечно, всё было здорово: и катание на дельфиньей спине, и кокосовое молоко, которое он пил прямо из ореха. Перед ним лопались на костре бананы, а листья банановых пальм оведали его, как опахало.

Но в нескольких шагах шуршал песками белый коралловый пляж, синела прозрачная вода лагуны, сверкало тропическое небо. И Солнышкин, приподняв венки, из-за которых ему совсем не было видно Перчикова, подмигнул:

— Пошли!

Перчиков и сам мечтал улизнуть. Он не любил сидеть в президиумах. И он подтолкнул Пионерчикова:

— Слушай, посиди за меня.

Радист выскользнул из-под венков, ещё раз подтолкнул Пионерчикова, который смотрел, как на соседней пальме орудует клешнями взобравшийся на верхушку пальмовый вор, и наметил самый близкий маршрут.

Но вдруг рядом с ним раздался крик, и на поляну, путаясь в сутане, выбежал старый про-

поведник. Глаза его от ужаса вертелись, как колёсики, а губы вздрагивали и лепетали:

— Гиппопотам, гиппопотам!

— Да где? — воскликнул Моряков.

Это было невероятно: на островке в Тихом океане гиппопотам?

В банановой роще действительно стоял невообразимый треск. И Моряков, а за ним вся команда и островитяне, хватая палки, с боевыми криками бросились вперёд.

Гремели ореховые колотушки, трубили раковины, стучали палки. Целая армия охотников мчалась к банановой роще, где, отбиваясь от пчёл, орудовал толстый Стёпка. Он чувствовал себя сейчас не лучше, чем в медвежьей шкуре, но, конечно, не знал, что перепуганный священник обрядил его теперь в шкуру гиппопотама. Он только слышал, как за ним несётся толпа и раздаётся крик Солнышкина: «Лови! Лови!»

Солнышкин, как всегда, летел впереди. Артельщик бросился в сторону, но споткнулся и вдруг над самым ухом услышал голоса Солнышкина и Перчикова:

— Ну что, видел?

В лицо ему ткнулись два вспотевших носа.

— Кого? — спросил затравленный артельщик.

— Гиппопотама.

Так вот кого ловили, вот что за топот стоял сзади! Подскочив, Стёпка ухватился за висевшую над головой лиану, оттолкнулся и ринулся наугад — над рощей, над плантацией, не зная куда. Мало ему было пчёл, теперь ему не хватало только зубов гиппопотама!

— Стой! — крикнул Солнышкин. — Подожди! — Он тоже схватился за лиану и понёсся за артельщиком.

Сзади, хлопая себя по затылку, летел Перчиков, а внизу бежала вся шумная компания, над которой воинственно гудели пчёлы.

Чем громче становился за спиной топот, тем быстрее летел артельщик.

Бамбуковые стебли стукали его по лбу. Вокруг стоял грохот. Лианы цеплялись за ноги. Артельщик мчался, пока наконец не шлёпнулся в светлую воду лагуны.

«Хватит рубинов, хватит топазов, хватит алмазов!» — думал он.

НОВОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ ПЕРЧИКОВА

Солнышкин выпустил из рук лиану, мягко приземлился на берег и обомлел.

Под ногами, как снег на морозце, хрустел белый песок. Морские звёзды горели в прозрачной воде всеми цветами, и бегущие к ногам синие волны так и шуршали:

«Ну, здравствуй, Солнышкин! Хорошо, Солнышкин?»

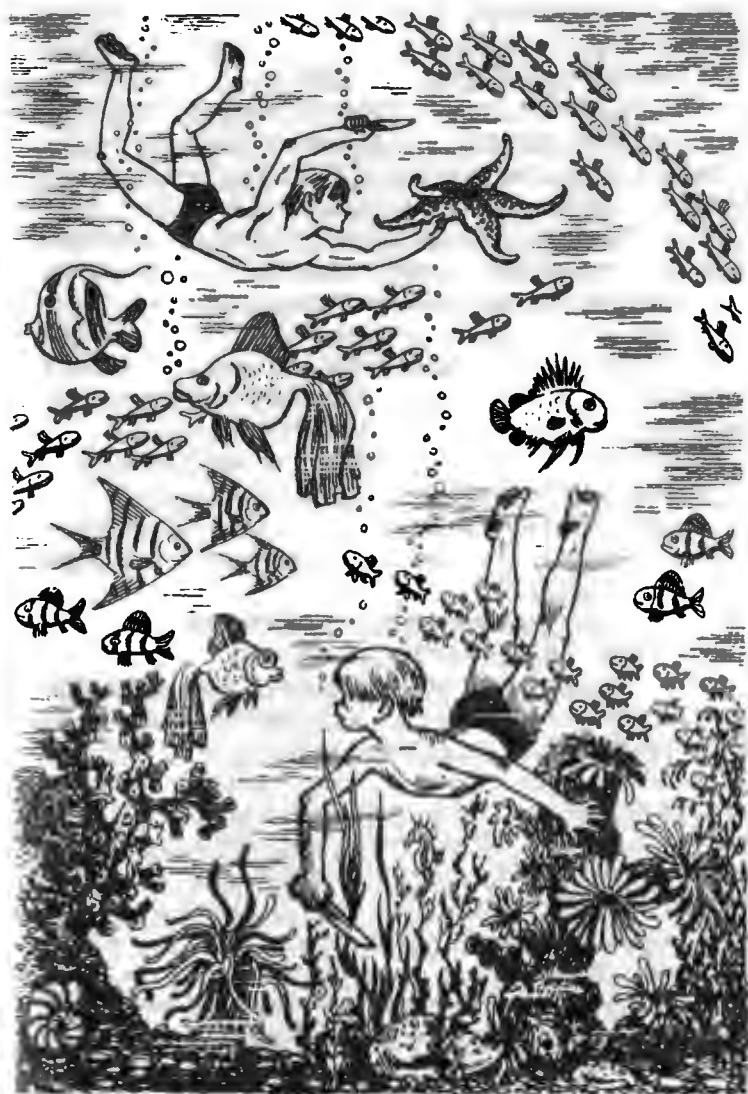
«Хорошо-о!» — повторял гул океана. И ветры всех океанов, кажется, тоже спрашивали: «Хорошо?»

Солнышкин сразу забыл про гиппопотамов и пчёл.

Из воды вынырнула голова Перчикова. В одной руке у него был нож, в другой — громадная розовая раковина.

— Там тысячи кораллов, там тысячи раковин для всех дворцов! — Глаза его были широко раскрыты.

Солнышкин взял из бота нож и плюхнулся в воду. Прямо перед носом порхнули пузырьки, а у глаз повисли голубые быстрые капли. Солнышкин отогнал их рукой, и сквозь пальцы промчалась стайка голубых рыбёшек. Он попробовал их

поймать. Но рядом появилась какая-то глазастая красная рыба. Она распустила золотистый плавник и, посмотрев на Солнышкина, поплыла в глубину.

Солнышкин нырнул за ней.

Он проплыл мимо громадного рака-отшельника, которого погоняла пышная оранжевая актиния. Потом проскользнул над важным усатым омаром. И впереди увидел язычки яркого пламени.

Солнышкин прикрыл один глаз — костёр горел. Он прикрыл второй глаз — костёр продолжал гореть. Перед ним колыхался алый коралловый лес!

Солнышкин выставил вперёд руки — и целый фейерверк рыб метнулся в стороны. Повсюду шевелились настоящие цветные букеты...

Над ними парил Перчиков и протягивал руки к большой раковине.

— Ну как? — подмигнул он Солнышкину.

— Здорово! — крикнул Солнышкин и, давась, вылетел наверх.

— Нашёл где кричать! — засмеялся Перчиков и сам пробкой выскочил за другом.

Но, видно, им понравилось разговаривать в воде, потому что оба тут же нырнули снова. Вода была прозрачнее воздуха.

Солнышкин парил в воде, как дельфин. Он опустил руку возле кораллов и стал срезать ножом ветку за веткой. Это для музея, это для бабушки, это... Руки Солнышкина наткнулись на громадный, как факел, коралл. Солнышкин срезал его и, всплывая, поднял над собой.

Алые капли повисли над головой...

— Это... для Марины! — вздохнул Солнышкин, положил коралл в бот и нырнул.

Перчиков трудился рядом. Он выносил наверх то громадную раковину, то звезду. Но бот был уже полон, и Перчиков махнул рукой: хватит!

Солнышкин, будто в лохань, плавно опустился в громадную перламутровую раковину и смотрел, как над ним переливаются волны и нежно пульсируют медузки. А Перчиков, закинув ногу на ногу, присел напротив на поросший травой камень. Вдруг лицо у него странно изменилось, и он закусил губу: под ним оказался настоящий морской ёж. Теперь Перчикову хотелось открыть рот шире лагуны, но он молчал, чтобы не портить другу настроение. Однако Солнышкин и сам заметил, что Перчиков странным образом вращается по дну и ниже спины у него торчат четыре антенны, как у спутника. Нет, радист и здесь не мог обойтись без изобретений!

А Перчиков уже с космической скоростью летел на берег мимо бота, в котором сейчас сидел артельщик. Стёпка решил начать новую честную жизнь и мирно глодал пороссячью ножку, которую прихватил из котла на месте недавнего праздника.

САМАЯ НАСТОЯЩАЯ АКУЛА

Перчиков лёг под пальму. А Солнышкин, расставив ноги, стал рядом.

— Тяни, только осторожно,— сказал Перчиков.

Но предупреждения показались Солнышкину излишними. Лично он — под гул волн, шум пальм на коралловом острове — готов был перенести любую операцию.

— Тяни, — крикнул Перчиков, — любитесь ещё!

Солнышкин выдернул из Перчикова иглы и опустился на камень, недоумевая, как это всё-таки его друга угораздило сесть на ежа! Но пока Солнышкин рассуждал, камень, на котором сидел он сам, встал на лапы и высунул из-под панциря

голову. Сохраняя равновесие, Солнышкин взмахнул руками и завертел головой. Он ехал в море верхом на огромной черепахе!

Стёпка оторопело отложил в сторону поросычью кость и приподнялся со скамьи. Он видел, как Солнышкин въехал в лагуну и, уцепившись за панцирь, нырнул вниз. Сквозь прозрачную воду было видно всё до песчинки. Вот черепаха проплыла мимо бота. Вот она прошла узким коралловым коридором и сделала круг над маленькой площадкой. Там было прохладно и сумрачно. На дне лежали обросшие травой старые тяжёлые триадакны, мерцали обломки перламутра. Солнышкин разглядывал их, быстро работая ногами.

— Пусть плывёт! — решил Стёпка, снова посасывая кость. Теперь его не интересовали никакие морские диковинки и побрякушки. Он начал новую, добрую жизнь!

Но вдруг Солнышкин отпустил черепаху, нагнулся, и тут артельщик увидел, как у Солнышкина на ладони сверкнула радугой жемчужина. Невиданная жемчужина! С голубиное яйцо!

Стёпкино сердце вздрогнуло и отчаянно заколотилось.

Тысяча топазов! Тысяча алмазов!

— Стой! — крикнул он Солнышкину, зажав в руке кость.

В это время в сотне метров от бота Стёпка заметил громадную акулу; привлечённая мясным запахом, она всё ближе и ближе описывала круги. Но внизу сверкало такое богатство! И артельщик, забыв о страхе, ринулся в воду. В тот же миг Солнышкин был сбит с ног. Его завертело и закружило в водовороте.

«Жемчужина!» — хотел крикнуть он, но только выпустил стайку пузырьков и следом за ними вылетел наверх. У самой поверхности он заметил, как мимо него с разинутой пастью ринулась вниз

здоровенная акула. Хвост её, как наждак, прошёлся по пяткам Солнышкина, и он с ужасом увидел, как от хищницы отбивается танцующий в воде артельщик.

— Перчиков, на помощь! — заорал Солнышкин, снова бросаясь с ножом в воду.

Но, кажется, было поздно. Акула уходила в сторону. В зубах у неё были Степкины штаны, из которых торчала свежая обглоданная кость. Солнышкин поднырнул под задыхающегося артельщика и вынес его на плечах к берегу.

ЦЕЛЫЙ ДВОРЕЦ ДЛЯ РОБИНЗОНА

Всё это произошло так быстро, что Перчиков едва успел вскочить.

— В чём дело? — крикнул он, глядя на Солнышкина.

Солнышкин, отфыркиваясь, рассказал про акулу и про жемчужину. Перчиков удивлённо посмотрел на лежащего Стёпку, скользнул взглядом по его рёбрам: все рёбра артельщика были на месте.

— А тебе не показалось? — усомнился Перчиков.

— Что?

— И кость, и твоя жемчужина?

Солнышкин оскорбился. Показалось! Жемчужина, за которую можно построить целый дворец для Робинзона!

— Именно такие и кажутся! — подмигнул Перчиков. — Особенно в воде. Преломление лучей — и готов обман зрения!

— И акула тоже показалась? — налетел на радиста Солнышкин. — Если бы не Стёпка, видел бы ты меня сейчас рядом!

— О-ох! — зашевелился вдруг артельщик, улышав своё имя. — Ох! — Открыв глаза, он схва-

тился за раздутую щеку, и из носа у него брызнули струйки воды. Он сел и, посмотрев на Солнышкина, прогнусавил: — Жив, Солнышкин? — И снова схватился за щеку. Потом он застонал: — Ох, мои штаны, мои зубы!

Нужно заметить, что, хотя на щеке у артельщика остался отпечаток акульего хвоста, зубы у него были на месте, и могло даже показаться, что один, довольно крупный, прибавился. А что касается штанов, то их действительно не было.

Но Перчикова это не волновало. Прихрамывая, он сделал шаг в сторону, сорвал несколько банановых листьев и протянул артельщику. Симпатии к нему радист, конечно не испытывал, но уважал благородные поступки.

— Ну, пошли,— сказал Солнышкин. Он готов был перевернуть всё дно, лишь бы только найти жемчужину.

И Перчиков, взяв нож, бросился за ним в воду. Они снова проплыли над кораллами и стали тихо кружить у той самой площадки. Перчиков заглядывал под каждую раковину, Солнышкин ошупывал каждый осколок перламутра. Жемчужины не было.

А хитрый артельщик, пританцовывая в пальмовой юбочке стряхнул с себя песок и что-то быстро повернул языком во рту.

Вдруг песок захрустел. На пляже появились в венках Моряков и Пионерчиков. За ними на берег высыпали островитяне. Увидев их, Солнышкин вышел из воды. Он ещё раз пересказал всю историю и попросил капитана задержаться хоть на один день. Но Моряков молчал.

— Да ведь это целый дворец для Робинзона! — воскликнул Солнышкин.

— Во-первых, не для Робинзона, а для Мирона Ивановича,— сказал Моряков.— А во-вторых, нужно найти его самого, а потом уже думать о

дворцах. Кажется, я слишком доверился вашим фантазиям: дворцы, дельфины, тарелки, плоты, жемчужины! И вот результат! — Неожиданно он рассмеялся и, повторив: «И вот результат!», протянул руки к лагуне: к берегу под весёлое хрюканье дельфинов катился плот, на котором размахивали руками мистер Понч и старый Робинзон.

— Мы, кажется, чуть-чуть задержались,— улыбнулся мистер Понч.

— У нас были причины,— сказал Робинзон.

Из рукавов его кителя валил пар, и вокруг распространялся острый ароматный запах.

ЛЕВО РУКАВ, ПРАВО РУКАВ!

Ночь на плоту была великолепна. Сначала Робинзон прислушивался к плеску океана, и океан напевал старому инспектору свои самые добрые песни. О тёплых тропических ветрах, о неведомых берегах. Иногда он, правда, подбрасывал плотик, чтобы старик не заснул. Но Мирон Иванович спать не собирался. Он думал о своих воспитанниках, которые плывут далёкими морями, и порой всплеск волны казался ему добрым дружеским приветом...

Мистер Понч не мешал ему думать. Он слушал, как попискивает рядом транзисторный приёмничек. И лошадка мистера Понча вела себя очень смирно.

Но на рассвете, когда старый Робинзон с разрешения Понча взял штурвал в свои руки, акула взвилась в воздух и потянула плот в сторону.

— Мы, кажется, резко меняем направление! — сказал Понч и поторопился Робинзону на помощь.

— Видимо, она ко мне не привыкла! — смутился Робинзон.

Но Понча лошадка тоже не признавала.

— Послушайте, уважаемая, посмотрите, какая прекрасная солонина! Будь я на вашем месте, я бы обязательно попробовал! — взмолился Понч, подсовывая акуле приманку. Но солонина привлекла её не больше, чем сытого кота съеденные вчера колбасные шкурки.

Хищница придерживалась какого-то точно заданного курса. И чем дальше, тем она летела быстрее.

— Такое впечатление, будто мы плывём над какой-то подводной рекой, — сказал Понч.

— Да-да, — согласился Робинзон, — да-да. — И протянул Пончу подзорную трубу.

За гребешками волн Понч увидел занятную картину: среди океана один за другим появлялись быстрые фонтаны, а около них клубились облака пара.

— Интересно, — сказал Понч, направляя окуляр. — Интересно. — Но смотрел он не вперёд, а вниз.

Акула мчалась по настоящей реке из ухи, глотая рыбные хрящики и крабьи лапки. А впереди булькала и пузырилась вода, будто там стоял гигантский котёл с ухой.

— Лево руля! — крикнул Понч. — Лево руля!

Но он опоздал. Акула махом перелетела через какой-то подводный барьер и так подпрыгнула, что вокруг разлетелись горячие брызги. Над плотом пыхнул пар, и всё пропало из виду. Робинзон ухватился за мачту. Понча он не видел и только слышал его восклицания:

— Уха! Настоящая уха!

Наконец пар улетучился, и на краю плота снова показался Понч, который пробовал из ложки густой рыбный навар.

— Кажется, в этой ухе сварилась наша лошадка! — заметил Робинзон.

Акула медленно опускалась в глубину, а плотик по инерции бежал вперёд.

— Но целое озеро ухи, видимо, стоит этого! — заключил Понч, доставая маленькую солонку. Он потряс ею над дымящейся водой и погнулся за термосом, чтобы наполнить его ухой: Пончу предстояла ещё очень дальняя дорога.

Вода вокруг забурлила, и струйки пара побежали веселей.

— Ого, кажется, моя фуражка пахнет сейчас повкусней, чем камбуз у Борщика! — сказал, обмахиваясь мичманкой, Робинзон.

— А подошвы моих ботинок могут быть самым вкусным блюдом в любом лондонском ресторане, — произнёс Понч и наклонился с термосом над кипящим озером.

Плот качнулся. И рядом с Пончем ударил ввысь такой фонтан, что мореплаватель отлетел прямо в руки старому Робинзону.

— Гейзер! — сказал он.— Настоящий гейзер. И кажется, нам пора немедленно выбираться. Мы находимся над кратером подводного вулкана!

Да, теперь можно было явственно различить окружающие плотик края вулкана, которые едва выступали из-под воды.

Озеро во многих местах начинало дымиться и клочкотать.

— Быстрее! — энергично сказал Понч.— Парус! Выворачивать парус!

Робинзон выполнил команду. Но ветра не было, и плотик тихо вертелся на месте. Положение становилось безвыходным. Наступила такая жара, что из рукавов струйками поварил пар.

Робинзон хотел снять китель и вдруг, озарённый мыслью, сказал:

— Мистер Понч, а почему бы нам не использовать паровой двигатель?

— Но где же он?

— Вот он. Китель. Обыкновенный китель!

— Здесь, кажется, не до шуток, мистер Робинзон,— сказал Понч.

— Но я не шучу. Смотрите! — Робинзон энергично снял свой китель и, распахнув, быстро его встряхнул.

Из рукавов, как из выхлопной трубы, мгновенно вырвались два облачка.

— А пожалуй, пожалуй! — подхватил Понч.— Подойдите к краю плота. Так!

Робинзон распахнул китель пошире. Понч взмахнул парусом и погнал к Миرونу Ивановичу облако пара. Рукава кителя распрямились, из них ударили две паровые струи. Плотик качнулся и дрогнул.

— Тронулись! Тронулись! — закричал Робинзон.

Мистер Понч заработал парусом ещё быстрее, пар стал плотней, и плотик побежал к выходу из озера.

Вода взбугрилась, заклокотала, и из глубины один за другим стали подниматься вверх горячие фонтаны.

— Лево рукав! — скомандовал себе Робинзон, и плот увернулся от обжигающей струи.

— Право рукав! — скомандовал через несколько секунд Понч.

Гейзеры, шипя и взрываясь, били чуть не под облака. Но маленький плот ловко лавировал между ними. Он почти перевалил за жерло вулкана, когда Робинзон вдруг опустил китель.

— Мистер Понч, кажется, вы хотели запастись ухой?

— О да, — спохватился Понч, — одну секунду! — Он достал из кармана крохотную перечницу, потрусил ею над озером, потом взялся за солонку, но вдруг схватился за голову.

— Что случилось? — тревожно спросил Робинзон.

— Я ч-чуть, — задохнулся Понч: перчинка попала ему в нос, — я чуть не посолил озеро дважды.

Потом он завернул крышку наполненного термоса и отчаянно чихнул.

От энергичного рывка плот перевалил за кратер. И, к полной неожиданности стариков, его подхватило на спины появившееся откуда-то стадо дельфинов.

Гейзеры взлетали и дымились далеко позади. Робинзон встряхнул китель и, надев, аккуратно застегнул его на все пуговицы. Понч снова сел в кресло и положил ногу на ногу. Дельфины неслись прямо к острову. Запахи ухи постепенно таяли, и вокруг всё больше пахло глубинной солью, йодом и вольными морскими травами.

— Знаете, мистер Робинзон,— сказал Понч, прижимая к себе термос,— я вас буду всё время вспоминать.

— Я вас тоже,— взволнованно ответил Мирон Иванович.

— Я охотно совершил бы с вами кругосветное плавание,— признался Понч.

— И я с вами тоже,— мечтательно произнёс старый инспектор Океанского пароходства.

— Так в чём дело? — воскликнул Понч.— Давайте отправимся сегодня же, сейчас!

На это Мирон Иванович ничего не ответил. Он смотрел, как вдали возникает берег, над которым уже поднималась могучая фигура Морякова.

КАК ЖЕ ТАК, МИРОН ИВАНЫЧ?

— Но как же вы теперь обойдётесь без вашей лошадки? — спросил Моряков, как только Понч закончил рассказывать эту маленькую историю.

— О, за лакомый кусочек нам послужит ещё не одна пегая! — сказал Понч, кивнув на кусок солонины, и прыгнул на песок.

Следом за ним, высоко подняв голову, на берег сошёл Робинзон.

— Теперь нам остаётся пополнить запасы фруктов, и мы можем отправляться в путь!

Моряков исподлобья посмотрел на Понча, потом на Робинзона и спросил:

— О ком вы говорите, мистер Понч?

— О нас с мистером Робинзоном!

Моряков был потрясён и обижен.

— Как же так, Мирон Иванович? — сказал он.

Но Робинзон мягким движением руки успокоил его. Конечно, путешествие с Пончем было очень заманчивым, но он не собирался покидать товарищей. Просто мистер Понч поторопился принять за него решение.

И когда увешанный бананами мореход сел в своё кресло, Робинзон обнял его на прощание. Понч понимающе кивнул головой.

— Мистер Робинзон,— сказал он,— я буду вас помнить, и, если вы соберётесь в следующее плавание, вас на моём плоту всегда будет ждать лучшее место.

Робинзон кивнул головой. Ему было грустно расставаться с новым товарищем и с пахнущим ухой плотиком, на котором он совершил маленькое, но удивительное плавание.

— Ну что же, пора собираться и нам,— сказал Моряков.

— А жемчужина? — подскочил Солнышкин.

— Но её никто не видел,— сказал Моряков.

— Никто не видел! — пробормотал Стёпка.

— Я видел! — крикнул Солнышкин.

— Но ведь нас ждут в Антарктиде! Что же нам дороже? — сказал капитан, окинув Солнышкина суровым взглядом.

— Да, нас ждут люди,— прогундосил артельщик, держась за щеку.

И Перчиков вспомнил, что раньше артельщик держался за другую. Радист внимательно посмотрел на Стёпку, но ничего не сказал.

Экипаж взгромоздился на бот, полный раковин, звёзд, кораллов. Сверху положили венки, предназначавшиеся Перчикову, а сам Перчиков никак не мог вырваться из рук островитян. Наконец Пионерчиков втащил его в бот. Моторчик затарахтел, кашлянул. Моряков кивнул: «Тронулись!» Закачали верхушками пальмы, затрубили вслед раковины, рядом с ботом заскользили дельфины, крича: «Перчиков, Перчиков!»

А на берегу среди своих неверующих островитян стоял маленький лысый проповедник, потирал ухо и не знал, за кого же теперь агитировать — за бога или за Перчикова.

Волны летели мимо бота. И Солнышкин оглядывался на них. Там, где-то в глубине, оставалась жемчужина. Он видел её! Она лежала на его ладони! И ему было очень грустно — то ли оттого, что он не смог этого доказать, то ли оттого, что сзади, за спиной, исчезал первый в его жизни остров, над которым прощально вился лёгкий дымок недавнего праздничного костра...

НОВЫЙ ВОЖДЬ МАЛЕНЬКОГО ОСТРОВА

До парохода оставалось совсем немного, уже было хорошо видно, как на мостике размахивают фуражками Ветерков и Безветриков, когда Пионерчиков тронул Морякова за локоть и кивнул в сторону острова.

— Окружают! — взвизгнул Стёпка и завертелся на месте.

Из лагуны одна за другой быстро вылетали пироги, и в каждой подпрыгивали воины. Океан покрылся щитами, копьями и огласился криками: «Пер-чи-ков! Пер-чи-ков!»

— Провожают, — сказал Солнышкин.

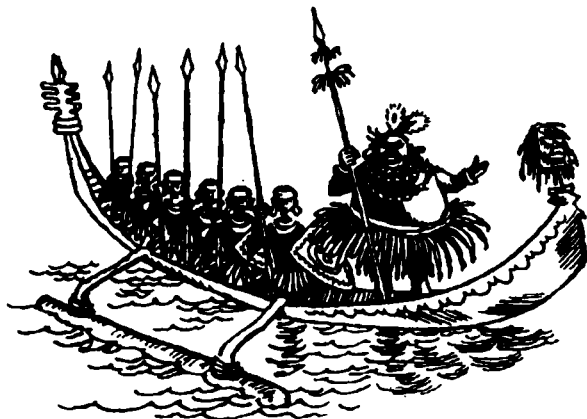
Но всё это ни капельки не было похоже на проводы. Перчиков встал. Мотор от испуга замер.

Пироги обошли бот и сомкнулись. Солнышкин посмотрел вокруг. Со всех сторон сверкало кольцо щитов и копий.

Крики смолкли. С передней пироги поднялся грузный вождь островитян, что-то сказал на местном наречии и поклонился Перчикову.

— Великий Перчиков, — перевёл появившийся тут же проповедник, — мы просим тебя быть нашим вождём!

Перчиков заморгал. Ему везло! Губернатором его уже на одном из островов делали, вождём приглашают, осталось только попасть в председателя кабинета министров!

— Я уже старею,— сказал вождь,— и очень прошу тебя занять моё место.

— Но какой же я вождь! — усмехнулся Перчиков.

— Да, ты ещё, конечно, очень худой,— покачал головой старый вождь (на этих островах стать вождём тощий человек не мог),— но мы для тебя будем каждый день жарить поросёнка в кокосовых орехах, и ты станешь важным и великим, как я! — И великий вождь, чтобы показать свою мощь, так подпрыгнул, что воины на другом конце пироги, взлетев вверх, едва не сели на копы своих товарищей.

Моряков нахмурился. Артельщик крякнул от удовольствия. А Робинзон почесал за ухом. Положение становилось довольно острым. Только Солнышкин и Пионерчиков были уверены, что их друг скажет «нет», но Перчиков рассмеялся и сказал:

— Да, я буду великим, как ты.

— Предатель! — выпалил Пионерчиков. А Солнышкин дал другу такого пинка, что Перчиков тоже подпрыгнул.

На обидчиков тотчас нацелился десяток копий. Моряков вскочил, артельщик полез под скамью, но великий вождь островитян Перчиков великодушно махнул рукой:

— Я их прощаю!

Он еле сдерживался от смеха. Радист, конечно, не собирался бросать ни друзей, ни свою рубку, в которой так весело попискивали сигналы спутников. Просто он неожиданно обнаружил в себе дипломатические способности.

— Я буду вождём, — сказал он, и над океаном пронёсся радостный вопль.

Бот вдруг взлетел вверх: это дельфины подбросили Перчикова, как солдаты подбрасывают своего полководца.

— Но сейчас я очень занят, — сказал Перчиков. — Каким бы я был вождём, если бы так просто бросил свой пост? (С этим доводом все согласились.) Поэтому, пока я плаваю, я должен назначить заместителя. — Он посмотрел на каждого из своих друзей.

Все притихли. Артельщик всплеснул руками:

— Это очень правильно — заместителя! — И во рту у него, кроме трёх золотых зубов, что-то ярко блеснуло.

Но Перчиков этого не заметил, потому что Солнышкин показывал ему в это время кулак, а Пионерчиков, испугавшись, как бы не назначили заместителем его, — сразу оба!

— Я оставляю заместителем тебя, — сказал Перчиков и посмотрел на старого доброго вождя островитян. — Ты будешь править островом и каждый день съедать вместо меня по жареному поросёнку!

Старый заместитель был польщён. Он улыбнулся. Воины застучали копьями о щиты и разомкнули кольцо. Солнышкин сиял, Пионерчиков алел. И под шум океана дельфины вынесли бот

прямо к борту «Даёшь!» откуда доносился лай: это лаял Верный, который всё время охранял островок Робинзона.

Рядом с ботом летела пирога, нагружённая кокосовыми орехами и бананами. Лучшие воины острова провожали в дальнее плавание своего мудрого вождя и его друзей.

Наконец старший из воинов передал Перчикову щит и копье. И «Даешь!» быстро покатился на юг, к Антарктиде.

ВАЖНАЯ НОВОСТЬ ДЛЯ СОЛНЫШКИНА

Конечно, рубка Перчикова была гораздо меньше прекрасного острова, но зато здесь в руках у радиста был весь мир. Перчиков сел к столу, включил аппарат, и со всех концов земли понеслось: точка-тире, точка-тире...

«Сегодня из Океанского порта в героический Вьетнам ушёл пароход с подарками советских пионеров».

«Юннаты колхоза “Крепкий аппетит” вырастили дыню небывалой величины. Скоро на Выставке достижений народного хозяйства можно будет увидеть её макет. Сама дыня, к сожалению, не сохранилась. Она издавала такой соблазнительный аромат, что после долгих споров её решили съесть. Ели дыню всем колхозом два дня».

Перчиков даже облизнулся. Тоже ещё юннаты! Не могли оставить полдины для тех, кто в море!

И он сердито потянул к себе следующую ленточку...

«В Антарктиду пришла настоящая весна. Как нам сегодня сообщили, на побережье ледовитого материка высадился первый пингвиний десант...»

Это было так здорово, что Перчиков не мог усидеть на месте. Сообщение было очень кстати! Он схватил ленту и помчался в каюту.

Солнышкин укладывал под койку замечательные трофеи, и вся каюта была похожа на морское дно. На столе краснели ветви кораллов, у иллюминатора лежала великолепная гулкая раковина, а по палубе перекатывались орехи.

Но главного трофея не было. Он затерялся на дне маленькой лагуны. И Солнышкин, вздыхая, рассматривал коралл, который привёз для Марины.

— Грустишь? — сказал, входя, Перчиков. — А в это время поступают такие сообщения! — Радист подмигнул и протянул Солнышкину ленту.

Солнышкин равнодушно взял её, но в следующий миг его руки забегали с быстротой телетайпного аппарата. Буквы на ленте чернели, как пингвины на снегу.

— И мы увидим их? — крикнул Солнышкин.

— Конечно! — без тени сомнения заверил его Перчиков. — Все пингвины Антарктиды будут у нас! — Он сунул руку в карман, словно там лежала Антарктида с пингвинами.

В каюте стало светлей и просторней. Перчиков был доволен. Кажется, он утешил друга.

— Подумаешь, жемчужина, — усмехнулся Солнышкин. — Разве в ней дело?

Впереди сверкала Антарктида. Земля Перкова. Земля Робинзона. Земля... Марины.

И Солнышкин взял с койки алый коралловый куст.

В каюте Марины никого не было. Солнышкин быстро положил ей на подушку свой подарок и вышел.

Скоро он услышал стук двери, а потом радостный крик Марины:

— Пионерчиков, вот так Пионерчиков!

Солнышкин побледнел. Ему очень хотелось, чтобы Марина узнала, что Пионерчиков здесь ни при чём... Но не мог же Солнышкин сказать ей

об этом сам! И он сердито ходил из конца в конец по палубе парохода, который летел к Антарктиде.

А в одной из его кают сиял разукрашенный пчелиными укусами артельщик. Опухоль со щеки, правда, у него уже спала, но зато на груди появился целлофановый мешочек, в котором — хе-хе! — ярче всех Антарктид сверкала жемчужина величиной с голубиное яйцо.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Тот, кто думает, что в плавании всегда и у всех прекрасное настроение, глубоко ошибается.

Настроение кое у кого было совсем неважное. На берегу бывали не все. Борщик не взял рецепты новых блюд у островитян и не пополнил запасы для компота. Бурун не запасся орехами для своих медведиков. Челкашкин не собрал лекарственных трав и попросту не выкупался. Он проходил около стенгазеты, в которой Пионерчиков написал о поединке артельщика с акулой, и бросал язвительные взгляды:

— Этой филькиной грамотой нас хотят успокоить, чтобы не плакали о прекрасном пляже! — И добавлял: — Ну ничего, мы ещё позагораем!

А скорей всего, настроение у команды было таким из-за ужасного тумана, который забирался в рукава и под воротники, закладывал уши и носы, иллюминаторы и клюзы. Даже привычный к подобным неприятностям Бурун зло ворчал и отмахивался от него тяжёлой палкой. Каждые две минуты «Даёшь!» гудел, а в остальное время мрачно сопел и спотыкался.

Чтобы не заблудиться на палубе, Солнышкин надел на руку старый бронзовый компас. Стало так холодно, что островок Робинзона с пальмой сам начал потихоньку подкатываться к коридору,

и Солнышкин с Федькиным отнесли его в столовую, посадив рядом Верного.

Солнышкин подтянул брючки и пошёл навестить Перчикова. Носик у великого вождя островитян совсем перестал светиться.

Едва Солнышкин открыл дверь рубки, Перчиков приложил палец к губам.

— Что? — тихо спросил Солнышкин.

— Минута молчания, — сердито ответил Перчиков и плотнее прижал наушники.

Со стенных часов Солнышкину погрозила остреньким пальцем быстрая секундная стрелка. Он притих.

И как только окончилась минута, Перчиков набросился на него:

— Ты что, не знаешь, что в это время нельзя разговаривать? Из-за тебя может погибнуть целое судно!

— Из-за меня? — удивился Солнышкин.

— Из-за твоей болтовни! — сказал Перчиков. — В эти минуты тонущий корабль передает сигнал бедствия. Он может быть таким далёким, что один раз его и услышишь. А попробуй услышать, когда кто-то бубнит тебе в ухо!

— Но если пароход так далеко, то чем ему поможешь?

— Как — чем?! — возмутился Перчиков. — Сообщим тому, кто ближе. И ему помогут. Вот и получается, что мы — самые далёкие — окажемся ближе всех. А если никого не услышишь, так и не сможешь помочь даже тому, кто возле твоего носа.

Солнышкин хотел огрызнуться. Он поднял руку и вдруг заметил, что стрелка на его бронзовом компасе сделала лёгкий полуоборот. Будто он и вправду виноват и не видит у себя под носом чьей-то беды. Солнышкин поднёс компас к лицу — стрелка настойчиво вращалась, словно по-

давала сигнал тревоги. Солнышкин вышел на палубу.

Вокруг было сыро, ноги скользили, как на катке, но никто из темноты не просил помощи. За бортом не слышалось ни одного крика, ни всплеска.

Солнышкин вернулся в коридор, остановился и щёлкнул по компасу пальцем: «Спятил старик». Но стрелка компаса тоже остановилась и указала прямо на север — прямо на каюту Робинзона. Солнышкин постучал и приоткрыл дверь.

В каюте мерцал свет и никого не было. В распахнутый настежь иллюминатор влетали первые снежинки и посвистывал ветер, как когда-то в Океанске, на сопке, в домике старого инспектора.

— А, Солнышкин, здравствуйте!

Солнышкин вздрогнул. Голос Робинзона доносился откуда-то из-под медвежьей шкуры.

— Что с вами, Мирон Иванович? — Солнышкин подошёл к койке и отвернул шкуру.

Старик лежал тихий и грустный.

— Ах, Солнышкин, — улыбнулся вдруг Мирон Иванович, как угасающий светлячок, — что-то мне не по себе. Видно, старому катеру пора набок.

— Что вы, Мирон Иванович! — нагнулся к нему Солнышкин. (Унылая погода шепнула что-то на ухо и старому Робинзону.) — Может, позвать Челкашкина, Морякова?

— Не надо, Солнышкин, они мне не помогут! — сказал старик, и за бортом по-собачьи взвизгнул ветер. — Жизнь заново не начнёшь. Да и не надо. А всё-таки жаль. Кое-что старый Робинзон опоздал...

— Да что же вы опоздали? — запротестовал Солнышкин. — Остров открыли! Дворец будет! В Антарктиду плывёте!

— Эх, Солнышкин, — огорчённо подмигнул Робинзон, — это верно. Но пока я мечтал о пла-

ваниях и вертел стоявший на земле штурвал, кто-то пересекал океаны! — Тут Робинзон энергично сел и оттолкнул подушку. — А разве я не мог бы, как мистер Понч?

— Конечно, могли бы! — Солнышкин в этом ни капли не сомневался.

— То-то! — повысил голос Робинзон. — То-то! Нужно торопиться. В жизни нельзя опаздывать, Солнышкин! Чего было мечтать? — насмешливо спросил он сам себя. — Нужно было брать чемоданчик и идти хотя бы матросом...

— Да что вы, Мирон Иванович! — утешил его Солнышкин. — Это вы и сейчас успеете! И не только матросом...

— Успею? — лукаво спросил Робинзон. — Это в семьдесят-то?

— Конечно! А что? — сказал Солнышкин. — Это мы сделаем! Сделаем! — И, весело кивнув Робинзону, он быстро скрылся за дверью.

Старик рассмеялся и опустил ноги на пол. Грустные мысли улетучились, и, хотя стрелки барометров по-прежнему предвещали дрянную погоду, чувствовал он себя бодро. Ему было интересно, что же предпримет Солнышкин.

СЕКРЕТ БОЦМАНА БУРУНА

Целый день Солнышкин разыскивал Буруна. Но боцман словно провалился. А поймать его вечером вообще было невозможно. Если кто-то его и встречал, он говорил: «Некогда, некогда» — и немедленно исчезал. Поведение боцмана становилось просто загадочным.

Так вот, ночью, когда пароход уже покачивался от храпов, Солнышкин отстоял вахту и возвращался в каюту. Вокруг гудело, стучало, трещало. «Вот даёт!» — подумал Солнышкин. Антарктида уже дышала в лицо.

Неожиданно раздался такой грохот, что Солнышкин присел на ступеньку трапа. И увидел занятую картину: по коридору, жонглируя кокосовыми орехами, бегал Бурун. Один орех вертелся у него на носу, другой — на указательном пальце. Но вот орехи покатались по палубе, и океан загудел с особенной силой... Боцман расстелил у стенки коврик и, став на четвереньки, сделал стойку на голове. Через минуту он отряхнул руки, потёр лысинку и, поглядывая на то место, где только что были его собственные ноги, ласковым голосом сказал:

— Молодец, Мишенька, хорошо послужил, получай угощение!

Направившись в каюту к Солнышкину и Перчикову, Бурун с оглядкой вытащил оттуда ещё один орех. Боцман репетировал номер: «Антарктический боцман Бурун с любимыми медведями».

— Вот это да! Вот так угощение! — сказал Солнышкин.

От неожиданности Бурун выронил орех и, подскочив, заработал ногами, как велосипедист.

— Значит, угощаешься?

У Буруна язык прилип к нёбу, но он всё-таки выдавил:

— Это не я... Это Мишенька.

— Хороший Мишенька, — сказал Солнышкин, оглядев Буруна с ног до головы. — Значит, ворует, грабишь вождя островитян? — И, усмехнувшись, он свистнул: — Верный, Верный, Верный!

Из столовой раздался лай. Боцман вцепился Солнышкину в руку:

— Что ты! Я же для наших медведиков!

— Знаем мы этих медведиков, — сказал Солнышкин и прошёл мимо.

Только теперь Бурун почувствовал, что ради медведей совершил преступление. И перед кем?

Перед друзьями! Чего бы он не сделал, чтобы орехи лежали снова на месте!

— Солнышкин, прости! Прости, Солнышкин! — бросился боцман вдогонку. — Может, тебе что-нибудь нужно сделать, а?

— Сделать? — Солнышкин остановился и посмотрел на боцмана. — А можешь ты сделать, — спросил он, — из одного человека настоящего матроса?

— Конечно! — крикнул Бурун. — Послушай, — спохватился он, — а боцманом он стать не хочет? — Старый боцман собирался уходить в цирк и подыскивал себе замену.

— Конечно, хочет, — сказал Солнышкин.

— А где же он? — тихо спросил Бурун.

И Солнышкин кивнул на каюту старого Робинзона.

Боцман присвистнул от радости и сделал стойку на руках. Из Робинзона он был готов сделать самого адмирала!

— Тогда пошли к нему! — сказал Солнышкин.

— Пошли! — согласился Бурун, и оба, как по команде, повернулись налево.

Но дверь каюты открылась, и на пороге появился старый инспектор.

— Спасибо, друзья! — с улыбкой кивнул Робинзон и приподнял фуражку. Он слышал весь разговор. — Спасибо. — Старику была приятна дружеская забота. — Правда, становиться боцманом, — улыбнувшись, сказал он, — я думаю, мне не имеет смысла. Но матросскому делу у Буруна я подучусь охотно!

И Робинзон ещё раз приподнял фуражку.

Во-первых, его знания могли очень пригодиться юным морякам из будущего Дворца пионеров. А во-вторых, мистер Понч ещё не отменял предложения.

НОВЫЙ ПОРТРЕТ СТАРОГО РОБИНЗОНА

Пока Робинзон, Солнышкин и Бурун занимались в подшкиперской вязкой морских узлов, над палубой «Даёшь!» посвистывал ветер и носились хлопья крупного полярного снега.

И когда все трое вышли на палубу, пароход походил на лёгкий новогодний сугроб. На поручни намерзал лёд. На винтах, издавая звон, висели сосульки. Но самая большая торчала под иллюминатором Морякова, так как капитан никогда его не закрывал.

— Убьёт! — ахнул Бурун. — Кого-нибудь убьёт! Нужно немедленно срубить. — И, побежав в подшкиперскую, он вернулся с киркой и подвеской в руках.

— Полезу я, — сказал Солнышкин.

— Почему это ты? — хватая ртом снежинки, удивился Бурун, который очень хотел показать Робинзону настоящую морскую работу.

— Потому что я моложе! — сказал Солнышкин.

— Так, по-твоему, я стар? — повернулся к нему возмущённый Бурун.

Снежинки испуганно отлетели от него в сторону.

Кажется, готов был разгореться лёгкий скандал, но тут вмешался Мирон Иванович:

— Позвольте-ка мне взяться за это дело! — Старому Робинзону хотелось доказать, что он ещё тоже годится на серьёзное дело.

— Вам? — спросил, мигая, Бурун.

— Да! — Робинзон привычным движением взялся за кирку.

А Солнышкин бросился наверх привязывать подвеску.

«Даёшь!» взбегал с волны на волну. Капитан Моряков быстро ходил по рубке. Антарктическая

прохлада бодрила его. Среди летящего снега ему то и дело виделись мужественные лица членов его экипажа, и капитану хотелось скорей взяться за краски. Именно таким — среди брызг и штормового ветра — Моряков мечтал написать портрет старого Робинзона.

Он спустился в каюту, взял палитру, кисть и, напевая «Что это, братцы, за пароход?», направился к стоящему у иллюминатора холсту. Внезапно капитан пошатнулся. В иллюминаторе стоял великолепный портрет Робинзона! Моряков тряхнул головой, но видение не пропадало. Прекрасный портрет, выполненный рукой настоящего художника! Старик сидел среди красивых ледяных наплывов и работал киркой. В робе, с развевающимися от ветра волосами и брызгами на лице.

— Неужели я его уже написал? — изумился капитан. — Интересно! — нахмурился он. — Вот только нос старику я, кажется, немного испортил!

Моряков поднял кисть, взглянул исподлобья на портрет и посадил на переносицу старику алый мазок.

Портрет вдруг мигнул и улыбнулся.

Да, свежий воздух и вдохновение творили сегодня с Моряковым что-то невероятное! Он нагнулся к портрету поближе, и в это время старик вытер только что посаженное пятно. Портрет спорил с художником! И тут в иллюминатор просунулась настоящая живая рука.

Моряков мягко упал в кресло. Минуту он посидел молча, а потом воскликнул: «Боже мой!» — и засмеялся. Но в следующую минуту он энергично поднялся:

— Мирон Иванович, не двигайтесь! Не двигайтесь! Это будет моё лучшее произведение!

Внизу, приплясывая на снежном ветру, Солнышкин и Бурун вздыхали:

— Интересно, что он так долго там делает?

Робинзон скалывал лед, а Моряков писал самое лучшее в своей жизни полотно.

Сейчас оно висит в Океанском морском музее напротив входа.

И когда бывалые моряки заходят туда, они вдруг останавливаются и говорят:

— Здравствуйте, Мирон Иванович! — И почти все удивляются, потому что не слышат ответа: до того, как уйти в плавание, старый Робинзон всегда был очень вежливым.

НА ГОРИЗОНТЕ АЙСБЕРГИ

Пионерчиков был в восторге от Перчикова. Отказаться от целого острова, проявить себя таким дипломатом, получить титул вождя племени и ни капельки не задрать нос! Это было по-пионерски. Это было по-товарищески. Пионерчиков просто влюбился в Перчикова и готов был делиться с ним любой радостью и печалью.

Однажды вечером, когда Солнышкин и Перчиков под вой ветра перебирали кораллы, покрасневший юный штурман вбежал к ним в каюту в сверкающей от снега шубе и крикнул:

— Перчиков, я, кажется, напишу стихи!

— Это здорово, — сказал Перчиков. — Но о чем?

— Не о чём, а о ком, — возразил Солнышкин, и лежавший рядом Верный завилял хвостом.

— О ком? — вдруг покраснев, спросил Пионерчиков.

— Знаем, — усмехнулся Солнышкин.

И пёс весело взвизгнул: он-то знал, кто угощал его каждый день вкусными косточками. Да и вся команда видела, как старательно помогает Пионерчиков буфетнице Марине наводить поря-

док и убирать посуду, но все только по-доброму улыбались: вот это по-пионерски!

И лишь артельщик из-за угла как-то противно произносил своё любимое «хе-хе».

— Ну и хорошо, что знаете, — вспыхнул Пионерчиков, — а я всё равно напишу стихи.

— Правильно, — сказал Перчиков.

— Я просто не знаю, что со мной случилось. — Глаза у Пионерчикова загорелись. — Но я бы для неё обошёл все океаны, я бы для неё показал такие фигуры на коньках!

— Среди айсбергов, — заметил Солнышкин.

— И среди айсбергов! Жаль, только, нет коньков!

— И айсберга тоже! — ухмыльнулся Солнышкин.

Но сказал он это явно преждевременно.

Сверху раздался свисток вперёдсмотрящего, и сумрак озарился таким светом, будто в небе повис светяк в тысячу ватт. В каюте повеяло внезапным холодом.

Прямо перед «Даёшь!» возник откуда-то громадный айсберг.

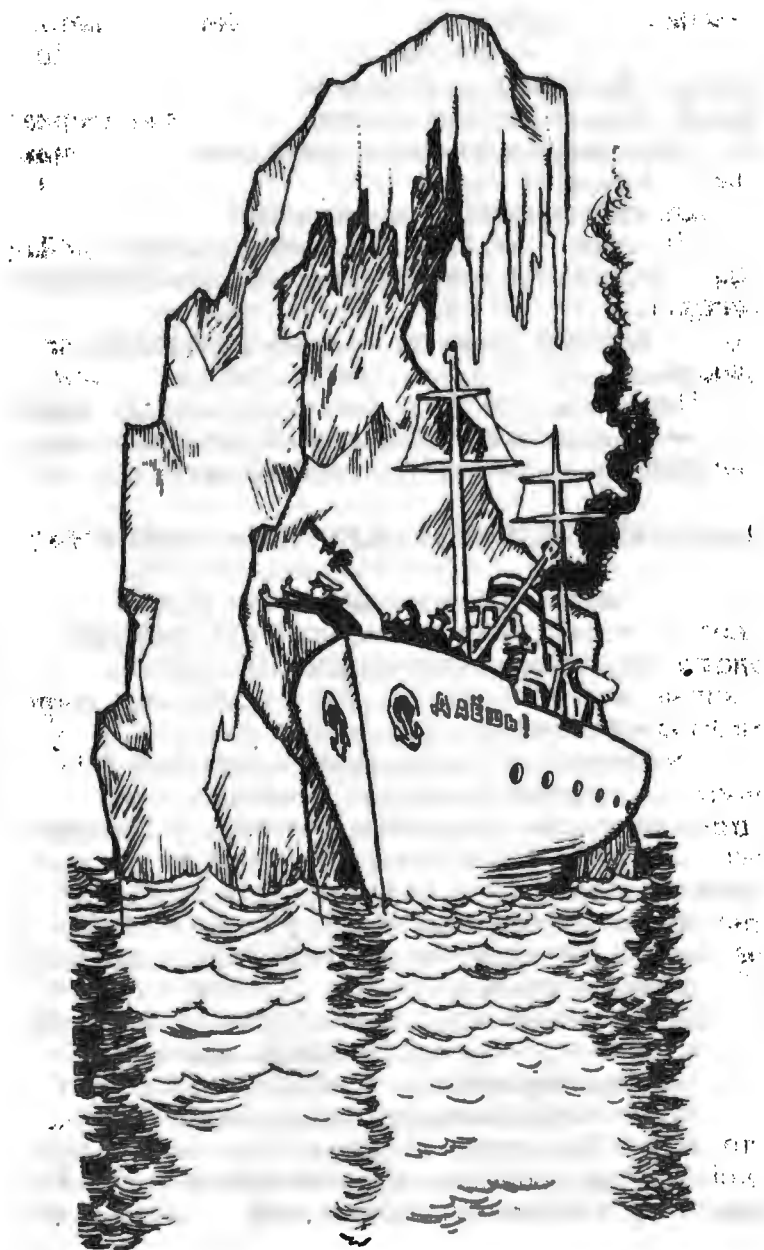
— Осторожно! — кричал Моряков.

Все выбежали на палубу. Солнышкин схватил копьё Перчикова и вонзил в льдину. Моряков уже упирался в неё руками и толкал вперёд. И только Пионерчиков, увидев у борта Марину, остановился, готовясь заслонить её от опасности, но наткнулся на сердитый взгляд и так налёг на льдину, будто в нём сидели сразу три Пионерчикова.

Над пароходом навис самый настоящий антарктический айсберг.

Он тихо покачивался в воде, словно рассматривая, кто это ему повстречался.

Бока его были так отполированы, что могли заменить зеркало. Солнышкин видел, как в его

копье с той стороны упирается копьём такой же Солнышкин. Морякова толкает такой же Моряков, а Федькина — Федькин.

И вот в этот-то момент в глубине зеркала Солнышкин заметил стоящих рядом Пионерчикова и Марину...

Он ещё сильнее налёг на копье.

Наконец айсберг остался позади. Тогда Солнышкин, посмотрев на Пионерчикова, сказал:

— Всё ещё танцуете на айсберге? Жених и невеста!

Пионерчикову сразу расхотелось писать стихи.

— Солнышкин, Солнышкин! Вот этого я уже не ожидал, — закачал головой Моряков.

«ЛАСТОЧКИ»? «СНЕГУРКИ»? «НОЖИ»?

Солнышкин сбросил сапоги и, грустно шмыгая носом, пошёл греться поближе к машинному отделению, от которого тянуло теплом, как от хорошей домашней печки. Он прислонился спиной к горячей переборке и задумался.

Ту-ту-ту... — постукивала машина. Ту-ту-ту... — постукивали у Солнышкина в голове горькие мысли. Ему хотелось пойти к Пионерчикову, извиниться и сказать что-нибудь очень хорошее. Но ведь не скажешь: «Пионерчиков, вы не жених и невеста»! Пионерчиков ещё больше обидится! Вот если бы рядом был магазин, пошёл бы, купил коньки и...

До Солнышкина донёсся длинный весёлый звук: дз-з-з... — и из токарной мастерской, как из шланга, посыпались искры. В глазах у Солнышкина тоже сверкнули искры, и он бросился в токарку. Там стоял Мишкин. Он вытачивал какой-то болт, напевая федькинскую песню: «Плавали, братцы, знаем!» Перед ним, рассыпая мете-

ориты, вертелись наждачные колёса, работал станок, гудела паяльная лампа.

— Слушай, Мишкин,— сказал Солнышкин,— ты всё можешь выточить? — И глаза у него сверкнули, как новенькие, пахнущие маслом «снегурки».

Огромный Мишкин выключил рубильник и удивился такому вопросу.

— Пароход могу выточить! — сказал Мишкин и поправил берет.— Не веришь? — И он взял замасленными руками кусок болванки, будто именно из неё собирался сработать новенькое судно.

Но Солнышкину не нужен был пароход.

— А коньки можешь сделать? — спросил Солнышкин.

— Собираешься установить антарктический рекорд? — захохотал Мишкин.

— Не я,— сказал Солнышкин. И он поделился с машинистом своими печальями.

— Ха-ха, нашёл печаль! — рассмеялся Мишкин.— Так это же дважды два! Тебе что — «ласточки», «снегурки», «ножи»?

— Какие-нибудь,— усмехнулся Солнышкин.

— Ну ладно, сделаем коньки марки «Даёшь!»,— подмигнул Мишкин и запустил станок.

Из-под резца на пол побежали горячие стружки. С их дымком незаметно улетучивались все грустные мысли Солнышкина и, как новенькие коньки, возникали бодрые, лёгкие, радостные... Всё звенело, грохотало и пело вместе с Мишкиным: «Плавали, братцы, знаем!»

— Включай наждак,— сказал Мишкин и передал Солнышкину два горячих бруска.— Затачивай.

Круги завертелись. Солнышкин приложил к ним полозья, и среди искр, как ракеты среди ме-

теоритов, заблестели маленькие коньки необычной формы.

Скоро ликующий Солнышкин вышел из мастерской со свёртком под мышкой. Он огляделся, открыл дверь в каюту Пионерчикова и положил свёрток прямо на кровать. Потом подумал и написал на бумаге: «Тысяча рекордов!»

Солнышкин представил шумные трибуны стадиона, мерцающий лёд, на котором Пионерчиков выписывает самые фантастические фигуры, и внезапно сник. На одной из трибун он увидел Марину, улыбающуюся Пионерчикову...

«Ну что ж... Пусть улыбаются,— вздохнул он.— Людям нужно делать добро. Пусть себе улыбаются. А у меня найдутся дела поважней». И он посмотрел в иллюминатор. Скоро должна была показаться Антарктида.

ТРОПИЧЕСКИЙ ПЛЯЖ ДОКТОРА ЧЕЛКАШКИНА

Обида, нанесенная Солнышкиным, не погасила энергии Пионерчикова. Наоборот, ему ещё больше захотелось сделать что-нибудь хорошее, ну хотя бы организовать весёлый концерт самодеятельности, который немного развлёк бы загрустивший экипаж. На другом судне для этого потребовался бы целый год. Но юный штурман плавал на знаменитом пароходе «Даёшь!».

Через полчаса красный уголок был набит зрителями и артистами, как троянский конь греками, и каждому не терпелось броситься на сцену. Только Бурун и Робинзон оставались вдвоём возле подшкиперской: Робинзон вязал морские узлы и порой поглядывал в трубу на проплывающие вдали льдины, а Бурун готовился к цирковым выступлениям.

Первым на сцену вышел Федькин. Он поправил усики, достал из кармана крохотную губную гармошку и объявил «Антарктический вальс».

— Ишь ты, уже успел соорудить! — пробасил машинист Мишкин.

Команда притихла. Но ко всеобщему недоумению, Федькин не стал играть, а направился к иллюминатору. Открыв его, он приложил гармошку к ободку, и в тот же миг в зал полилась удивительная мелодия. Зрители поднялись с мест. Солнышкин подлетел к иллюминатору. Никаких фокусов! За бортом вальсировали белые, зелёные, голубые льды, а в федькинскую гармошку весело дул свежий ветер.

Перчиков заёрзал на месте. Это стоило записать на магнитофон! Пусть бы потом весь мир отгадывал, какой гений создал эту музыку.

Но радист не мог отлучиться: следующим номером был танец туземцев с острова Тариора в исполнении вождя племени.

Всё шло чудесно. Пионерчиков жалел, что сам он не может ничего показать. Вот если бы коньки, вот если бы лёд — он сейчас бы сорвал аплодисменты! И вдруг Пионерчиков вздрогнул: прямо на него из дверей смотрел доктор Челкашкин, как бы спрашивая: «А почему не пригласили меня?» Он появился в зале в тот момент, когда Перчиков вышел на сцену. И горячий танец вождя островитян напомнил ему, что не мешало бы позагорать под пальмами.

— Я надеюсь, мне тоже можно выступить? — обратился к штурману доктор.

— Как решит публика! — растерянно произнёс Пионерчиков. Лично он уже насмотрелся докторских выступлений!

— Так разрешите? — спросил Челкашкин, закатывая рукава.

— А чем вы нас порадуете? — спросил Моряков, сидевший в углу у окна.

— Сеансом массового гипноза! — ответил доктор.

— Пускай! — закричали в зале. — Пускай!

— Неужели получится? — полюбопытствовал капитан.

— Увидите! — ответил доктор. — Только кто же пойдёт ко мне в ассистенты? Может быть, вы? — спросил он у Пионерчикова.

«Ну уж нет! Хватит!» Пионерчиков почувствовал, как в горле у него клокочет негодование, и бросился к выходу под добрую усмешку доктора. На это никто не обратил внимания. Тем более что ассистент тут же нашёлся.

— Я! — крикнул Солнышкин и выбежал на сцену.

— Только откройте, пожалуйста, все иллюминаторы, — обратился к зрителям Челкашкин и снял пиджак. — Жара невыносимая!

Солнышкин открыл иллюминаторы.

— Ну и зной! — снова сказал Челкашкин и вытер платком лысинку. — Мы что же, капитан, повернули снова к тропикам?

В зале кое-кто тоже почувствовал жару.

Моряков смущённо выглянул за борт и, растёгивая громадный китель, пожал плечами:

— Действительно, тепло. Курс тот же, но какие изменения в климате! Песок, пляж! Не может быть!

— Может! — сказал Челкашкин. — В наше время всё может. Тут не гипнотизировать, а загорать надо.

Сняв брюки, он подложил их под голову и растянулся на сцене.

Стоявший рядом с ним Перчиков, повертев головой, сказал:

— Кажется, я прибыл на свой остров. Пора приступать к правлению! — И, воткнув в палубу копьё, он улёгся рядом с доктором.

В зале, вытирая платками щёки и лбы, зрители развешивали на спинках стульев пиджаки.

Федькин сорвал с себя сингапурскую куртку. Антарктический ветер насвистывал ему знойную мексиканскую мелодию.

А Солнышкину показалось, что вокруг него плещет вода лагуны и среди раковин что-то заманчиво мерцает...

— Жемчужина! — И он нырнул со сцены.

Но жарче всех стало Челкашкину. Гипноз подействовал на него самого так сильно, что у доктора от зноя с лопаток полезла кожаца.

— Здорово печёт! — сказал он и перевернулся на бок.

В это же самое время в рулевой у штурвала Петькин сбросил штаны и рубашку, а два юных штурмана, потирая глаза, сказали в один голос:

— Да ведь это же Гибралтар!

Перед ними высилась громадная знойная скала.

— Швартуемся? — спросил Петькин; которому страшно хотелось выкупаться. — Сколько до берега?

— Милей больше, милей меньше, — перепутав всё на свете, сказал Тютелька в тютельку.

— Да вот он! Тютелька в тютельку! — крикнул Милей больше, милей меньше.

И «Даёшь!» сонно ткнулся носом в громадный айсберг. Петькин от толчка вылетел из рубки в воду.

— Ну и жара! — крикнул он.

А на баке, под айсбергом, расположились два старика. Бурун разлёгся в одних трусиках, чтобы подлечить старый радикулит. А Робинзон прохаживался в брюках и тельняшке и

удивлялся обилию первоклассных пляжей посреди Антарктиды.

— Хорошо припекает,— потягиваясь, сопел Бурун и потирал поясницу.

— Можно бы даже чуточку попрохладней,— говорил Робинзон и прикрывал лоб своей знаменитой мичманкой.

Теперь только не поддавшийся гипнозу Пионерчиков бежал в отчаянии по палубе. На беспечный пароходик со всех сторон надвигались холодные, грозные глыбы льда. Два айсберга, как небоскрёбы, сходились уже над ним, готовые раздавить его, а впереди лежало большое, сверкающее от солнца ледяное поле. Пока команда посапывала под горячим солнцем доктора Челкашкина, «Даёшь!» забирался в ловушку.

Но вот, разомлев от тропических лучей, Челкашкин повернулся на другой бок и заснул. И в тот же миг все знойные видения разлетелись. Действие гипноза кончилось.

Моряков в одних трусах выскочил на палубу, за ним бежал Солнышкин, и, потрясая копьём, подпрыгивал Перчиков. Кажется, наступало время подавать сигнал SOS.

И трудно сказать, чем кончилась бы эта книга, если бы Пионерчиков не показал лучший номер сегодняшнего концерта. Раскрасневшийся штурман бросился в рубку. Щёки его пылали, как два артековских костра, он крикнул в машину: «Полный назад!» — и судно отпрянуло, набирая расстояние для разбега. Впереди сверкал самый большой каток в мире, будто ждал самого большого рекорда. Пионерчиков стал к штурвалу и скомандовал:

— Полный вперёд!

«Даёшь!» разогнался и со свистом влетел на ледяное поле. Он сделал рывок, описал, как фигурист, гигантскую восьмёрку и, словно со стапе-

лей, скатился в голубоватую воду. Айсберги качнулись, стукнулись лбами и, как от взрыва, разлетелись в разные стороны. Вокруг гремело и свистело, на лёд сыпались сверкающие осколки, и среди этого шума раздавался писк: это догонял свой пароход слетевший с палубы Петькин.

Впереди, насколько хватал глаз, лежал, сверкая солнечными огнями, бесконечный белый материк. В глубь его далеко-далеко тянулись чёрные ручейки. Это шли на гнездовые большие королевские пингвины. Справа виднелись бульдозеры, тракторы, домишки, и навстречу пароходу бежали люди. А посередине высоко в небо поднимался могучий снежный хребет.

— Антарктида! — закричал Солнышкин.

— Брюки, брюки! — спохватился Моряков.

А Пионерчиков всё стоял у штурвала и молча смотрел в иллюминатор. Так вот часто и остаются незамеченными мировые рекорды! Ну пусть бы видели даже не все, пусть бы его увидела одна Марина!..

И только Челкашкин всё ещё продолжал посапывать под горячими лучами тропиков.

САМЫЕ НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ

В другое время такой номер не прошёл бы даром даже Челкашкину, но сейчас со всех сторон к борту «Даёшь!» мчались наперегонки полярники. Куртки их сверкали от инея, ушанки блестели. Впереди всех бежал начальник станции Полярников и кричал «ура!». Снег рассыпался и хрустел под его ногами. Полярников быстро, помедвежьё вскарабкался по трапу и бросился к Морякову, протягивая крепкие руки. Но на полпути он остановился, охнул и замигал заиндевелыми ресницами.

— Робинзон! Честное слово, наш Робинзон! — Сбросив шубу, он укутал в неё стоявшего в тельняшке старика и подбросил в могучих руках. — Мирон Иванович, милый! — Он тоже был воспитанником старого инспектора.

Начальник станции так долго обнимал старика, что Солнышкин успел привести себя в самый полярный вид. Он уже ходил у борта в бабушкином свитере, в фуфайке, сапогах и, щурясь, всматривался в белые ледяные поля. Они мерно поднимались и опускались вместе с волнами, а там, вдалеке, лежали неизведанные земли и ждали своего открывателя... Конечно, он не Амундсен и не Скотт, чтобы штурмовать полюс. Да и времени на это нет. Но покорить небольшой нехоженный участок Антарктиды и оставить на нём имена друзей он сможет.

Уж это он докажет обязательно!

...Солнышкин был готов к походу. Нужно было только выбрать время.

Но тут до Солнышкина донёсся разговор, который заставил его насторожиться.

Полярников наконец опустил на палубу Робинзона и обхватил Морякова.

— Ну и здорово это ты, — сказал он, — здорово! Прямо через льды! Это может только Моряков. И правильно!

— Во-первых, это не я, — отказался от похвалы Моряков, — а во-вторых, кажется, это не очень правильно.

— А я говорю — правильно! — крикнул Полярников. — Вон погода какая. Сейчас ящиками только и жонглировать. Завтра кончать разгрузку, а послезавтра сматывать удочки! С попутным ветерком!

Слова вылетали, как льдинки, и под ногами скрипел уже холмик снега.

«Завтра, послезавтра!» — насупился Солнышкин. Молниеносный срок явно угрожал его планам: попробуй открой что-нибудь за один день!

— Позвольте, но, кажется, скоро наступит ночь, — вмешался Робинзон.

— Посмотрите на часы, Мирон Иванович, — засмеялся Полярников и, сняв варежку, показал Робинзону на циферблат.

Стрелки отмерили половину первого ночи. Но солнце лежало на льдах и совершенно не собиралось катиться за горизонт. Над Антарктидой сиял полярный день. А за торосами среди снегов поднимал три острые вершины высокий горный хребет.

Это Солнышкина немного ободрило. Кое-что можно было ещё придумать!

Пусть невозможно сейчас добраться до неизведанной земли. Но эти три вершины он одолеет. Пусть на карте не будет пока «земли... Перчикова». Но разве это плохо звучит: «пик Перчикова», «пик Робинзона», «пик... Марины»? Солнышкин затянул покрепче ремень и решительно одёрнул свитер.

— Ну, за дело, за дело! — крикнул Полярников.

И Солнышкин взялся за работу.

Федькин подавал краном грузы. Моряков командовал: «Вира!», «Майна!», а Солнышкин с Полярниковым оттаскивали в сторону ящики и бочки. Рядом пыхтели Петькин и Бурун, трудились Ветерков и Безветриков. Робинзон помогал Пионерчикову укладывать ящики на вездеход.

За каких-нибудь полчаса все так разогрелись, что под ногами стал подтаивать двухметровый лёд. Зато возле Федькина трещал такой мороз, что наконец лопнули гайки крана.

Работа стала. Моряков рассердился. Полярников задумался. Но Солнышкин торопился, ему было некогда.

— Лопату! — потребовал он, натянул варежки и, бросившись к борту, стал подгрребать снег к пароходу.

— Вот это смётка! — похвалил его Полярников, пропав на секунду в облаке пара, и заторопился на помощь.

Через несколько минут у парохода поднималась великолепная снежная гора, и по ней на лёд летели бочки и мешки, корзины и ящики. На ящике с леденцами мчался вниз Солнышкин.

— Берегитесь! — крикнул он, с ужасом заметив, что летит под ноги бегущим навстречу ему полярникам в одинаковых меховых комбинезонах и нерпичьих шапках.— Берегитесь!

— Осторожно! — погрозил ему Полярников, представляя молодых людей Морякову.— Это наши соседи, представители американской фирмы холодильных установок. Изучают вопрос, как из антарктического мороза делать деньги. (Оба представителя согласно кивнули.) А вон их шеф: глава холодильной торговой фирмы доктор Хапкинс.

Рядом с Моряковым, тяжело дыша, остановился настоящий меховой мешок, из которого блеснули маленькие глазки.

Хапкинс едва поклонился, не вынимая рук из карманов. Это было не по-морски. Это было просто невежливо.

Полярников отвернулся. Моряков кивнул и тут же отправился к борту. Солнышкин налёг руками на ящик и поехал дальше. Рядом с ним покатили бочку молодые представители фирмы холодильных установок.

Глава фирмы остался на снегу один, как суслик у норы. Но глазки его быстро шарили по

всем закоулкам среди ящиков. И вдруг они остановились, вспыхнули. А сам Хапкинс, распахнув объятия, энергично бросился вперёд с криком:

— О, мистер Стёпка!

Ворочавший ящики артельщик обернулся на крик и сорвал с затылка шапку:

— Мистер Хапкинс!

— Доктор Хапкинс,— поправил его управляющий фирмы.

— Хе-хе, «доктор»! — весело хихикнул Стёпка.— Когда вы лет пять назад торговали в вашей лавочке в Сан-Франциско, вы не были никаким доктором. Помните, как вы меня чуть не ограбили?

Хапкинс оглянулся и сказал:

— Да, хорошие были времена... Вы привозили отличную контрабанду!

Теперь оглянулся артельщик и прикрыл ладонью три золотых зуба.

— Но,— вздохнул Хапкинс,— лавочки давно уже нет. Зато,— он важно вскинул голову,— есть торговые заведения в Сан-Франциско и Нью-Йорке, Чикаго и Рио-де-Жанейро!

«Вот как!» — призадумался Стёпка и вдруг многозначительно спросил:

— Хе-хе, мистер Хапкинс, забудем старое. Скажите лучше, сколько вы мне заплатите, если я вам кое-что покажу?

— Ну, мистер Стёпка, десятка долларов я, конечно, не пожалею! — Хапкинс великодушно улыбнулся.

— А если очень интересное?

— Ну, сто долларов! — расщедрился директор торговой фирмы. Да и стоило ли скупиться со старым знакомым!

— Ну, а если очень, очень интересное?

— Ну, на тысяче наконец сойдёмся! — воскликнул Хапкинс: зря артельщик, наверное, не хвастает.

— Посторонись! — раздался вдруг крик, и Солнышкин пролетел мимо разговаривающих на громадном ящике.

— А если это будет более чем интересно? — приблизился к Хапкинсу артельщик.

— Вы станете моим компаньоном,— с усмешкой сказал Хапкинс.

Артельщик повернулся лицом к лежащему на льдине солнцу и приоткрыл фуфайку.

Сунув внутрь нос, доктор Хапкинс покачнулся и прошептал:

— Нью-Йорк! Сан-Франциско! Рио-де-Жанейро!

На груди у артельщика в целлофановом мешочке сверкнула жемчужина, равной которой не видел весь мир!

— Ну что? — спросил артельщик.— Сколько вы назовёте теперь?

— Дайте подумать! — сказал Хапкинс, и глаза у него хитро блеснули. Ни за какие такие штуки он платить не привык. Доктор всегда находил способ опустить их в свой карман совершенно даром.

СОЛНЫШКИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Утро встретило команду «Даёшь!» отчаянным морозом. Пар валил изо рта такими клубами, что ими можно было жонглировать. Стоило только зазеваться, и носы хрустели, как леденцы, а уши трескались, как морозные стёкла. Поэтому все работали с особенным усердием, и, когда Солнышкин поднялся наконец на палубу отдохнуть, большая часть груза лежала уже внизу.

Моряков и Полярников не уходили ни на минуту.

— Надо торопиться! — кричал Полярников.— К вечеру может разыграться пурга!

«Надо торопиться», — тревожно подумал Солнышкин и оглядел горизонт.

Солнце словно примёрзло хвостиком к льдинам и, сердясь, становилось всё красней и красней. Вокруг него вертелся и насмешливо посвистывал ветер.

Маленькие пингвинчики сбивались группками и, как второклашки, толкали друг друга в бока, пробуя согреться. Но ни одного «императора», которого Солнышкин мечтал привезти для Дворца пионеров, здесь не было.

— Ничего, за ледником их тысячи! — решил Солнышкин, потирая нос.

Он взглянул на бронзовый компас. Стрелка неуверенно клонилась из стороны в сторону.

«Колеблется старик», — подумал Солнышкин. Но впереди ярко горел величественный голубой ледник, а три вершины свысока смотрели прямо на Солнышкина: решится или нет? И Солнышкин вышел в путь.

«Хе-хе, интересно, — подумал съехавший на яшике Стёпка, — интересно, куда это он смотрит? Что он там разглядел?» И решил не отставать. Не будь Солнышкина, вряд ли у него на груди покачивалась бы сейчас жемчужина. И артельщик двинулся за ним.

Снег так скрипел под ногами, что ни тот, ни другой не заметили, как за ними отправился в путь ещё один искатель удачи. Он был в тяжёлой волчьей шубе. Ни Солнышкин, ни пингины его, видимо, не интересовали. Но с артельщика он не спускал маленьких шакальих глазок.

Сверкал снег, все трое быстро удалялись от парохода и становились похожими на больших чёрных пингвинов.

ДАЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, РУКУ

Солнышкин бежал вперёд, как лёгкий маленький паровозик. Пар отлетал от него вправо, потому что слева, с океана, дул сильный ветер. Но скоро «паровозик» стал странно подпрыгивать и отбивать ногами «летку-енку». Треща на морозе, перед ним вырастали глыбы льда. Они сверкали и переливались цветными огнями, будто доказывали, что им тоже можно дать любое имя и вовсе незачем идти далеко. Но Солнышкину были нужны настоящие вершины. Он, побрякивая, торопился вперёд и думал, какую вершину лучше штурмовать первой... Ту, что справа, он назовёт именем Перчикова, среднюю, конечно, именем Робинзона, а ту, что слева...

Солнышкин перепрыгнул через полынью и ткнулся носом в ледяную гору. Она, как волна, взлетала вверх, а где-то за ней поднимался величественный хребет с тремя вершинами. Ветер подталкивал покорителя гор и заранее трубил победу.

— Вперед! — крикнул Солнышкин сам себе и... скатился вниз.— Ничего, плавали! — сказал он, разбежался и с ветерком, как на коньках, промчался снизу вверх.— Есть! — Он вцепился пальцами в верхушку бугра, подтянулся и приоткрыл рот...

Хребет вместе с вершинами отодвинулся километров на пять в глубь континента. А по всему белому пространству курилась позёмка, сквозь которую виднелись настоящие королевские пингины, настоящие «императоры». Солнышкин подул на пальцы, ударил сапогом о сапог, но отступать не собирался. Жаль только, мало времени!

Он уже свесил ноги вниз, готовясь к прыжку, как вдруг за его спиной раздался голос:

— Хе, хе, Солнышкин, дай, пожалуйста, руку!

Он повернулся. Сзади него с сизыми от холода щеками цеплялся за лёд толстый артельщик. Солнышкин удивился.

Артельщик тоже торопился к хребту. Он протянул руку, и Стёпка, взобравшись, пропыхтел:

— Я с тобой, Солнышкин!

— К хребту?

— Да! — кивнул артельщик.

В последнее время он проявлял, хе-хе, удивительную заботливость и внимание.

— Тогда быстрее! — крикнул Солнышкин.

Они свесили с бугра ноги, и вдруг сзади опять раздался голос:

— Гив ми ё хэнд!

Солнышкин подпрыгнул и, балансируя на вершине, открыл рот. Артельщик с удивлением выкатил глаза. Вверх по склону летел доктор Хапкинс, подыскивая слова для перевода: «Дайте, пожалуйста, руку».

Солнышкин и Стёпка втащили его наверх.

— И вы тоже? — косясь на доктора, спросил Стёпка.

— Йес! Йес! — воскликнул Хапкинс.

— Пошли! — скомандовал Солнышкин. Времени оставалось в обрез. Он приготовился к прыжку и вдруг замер.

Пока он втаскивал наверх неожиданных попутчиков, равнину захватила такая густая метель, что «императоры» виднелись в ней еле заметными тёмными пятнами. Они отступали от океана, как матросы, потерпевшие кораблекрушение. А волны холодного снега догоняли, захлёстывали и сбивали их с ног. Птицы шли, и казалось, у них нет сил выбраться на берег. Падали птенцы, а взрослые металась в поисках укрытия.

— Сюда! — крикнул Солнышкин. — Сюда!

Но сзади него за спиной раздался знакомый тревожный гудок. Солнышкин оглянулся. Там,

у парохода, тоже наступала пурга. Она заматывала в снежный кокон кончик мачты и красный флажок. «Даёшь!» спрятал нос в сугробы. Теперь только за бугром, на котором стоял Солнышкин, оставался ещё тихий, скрытый от пурги уголок.

А путь к хребту уже совсем исчезал за белой, беснующейся завесой.

— Кажется, пора домой! — крикнул артельщик.

«К вершинам, к вершинам!» — вздохнул Солнышкин, но вслух твёрдо сказал:

— На помощь птицам.— И, держась за руку артельщика, бросился вниз.

Артельщик ухватился за Хапкина и едва не полетел в гущу пингвиного лагеря.

— Черт бы тебя побрал,— глотая снег, прохрипел артельщик,— в такой кутерьме не только ничего не найдёшь, но ещё потеряешь! — Он схватился за грудь.

— На месте? — шёпотом спросил Хапкин, протянул к нему руки.

Стёпка испуганно отодвинулся и промолчал. Он уже подумывал об обратном пути, но его остановил крик:

— Держи!

Солнышкин поднимал тяжёлого пингвина. А вокруг него уже толкались десятки громадных белогрудых птиц с короткими чёрными крыльями.

— Этого курятника мне только и не хватало! — проворчал Стёпка, передавая пингвина Хапкину, который так и дырявил своими глазками его фуфайку.

— Быстрей, быстрей! — кричал Солнышкин попутчикам и подсаживал ещё одного пингвина. Руки заоченели, пурга била в лицо, и Солнышкину казалось, что у него внутри всё покрывается инеем, как кран у водопроводной колонки, но он не отходил от птиц.

— У, чтоб вы провалились! — всхлипывал артельщик. — Скоро вы там кончитесь?! — И передавал пингвинов Хапкинсу. Но уходить без Солнышкина, с одним Хапкинсом, ему не хотелось.

А Солнышкин всё торопил. Солнышкин торопился.

Наконец стая была переправлена. Теперь оставался один вожак. Он стоял сбоку и смотрел, не потерялся ли кто-нибудь в этом вихре. Как капитан, он собирался уходить последним.

— Пошли! — быстро сказал Солнышкин. Вожак стоял на месте. — Пошли! — Солнышкин тронул его за крылышко.

Громадный пингвин уронил голову ему на плечо. Солнышкин тревожно наклонился к его груди и услышал, как там что-то колыхнулось тихо-тихо.

— Держись! Держись! — прикрикнул Солнышкин. Он оглянулся и вздохнул.

Там, за пургой, оставался хребет, оставались безымянные вершины, до которых он сумел бы пройти. Ни антарктического снега, ни мороза, ни ветра Солнышкин не боялся. Но оставить в беде погибающую птицу Солнышкин не мог.

— Держись! — сказал он, взваливая пингвина на спину, и тут увидел, как из лап птицы выкатилось большое светлое яйцо. Оно было ещё тёплым и в лёгких пушинках.

Солнышкин хотел было протянуть его артельщику, но передумал, опустил яйцо за пазуху, под свитер, и полез в гору.

Снег всё злее впивался в лицо, голова звенела, как колокол, но Солнышкин поднимался вверх. Наконец он поднялся на верхушку горы, выставил вперёд ногу и... полетел в пропасть. Артельщик покатился за ним, а сзади, цепляясь за артельщика, делал сальто мистер Хапкинс.

СОЛНЫШКИН ПРОДОЛЖАЕТ ПУТЬ

Солнышкин высунул голову из сугроба и встряхнулся. Перед глазами мелькнули и пронеслись миллионы белых хлопьев. Рядом выбирался из снега артельщик, а чуть дальше ворочался снежный ком, из которого торчали руки мистера Хапкина.

— Яйцо! — вскрикнул испуганно Солнышкин, но провёл рукой по свитеру и успокоился.

— «Яйцо»! Тут из самого чуть яичница не получилась! — ворчал Стёпка.

— Идём скорей! — сказал Солнышкин. Он посмотрел на птицу и, сняв фуфайку, укутал в неё пингвина. Самому ему оставался бабушкин свитер.

— Хе-хе, зачем торопиться? Лучше один выговор, чем две сломанные ноги, — отмахиваясь от снега, промышал артельщик. — Зачем т-т... — И вдруг он схватился за ворот. На шее болтался обрывок шнура! Стёпка бросился к Хапкину. Но, нащупав что-то под рубахой, немного успокоился и заторопился за Солнышкиным. — Пошли!

Мороз поджимал так, что коченели носы и на фуфайках трескали пуговицы. Солнышкин спешил к пароходу.

— Держись! Там Челкашкин в два счёта вылечит, — подбадривал он пингвиньего капитана, не чувствуя, что птица становится тяжёлой. Он с трудом переставлял ноги и, конечно, не слышал разговора, который вели артельщик и бегущий за ним сугроб средней величины, говоривший голосом Хапкина.

— Мистер Стёпка, тысяча долларов, пока не выпала.

— Нью-Йорк, Сан-Франциско, Рио-де-Жанейро! — прохрипел Стёпка и в страхе остановился: жемчужина соскользнула в штанину.

— Теперь только пятьсот долларов,— пропел «сугроб».

— Нью-Йорк и Сан-Франциско,— сказал артельщик и плотно сдвинул колени.

— Сто долларов,— пропищал Хапкинс.

— Сан-Франциско! — крикнул артельщик и вдруг подскочил, словно сойдя с ума.

Ощупав штанину, которая выбилась из голенища, он взвыл и бросился назад. За ним, подпрыгивая на коротких ногах, помчался «сугробчик», в котором трудно было узнать директора крупнейшей торговой фирмы.

— Пропала, пропала! — дрожал артельщик. Он упал на четвереньки и, припнувшись к следам, пополз, разгребая вокруг себя снег и льдины.

У полыньи он остановился и схватил что-то сверкнувшее перед его глазами. Но в ту же секунду в его кулак вцепилась хваткая, вынырнувшая из метели рука.

— Моя! — прохрипел артельщик.

— Моя! — взвизгнул из метели мистер Хапкинс.

Каждый тянул находку к себе, а пурга наметала вокруг снег, и брызги с океана обадали всё растущий сугроб...

А Солнышкин пробивался сквозь пургу и нёс на спине большую заснеженную птицу. На секунду он остановился отдохнуть и внезапно услышал, как под свитером что-то громко ударило: тук-тук-тук...

Солнышкин замер. Толчок раздался снова, и там, где лежало пингвиное яйцо, хрустнула скорлупа, а в бок Солнышкину упёрся твёрдый острый клюв.

Солнышкин запустил под свитер руку, и в пальцах у него затрепыхалось маленькое пушистое существо. Он услышал, как чисто и нежно пульсирует крохотное сердечко.

«Живёт!» — улыбнулся Солнышкин. И хотя он очень устал и ему очень хотелось сесть, он ещё быстрее пошел наперекор вьюге. Но вьюга постепенно меняла направление, кружила, и Солнышкин двигался за ней по невидимому снежному кругу.

Сквозь снег на него иногда падали лучи садящегося солнца. Тогда на бесконечном снежном полотне возникала его огромная тень. И чем сильнее гудела и выше поднималась метель, тем больше эта тень разрасталась, тем быстрее она шагала по гудящим снегам Антарктиды.

ПОМНИТЬ ТОВАРИЩЕЙ, ПАВШИХ В БОЮ!

Пионерчиков мрачно бегал по коридору. Только недавно он вернулся на судно в чудесном настроении. Он побывал в домике у полярников. Он взял интервью у иностранных гостей. Судно разгрузили в рекордный срок! И это благодаря его другу Солнышкину! И вдруг — беда!

Пионерчиков и Перчиков облазили все трюмы. Они заглядывали под ящики, под брезент и даже под льдины, но Солнышкина нигде не было.

В воздухе раздавались тревожные гудки. Пионерчиков покусывал губы, а в голове у него стучали, складывались горькие и мужественные слова. Он совсем не думал о статьях, о законах и ничего не хотел придумывать, но слова сами настойчиво всплывали в голове.

Внезапно он остановился. С камбуза неслись какие-то сладкие, совсем неуместные запахи. В трагическую минуту кок Борщик беззаботно варил компот! Пионерчиков подскочил к камбузу и захлопнул дверь. Борщик открыл её снова. Хоть это и Антарктида, на камбузе было жарко.

— Прекратите! — крикнул Пионерчиков.

Борщик удивлённо пожал плечами. Откуда ему было знать, что его сладкие запахи мешают складываться мужественным и горьким словам? Он хотел что-то ответить, но Пионерчиков вдруг выхватил из кармана клочок бумаги и огрызком карандаша написал:

Помнить товарищей, павших в бою,
На смерть стоять за команду свою!

Он прочитал эти строчки и от неожиданности вздрогнул: это были стихи! Самые настоящие стихи!

Пионерчиков побежал к Перчикову в рубку и, схватив его за руку, снова прочитал только что родившиеся строчки.

Перчиков взял бумажку, посмотрел ещё раз и повторил вслух:

— «Помнить товарищей, павших в бою».

— Да ты знаешь, что ты написал? — сказал Перчиков. — Это закон.

— Почему? — спросил Пионерчиков.

— Потому, — приблизился к нему Перчиков, — потому что настоящие стихи — это настоящий закон. От таких слов хочется сделать что-то хорошее!

Он распахнул иллюминатор. И тут они увидели, как вдалеке, по горам, по равнинам, движется гигантская тень человека, на плече у которого лежит какой-то груз.

— Солнышкин! — крикнул Перчиков.

— Солнышкин! — подхватил Пионерчиков.

И друзья выскочили из рубки.

— Есть Солнышкин! — кричали они. И побежали одеваться.

Пионерчиков открыл свою каюту, бросился к шкафу и заметил на кровати какой-то свёрток. На нём было написано: «Тысяча рекордов!» Штурман развернул бумагу, и перед ним сверк-

нули удивительные коньки необычной формы. Сердце Пионерчикова вздрогнуло и зазвенело, как утренний горн. Пионерчиков надел бушлат и выбежал на палубу.

— Бот на воду! — крикнул он и полез вниз по трапу.

Следом за ним спускался старый Робинзон, за которым с лаем летел Верный. Последним, натягивая ушанку, торопился Перчиков.

— Пионерчиков, назад! Вернитесь! — раздался сзади голос. Это кричал Моряков. (Только что по его просьбе на поиски пропавших выехал сам Полярников.) — Это не шуточки, Пионерчиков!

Но голос капитана потонул в порыве метели, уже скрывшей от глаз убегающий бот. Конечно, Моряков и сам бросился бы с ними; но оставить судно он не мог.

ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ?

Пурга клонила Солнышкина с боку на бок, как маленькую разбитую лодчонку. Вокруг поднимались волны белого холодного океана, и вихри цеплялись за ноги, как тысячи снежных кальмаров. Солнышкин сделал неверный шаг — он уже не чувствовал ног — и споткнулся. Птица съехала со спины, и только тут он увидел, что глаза пингвиного капитана уже покрыты белым морозным инеем...

Стало совсем холодно. Стало так холодно, что даже сама метель взвизгнула от мороза.

«Надо идти», — подумал Солнышкин, но его ноги примёрзли ко льду, как причальные тумбы.

— Надо же идти! — крикнул себе Солнышкин, но голова устало сползла на грудь, и на чубчике закачалась льдышка.

«Вот и всё,— прикрыв глаза, подумал он.— Вот тебе и океаны, и жемчужины. Вот тебе «пик Марины» и «пик Перчикова»!

Он протёр кулаком слипающиеся глаза и перед самым своим носом заметил стрелку компаса, которая, как ни странно, указывала: норд! норд!

«Совсем спятил старый»,— грустно усмехнулся Солнышкин...

И тут у самого его сердца, под ребро, ударил маленький крепкий клюв — и Солнышкин очнулся: «А как же птенец?!» Он опустил руку под свитер, и в ладони у него зашевелилось маленькое пушистое существо. «Как цыплёнок, дома, у бабушки,— подумал Солнышкин, вспомнил свой дом, запах осеннего леса, и ему показалось, что

он стоит на лесной дороге рядом с селом, будто ноги его окунулись в тёплую солнечную пыль и что вокруг шумит не метель, а яркая листва на деревьях.

— Ничего,— сказал Солнышкин, садясь в снег.— Сейчас мы выйдем на дорогу. Вон уже село близко. Вон тракторы едут и лают собаки. А вот моторка тарахтит на реке.

И действительно, рядом послышался шум мотора, а ещё ближе раздался гул трактора. Это с моря подходил бот Пионерчикова, а по льдам грохотал вездеход Полярникова. И скоро сквозь шум пробился незнакомый голос:

— Да это же пингвин, мистер Полярников!

— Но послушайте, господа, разве пингины ходят в сапогах? — Полярников отвечал выглядывающим из вездехода представителям американской холодильной фирмы, которые отправились на поиски шефа.

Солнышкин приоткрыл глаз и сквозь хлопья снега увидел над собой доброе лицо Робинзона. И в ту же минуту над его ухом снова раздался голос Полярникова:

— Снегом! Трите его снегом!

Щёки Солнышкина лизал Верный. Рядом стоял Перчиков. Он отогревал своему другу руки, а Пионерчиков оттирал Солнышкину уши снегом.

— Ты на коньках? — спросил Солнышкин, но Пионерчиков только погрозил ему кулаком.

Пока Солнышкин отогревался, все начали коченеть.

— А где же Хапкинс и артельщик? — спросил Полярников.

Солнышкин пожал плечами. Он так и не понимал, куда они делись.

Но Верный, кажется, это понимал. Он поднял уши, понюхал воздух и, направляясь к большому торосу у края полыньи, злобно зарычал.

— Что с ним? — спросил Перчиков.

— Не знаю, не знаю,— качнул головой Пионерчиков.

Солнышкин тоже ничего не понимал. Пёс, рыча и нервничая, рыл снег и хватал зубами сугроб. Метель относил его в сторону, но он снова набрасывался на ледяную глыбу.

— А ну-ка, позвольте, я посвечу фонарём,— сказал Полярников. В антарктическую стужу и днём приходилось на всякий случай носить фонарь.— Кажется, пёс бросается не зря! Там что-то есть.

— Банка с эскимо,— рассмеялся кто-то из американцев.

— Господа, это Антарктида! — сказал Полярников, и, словно подтверждая его слова, воющий заряд снега обрушился на замёрзших людей.

Полярников направил луч фонарика на торос. Все прильнули носами к льдине и оцепенели: в глубине сверкающего льда, злобно вцепившись друг в друга и вырывая что-то из рук, леденели Хапкинс и артельщик. Представители морозильной фирмы вытянули шеи. Такого они не видели даже в самых громадных холодильных установках. Сухонький Робинзон как-то странно прищурил глаз, Полярников вздохнул. И все посмотрели на Солнышкина. Но Солнышкин и сам терялся перед зловещей загадкой.

САМЫЕ СТРАШНЫЕ СЛОВА

Моряков шагал по палубе, засыпанный снегом, как Дед Мороз, и мрачно всматривался в пургу. Борт парохода словно покрыли маленькие живые сугробы: это команда ожидала товарищей. Петькин, закутанный в тулуп, не терял времени, потихоньку ловил на удочку рыбу и относил на камбуз Борщику. Бывалый кок не жалел огня, он

специально раскрыв дверь камбуза пошире, чтобы друзья могли по запаху точнее определить обратный курс.

— Идут! — вдруг сказал Бурун, подставив стуже ухо. Ему послышалось вдалеке лёгкое та-рахтение.

Моряков покачал головой. Он придумал самые страшные слова, которые он сейчас скажет этому мальчишке Пионерчикову.

— Идут, — сказал снова Бурун.

— Неужели? — насторожился Моряков.

— Милей дальше или милей ближе, — сказал Ветерков, кутая горло, — но идут.

Тютелька в тютельку промолчал, потому что ничего не слышал.

Но Моряков уже бросился к борту. Среди льдин толкался маленький бот, на носу которого стоял Пионерчиков.

— Да вы знаете что?! — крикнул ему Моряков.

— Что? — спросил Пионерчиков, вобрав голову в плечи. Он ожидал чего угодно.

Моряков взмахнул рукой, поднял вверх палец и тут увидел сидящего рядом с Перчиковым Солнышкина. Моряков вскинул вверх вторую руку и снова, но уже совсем по-другому, торжествуя, воскликнул:

— Да вы знаете что?

Пионерчиков ещё ниже опустил голову.

И тогда Моряков сказал:

— Вы, кажется, будете капитаном, Пионерчиков!

Пионерчиков покачнулся. Этого он, конечно, не ожидал.

— Но где же остальные? — уже сурово спросил Моряков.

В это время к пароходу подкатил вездеход, и, прыгая с него на трап, представители холодильной фирмы сказали:

— Превратились в мороженое!
— Как это понимать? — удивился Моряков.
— Так и понимать, — сказал Полярников, застёгивая тёплую собачью куртку.

Следом за ним из вездехода вышел Робинзон.

— Но что случилось? — спросил Моряков.

И все снова повернулись к Солнышкину, который держал в руке маленького птенца. Но что Солнышкин мог добавить к тому, что видели все?

ОНА ПРИНАДЛЕЖИТ СОЛНЫШКИНУ!

Метель улеглась. Солнце снова лежало на льдинах как ни в чём не бывало.

Моряков всё ходил по палубе.

«Что же произошло? Из-за чего они могли поспориться?» — думал он, потирая пальцами лоб.

— Так что же делать? — спросил Пионерчиков.

— Разбить лёд! — сказал Бурун.

— Но это невозможно! — воскликнул Полярников. — Это всё-таки не мороженое. Они так крепко вцепились друг в друга, что их не оторвёшь!

— А что думает по этому поводу наш доктор? — спросил Моряков, глядя на Челкашкина. — Может, они оживут, если их разморозить?

— Извините, — сказал Челкашкин, — но современная наука ещё не достигла таких высот. Придётся подождать, — подумал он вслух, — лет двадцать... И вообще я не собираюсь исцелять негодяев.

— Но ведь вы же врач! Врач, а не судья! — повысил голос Моряков. — Ваш долг помогать любому человеку! Тем более то, что они негодяи, нужно ещё доказать.

— Так в чём же дело? Что у них случилось? — вернулся к прежнему вопросу Полярников.

И в это время, прорываясь сквозь толпу, на палубу влетел запыхавшийся Верный. Он быстро переступал с лапы на лапу, на боках у него звенели сосульки, а в зубах болтался целлофановый пакет. Пёс, рыча, бросил его к ногам Морякова. По палубе что-то покатилося. Моряков быстро наклонился, и на ладони у него замерцала удивительная жемчужина величиной с голубиное яйцо.

Все изумлённо подались вперёд.

— Позвольте,— нарушил тишину Челкашкин, потирая усики,— но это пакет от лекарства, которое я выписал артельщику.

— Кому? — спросил Перчиков.

— Артельщику,— подтвердил Челкашкин.

— Тогда всё понятно! Всё понятно! — в возбуждении воскликнул Перчиков. Он сразу вспомнил маленькую лагуну, акулу и внезапно появившуюся опухоль на щеке артельщика.— Тогда всё понятно! Это жемчужина Солнышкина!

Перчиков бросился сквозь толпу и схватил Солнышкина за руку. Он стоял в стороне, отогревая в ладонях маленького птенца.

— Смотри! — крикнул радист, показывая Солнышкину на жемчужину.

— А где вы её взяли? — спросил Солнышкин. Он до сих пор думал, что его жемчужина осталась в лагуне у далёкого маленького острова.

Все замолчали, зато Верный завертелся и залелся отчаянным лаем.

— Теперь всё понятно,— сказал Моряков.

— Понятно! — иронически закивали представители морозильной фирмы. Они имели в виду своего хозяина.

А Робинзон, который стоял рядом с Полярниковым, грустно заметил:

— Да, когда-нибудь человек приходит к тому, чего он заслуживает...

Потом старый инспектор едва заметно кивнул Полярникову, и никто не обратил внимания, как он выбрался из толпы...

Итак, артельщик и Хапкинс оставались в Антарктиде ждать новых достижений науки. Нужно только добавить, что во время одного из штормов льдина откололась от материка и отплыла в неизвестном направлении. А вскоре после этого некоторые суда стали встречать громадный айсберг, внутри которого можно было разглядеть две странные фигуры. Кто-то из моряков утверждает, что порой фигуры оживали и начинали злобно трясти друг друга. Некоторые даже слышали доносившиеся оттуда крики: «Моя! Моя!»

Но это, конечно, относится к области фантазии.

А между тем часы на пароходе «Даёшь!» точно показывали время отхода.

Полярников обнял Морякова, попрощался с командой и быстро сошёл вниз по трапу, чему-то весело улыбаясь. На берегу уже собралась чуть не вся станция. Вверх летели шапки, рукавицы.

И с каждой минутой всё увеличивались толпы пингвинов. Птицы толкались, подпрыгивали, словно хотели кого-то разглядеть, и махали вслед пароходу своими короткими крылышками.

Боцман выбирал тросы. Антарктида оставалась позади.

Солнышкин спустился в каюту. Ему было грустно. Так бывает всегда, когда прощаешься с далёкими землями. И всё-таки он улыбался. На одной руке у него сидел и с любопытством осматривал своё новое жильё маленький пингвинёнок, а в другой руке ясным перламутровым светом сияла жемчужина. Не жемчужина, а целый пионерский дворец! Под ногами спокойно стучала машина, и глаза у Солнышкина начинали слипаться.

О ЧЁМ, СОЛНЫШКИН, ДУМАЕШЬ?

Но уснуть Солнышкин так и не смог. Он лежал с открытыми глазами и смотрел, как за иллюминатором бегут волны и качаются айсберги.

— О чём ты думаешь, Солнышкин? — спросил снизу Перчиков.

— О дальних морях, — вздохнул Солнышкин.

— Чудак, — сказал Перчиков. — По дальним морям плывёт и на тебе: о дальних морях думает!

— А ведь есть ещё самые дальние, — закрыл глаза, подумал вслух Солнышкин. — Кажется, посмотришь за горизонт — и увидишь одно, другое... Плыви, плыви, пока жизни хватит. Только нужно торопиться. В жизни нельзя опаздывать! — вспомнил он слова Робинзона и вдруг поднялся.

— Ты куда? — спросил Перчиков.

— Я ещё не отдал Мironу Ивановичу жемчужину! — сказал Солнышкин.

— Верно! — согласился Перчиков и подмигнул Солнышкину. — Но ведь это нужно сделать в торжественной обстановке.

И Солнышкин не успел опомниться, как радист, сунув ноги в тапочки, побежал к Пионерчикову. Тот собирался писать статью для «Пионерской правды». Но все события антарктического рейса в маленькую заметку не вмещались, а слишком большая статья, да ещё с такими сложными фактами, была не для «Пионерки». И штурман потихоньку почёсывал карандашиком затылок.

— Слушай, — крикнул ему Перчиков, — сейчас нам предстоит такая церемония, что без собственного корреспондента «Пионерской правды» не обойтись! — И, коротко рассказав обо всём, он заторопился в радиорубку.

Скоро Перчиков объявил по радио:

«Всем членам экипажа, свободным от вахты, собраться у каюты Мирона Ивановича!»

И вслед за этим по всему пароходу из динамиков полились торжественные марши.

В коридоре стала быстро собираться команда. Из машинного отделения выглянул Мишкин. Размахивая полотенцем, по трапу бежал Борщик. С блокнотом в руках спешил Пионерчиков, а за ним летели Марина, Тая и Челкашкин.

ПРОЩАЛЬНАЯ ШУТКА СТАРОГО РОБИНЗОНА

Каюта Робинзона была приоткрыта, из неё дул свежий, так любимый стариком ветерок.

Моряков остановился и тихо постучал:

— Разрешите?

Отклика не было.

— Позвольте,— сказал Моряков, открывая дверь пошире и заглядывая в каюту.— Вот так так! — воскликнул он, повернувшись к Солнышкину.— Здесь целая делегация, а МIRON Иванович занимается такой работой!

Солнышкин тоже переступил порог. Старик сидел в полумраке за шторами иллюминатора и, улыбаясь, сбивал с него киркой лёд. Команда удивлённо зашумела, но МIRON Иванович не собирался слезать с подвески.

— Ну, это уж никуда не годится,— обиделся Моряков.— Вы хоть скажите нам что-нибудь.— Он сделал шаг по направлению к старику и... остановился.

Сильный ветер с шумом распахнул шторы, и вся команда так и привстала на цыпочки. Робинзона не было! Но вместо него, прикрывая собой настоящий иллюминатор, стоял написанный Моряковым несколько дней назад портрет. Старик

на портрете улыбался, будто снова собирался стереть с носа лишнее пятнышко.

Солнышкин и Моряков бросились к столу. Пионерчиков размахивал блокнотом и недоверчиво приподнимал штору, а из-под портрета выглядывала сложенная вчетверо бумажка, на которой было написано: «Команде парохода “Даёшь!”».

Капитан развернул записку и прочитал:

— «Дорогие друзья! Не сердитесь! Я остаюсь в Антарктиде. Ведь каждый в жизни должен доказать что-то интересное. Надеюсь, что наш остров благополучно приплывёт в Океанск к пионерам. А я постараюсь найти для них что-нибудь ещё. Попутного ветра! Крепко обнимаю. Не волнуйтесь.

Ваш старый Робинзон».

Внизу размашистым почерком было написано: «Не волнуйтесь!

Ваш Полярников».

С минуту поражённая команда стояла молча. Наконец капитан опустил руку Солнышкину на плечо и охнул:

— Вот так старик! Вот это старик!

— За такого старика надо поднять бокал! — громко сказал Мишкин.

— Конечно! — поддержал его Борщик. — У меня к ужину как раз готов прекрасный компот!

И все, шумно обсуждая событие, повернули к столовой.

— Вот это старик! — приговаривал Моряков.

У самого трапа он столкнулся с Безветриковым:

— А вы что же, штурман? Пойдёмте ужинать.

— А нам с Солнышкиным заступать на вахту, — сказал Безветриков. И он посмотрел на часы: — Да, ровно через пять минут, тютелька в тютельку.

Солнышкин споткнулся.

— Вот так оказия,— сдвинул брови Моряков и развёл могучими руками.— Но вахта есть вахта, Солнышкин! Закон! И потом,— рассудил Моряков,— по-моему, это даже очень хорошо! Для человека, мечтающего стать моряком, антарктическая вахта просто-таки подарок! А?

— Конечно,— живо согласился Солнышкин и, опустив жемчужину в карман, пошёл в рубку.

Едва он открыл дверь, Петькин, посмотрев на часы, крикнул:

— Вахту сдал! — и бросился в столовую.

— Вахту принял! — сказал Солнышкин и положил окрепшие ладони на рукояти штурвала...

Льды разбегались от судна налево и направо. Солнышкин внимательно смотрел, как бы не столкнуться с каким-нибудь притаившимся айсбергом. Сейчас у него в руках были жизни столько людей — Морякова и Перчикова, Ветеркова и Безветрикова, Федькина и Петькина, Буруна и Челкашкина, Таи и Марины, Борщика и Пионерчикова... И конечно, у него в руках была и его собственная жизнь, о которой он понемножку думал. В общем, всё получилось неплохо и с Антарктидой, и с жемчужиной, и с маленьким пингвином. Кое-что Солнышкин всё-таки доказал...

Правда, когда он смотрел сквозь иллюминатор направо, ему становилось немного грустно: там, сверкая алыми снегами, оставался высокий безымянный хребет. Да, видно, вершины не сдаются так просто. Но разве это последнее плавание и разве он в последний раз в Антарктиде? Он ещё сделает подарок своим друзьям, и на карте континента появятся имена Марины, Робинзона, Перчикова...

В это время раздался такой звон, что Солнышкин испуганно задержал в руках штурвал.

Но волноваться не было причины. Это в столовой команда сдвинула бокалы с великолепным компотом Борщика.

Среди ужина никто не заметил, как из столовой выбрался Перчиков. В коридоре было пусто, постукивала машина, только в самом конце, у трапа, кто-то прыгал на одной ноге. Это, вдруг вспомнив детство, играл в классики хвативший лишний бокал компота Пионерчиков. Он помахивал радиста пальцем, но Перчиков торопливо прошёл мимо. Следом за ним, помахивая хвостом, бежал Верный.

Начинались минуты молчания.

Но прошла минута, вторая, третья, а радист всё не поднимался с места. В океане было спокойно. Но зато в наушниках опять раздавалось «бип-бип-бип». Где-то далеко в космосе продолжали свою весёлую переключку спутники, мерцали звёзды, вращались планеты. И Перчиков прислушивался к их голосам.

**ЛЕДОВЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПЛАВАЛИ-ЗНАЕМ**

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ КОРРЕСПОНДЕНТА РЕПОРТАЖИКА

Корреспондент Североокеанского радио Репортажник летел по срочному вызову с Камчатки в Океанск на совещание весёлых корреспондентов. Пристегнувшись к креслу крепкими ремнями, он осматривался вокруг — не подвернётся ли и здесь, на высоте 10 000 метров, что-нибудь весёленькое — и думал, чем бы удивительным потешить своих коллег. Мысли всплывали одна за другой, глазки Репортажника вспыхивали, как огоньки в табачной трубке, но тут же гасли.

Рассказать, как при извержении вулкана в воздух взлетела целая гора консервных банок? Уже рассказывали! Или про то, как юнга Рыбкин поймал на удочку кита? Так об этом трубили во всех столичных газетах!

Круглое лицо Репортажика растянулось в зевоте: вздремнуть бы. Он потянулся, взглянул в иллюминатор и приоткрыл в удивлении рот.

Внизу, у острова Камбала, среди растущего на глазах ледяного поля семечком торчало маленькое судёнышко, вокруг которого расторопными мурашами бегали несколько фигурок и толкали судно то спереди, то сзади. Кто-то пробовал ворошить лёд багром. Кто-то разогнался и с таким звуком врезался в борт лбом, что Репортажику показалось, будто по самолёту шлёпнули из зенитки. Но ледяное поле не дрогнуло.

— Всё! Сели! Зимуют! — крикнул Репортажик и потёр руки. — Вот это репортаж!

— Вот это репортаж! — повторил он и вытащил из-под кресла пишушую машинку.

Перед глазами, как на табло, мгновенно возникло название «Необыкновенная зимовка». Но тут же мысленно зачеркнув его, Репортажик заложил в машинку лист бумаги и стал энергично выстукивать указательными пальцами: «Ледовая эпопея у острова Камбала».

«Самолёт летел на высоте 10 000 метров. В салоне было тепло. Но за бортом стоял такой мороз, что хрустели отмороженные носы и уши...»

Тут Репортажик остановился. О себе в этом репортаже тоже не надо забывать. Стоило отметить, что хотя он и не участвовал в этой эпопее, но всё-таки присутствовал! Ему тоже хотелось броситься вниз с парашютом, толкать в борт судно, катать по льду бочки, и он начал так:

«Я летел на высоте 10 000 метров. Впереди змейкой колебалась стюардесса, разносившая обед. Из чашек с бульоном струился пар, а за иллюминатором выл ветер. И внизу, среди льдов, окруживших пароход «Светлячок», разворачивалась настоящая эпопея».

Дальше снова затрещал мороз, захрустели уши и носы и началась героическая зимовка.

Репортажик перечитал корреспонденцию, и едва к приземлившемуся самолёту подали трап, мимо работников аэропорта пронёсся энергичный румяный колобок с пишущей машинкой под мышкой и, сев в такси, помчался в сторону Океанского радиоцентра.

СПАСИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Пока предприимчивый Репортажик мчался в сторону радиоцентра в Океанске, у маленького острова Камбала неожиданно нахлынувший мороз действительно вытворял чудеса. Волны застывали мгновенно, как холодец на блюде, вмораживая в лёд беззаботный пароходец, по мостику которого бегал капитан и, свешиваясь через борт, кричал на корму: «Дружно!», а глядя на нос: «Взяли!»

Полкоманды с разбегу бросалось на борт сзади, половина ухала спереди. Но морозец покрывал, лёд поскрипывал, а поддаваться не поддавался: его становилось только больше — с мокрых матросских подбородков срывались капли и застывали у ног остренькими бугорками.

— Ну всё,— вздохнул капитан и махнул рукой.— Всё!

Он мрачно осмотрел горизонт. Лыдина, разрастаясь, кружилась вместе с пароходом, будто готовилась к конкурсу бальных танцев, потом ткнулась краем в берег и примёрзла.

— Сели! — сказал капитан.— Плавали, знаем! — И загрохотал по трапу сапогами — теми самыми сапогами, в которых несколько месяцев назад с попугаем на плече топал по палубе знаменитого парохода «Даёшь!».

«Даёшь!», как известно, качался с Солнышкиным и Перчиковым у берегов Антарктиды, а Плавали-Знаем, подсчитывая выговоры, прогуливался по набережным Океанска. Правда, на какое-то время он забыл свою поговорку и даже согласился с тем, что кое-куда он не плавал, а кое-чего не знал, и купил себе стопку учебников...

Но в это время в пароходстве возникла суматоха. На остров Камбала срочно требовалось доставить партию свежего кефира. А в Океанске не было ни одного свободного капитана: тот — у берегов Африки, другой — в Арктике, третий — в Антарктиде. И ни единого матроса на горизонте!

И вдруг несколько инспекторов сразу увидели с балкона глядевшего в морскую даль бравого капитана! А в коридоре пароходства сошлись курсанты мореходного училища Барьерчик и Уточка.

— Нырять? — спросил Барьерчик. Он мечтал поскорей отправиться в кругосветное плавание, сдал досрочно экзамены, и его крепкий лоб и подбородок так и тянулись навстречу будущим штормам.

— Курсирую! — уточнил румяный Уточка, раскланиваясь налево и направо.

— Ну-ну! — усмехаясь, кивнул Барьерчик.

— Ну-ну! — с пренебрежением сказал Уточка и вскинул утиный носишко: в коридор влетел курсант Упорный, а из отдела кадров выбежал взъерошенный инспектор и, обхватив за плечи всех троих, закричал:

— Выручайте, ребята!

Через полчаса, простучав чёрными ботинками по трапу «Светлячка», курсанты в чёрных бушлатах вытянулись перед неожиданно вышедшим навстречу начальником их училища.

— Товарищ начальник! — крикнул было Уточка, но начальник отмахнулся: «Начальник на судне один — капитан!»

В городе он был известен и как композитор, песни которого распевали все курсанты, под чьи марши выходил на праздники весь Океанск. И сейчас композитор выбрался в отпуск, чтобы на простом рабочем пароходике окунуться в шум ветров, грохот волн и весёлую музыку команд. Звуки вокруг так и просились в его будущие песни!

И через несколько часов, позвякивая бутылками, «Светлячок» торопился по океану. Сверкали спасательные круги, от борта к борту носились курсанты, а с мостика над морскими барашками весело раздавалось необыкновенно звонкое: «Плавали, знаем!» Рядом с капитаном, закатав рукава, поводил длинным носом боцман, на левой руке которого синело: «Дружба — закон моря», а на правой лучиком сияло: «Вася». Оба смотрели то на карту, то на горизонт и иногда перебрасывались короткими фразами:

— Выгрузимся?

— В срок. И не только выгрузимся! Загрузимся!

— Чем?

— Пустыми бутылками! Заберём до единой! — сказал капитан и усмехнулся: — И мы ещё докажем кое-что этим Солнышкиным, Перчиковым и Моряковым!

Но последней бутылки пришлось ждать очень долго. Пока камбальчане попивали кефир, полетел первый снег, пока собирали бутылки, скрипнул первый мороз, а когда поднажал второй, оказалось, что одной бутылки не хватало. Детсадовец Соскин смотрел в неё, будто в подзорную трубу, как вокруг «Светлячка» нарастал сахарный лёд.

И когда последний ящик с бутылками звякнул в трюме, вокруг парохода приплясывало такое ледовое поле, что к нему примерзали подмётки.

Теперь Плавали-Знаем, спускаясь в кубрик, так грохотал сапогами, что бутылки в ящиках жалобно дребезжали. «Всё! Всё! — качал головой капитан.

И вдруг он остановился.

Из маленького динамика на стене доносился бойкий знакомый голос:

«Внизу было так холодно! Но экипаж маленького «Светлячка» вёл борьбу за жизнь судна. Он не сдавался! Я видел, как он готовится к небывалой зимовке, и надеюсь ещё когда-нибудь рассказать о его настоящей эпопее!»

Плавали-Знаем протёр ухо, глаза его сверкнули, как два восклицательных знака, и, щёлкнув пальцами, он рассмеялся:

— Ах, Репортажик! Вот это Репортажик! Ну молодец! «Небывалая зимовка»!

Это было спасение. И какое! В голове Плавали-Знаем пронёсся целый вихрь событий: зимовка на льдине! Самолёты! Встреча героев! Слава! «Челюскин», «Георгий Седов»!.. И «Светлячок»! Вместо выговора — настоящая слава!

И капитан тут же выбил на машинке приказ: «В связи с невозможностью вырваться из ледового плена, объявляю открытой зимовку».

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПЛАВАЛИ-ЗНАЕМ

«Светлячок» ещё вздрагивал от курсантских ударов, заиндевелые якорьки подпрыгивали в клюзах, а в кубрик к капитану бежали боцман и начальник училища. От обоих пахло морской травой, ветром, бодрым морозцем, но лица их были как две перепуганные тучки: сели!

И вдруг, споткнувшись о порог, они изумлённо посмотрели на капитана: лицо его сияло, он был полон загадочного величия.

— Ну, что? — спросил он ещё загадочнее.

— Вмёрзли! — выпалил Васька.

— Крепко? — спросил Плавали-Знаем.

— Ещё не совсем, — сказал начальник училища. Румянец на его щёчках засиял ярче. — Ещё не совсем, — повторил он. — И есть маленькая идея...

Плавали-Знаем перебил его:

— Идея есть у меня!

— Какая? — Васька пошмыгал носом в сторону камбуза.

Плавали-Знаем вскинул вверх указательный палец:

— Вмёрзнуть ещё крепче!

Васька и начальник ошалело переглянулись и снова посмотрели на сияющего капитана: странные шутки!

Плавали-Знаем с улыбкой наклонился к ним:

— Славы хотите?

— А кто не хочет! — Васька пожал плечами, хотя определённая слава о нём шла давно.

— Смотря какой,— осторожно сказал начальник училища. От славы воспитателя он бы не отказался, от славы композитора — тем более!

— Ну хотя бы славы зимовщиков! — сказал капитан.

У Васьки брови полезли вверх. А начальник училища усмехнулся: «Мужественный товарищ! Хорошо шутит!»

Но Плавали-Знаем многозначительно кивнул: «То-то...» — и вскинул голову:

— Зимовка! Нужна необыкновенная зимовка! Такая, о которой сообщило радио!

— А что! — согласился Васька.— Был бы компот!

Начальник училища озадаченно почесал в затылке. Он собирался что-то сказать, но капитан опередил его:

— Ваше дело — песни, моё — зимовка!

«И в самом деле,— подумал начальник,— конечно, моё дело — песни». Здесь он только гость, и вмешиваться в капитанские дела с его стороны было бы бестактно.

— Это может быть удивительная эпопея,— сказал Плавали-Знаем и подмигнул будущим зимовщикам: — Плавали, знаем! Может!

С льдины снова донеслось: «Раз-два! Взяли!»

Кто-то вскрикнул, врезавшись в борт лбом,— за иллюминатором вспыхнуло. И Плавали-Знаем рассмеялся:

— С такими ребятами всё может быть! Сви-
стать всех наверх!

НАДО БРАТЬСЯ ЗА ДЕЛО

Но свистать кого-либо не было необходимости. Уточка и Барьерчик выбивали ботинками по трапу известную курсантскую мелодию: «Семь часов — пора на ужин!», и с чёрных бушлатов во

все стороны сыпался иней. Лобастый Барьерчик прикрывал ладонью фосфоресцирующую в темноте шишку, но бросал взгляд на дверь камбуза, откуда в морозную ночь уплывали дурмящие запахи щей, сваренных коком парохода «Светлячок» Супчиком.

Курсанты ввалились в столовую и, увидев в руках тоненького седого кока дымящуюся супницу, хотели броситься к столу, но слышали бодрый голос капитана:

— Ну как? Вмерзаем?

— Вмерзаем! — в один голос ответили курсанты.

Плавали-Знаем прошёлся по столовой и сказал:

— Отлично!

— Что отлично? — спросил суровый Барьерчик.

— Вмерзаем! — весело сказал капитан.

Курсанты посмотрели друг на друга, на энергично намазавшего горчицей хлеб Ваську, на озадаченного начальника, но прочитать на их лицах что-либо определённое было трудно. Васька ахал от горчичного огонька, начальник что-то прикидывал в уме, а Супчик сам застыл от неожиданности с дымящейся супницей. Слова капитана были куда удивительней, чем его, Супчика, щи.

— Всё отлично, — повторил капитан, принимая супницу из рук изумлённого кока. — Значит, зимуем!

Оба курсанта и Супчик разом спросили:

— Как?

— Необыкновенно! — сказал Плавали-Знаем. — Главное — необыкновенно. А остальное уже зависит от нас с вами. Надо вспомнить, как зимовали другие. Кого вы помните из зимовщиков?

Чёрненький кудрявый Уточка хотел было сказать, что зимовка ему не нужна: ему светит место штурмана в рыбкойной конторе — у рыбацков на

юге; но из желания блеснуть перед начальством выложил:

— Ну, Амундсен.

Начальник — хоть и был в отпуске — одобрительно кивнул.

— Мало ли кого помним — Скотта, Седова, Нансена, — сказал Барьерчик.

— Какие имена! А?! — Плавали-Знаем поднял вверх палец. — Какие люди!

Не согласиться с этим было трудно. Это звучало!

— А без зимовки кем бы они были?

Уточка, присаживаясь к столу, мигнул: намёки капитана обещали кое-что поважнее штурманского места в рыбкиной конторе.

Барьерчик хмуро опустил рядом, и курсанты заработали ложками. А Плавали-Знаем, что-то замурлыкав, мечтательно посмотрел сквозь переборку, услышал, как похрустывает у курсантов за ушами, и захохотал:

— Хрустели от мороза! Да с такими носами и ушами мы выдержим любую зимовку! Выдержим! Плавали, знаем! — Он хотел было подцепить вилкой кусок мяса, но отодвинул тарелку и вслух подумал: — Надо браться за дело!

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПЛАНЫ

Обычно Супчик, сложив руки на фартуке, с удовольствием слушал весёлый хруст горбушек, посвистывание обсасываемых косточек, плюханье ложек, и не было для него в жизни музыки прекрасней, чем эта аппетитная симфония. Не было ничего дороже морской тельняшки и чести морского повара. Свои обеды он оценивал по особой штормовой шкале: аппетит 6 баллов, аппетит 8 баллов, аппетит 10 баллов! Нет, не было большего счастья, чем наблюдать, как вся ко-

манда дружно налегает на ложки-вёсла, как всё похрустывает в крепких молодых зубах, как поднимается настоящий флотский, штормовой аппетит.

Но сейчас кок только озадаченно мигал. Надвигался шторм совсем иного рода! Над Супчиком, над всей командой прогремели слова: «Надо браться за дело!»

— А мы чем заняты? — спросил Васька, посаывая кость.

Плавали-Знаем посмотрел на него с негодованием и, помолчав, повернулся к экипажу:

— Итак, что прежде всего нужно для настоящей зимовки?

На минуту в столовой воцарилась такая тишина, что стало слышно, как за иллюминатором думают звёзды, а с острова донёсся собачий лай.

Васька закричал:

— Собаки! Нужны собаки! Какая без собак зимовка?!

Супчик хихикнул, но Плавали-Знаем, торжественно загнув мизинец, сказал:

— Правильно, у всех зимовщиков были собаки!

— А что с ними делать? — спросил Барьерчик.

— Что делать? — с усмешкой спросил Плавали-Знаем. Он уже почти летел на собачьей упряжке в нерпичьей шубе — как Амундсен!

А начальник училища, тоже воскликнувший: «Что делать?!», услышал мелодию — звон упряжки, песню ветра и — шутить так шутить! — сказал:

— Меха нужны, полярные меха! Шубы, шапки, унты!

— Шубы, шапки, унты! — повторил Плавали-Знаем и загнул второй палец.

— Лёд! — подавшись вперёд, крикнул Уточка.

Плавали-Знаем с удивлением посмотрел на него. Но Уточка, задрав крепенький нос, объяснил:

— Настоящий лёд! Айсберги, глыбы, торосы!

И Плавали-Знаем, оценив всю важность предложения, загнул третий палец.

— Солонинка нужна! — язвительно подумал вслух Супчик. — Зимовщики ели солонинку. А я — на тебе! — он всплеснул руками, — как на-зло, перед рейсом получил свежую говяжью ногу. Может, обменяем?

Васька с тревогой посмотрел на него, и Супчик рассмеялся:

— Шучу, шучу!

— А при чём тут шутки? Обменять, и никаких разговоров! — приказал капитан.

Кок, всё ещё не принимая приказания всерьёз, вздохнул:

— Ружьёцо бы для охоты...

— Все великие полярники вели дневники, — заметил угрюмый Барьерчик, которому эта зимовка была как снег на макушку. Мечтал о кругосветке, а застрял у Камбалы!

— Дневники, обязательно дневники! — Плавали-Знаем собрал все пальцы в кулак и, поднявшись над столом, подмигнул: — И вы увидите, наш «Светлячок» когда-нибудь поднимут на пьедестал!

Он собирался сказать ещё что-то, но в это время дверь с грохотом распахнулась, и весь в клубах пара, стряхивая иней, в столовую ввалился курсант Упорный, который выполнял обязанности радиста, а сейчас в одиночку подталкивал «Светлячок» с кормы.

— Кажется, есть возможность! — крикнул он.

Но Плавали-Знаем широко улыбнулся и оставил его движением руки:

— Есть, есть возможность! Как следует закусить и выспаться.

— Но... — покраснел Упорный.

— И никаких «но»! Ужинать и спать. Завтра начинается... — Он не договорил, что начинается, и открыл иллюминатор. Золотой ободок сверкнул, как рамка будущего портрета.

В ночной синеве колыхалось ледяное поле. Рядом, на острове Камбала, помигивали наивные огоньки. Как спортсмены, по небесным дорожкам бежали спутники. Под ними торопились за рыбкой сейнеры. А над «Светлячком» пели ветры, и, сияя адмиральскими звёздами, поднималась Большая Медведица.

Где-то на берегу лаяли камбальские собаки, не зная, какие необыкновенные события ждут их завтра.

А на борту вмёрзшего в лёд пароходика человек в капитанской фуражке сказал:

— Завтра начинаем с собак.

Он сказал «завтра», хотя для себя и на сегодня оставил кое-какие необыкновенные дела.

ВОДА, ВОДА, ВОДА..

Едва команда «Светлячка» улеглась спать и в кубрике забулькала сонная тишина, Плавали-Знаем подошёл к Ваське и, тряхнув его за плечо, сказал:

— Шланги — наверх, брандспойты, — наверх, сам — наверх!

И всю ночь всей команде слышался сквозь сон шум воды, виделись штормовые волны.

Барьерчику снилось, что зелёная волна перекатывает его через горизонт. Уточку крутило в зелёном водовороте, и он сам тащил себя вверх за кудри.

А начальнику виделся океан. Он плыл по нему на новеньком пианино, одной рукой держа лакированный штурвал, а другой — выстукивал по

клавишам какую-то булькающую мелодию. Ему страшно хотелось записать её на бумаге, но отпустить штурвал было ещё страшней.

Но больше всех неприятностей эта вода доставила Супчику. Сначала ему снилось, что в котёл налилось очень много воды, суп получается жидким и Васька кричит: «Это же не супчик, это бульончик!» А потом раздался голос капитана: «Для славы надо работать!» А ему не нужна была слава. Был бы погуще суп, чтобы не сказали, что Супчик кормит хуже Борщика!

А вода всё лилась, плюхала. И наконец, открыв глаза, Супчик скатился с койки и заорал:

— Братцы, мы на дне!

По иллюминаторам в самом деле катились зелёные струи, сквозь которые едва пробивались солнечные лучи.

Команда бросилась в коридор, вышибла дверь и, вылетев на палубу, с криком пронеслась под уклон по сверкающему льду и вывалилась на поле. Моряки от удивления вытянули шеи: вместо вчерашнего уютного «Светлячка» перед ними задирало нос обросшее льдами судно. На вантах качался лёд, с мачт свисали сосульки, и влажный ледяной бугор, как осьминог, расползался с рубки по всей палубе.

А на баке, рядом с мокрым Васькой, с брандспойтом в руках, стоял Плавали-Знаем и поливал судно водой.

— Ну как? — спросил он ошарашенный экипаж.

— Вот это да, вот это лёд! — воскликнул Уточка и пробежался вдоль «Светлячка».

— Грандиозно... — сказал начальник. Хорошо или плохо — он промолчал, но всё равно это было грандиозно. Это, что ни говори, пахло настоящей зимовкой!

Сбоку на льдине лежало стадо нерп и, задрав носы, тарашило пуговичные глазки на небывалое

зрелище. А вдали, на берегу, вокруг человека в милицейской форме толпился народ, смотрел на заледенелый фрегат, на пляшущую среди льда команду и качал головами.

Плавали-Знаем усмехнулся. Слава уже летала над палубой «Светлячка». Нужно было стараться дальше.

И через некоторое время толпившиеся на берегу жители Камбалы увидели процессию, которая направлялась от фантастического судна к острову.

Экипаж «Светлячка» приступал к операции «Собака».

ПЕРВЫЕ ШАГИ МУЖЕСТВЕННОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Впереди экспедиции со свёртком костей торопился Васька. За ним деловито шагал Уточка. В бушлате, с маленьким рёбрышком в кулаке топал Барьерчик. А замыкал шествие Супчик, в белом халате и колпаке, с завёрнутой в простыню громадной, как дубина, говяжьей ногой на плече.

Снег хрустел под крепкими флотскими ботинками, а ветер перебрасывал на морозце крепкие морские слова.

— Живём! — подлетал Васькин голос. — С каждого двора по собаке — и «Светлячку» упряжка!

— А если на острове нет собак? — усомнился Барьерчик, которому эта затея не нравилась.

— Тогда кто ночью лаял? Я? — отозвался Уточка. — Собаки есть. На каждом порядочном острове свои собаки! — заверил он.

Не доходя до мыса Перчикова, искатели удачи, махнув друг другу на прощанье, рассыпались вдоль побережья и скрылись в ближайших проулках.

Васька взбежал на курносый пригорок и осмотрелся. Восточный ветер развеивал его синга-

пурские в клеточку брюки, прокуренные гаванской сигарой, и доносил носораздирающие запахи жареной рыбы. Appetit разыгрывался на все десять баллов. Но необходимость подсказывала совсем другое направление — туда, где запахов было поменьше и любой порядочный Бобик, увидев щедрую кость, мог бы дружески повилать хвостом.

Васька посмотрел налево, направо: посёлок состоял из одной длинной улицы с проулками, отгороженной сетями, на которых ещё болтались заскучавшие морские звёзды и старые рыбы хвосты. Вдоль сетей двигались Барьерчик и Уточка. Нужно было торопиться: всем собакам могло и не хватить.

Васька увидел каменный дом, с порога которого смотрел большой серый мопс.

— Настоящий вожак! — обрадовался Васька и уже зашуршал газетой, но пёс предупреждающе зарычал, и Васька махнул рукой: «Дурак, от собственного счастья отказывается!» И тут он заметил деревянный домик с собачьей будкой и, прохрустев по снежку, стал вытаскивать из свёртка приманку. — Ну и кость! — сказал он, привлекая к себе внимание. — Вот это кость!

Он перенёс через забор ногу и вдруг, дёрнувшись изо всех сил, заорал во всю боцманскую глотку: «Кость! Ко-о-ость!», потому что ему в голень вцепился гревшийся под забором пёс, которому Васька наступил на хвост.

— У, развели собак! — взвыл Васька и, услышав лязг зубов, бросился бежать. Вылетая из дворов, за ним катилась лохматая собачья свора. Васька пригнулся. На бегу, на минуту замешкавшись, он заметил застрявших в сетях Барьерчика и Уточку, услышал крик: «Помогите!», подумал: «Ну нет, каждый спасается как может». И, представив себе, что сейчас здесь будет твориться, припустил ещё сильнее.

ДЛЯ КИНО — ЧТО УГОДНО!

Неожиданно для самого себя Васька проскочил в распахнутую калитку, из которой внимательно смотрел на гостя маленький чёрный кобелёк. А ещё внимательней — на кость в его руке.

— Вот это умница, — сказал Васька, — вот это я люблю! — И протянул кость псу: — Самое вкусное отдаю!

Едва кобелёк взял кость, боцман схватил его под мышку и бросился со двора. Но, не сделав и шага, он увидел приближающуюся фигуру в милицейской форме и, завертевшись волчком, влетел в стоявшую во дворе единственную на весь остров красную телефонную будку, которую на Камбале выгрузили по ошибке.

К будке подходил единственный на весь остров сержант милиции Молодцов. И, побледнев от волнения, Васька стал набирать застрявший в памяти телефонный номер и усердно кричать:

— «Светлячок! «Светлячок»? Дайте капитана.

Красный от мороза сержант остановился. Глаза его широко раскрылись от удивления.

— Работает? Говорит?

— А как же! — сказал Васька.

— Так проводов-то нет! — сказал Молодцов.

— Так беспроволочная, — сообразил Васька, — через спутник!

Молодцов поднял глаза, посмотрел вверх и качнул головой:

— Ну, кино!

Сегодня он произнёс эту фразу уже второй раз. В первый раз она вырвалась у него, когда, заступая на пост, он увидел обрастающий льдом «Светлячок». А сейчас — у молчавшей десять лет телефонной будки.

— Кино, и всё! — повторил он. И вдруг, обратив внимание на странный груз под мышкой у Васьки, спросил: — А зачем у вас мой кобелёк?

Васька смущённо закрутил носом и вдруг выпалил:

— Так для кино!

На что Молодцов изумился уже бесконечно:

— Так что, и вправду у нас на Камбале снимают кино? Вот зачем на пароходе устраивали такие декорации!

— А вы не знали! Цветное, фантастическое, в двух сериях!

Молодцов рассмеялся: «Вот это да! Кто бы подумал!» И замахал руками:

— Берите Бобика! Если надо, мы вытащим всех бобиков в посёлке.

Но почти все собаки острова сидели уже вокруг Васьки, высунув языки, и прислушивались. Теперь-то они кое-что поняли! И на мордах у всех было написано одно: почему это берут в артисты милиционерского Бобика? Сниматься в кино хотела каждая собака! Даже без косточки. Даже даром.

— Берите, берите! — сказал Молодцов, счастливый оттого, что его Бобик станет первым на острове киноартистом, взял под козырёк и вдруг, насторожившись, быстро направился к замаячившей вдаль какой-то подозрительной фигуре.

ОШИБКА СЕРЖАНТА МОЛОДЦОВА

Фигура с громадной дубинкой на плече росла с каждым шагом. И Молодцов на всякий случай решил зайти в тыл. Он обогнул дом, перепрыгнул через забор и налетел на Супчика, у которого со лба падали крупные капли, будто он целый день плясал у раскалённой плиты!

— Супчик?! — сказал Молодцов. Супчика знали на Тихом океане так же хорошо, как Борщика.

— Ага! — сказал кок.

— А это что у вас? — Сержант с любопытством посмотрел на дубинку.

— Нога! — сказал Супчик.

— Что?!

— Говяжья нога!

— Так что вы с ней здесь делаете? — с интересом спросил Молодцов. Заподозрить в чём-нибудь кока, который приносил для команды даже собственную петрушку и укроп, не могли бы на тысячу миль вокруг.

— Меняю на солонину! — сказал кок. — Нам на «Светлячке»...

— На «Светлячке»? Для кино? — Молодцов приподнял фуражку, хлопнул себя по лбу. — Для кино будет всё!

И, взвалив дубинку себе на плечо, зашагал прямо к маленькому дворику. Там вокруг высокого очкастого чудака ходили десятка два румяных ребятишек.

— Привет детсаду! — крикнул Молодцов.

— Привет! — закричали ребятишки. А один, вцепившись в шинель сержанта, закружился на нём, как на карусели.

— Отставить, Соскин! — сказал Молодцов и, протянув чудаковатому директору детского сада руку, стал, к удивлению Супчика, что-то рассказывать про кино, про своего Бобика и про солонину. Он потряс в воздухе говяжьей ногой, и заведующий детсадом, который очень любил фантастические фильмы, сказал:

— Поменять могу, только солонины не держим. Мясо — на консервы или на детскую питательную смесь. Есть «Малыш», есть «Крепыш». Что угодно?

— Ну? — спросил Молодцов у кока.

И Супчик, что-то обдумав, согласился:

— Давайте смесь! «Крепыша» с «Малышом» вместе.

Взвалив мешок с детским питанием на плечо, кок потопал к славному пароходу.

— «Конечно, аппетит будет балла на три», — думал он, но для общего дела он был готов и на это.

КТО СЫГРАЕТ ГЛАВНУЮ РОЛЬ...

Нужно сказать несколько слов и о курсантах, которых Васька заметил в самом неуютном положении.

Лай прокатился, как цунами, и курсант Барьерчик, выбираясь из сетей, отряхиваясь, краснел от стыда: «Ничего себе, нашёл горизонт!» — и недоумевал, как это он влип в такое пёсье дело.

А курсант Уточка переживал, что не может его выполнить. Во-первых, когда думаешь, как бы собаки не достали тебя, не очень-то думается, как достать собаку. А во-вторых, все лучшие собаки достались Ваське!

Хоть бы увидеть одного порядочного пса!

Но тут распахнулось окно и какая-то юркая старушка со словами: «Пшёл, артист! Ишь блох нахватался!» — вышвырнула маленького курносого пса прямо Уточке на голову.

— Пёс! — чуть не захлебнулся от радости Уточка. — Пёс!

«Если поторопиться, и такая собака может сыграть в деле не последнюю роль!» — подумал он. И, подхватив бобика под мышку, уже выбрался из дыры, когда, выбежав на крыльцо, старушка пропела:

— А котика не возьмёте? Тоже артист! — И вытащила из-под крыльца глазастого черного кота. Но Уточка отмахнулся: хватит артистов!

Барьерчик промолчал. Он хмурился и краснел, и ему казалось, что вместе с ним хмурится и краснеет солнце.

А Уточка бежал вприпрыжку, и ему казалось, что солнце бежит и подпрыгивает вместе с ним, словно и у него под мышкой ворочается и твякает славный бобик.

И никто не заметил, как насмешливо улыбнулся чёрный кот:

«Посмотрим, кто ещё сыграет главную роль!»

САМЫЕ ПРЕКРАСНЫЕ ЗАМЫСЛЫ

Проводив задумчивым взглядом экспедицию, начальник училища вышел на лёд и спортивным шагом стал прохаживаться вдоль «Светлячка». Его делом были песни! Щёчки его попыхивали морозцем, надраенные ботинки издавали музыкальный скрип, а пуговицы на кителе сияли, как музыкальный взвод на праздничном параде. Воздух был полон звуков, и каждая снежинка — искрящихся нот.

Бархатную мелодию излучали холмы Камбалы, загадочными нотками мерцал горизонт, хвостиком какой-то неясной мелодии казалась удаляющаяся экспедиция, а ветер носил вокруг столько звуков, что его можно было резать ножницами, как магнитофонную ленту: чик — и песня! чик — и другая!

Весёлый композитор был сам полон музыки. Он подхватывал ноты на лету и записывал их прямо на снегу. А ветер, вырывая из-под рук, тут же начинал насвистывать. Композитор сиял от удовольствия.

Искося он поглядывал на берег — там собралась толпа камбальчан, и начальник думал: слушают!

Более того, на краю льдины он заметил стадо нерп, которые, подняв головы, тоже подхватывали рождающуюся мелодию! Что нерпы музыкальны и любят слушать музыку, начальник знал, но, чтобы они пели, музыка должна быть очень стоящей! От гордости медные пуговицы на кителе композитора засияли чистым золотом.

«А что, если создать “Концерт для нерп”? Вот так!» Он провёл по воздуху пальцем, тихо запел, но и эту мелодию мгновенно подхватил ветер.

«Э, так не годится, все мелодии на ветер и ни одной в руках», — подумал начальник. Он протестуяски вскинул руку и тут же смущённо убрал её за спину: на руке голубел маленький якорёк, вытатуированный по глупости в детстве. Начальник побежал к трапу, чтобы кое-что записать на бумаге, но остановился. На берегу кто-то крикнул:

— Слышали? На «Светлячке» будут снимать кино!

Щёки композитора от волнения вспыхнули, как брусничины.

— Какое? — спросили в толпе.

— Двухсерийное.

— Ну да?!

Начальник посмотрел на борт. Там, вытянув шею и оттопырив ухо, ловил каждый звук Плавали-Знаем.

«Вот это новость! — думал начальник. — Кино!» В это верилось и не верилось! Не верилось, но хотелось верить! Но раз объявили по радио о зимовке, то почему про зимовку не снять кино?!

«А раз кино, — подумал начальник, — значит, должна быть музыка, которую может написать он! Какое кино без музыки! А если хорошая,

смотришь, могут дать премию. Какую? Будущую!»

И начальник засмеялся, потому что сам себе вдруг придумал звание: «Лауреат будущей премии».

И, взмахнув перед собой якорьком и улыбнувшись нерпам, будущий лауреат отправился в кубрик записывать песни — для нерп, для кино и для своих курсантов, которые возвращались из нелёгкого похода.

ЛЮБАЯ СОБАКА ЗНАЕТ

Уточка торопился к фантастическому судну, от которого на всю Камбалу разлетались лучи будущей славы и разжигали воображение. Курсанту казалось, что если поторапливаться, то можно оказаться не только штурманом у каких-то рыбацков. Кем, Уточка вслух не говорил, но представлял себя на мостике вместо важно прогуливавшегося Плавали-Знаем. «Удачу нужно ловить на лету!» — думал он.

И вдруг на глазах у всей экспедиции Уточка как-то странно отбросил бобика в сторону и, дав себе звонкий подзатыльник, со всех ног припустил к «Светлячку».

— Вот торопится! — усмехнулся Барьерчик.

— Лучше помог бы! — крикнул Супчик, вскидывая поудобней мешок.

И только Васька, окружённый толпой заискивающих мохнатых актёров, не обратил на Уточку никакого внимания. Он смеялся над тем, как ловко околпачил этого простака Молодцова.

— Кино! — хихикнул он. — Беспроволочная связь! Вот чудак!

Васька всю дорогу не закрывал рта, но вдруг рот его сделался ещё шире, потому что с борта «Светлячка» раздался голос бравого капитана:

— Ну что? Что я говорил!
— А что? — спросил Супчик.
— О нас будут снимать кино.
— Кто сказал? — спросил Васька, озираясь.
— Все! — сказал Плавали-Знаем. — Любая собака на Камбале знает! Весь берег гудит!

С берега действительно доносился гуд, и капитан сказал точь-в-точь Васькиными словами:

— Фантастическое, две серии.

Мохнатые артисты залились восторженным лаем.

— Так что дел по горло, — сказал Плавали-Знаем и хотел добавить что-то ещё, но тут на палубу влетел Уточка, за которым прыгал чёрненький пёс.

Подцепив его за шкурку, капитан восторженно сказал:

— Какой пёс, какой прекрасный полярный... — вдруг он перекосясь, крутанув ногами на месте, шлёпнул себя пониже спины, и от бобика оторвалось и бросилось по ветру на юг колющее чёрное облачко.

ДЕРЖИСЬ, ВАСЯ!

Каким путём (по воздуху, через какой-нибудь спутник или при помощи телепатии) разнеслась весть о съёмках фильма — значения не имело. Главное, что она наэлектризовала весь экипаж так, что между его членами потрескивали искорки.

— А кто будет исполнять главную роль? — спросил Уточка.

— Фильм фантастико-документальный, — уклончиво ответил Плавали-Знаем.

— Какая разница! — воскликнул подпёкшийся на морозце композитор. — Главное — будет фильм!

Он уже слышал, как с экрана летит его героическая музыка о льдах и штормах.

А Васька подумал: «Кино! Теперь все дружки в Океанске ахнут. В какую забегаловку ни зайдёшь, только и услышишь: «Васька-то, а!»

Вспомнив про забегаловку и Пирожковую площадь, Васька потянул носом и сказал:

— А есть хочется!

— До пупиков! — подтвердил Уточка.

И все собаки, вытянув морды, азартно зевнули. Всем хотелось за стол, и все смотрели на Супчика. Даже молоденький месяц, висевший в посёлке над заступившим на вечерний пост Молодцовым, казался худеньким, проголодавшимся — Молодцов-то поужинал, а он нет, — и тоже смотрел вниз: ну скоро, Супчик?

— Через полчаса! — пообещал кок.

— Полчаса, — усмехнулся Плавали-Знаем. — За полчаса можно совершить что-нибудь и повеселее.

— Что? — спросил с готовностью Уточка.

— Одеть команду в меха!

— Это в полчаса-то? — засмеялся Барьерчик. — С избы по шубе?

— Зачем?! — сказал Васька и, подмигнув капитану, посмотрел на северную сторону острова, где на вертолётной стоянке, посинев от мороза, таращили окошечки три вертолёта и откуда пахло крепкими щами. — Могу сбегать! Три минуты!

Там жили помощники рыбаков, дружные вертолётчики — любившие шутку люди.

— Сбегать, когда рядом рвутся в бой прекрасные ездовые собаки? — с укоризной сказал Плавали-Знаем.

— Так нет упряжи! — сказал Васька.

— Есть идея, — сказал капитан и выдернул из-под бушлата ремень. — Снимай ремни!

И через несколько минут вся — кроме Барьерчика — команда, поддерживая штаны, смотрела, как упряжка весёлых бобиков тащила к острову Ваську и капитана в компотном бачке, привязанном вместо нарт. Ездоки покрикивали: «Держись, Вася! Живей, братец!» — не замечая, что, сидя на снегу и дыша то на одну, то на другую лапку, с явной усмешкой фотографировал зрачками эту компанию чёрный кот, будто говоря: «Посмотрим, посмотрим...»

ПОЧЕМУ МЕЛКИЕ?

На вертолётной станции сквозь заиндевелое окошко сразу заметили приближение упряжки, в которой гарцевали два субъекта. И один из механиков сказал:

— На бобиках, а как жмут!

— Штаны держат. Одежду будут просить, — сказал другой. — Я этих киношников знаю. Как где съёмки, так им унты давай, шубы давай — хоть с себя стаскивай.

— Выдать! — приказал приземлившийся командир. Он любил фантастические фильмы.

И не успел Васька затормозить, а Плавали-Знаем крикнуть: «Здорово, орлы!», как открывший дверь механик спросил:

— Декорации? Для двух серий?

— Ага! — сказал Васька.

— Сколько угодно! — сказал механик. — Только музейные!

— Почему музейные? — спросил Плавали-Знаем.

— Мамонты! — И механик кивнул в угол, где лежали списанные в расход лохматые, как мамонты, тулупы и унты.

— Живём! — сказал капитан.

— Берём! — крикнул Васька, обхватывая всю кучу.

А ещё через несколько минут вертолётчики бросились вдогонку улепётывавшей упряжке, от которой разлетался весёлый парок. Унюхавший съестное Васька схватил вместе с одеждой куртку, в которой грелась кастрюлька с ужином для начальника станции. Механики кричали вслед прощи с косточкой и баранью отбивную, но крик этот терялся среди спокойных звёзд и посвистывающего морозного ветра. Упряжка летела изо всех сил к «Светлячку».

— Налетай! — крикнул Васька, осадив прямо у трапа. — Расхватывай!

Но начальник училища вежливо отказался. Современная форма сидела на нём как нельзя лучше и была привычней. И курсантам, несмотря на разницу во взглядах, она тоже добавляла гордости и самоуважения.

— Ну как хотите! — крикнул Васька. — Было бы предложено! — И, взбежав по трапу, уже в унтах и шубе, просунул нос в столовую: — Ну что?

— Порядок,— отрапортовал Супчик и метнул на стол семь оловянных тарелок, которые точно знали, где им остановиться.

— А почему только мелкие? — спросил Васька.

Но не всё на необыкновенной зимовке могло быть крупным. Вместо большого котла кок вытащил с камбуза маленькую кастрюльку и стал наляпывать на тарелки какую-то жижу.

— Это что? — спросил Васька, и лицо его вытянулось.

— Смесь! — сказал Супчик.

— Какая смесь? — вскочил Васька.

— «Крепыш», — сказал кок. — Питательная.

— А говядина?

Плавали-Знаем описал выпученными глазами вопросительный знак. Но кок пожал худенькими плечами:

— Зимовка.

— А что, — спохватился Плавали-Знаем. — Супчик прав! Ведь действительно — зимовка!

Все почувствовали, что необыкновенная зимовка и в самом деле вот-вот начнётся, и кто-то из механиков сказал:

— А скоро кончится топливо. Осталось до Океанска!

— Нарисуют! — съязвил Барьерчик.

— Как папа Карло! — захохотал Васька. — Дровишки и котелок.

— А что, — вылизывая тарелку, сказал Уточка. — Я читал в каком-то журнале: у нарисованного костра становится теплей.

— Если у художника есть настоящий огонёк, — заметил начальник.

— Можно попробовать! — Уточка с готовностью кивнул.

И Плавали-Знаем, прислушиваясь к вою ветра, сказал:

— Валяйте! Проверим! — Идея ему понравилась.

И Уточка пошёл в подшкиперскую выбирать самые горячие краски.

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ЧЁРНОГО КОТА

Поблагодарив Супчика за прекрасный полярный ужин, Васька поспешил в каюту и, вытащив из куртки кастрюльку, вылизал пюре и съел отбивную. Достав дневник, он прикусил карандаш, думая, что бы такое историческое записать сегодня.

А Плавали-Знаем вышел на покрытую инеем палубу.

Она сверкала. Стараясь изо всех сил, над мачтами «Светлячка» сияли звёзды. Внизу на привязи ворочались собаки. И великий зимовщик улыбнулся: сутки, только сутки со времени выступления Репортажика, а уже столько сделано! «Светлячок» — во льду. Собаки — в упряжке. Шубы — на плечах. А всего только сутки! И, обдумывая необыкновенные планы, капитан постукивал по льдине каблуком: держится!

Вдруг он тревожно наклонился и постучал по ней пальцем — трещина? Завтра же поставить для прочности клёпки! Но улыбнулся: нет, царапина. И, поплевав на лёд, быстро её замазал.

Всё звенело, потрескивало — казалось, сам мороз ставил над необыкновенными планами крепкие восклицательные знаки.

«День, другой, третий — и мы ещё посмотрим, Солнышкин, чья Антарктида лучше», — рассмеялся Плавали-Знаем, вспомнив своего бывшего матроса.

Но прошёл только день. А впереди была ещё ночь. Она гудела, посвистывала, поскрипывала от мороза. Ночь трудилась. И экипаж тоже не мог уснуть в предчувствии скорых событий.

Курсант Уточка рисовал. Начальник училища ворочался с боку на бок, пытаясь поймать мелодию. Он уже уловил важный начальный звук и почти держал в руках следующий, но вместо этого вдруг на всю округу проскрипело: «Мяу!» И автор будущей песни смутился: какая-то ошибка! Но никакой ошибки не было. Именно в тот момент, когда композитор уловил счастливую ноту, ничего не записавший в дневник Васька швырнул в иллюминатор косточку отбивной. Она пролетела над упряжкой, отскочила от льдины и стукнула по лбу торчавшего на снегу чёрного кота, который тут же издал протяжное: «Мяу!» — и, схватив кость, с таким усердием впился в неё зубами, что заждавшиеся съёмок псы с лаем рванулись в погоню!

Раздался лёгкий треск. Судно дрогнуло. Не совсем проснувшийся курсант Упорный схватился за ключ и под завывание ветра стал настойчиво выбивать:

«SOS! SOS! SOS! ТЕРПИМ БЕДСТВИЕ РАЙОНЕ ОСТРОВА КАМБАЛА. «СВЕТЛЯЧОК».

Прилёгший отдохнуть в своей каюте Плавали-Знаем заворочался под тулупом. До его слуха донесся стук морзянки, но он отмахнулся: «Какой SOS! Какое «Бедствие»! И скоро к завываниям метели прибавилось начальственное посвистывание, посапывание и похрапывание.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУДУТ, СОЛНЫШКИН!

В это самое время из далёкого антарктического рейса, пропахший всеми ветрами и штормами, возвращался известный читателям бывалый пароход «Даёшь!». Бока его были потёрты льдами и плавниками акул, палуба посвечивала свежей краской. Экипаж торопился домой.

Шелестели в каюте Перчикова экзотические магнитофонные плёнки, покачивались за бортом родные волны. И на мостике парохода стоял матрос Солнышкин в новенькой майке, на которой зеленела нарисованная весёлая пальмочка. А в руках у Солнышкина была новая кинокамера, которую только что во время стоянки в Японии подарили ему японские моряки за спасение свалившегося с причала мальчишки, о чём писали все японские газеты. И Солнышкин торопился снять всё удивительное, чтобы в родном сибирском посёлке повеселить бабушку и школьных друзей.

Но акулы и летучие рыбы остались в тропиках. Киты скрылись. И только родной ветер похлопывал бывалого моряка по румяным щекам.

Потом быстро стемнело. И на небо крупными огнями посыпались родные созвездия. Вышел проветриться Орион, присмотрелся и козырнул: «Привет, Солнышкин!» Наклонилась Большая Медведица: «Эге! Да это же пароход «Даёшь!». А кто это там, на мостике? Солнышкин? Привет, Солнышкин! Где это ты пропадал! В Антарктиде? Хорошо живёшь!» — И потопала дальше.

А Солнышкин спустился по трапу и мимо Доски почёта, на которой рядом с серьёзными физиономиями Буруна и Перчикова сияла его — лучшего рулевого — улыбка, пошёл в каюту.

— Ну что? — не отрываясь от какой-то схемы, спросил Перчиков. В руках у него был паяльник и пучок проводов.

— А ничего! — садясь на койку, сказал Солнышкин. — Хоть бы что-нибудь весёленькое. Ни одного порядочного приключения. Возьмусь за учебник или пойду стирать тельняшку.

— А тебе что, нужны только извращения, жемчужины, «летающие тарелки»? Да давай я сниму, как ты стираешь тельняшку или драишь

палубу! Покажешь бабушке — так у неё слезы ручьями покатятся!

— А я не хочу, чтобы бабушка плакала! — вспыхнул Солнышкин. Он так и представил себе поджатые бабушкины губы и слёзы на маленьких ресницах.

— Так от гордости, — сказал Перчиков. — А вулканы, острова, киты — всё это ещё будет. Приключения ещё будут, Солнышкин. Будь уверен! Без этого у нас не обходится.

Вдруг Перчиков оглянулся.

Дверь распахнулась, и в каюту вкатился на роликах симпатичный деревянный человечек в нарисованной голубой тельняшке, с синими, сия-

ющими стёклышками в квадратной голове и про-
изнёс:

— Приключения ещё будут, Солнышкин!

Он протянул радисту радиogramму, и Перчи-
ков, отложив паяльник, стал быстро читать:
«SOS! SOS! SOS! ТЕРПИМ БЕДСТВО РАЙО-
НЕ ОСТРОВА КАМБАЛА. «СВЕТЛЯЧОК».

— Что там? — спросил Солнышкин.

Перчиков прочитал радиogramму вслух,
и Солнышкин вскочил с койки. Только что ему
хотелось домой к бабушке. Но тут был чистый
SOS! Люди просили помощь. И где?! У острова
Камбала. Этот остров для Солнышкина и особен-
но для его друга кое-что значил.

— Такие приключения! — сказал Перчиков.

— Ничего себе приключения! — застёгивая
бушлат, сказал Солнышкин. — Но это мы всё
равно снимем! — И он хлопнул деревянного мат-
росика по квадратному плечу.

Перчиков рассердился:

— «Снимем»! Сперва нужно помочь людям!
А потом снимать!

— И поможем, и снимем! — сказал Солныш-
кин вслед другу, который бросился с радиogram-
мой будить капитана.

КОГДА ДРУЗЬЯ В БЕДЕ

Капитан Моряков и не думал спать. Он то ходил
по каюте, то, наклонясь над столом, что-то измерял
циркулем на листе ватмана и приговаривал:

— Ай да Солнышкин, ай да голова!

И был повод. Несколько дней назад во время
разговоров в подшкиперской боцман Бурун вдруг
вздыхнул:

— Ну, вот и всё. Скоро на пенсию. —
И развёл руками: — И не один я, и наш парохо-
дец, наверное, тоже.

— Это почему ещё? — удивился Моряков.

— Маловат, — сказал Бурун. — Куда ему, старику, тягаться с нынешними великанами!

— Подумаешь мал! — возразил Солнышкин. — Может и подрасти!

— Это как же? — удивился боцман.

— Запросто! Разрезать судно пополам, вставить новый трюм, как плавучий вагон, а если будет мало — ещё один, соединить блоки гайками — и получай пароход. Не пароход, а целый плавучий поезд! Пришли в порт, отцепили вагон и пошли дальше. Гуляйте, братцы!

— Гениально, — сказал Моряков. — Даже озноб прошёл по коже. Просто и гениально. Судно из блоков! Плавучий поезд!

Это была настоящая конструкторская мысль! Только нужно было продумать и рассчитать, как всё это устроить на деле. И, отложив в сторону кисти, Моряков каждую свободную минуту выкраивал для нового проекта. Это же просто чудо, если устроить в масштабах страны! Пароход тот же, а грузов втрое больше! Ай да Солнышкин, ай да голова!

Ветер влетал в открытый иллюминатор. С портрета на Морякова смотрел Робинзон, будто подмигивал своему ученику: «Думай, братец!» И Моряков думал.

Но в дверь постучали, и, влетев в каюту, Перчиков протянул радиogramму. Моряков мигом пробежал глазами тревожный текст и спросил:

— Когда приняли?

— Пять минут назад, — сказал Перчиков. — И не я. Я бы не взял, плохая слышимость. Морячок отличился!

— Морячок? — спросил капитан. — Значит, кроме нас, никто мог и не слышать?

— Скорее всего, нет, — сказал радист.

— Кроме Морячка, никто,— чётко раздалось из-за двери.

— Немедленно сообщить в Океанск,— сказал Моряков.— Запросить указание и готовиться к спасательным работам.

Он свернул в рулон чертежи и, пере-
шагивая через несколько ступенек, бросил-
ся на мостик. А Перчиков помчался в радио-
рубку.

— Что там, снова «тарелки»? — шепнул Борщик.

— Где-то перевернулись? — спросил выско-
чивший из каюты с бочонком в руках Бурун.

— Кого-нибудь опять высадили на Камбале,—
усмехнулся доктор Челкашкин, отравивший за
это время бородку.

Но тут появился деревянный человечек и,
приложив к груди руку, сказал:

— «Светлячок» в беде. «Светлячок» в беде.

СЕРЬЁЗНЫЕ ДЕЛА ПАРОХОДА «ДАЁШЬ»!

После того как команда парохода помахала на
прощанье оставшемуся зимовать Робинзону,
а доктор Челкашкин оттолкнул пяткой последний
айсберг, «Даёшь!» взял курс на север и на палубе
начались серьёзные перемены. Все углубились в
дела. Солнышкин обложился учебниками. Он го-
товился к экзаменам в морское училище и втяги-
вал в себя знания, как прекрасная аэродинамиче-
ская труба. Страницы энциклопедии так и щёлка-
ли его по носу.

Доктор Челкашкин запирался в каюте и на все
недоуменные вопросы отвечал: «Некогда! Пишу
диссертацию «Собачий нос и Северный полюс».
Пионерчиков писал статью о подвигах Солныш-
кина и временами очень серьёзно смотрел на по-
серьёзневшую Марину.

Но серьезней всех вел себя Борщик. Сварив борщ, добрый кок старательно дул в котёл, чтобы команда не ошпарилась во время обеда. А после того как однажды, пошмыгав у камбуза носом, Перчиков сказал: «Кажется, повернули к Зеландии. Пахнет бараниной с перцем и чесноком по-зеландски!», Борщик тоже стал принюхиваться возле каждого острова. И не просто принюхиваться, а записывать в особую тетрадку рецепты блюд, запахи которых доносил тропический ветер. Добрый кок хотел порадовать весь Океанск блюдами тропической кухни.

Но когда подобные серьёзные дела кончались, у всех находилось время и для шуток. И только Перчиков жаловался:

— Пошутил бы, да нет времени. Даже в шахматы сыграть некогда! — У него под подушкой хранилась шахматная доска, в которой до времени отдыхали вырезанные в антарктическом рейсе фигурки — киты, дельфины, пингвины, морские коньки.

Он ждал, не донесутся ли какие-нибудь известия с острова, почётным вождём которого он считался до сих пор. Эфир был полон звуков, мир — происшествий. Рядом проплывали острова, страны. Мчались тысячи сигналов. И слушать за всех весь этот шумный карнавал должен был он, Перчиков. И кроме того, он обдумывал один важный шаг, одну радиограмму, о которой не говорил никому, кроме Солнышкина: он собирался в космонавты.

— Нашёл бы себе заместителя,— сказал Солнышкин.

— Некому доверить,— вздохнул Перчиков.

— Сделал бы работа,— пошутил Солнышкин.— На суше их полно, в космосе сколько угодно. А морского — ни одного!

Перчиков загорелся. Ответить он не ответил, но с той поры вообще стал появляться на палубе только для того, чтобы выудить у боцмана доску или кусок фанеры. Он пробегал мимо Борщика, быстро скрывался в радиорубке, и оттуда доносился то осторожный звук пилы, то нежный дымок канифоли, а иногда слышались какие-то странные разговоры.

И однажды за Перчиковым из рубки вперевалочку выкатился какой-то деревянный человечек и, подъехав к красившему борт Буруну, произнёс:

— Боцман дай, пожалуйста, краски.

Бурун сел на свежевывкрашенную палубу. А человечек ласково повторил:

— Боцман, дай, пожалуйста, Морячку краски. На штапы и тельняшку.

И, готовый из-за каждой капли краски броситься в драку, Бурун протянул ему банку синей краски и кисти. Скоро деревянный матросик выкатился на палубу, сверкая яркой тельняшкой, синими глазами и синими брюками, подъехал к Морякову и сказал:

— Я — Морячок. Прошу зачислить меня в экипаж и поставить на электропитание.

А увидев Солнышкина, сказал:

— Руку на дружбу, Солнышкин,— и протянул ему свою фанерную ладонь.

— Чудеса! — сказал Челкашкин и спросил радиста: — На какой же энергии он работает?

— На крепком флотском рукопожатии,— сказал радист.

С этого момента Морячок исправно принимал за Перчикова радиogramмы, а в свободное время объезжал на парохде все уголки, пожимая морякам руки. Если рядом появлялся кто-то без дела, Морячок повторял: «Утечка полезного времени». Проезжая мимо Борщика, он шутил: «Борщик,

где моя электрокотлета!» — и направлялся за своим любимым Солнышкиным, напевая: «По морям, по волнам...»

Кроме того, Морячок отлично играл в шахматы и, выиграв партию у радиста, не раз приговаривал: «В три хода, в три хода, в три хода!» А если Перчикову было некогда, сажал напротив себя пингвина, тем более что на доске вместо пешек тоже двигались маленькие пингвины.

Правда, пока ему пожимали руку, он весело повторял: «Всё впереди! Вся жизнь впереди!» Но ведь не будешь всё время заниматься рукопожатиями, и Морячок начинал вздыхать: «Всё конечно, всё конечно, всё конечно». Летели впереди облака. Шумели волны. Качались вдали пальмы. А Морячок вздыхал: «Всё конечно». Но стоило протянуть ему руку, и по палубе снова двигался радостный голубой Морячок, за которым топал маленький пингвинчик.

Теперь Морячок стоял среди моряков, приняв в сложных условиях тревожную радиограмму, и сообщал:

— «Светлячок» в опасности! «Светлячок» в опасности!

— Кто? «Светлячок»? — крикнул Борщик и схватился за голову: на «Светлячке» плавал его лучший друг Супчик!

НА ПОМОЩЬ СУПЧИКУ!

Пальмовое настроение экипажа «Даёшь!» вмиг сдуло далёким криком SOS! Какие могут быть проекты, диссертации, энциклопедии, цирковые медведи, когда товарищи в беде!

Пароход набирал скорость. Над ним со всех лап бежала Большая Медведица. В клюзах гудело. В шпигатах хлюпало. Вся команда толпилась у радиорубки, в которой Перчиков отстукивал радиограмму в Океанск: «В СУРОВЫХ ЛЬДАХ ОСТРОВА КАМБАЛА ТЕРПИТ БЕДСТВИЕ ПАРОХОД “СВЕТЛЯЧОК”. СЛЕДУЕМ НА ПОМОЩЬ. ЖДЁМ УКАЗАНИЙ». На секунду Перчиков задумался и выстукал подпись: «ВЕСЬ ЭКИПАЖ ПАРОХОДА “ДАЁШЬ!”»

Команда притихла. Борщик хлюпал носом. Бурун, которого в Океанске ждали два билета на спектакль с его любимыми медведиками, сурово сжимал в руках крепкий, как снаряд, бочонок. Челкашкин нервничал, но ответа не было.

— Ну, скоро ты там? — влетел в рубку Солнышкин.

— Тише! — Крикнул Перчиков. — Тише! — И поднял палец.

Из Океанска сквозь морозный воздух в рубку пробивались точки и тире. И, схватив карандаш, радист стал быстро записывать. Но вот он выключил приборы и бросился к капитану. Однако Мо-

ряков вместе со всеми ждал возле рубки и, взяв радиogramму, прочитал: «КАПИТАНУ ПАРОХОДА “ДАЁШЬ!”. КАПИТАНУ ПАРОХОДА “СВЕТЛЯЧОК”. ПРИКАЗЫВАЮ ЭКИПАЖУ “ДАЁШЬ!” СЛЕДОВАТЬ ВЫРУЧКУ “СВЕТЛЯЧКА” ИЗ ЛЕДОВОГО ПЛЕНА, КОМАНДИРОМ ЭКСПЕДИЦИИ НАЗНАЧАЮ КАПИТАНА МОРЯКОВА. НАЧАЛЬНИК ПАРОХОДСТВА ЮРКИН».

— Ура! — закричала команда. — На помощь «Светлячку»!

— Ура! — подпрыгнул Борщик. — На помощь Супчику!

— На помощь друзьям! — сказал Моряков и приказал: — Матросу Солнышкину встать за штурвал!

И через минуту волны за бортом заколыхались так, что кокосовые орехи в каютах запрыгали, как погремушки.

Бурун готовил на носу крепкий буксирный трос. Челкашкин — для пострадавших медикаменты. Борщик выискивал рецепты лучших блюд. И сам пароход «Даёшь!» с небывалой скоростью летел на выручку к старинному другу «Светлячку».

СПОРТИВНОЕ УТРО У ОСТРОВА КАМБАЛА

Пока пароход «Даёшь!» бежал на помощь «Светлячку», Плавали-Знаем ворочался в своей каюте, изо всех сил сбрасывая с себя мамонтовую шубу. Ему было жарко, казалось, что он стоит среди горячего песка на берегу моря, а вокруг вспыхивают юпитеры, журчат кинокамеры и носятся похожие на Уточку носатые режиссёры.

— Побейте, — сказал капитан. — Ну и жара!

Он приоткрыл глаза, спросонья нащупал меховой сапог и потянул на ногу, но сапог залаял и отскочил в сторону. Плавали-Знаем сунул ногу в другой сапог, но сапог издал «мяу», и из него появилась кошачья голова.

— Чёрт знает что за кино! Развели собак, сапоги мяукают! — сказал Плавали-Знаем, но, совсем открыв глаза, вспомнил: — Ха! Да у нас зимовка! — и высунул голову в иллюминатор.

Разукрашенное морозцем румяное солнце сияло, будто собиралось на молодёжный кросс. Дома в посёлке горели стёклами и хватали форточками ветер, словно собирались, как молодые лыжники, съехать с горы. А маяк на краю острова красовался таким бодрячком, будто только что сделал на ветру сто приседаний и окатился холодной водой.

«Кругом физкультура, а мои посапывают», — усмехнулся Плавали-Знаем. Его тоже охватил физкультурный азарт, и он направился в кубрик будить команду.

Но вдруг, заглянул в столовую, в неожиданности отпрянул. Задней стенки у столовой словно и не бывало! Вместо неё пылал нарисованный костёр, возле которого в одних трусах с кистью в руке хлопотал Уточка.

— Вот это да, — сказал Плавали-Знаем. Уточка в глазах капитана приобретал вес. — Что, греет?

— А для чего стараемся! — сказал посиневший Уточка.

— А ведь греет. Греет! — воскликнул Плавали-Знаем, прижимаясь шубой к батарее, тоже выкрашенной в горячий цвет. (И щёки отличившегося Уточка загорелись.) — Греет! — повторил Плавали-Знаем, сидя в шубе. Не зря ему снились тропические сны!

Увидев на рукаве красные отпечатки, он удивился: «Ты смотри, прижёт!» А услышав громкое «мяу», что-то вспомнил, вытащил из сапога чёрного кота и, улынувшись: «И тебя прижгло!», швырнул его в открытый иллюминатор.

— Однако совсем жарко,— сказал он.— Пора будить остальных. Пусть погреются.— И крикнул:— Подъём!

В столовую одна за другой стали просовываться взъерошенные головы, и Плавали-Знаем, показывая на костёр, пригласил:

— Раздевайтесь! Можно позагорать!

— И размяться! — откликнулся начальник, уже полчаса делавший зарядку.

Барьерчик, принимавший воздушные ванны в любую погоду, насунил брови: «Не обошлись бы без умного приглашения!» — и стал разводить руки в стороны так, что по мускулам пошли жаркие пятна.

— Греет! — кивнул на костёр Плавали-Знаем.— Огня хватает.

— Краски много,— приседая, уклончиво ответил начальник.— Правда, не хватает искорки...

— Уголька,— добавил Супчик.

— Искорка! Подумаешь, искорка, когда вокруг столько огня! — рассмеялся Плавали-Знаем и скомандовал: — Теперь — на льдину и бегом марш!

— А что, для здоровья неплохо! — сказал крепенький начальник Барьерчику.

И к удивлению дрожащих собак, зимовщики стали бегать вокруг парохода.

Плавали-Знаем поглаживал торосы и говорил:

— Хорошо, хорошо.

А на берегу, глядя в бинокль, закалённый сержант Молодцов качал головой:

— Ничего себе репетиция! В трусах по льду океана! Нет, в киноактёры я не пойду.— Он на-

вел бинокль на дрожащего Уточку, и ему показалось, что от холода вздрогнул весь остров.

— Ну хватит,— хлопнул в ладоши Плавали-Знаем,— согрелись, остудились, теперь в воду. Есть среди нас моржи?

И к общему изумлению, Васька, схватив шубу и заорав: «Я не морж! Я — нерпа», бухнулся в воду прямо в шубе.

«Спортсмены» опешили.

В ту же минуту в воздухе что-то просвистело и в край льдины впился дротик, за который Васька ухватился.

Оглянувшись, все увидели на носу «Светлячка» кока Супчика с охотничьим луком в руках.

Участия в спортивном пробеге кок не принимал. Он готовил полярный завтрак. И так как чувствовал себя виновным в отсутствии солонины, старался восполнить запасы при помощи охоты. Из обруча и старой верёвки он сделал лук, из проволоки несколько дротиков и, услышав крик «Нерпа!», выпустил в мохнатую фигуру стрелу, за которую теперь и ухватился вылезающий из воды Васька-мамонт.

— Ну молодец,— сказал Плавали-Знаем коку, когда все собрались в столовой.— Отличился! — И, пропуская поближе к нарисованному огню вздрагивающего Ваську, велел Супчику: — Отличайся дальше!

Взмахнув фартучком, Супчик прямо с камбуза ловким броском послал на стол одну за другой семь дымящихся тарелок.

ОПЛОШНОСТЬ БОЦМАНА ВАСЬКИ

Тарелки встали точно перед участниками физкультпробега.

— Что, опять «Крепыш»? — сквозь зубы спросил Плавали-Знаем, и Супчик подумал, как

бы тарелки в том же порядке не полетели к нему обратно. Но с достоинством ответил:

— К вечеру один «Малыш» останется. И то хорошо.

И команда торопливо принялась уписывать детскую питательную смесь.

— В воде лучше,— сказал Васька.

— Почему? — спросил Плавали-Знаем.

— Камбала водится. Лови себе хоть руками,— сказал Васька и вдруг, почувствовав, что допустил оплошность, перевёл разговор на другую тему: — И чего там только нет — и морские ежи, и звёзды! Как игрушки! Хоть на ёлку вешай!

Но было поздно.

Глаза капитана на минуту остановились на Ваське, потом живо поехали по ожидавшей какого-то решения команде, и он сказал:

— А почему бы зимовщикам не организовать рыбную ловлю? Разве кто-нибудь против? Никто! Хоть удочкой, хоть руками лови.— Плавали-Знаем посмотрел на Ваську.— И насчёт ёлки тоже очень хорошее предложение. Будем ловить ёлочные игрушки.

— Так Новый год только через месяц!

— Ну и что? А зимовать мы будем что — один день? И потом, почему бы не встретить Новый год заранее? Всё в наших руках,— усмехнулся Плавали-Знаем и, потеряв руки перед нарисованным костром, подышал на них так, что изо рта повалил пар.

— А кто будет собирать игрушки? — спросил Васька.

— Конечно, человек с опытом! — мгновенно сориентировался Уточка, выставив вперёд утиный нос.

— Без подводной маски туда не прыгнешь. А на меня ни одна маска не лезет! — сказал Васька.

— Поможем,— сказал Уточка.

— Натянем,— сказал Плавали-Знаем и, хлопнув Ваську по плечу, встал из-за стола.

КАМБАЛА С ОСТРОВА КАМБАЛА

Один за другим зимовщики скатились по трапу на лёд мимо лохматых актёров, которые терпеливо ждали съёмок, но были уже не прочь погрызть по хорошей косточке.

— Ну, с чего начнём? — спросил Плавали-Знаем, оглядывая льдину.

— С лунки,— сказал Васька, натягивая прихваченный за неимением маски старый противогаз, в котором Супчик иногда резал особенно злой лук.— Надо долбить лунку.

— Долбить? — быстро спросил капитан.— Не пойдёт!

Неожиданно он заметил падающий откуда-то сбоку яркий луч и под ним чёрного кота. Кот вертелся вокруг небольшого пятнышка в льдине, цапал его лапкой и, глядя вниз то одним, то другим глазом, нервно дёргал хвостом. Что-то кота привлекало.

Плавали-Знаем с интересом посмотрел на него, сказал «брысь!» и плюхнулся на четвереньки. Кот недовольно фыркнул. Но Плавали-Знаем отодвинул его капитанской рукой, ткнулся в ледяное оконце лбом и, вскинув голову, стал быстро протирать лёд локтем.

Ямка увеличивалась на глазах. Плавали-Знаем подышал на неё, вытер края носовым платком и, припав глазом ко льду, закачал головой. Внизу, как балерина на сцене, проплывала медуза, из травы щупальцами грозил ему осьминожек, а возле морских звёзд в траве мелькали такие мальки, что удивлённый капитан чуть не пробулькал «агу».

И вдруг он весь изогнулся и махнул рукой: «Сюда! Сюда!» Так вот что так занимало кота! Внизу, на лысинке круглого камня, лежала камбала.

— Сюда! — крикнул Плавали-Знаем, но, вспомнив, что лунка ещё не проделана, ударил в лёд каблуком. Команду осыпали брызги.

— Крючок, крючок! — выпалил капитан.

— Будет! — крикнул Уточка.

Кот протестующе заурчал.

Но Супчик, которому мысль заняться рыбной ловлей пришла ещё раньше, запустил в лунку сразу четыре лески с крючками, выточенными из зубьев сервизной вилки.

— Так,— сказал Плавали-Знаем, снова припал глазом к лунке и схватился рукой за поясницу: падавший сверху луч начинал припекать.

— Так,— повторил капитан: крючки прошли рядом с камнем. И вдруг закричал: — Не так, не так! Уходит, уходит. Ну что же вы?! — Он посмотрел на команду и разом, сорвав с себя шубу и унты, бухнулся в воду. Из воды вылетела ночевавшая на скале стая гигантских крабов и в ужасе бросилась прочь.

Поднырнув под камбалу, Плавали-Знаем попытался схватить её за хвост, но скользкая рыбёшка, вильнув к свету, дёрнулась и в тот же миг вылетела наверх, подхваченная четырьмя крючками. Следом за ней в полынье появилась голова Плавали-Знаем:

— П-поймали? — И, увидев камбалу на крючках, простучал зубами: — В хо-хол-лодильник! Чтоб не испортилась.

Схватив камбалу за жабры, Супчик потащил её к трапу мимо обиженного кота. А Плавали-Знаем, стуча зубами, повторил:

— В холодильник! — И добавил: — Теперь меня!

— В холодильник? — спросил Уточка.

— Наверх!

Но туловище его в лунку не пролезало.

— За волосы его! — крикнул Васька.

Уточка схватил капитана за волосы и рванул вверх. Лёд не поддавался.

— Может быть, по часовой стрелке? — сказал начальник училища. И Уточка крутанул капитана по часовой.

— О! — издал Плавали-Знаем протяжный звук.

— Лучше ломиком, — посоветовал Васька, — только не по голове!

Но с палубы прозвучало:

— Не надо ломака!

На борту «Светлячка» стоял сосредоточенный Барьерчик, а из его рук падал и упирался в льдину яркий горячий луч. Барьерчик повёл им вокруг капитанской головы, разрезая лёд словно лазером. Под лучом задымилась струйка пара, и через минуту капитан выкарабкался из полыньи с ледяным кругом на шее.

Луч сверкал, как юпитер. Над капитанской головой разливалось сияние, и кое-кто на берегу говорил:

— Кажется, уже снимают...

Но Плавали-Знаем этого не слышал. Сунув ноги в унты и влезая в тулуп, он хотел спросить: «Где ры-ы-ы...», но голос его поехал вниз и пропал.

— Ы!...— сказал он ещё раз, и Уточка, посмотрев на капитана, повернулся к Ваське и командовал:

— Молока! Немедленно молока!

Васька удивлённо глянул на новоявленного начальника и качнул головой:

— Как, откуда?

— Хоть на вертолёте!

И, размахивая резиновым хоботом, боцман погнал перепуганную упряжку к острову под удивительным лучом, о котором нужно сказать хотя бы несколько слов.

БАРЬЕР И БАРЬЕРЧИК

Известно, что у курсанта Барьерчика зимовка никакого восторга не вызывала.

«Ничего себе, зимовочка»,— думал он, ворочая скулами.

Правда, увидев обросший льдами «Светлячок», курсант чуть было не сказал себе словами одной своей тётушки: «Выше себя не прыгнешь!» Но ему гораздо больше нравились слова его школьного учителя: «Бери выше! Написал контрольную на «четыре»? Подумаешь, барьер! Это так, барьерчик... Ищи барьер! Бери выше!»

И что бы старательный ученик потом ни сделал, он говорил себе: «Подумаешь барьер! Это так, барьерчик...» За что, понятно, и получил соответствующее прозвище. Ему хотелось сделать

что-нибудь такое, о чём весёлый учитель сказал бы: «Вот это барьер!»

Теперь, мечтавший о кругосветном плавании, Барьерчик готов был сам столкнуть «Светлячок» с места. Только бы мелькнула какая-нибудь подходящая для этого мысль, ну хоть какой-нибудь лучик!

И в тот момент, когда из лунки вынырнула голова закоченевшего Плавали-Знаем, Барьерчик заметил не лучик, а самый настоящий луч. Правда, природа луча вызвала сомнение, но из каких пустяков порой не появлялись на свет самые гениальные штучки! Случалось, из самых сущих пустяков!

Луч бил из дырявой кастрюли, которую Супчик повесил на корме в надежде, что кто-то из машинистов приварит ей днище. Но вместо машинистов отлично потрудился Плавали-Знаем, заливая из шланга палубу. Вода в кастрюле превратилась в лёд, ветер обточил и превратил его в прекрасную линзу, а солнце пропустило сквозь неё тот самый луч, который заметил вдумчивый Барьерчик. Одно движение руки — и луч сверкнул с необыкновенной, может быть лазерной, силой!

«Вот это дело,— подумал Барьерчик, прожигая лёд вокруг капитанской головы.— Лёд против льда!»

Барьерчика не волновала возможность научного открытия. Зато он видел «Светлячок» идущим сквозь разрезанный лучом лёд! Дело было теперь только в кастрюле, в большой кастрюле, и Барьерчик, прокатившись по палубе, бросился к Супчику.

По дороге, на секунду заглянув в кубрик, он открыл дневник и написал: «Кажется, я нашёл выход из ледового...», но сломал карандаш и побежал в столовую.

В это время разбурявшийся от творившихся вокруг жарких дел композитор, подышав на пальцы, вытаскивал из кармана кителя бумагу, чтобы записать несколько звонких, как лёд, и решительных, как ветер, нот.

Стоянка во льду, отсутствие движения словно бы затормозили на некоторое время все звуки. Но только что он сам видел, как под солнечным лучом лёд хрустнул, плеснула живая вода, и целая горсть нот так и зазвенела в ушах. Нужен был карандаш! Но карандаша не было. И, поднимаясь за ним на палубу, композитор думал про своих курсантов: «Какие ребята! Какие ребята! С такими не просто зимовать, а идти наперекор ветру, бороться с невзгодами, ломать лёд! Ломать!»

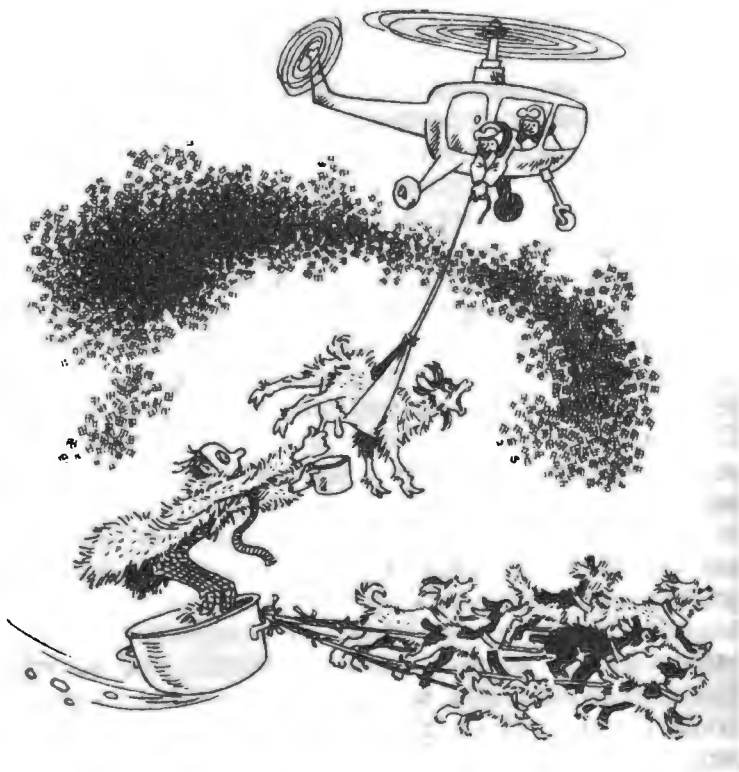
Он забежал в кубрик, набросал в дневнике слова: «Вперёд, вперёд, ломая лёд!» И быстрым росчерком нанёс несколько решительных нотных знаков. Потом сунул тетрадку в карман и, размахивая рукой в такт мотиву, вышел на палубу, схватил стоявший у камбуза ломик и стал весело долбить лёд. Из-под ломика, как ноты, летели ледяные искры.

Наконец начальник училища так поставил в мелодии восклицательный знак, что искры с ног до головы осыпали капитана.

Капитан ткнул в лёд пальцем и гневно спросил глазами: «Что это значит?»

— Что это значит? — гневно перевёл всё понявший Уточка и пронзительно посмотрел на своего недавнего учителя.

— Получается! — сказал начальник. — Получается музыка! Почти как у Дунаевского! — И протянул тетрадку. Плавали-Знаем хотел отшвырнуть её в сторону, потому что начальник всё ещё долбил лёд, но вдруг провёл по тетрадке глазом, покачал головой и протянул тетрадь

Уточке: «Читайте! «Вперёд, вперёд, ломая лёд!»
Лёд, который он так наращивал!

Плавали-Знаем осуждающе закачал головой,
но, что-то вспомнив, еле слышно прохрипел:

— Дневники — на проверку!

Через несколько минут Уточка, над которым
от усердия поднимался пар, вынес капитану стул
и протянул несколько тетрадей.

Открыв первую, Плавали-Знаем прочитал:

1. Молочная смесь «Крепыш».
2. Питательная «Малыш».
3. «Крепыш».
4. «Малыш».

Под ложечкой у капитана засосало. Он открыл следующую тетрадь и мигом забыл о голоде, потому что увидел строчку, от которой брови его прыгнули вверх: «Кажется, я нашёл выход из ледового...»

— Это чья? — Он помахал тетрадью.

— Барьерчика! — живо ответил Уточка.

Плавали-Знаем махнул было пальцем: «Барьерчика ко мне!», но тут услышал рокот, и брови его взлетели ещё выше. А все стоявшие на палубе так и приросли к месту.

Прямо к судну рулил вертолёт. Под ним на стропах висела единственная на острове коза, которую Васька выпросил у хозяйки на главную козью роль, а шутники с вертолётной станции взялись побыстрее доставить.

Под вертолётom, попевая на бегущей упряжке, растрёпанный Васька держал одной рукой котелок, а другой доил дёргающуюся козу.

Вертолётчики сверху подмигивали: чего только не сделаешь, желая увидеть на экране хороший фильм про собственный остров!

Но скоро котелок был полон, вертолёт с козой отправлялся в обратный путь, а Васька махал вертолётчикам сорванным наконец противогазом.

НУ ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ ЕЩЁ?

В минуту молоко закипело, и хлебнувший несколько целебных глотков капитан сказал:

— Барьерчика ко мне!

Постучав пальцами по тетрадке, он спросил у курсанта:

— Так из чего вы нашли выход?

— Из ледового плена,— доложил Барьерчик.

— Значит, из плена...— с иронией сказал Плавали-Знаем.— И какой же это выход?

И едва Барьерчик изложил свою мысль, капитан сказал:

— Ерунда! Никакого выхода.

— Может быть, и ерунда,— сказал Барьерчик.— Но без этой ерунды вы и сейчас бы болтали ногами в проруби. Стоит попробовать.

Но в ответ услышал давно не звучавшее:

— Плавали, знаем! А чтобы ваши знания пришли в порядок, почитайте денёк-другой «Навигацию». Полезно.

— «Навигацию», «Навигацию»,— сказал Уточка, подталкивая своего товарища к двери кубрика.

— Ты что делаешь? — спросил Барьерчик.

— Помалкивай,— шепнул Уточка.— Отзимую, снимут кино! Финансы на бочку — и покупай брючата. А так сиди себе с заплатками на карманах.— И он подёргал Барьерчика за штанину, на которой светилась штопка.

Барьерчик вскинул голову, сказал:

— Лучше брюки в заплатках, чем совесть в дырах! — и захлопнул за собой дверь.

А Уточка выкатил грудь и вскинул голову, будто почувствовал себя штурманом.

— Как же так? — удивился наблюдавший эту сцену начальник училища. Он был смущён... Ведь лёд действительно под лучом ломался! Он это сам видел! Об этом звенела его песня — она и сейчас ещё доносилась откуда-то с края льдины, где лежали нерпы, будто музыкальные животные слышали его мысли.

Но недавний ученик, которому он ставил пятёрки, сказал:

— Песня — это одно, а навигация — другое. Вы тоже могли бы повторить «Навигацию»! — И, вложив в руки начальнику потрёпанный учебник, Уточка кивнул на кубрик и замурлыкал: — «Вперёд, вперёд, ломая лёд!»

Начальник пожал плечами и отправился в кубрик. Может быть, он действительно чего-то не понимал, но вступать в дискуссии, когда в душе звенела песня, он не стал.

А Плавали-Знаем, похлопав по тетрадям, сказал:

— Дневников достаточно.— И, пройдя в столовую, постучал перед Супчиком пальцем: — Барьерчику никаких мисок! Ни одной кастрюли! Ни-ни!

Супчик, не понимая, почесал в затылке и спросил:

— А что делать с камбалой?

— Уху! — решительно сказал Плавали-Знаем.

Супчик развёл руками: одной камбалы мало.

— Поджарить,— предложил Уточка.

— Ещё меньше!

— Компота давно не было! — вспомнил Васька.

— А что? Компот! — сказал Плавали-Знаем.— Конечно, компот.

Супчик спросил:

— Из камбалы?

— А что?

— С сахаром или с солью?

— Компот на первое, соль на второе, сахар на третье,— подумав, сказал Плавали-Знаем. И собрался уже на корму, чтобы ликвидировать хитроумный прибор Барьерчика, но едва вышел на палубу, зажмурился и спрятал голову в воротник: в глаза плеснуло светом.

На перекладине мачты сидел чёрный кот и вращал лапкой бутылку. Ту самую, последнюю, кефирную бутылку!

— Поставь! — крикнул Плавали-Знаем.

Но кот вдруг так глянул вниз, что в воздухе прозвучало:

«А кто взял мою рыбку?»

«Слуховые галлюцинации», — подумал, оглядываясь, Плавали-Знаем и для верности спросил:

— Какую рыбку?

«Камбалу с камня», — послышалось снова. И кот опять пустил кефирной бутылкой десятки зайчиков.

— Поставь! — приказал капитан.

Но усатый так качнул бутылку, что у Плавали-Знаем на лбу заранее вспухла шишка.

— Ну, старая шапка! Ну, драный воротник, я тебе покажу! — прокрипел Плавали-Знаем.

И кот, оставив бутылку в покое, спрыгнул на ящик и, явно передразнивая Плавали-Знаем, стал с издёвкой пересчитывать лапой одну за другой кефирные посудыны. И при этом шурился: «Посмотрим, кто кому покажет. Кто кому...»

Капитан встряхнулся и увидел перед собой сверкающую мачту, которую Васька непонятно когда успел уже разукрасить морскими звёздами и ежами.

«Ну вот и ёлка», — подумал Плавали-Знаем. И, залив из шланга трещины и выбоинки на льду, во всю грудь глотнул морозного воздуха и подмигнул сам себе и Уточке:

— Ну, кажется, сделано всё! Ну что можно сделать ещё? Ну что?

И Уточка сказал:

— Больше — ничего!

И ни один, ни другой не представляли, что может найтись человек, который бы придумал что-либо ещё.

А между тем к острову со стороны океана приближалась какая-то блестящая точка. Скоро над Камбалой снова застрекотал вертолёт, и кто-то, обвешанный аппаратами, стал быстро спускаться по верёвочной лестнице.

«Ну, вот наконец и кино!» — обрадовался Плавали-Знаем и увидел, как сквозь расступившуюся толпу к «Светлячку» спешит толстенький, очень знакомый человек.

САМОЕ КОРОТКОЕ ИНТЕРВЬЮ

Да, по льду Камбалы в сверкающей пыжиковой шапке торопился корреспондент Репортажик. Тот самый Репортажик, который первым сообщил миру о необыкновенной зимовке «Светлячка».

Честно говоря, он чуть не забыл об этом сам, но услышал, как залетевший в Океанск рыбак за чашкой чая шепнул соседу:

— А у нас на Камбале дела! Зимует «Светлячок», и про него снимают кино. Две серии!

Репортажик бросился в аэропорт: он сделал открытие, он сообщил о зимовке, а снимать будет кто-то? Ну нет, он ещё кое-что сумеет сам!

Под ногами Репортажика скрипела морозная пыль, и, щёлкая на ходу то одним, то другим фотоаппаратом, раскрасневшийся корреспондент спешил к ставшему известным в такой короткий срок «Светлячку».

Сомнений быть не могло: на судне готовились к съёмкам. Пароход сверкал сказочным льдом: видно, декораторы поработали на славу!

Несколько раз Репортажик споткнулся и отдёргнул ногу: лёд кое-где был прозрачным, и сквозь него глядела чёрная глубина.

Откуда ни возьмись, к корреспонденту подлетела собачья упряжка, Васька помог забраться в странный возок, и в несколько секунд они оказались перед приветственно машущим рукой Плавали-Знаем.

— А киногруппа здесь? — спросил корреспондент.

— Ждём, — сказал капитан.

Репортажик был первым! Он расстегнул магнитофон и протянул микрофон капитану:

— Маленькое интервью. Что бы вы хотели сказать нашим слушателям об этой необыкновенной зимовке?

При слове «интервью» Плавали-Знаем расплылся в улыбке, растерялся, от волнения приложил микрофон к животу. В желудке запело, и Плавали-Знаем смущённо замигал.

Но Репортажик засмеялся и вскинул руку:

— А что! Такого оригинального начала ещё не было ни у кого. Коротко, зато ясно! А остальное потом, в каюте или в столовой, за обедом,— по-свойски сказал корреспондент, привыкший к флотским угощениям, не замечая, что brave капитан снова смутился.

Васька кашлянул. От смущения, казалось, скрипнула дверь. И тут из-за двери показался старенький, но чистый колпак Супчика, и кок сказал:

— Прошу на компот и блины.

Почувствовав приближение гостя, гостеприимный Супчик испёк сковородку блинов из остатков питательной смеси и козьего молока. Корреспондент распахнул дверь: «Идём! Конечно, идём!» — и потянул капитана за рукав. Но ноги Плавали-Знаем и сами тянулись на блинные запахи, как Васькин нос.

МАСШТАБЫ КОРРЕСПОНДЕНТА РЕПОРТАЖИКА

— Ну, чем вы потчуете зимовщиков? — спросил Репортажик, опуская на пол магнитофон, аппараты и потирая руки.

— Компотом, — сказал Супчик.

— Из груш, яблок? — Репортажик предпочитал из абрикосов.

— Из камбалы! — сказал Супчик.

Репортажик захохотал.

— Прекрасно! — Он любил флотский юмор и тут же вскинул висевший на груди аппарат, чтобы сфотографировать для газеты остроумного кока.

— А рецепт есть? — спросил он.

— А как же! — вмешался Плавали-Знаем. — Лично мой!

— А какой же?

— Сперва кипятим воду без камбалы, а потом с камбалой, — пояснил Супчик.

— Так это же уха, — пожал плечами Репортажик.

— Нет, — сказал кок. — Уха с перцем и солью. А эта без ничего.

— Интересно, — сказал Репортажик. — Это что-то новенькое.

— А у нас всё новое, — засмеялся капитан. — Лёд — новый, собаки — новые, ёлка — новая.

Супчик внёс сковородку, на которой шипели тощенькие блины. И, заметив, что к ним протягиваются несколько рук, Плавали-Знаем схватил один и бросил его в рот. В ту же минуту он выкатил глаза, заахал: «Ах-ха, ах-ха, ах-ха!»

Наконец отдышавшись и смахнув слезу, Плавали-Знаем сказал:

— Блины тоже новые.— И, вспомнив, что первым надо было угостить гостя, подвинул к нему сковородку, но блинов уже не было.

На дне супницы ещё плескалось немного юшки, в которой плавал крохотный камбалий хвост, и, подхватив двумя пальцами, Репортажик спрятал его в рот:

— А знаете — ничего!

Компот пользовался успехом. Нужно заметить, что после этого угощения у автора рецепта появилось ещё одно прозвище — «Компот из камбалы», которое стало звучать гораздо чаще, чем «Плавали-Знаем».

Однако рассчитывавший на крепкий флотский ужин Репортажик сказал:

— Запить бы это теперь нарзанчиком.

И Васька готов был погнать упряжку в единственный на Камбале ларёк, но Плавали-Знаем развёл руками:

— Зимовка...

— Так чем же вы занимаетесь? — спросил Репортажик, подходя к нарисованному огню.

— Носимся на собачках,— выпалил Васька.

— Собираемся у камина,— сказал Уточка.

— Переносим вертолётami коров,— сказал Плавали-Знаем.

— Коз! — поправил Васька.

— Можно и коров,— сказал Репортажик, который любил сделать из большой мухи маленького, но слона.

— Мёрзнем, как Амундсен, — вздохнул Супчик.

— Ну, у Амундсена всё промерзло насквозь, — сказал Репортажик и заключил: — А у вас хорошо! Хорошо! Но маловато размаха!

— Маловато? А что сделали бы вы? — с умешкой спросил Плавали-Знаем.

— Я? — Репортажик на секунду задумался и решительно сверкнул глазами: — Ну хотя бы межконтинентальный шахматный радиоматч: «Светлячок» — «Антарктида».

— А что? — согласился Плавали-Знаем. В этом действительно был размах. — Но нет шахматной доски, нет шахмат.

— Доски?! — спросил Репортажик. — А это что? — И, распахнув иллюминатор, он показал на раскинувшееся за бортом ледяное поле.

— А фигуры?

— Из льда! — воскликнул Репортажик, удивляясь, как у людей не хватает фантазии. — Из льда!

— Гениально! — сказал Уточка и тут же доказал, что фантазии у него хоть отбавляй: — Нужно только, чтобы и фигуры были достойны зимовки. На месте короля не просто король или какой-нибудь Посейдон, а...

Репортажик вопросительно посмотрел на курсанта.

— А, скажем, главный герой зимовки!

— Оригинально! Стоит подумать. Стоит поискать!

— Нашёл! — сказал Уточка, посмотрев на покрасневшего Плавали-Знаем. — Нашёл! — И бросился по трапу вниз выполнять замысел.

— Может быть отличный снимок! — крикнул вслед ему Репортажик.

А Плавали-Знаем вздохнул:

— Да, есть ещё настоящие люди. А есть чудак. Вбили себе в голову, что могут вырваться из «ледового плена». Начитались фантастических проектов! Так вот теперь сидят и учат «Навигацию».

— Учат? Сейчас? — мгновенно откликнулся Репортажик.

— Именно, — усмехнулся Плавали-Знаем.

— Так что же вы не сказали сразу! «Учёба на зимовке» — прекрасный кадр!

И, подобрав аппаратуру, Репортажик побежал в кубрик, где сидели над «Навигацией» курсант Барьерчик и начальник училища.

ХОРОШО! ХОРОШО!

Плавали-Знаем смотрел ему вслед и вспоминал, что же он хотел сделать из подсказанного размашистым корреспондентом.

Из открытой двери, будто скрываясь от холода, в коридор влетела стайка снежинок, и капитан щёлкнул пальцами: «А! Вспомнил! У Амундсена в каюте всё промерзло насквозь! А разве мы хуже?» И, распахнув один за другим все иллюминаторы в столовой, он высунул нос наружу. За бортом разгорался такой мороз, что ошалелые бобики, сбившись в кучу, прятались под большого чёрного водолаза.

«Хорошо берёт!» — подумал Плавали-Знаем. И увидел картину, от которой за ворот так и плеснуло теплом: внизу курсант Уточка вырубал из льдины фигуру, ещё незнакомую ни одному гроссмейстеру в мире.

Под ударами кирки появлялись его, Плавали-Знаем, лоб, нос, подбородок, выставленная вперёд, как у покорителя полюса, нога...

Плавали-Знаем разволновался, прошёлся по столовой. Стены вокруг обрастали мерцающими

иглами инея. Всё становилось хрустальным. Шерсть на его воротнике поднималась дыбом.

«Хорошо!» Он представил собственный газетный портрет (в заиндевелой шубе!) и, даже показалось, услышал стук морзянки: «Межконтинентальный радиоматч! «Светлячок» — «Антарктида».

Стук был в самом деле, но несколько иной. Курсант Упорный, уловив какой-то звук, схватился за наушники, придержал ключ, который от мороза выстукивал SOS, SOS, SOS, и стал записывать прорывающиеся издали сигналы.

Временами они глохли и падали льдинками вниз, но, казалось, сидевший под столом вездесу-

ший чёрный кот, как фокусник, подбрасывал их лапами вверх и подмигивал: на место, на место. Из букв складывался такой текст, что даже Упорному не сиделось в кресле!

А Плавали-Знаем слышал только звуки будущей славы. Он смотрел на обросшую инеем столовую, где, как в глубине пещеры, пылал костёр Уточки. Капитан протянул к нему руки, но от костра дохнуло холодом.

«Вот это зимовка», — подмигнул сам себе Плавали-Знаем и подумал вслух:

— Интересно, долго ли собирается корреспондент снимать моих учеников?

Он вдруг выбил на весь «Светлячок» чечётку и направился в кубрик за Репортажиком.

ИЗУМЛЕНИЕ КОРРЕСПОНДЕНТА РЕПОРТАЖИКА

Курсант Барьерчик хлопнул об стол учебником, который перечитал сто раз ещё в училище! Нашли кого заставить учить «Навигацию»? Пятёрочника, сдававшего экзамены досрочно! И кто усадил? Утёнок, которому он сам на каждом экзамене писал десятки шпаргалок.

— На каждом экзамене по десятку! — горько усмехнулся Барьерчик.

— Ну, вы, конечно, преувеличиваете, — мягко произнёс начальник: он любил мир между своими учениками, но возмущение курсанта ему пришлось по душе. Это уже проявляется характер!

— Преувеличиваю? Да у него и сейчас из карманов торчат шпаргалки. Как вермишель! А меня заставляют учить «Навигацию»!

— Ну, повторить никогда не вредно, — сказал с улыбкой начальник.

— Не вредно! Ну ладно — меня! Так ведь и вы влетели сюда учить «Навигацию»! А Уточка

выслуживается,— сказал Барьерчик.— И перед кем? — Он насмешливо вскинул голову, выпучил глаза и повёл руками по воздуху, будто поливал из шланга мачты.— Великий мореплаватель! А мы с вами — мы ему помогали.

— В чём? — спросил начальник.

— Ловить тузиков,— сказал Барьерчик с презрением.

Начальник промолчал. Тузиков он не ловил.

Но как композитор — что и говорить! — мог подсказать курсантам кое-что толковое. Своей музыкой!

— Стыд! — произнёс Барьерчик.— Шуточки!

В это время открылась дверь и в кубрик вкатился с фотоаппаратом в руках Репортажик. Над ним сверкнула вспышка и щёлкнул объектив.

— Отлично! — крикнул корреспондент, сразу взявшись за дело.— Прижмите учебник к груди. Вот так.

— Учебник? — с усмешкой спросил курсант.— И покрепче?

— Покрепче, покрепче! — появляясь в кубрике, благодушно пророкотал Плавали-Знаем.— Поучите и когда-нибудь ещё напишете воспоминания...

— О том, как мы торчали во льду, когда была возможность вырваться из ледового плена? — спросил Барьерчик.

— А что, разве такая возможность есть? — Репортажику сразу представился заголовок в полгазеты — «Из ледового плена».

— Ещё какая возможность! — сказал Барьерчик и выложил корреспонденту свою идею.

— Чепуха! Непробиваемый лёд! — сказал капитан.

Но Репортажик ухватился за необычность идеи. Линза в кастрюле! И какая возможность прекрасного окончания эпопеи!

— Чудесно! — крикнул он. — Если получится, это может быть даже очень здорово!

— Здорово? Чудесно? — спросил Плавали-Знаем.

— Конечно, — сказал Репортажик. — Я видел тонкий лёд своими глазами.

— Так-так, — сказал капитан. — Так-так. Тогда загляните в учебник, пожалуйста, и вы. Поучите для сведения! — И вышел, захлопнув перед изумлённым Репортажиком дверь так, что зацепил его по носу.

МЫ ЕЩЁ ПОСМОТРИМ!

Но и на самого Плавали-Знаем неожиданно обрушился удар.

Споткнувшись на трапе, в него буквально врезался вылетевший из рубки курсант Упорный. Но это был первый удар, за которым обрушился второй.

— Радиограмма! — крикнул радист.

И, схватив крупно исписанный бланк, Плавали-Знаем стал читать: «КАПИТАНУ ПАРОХОДА “ДАЁШЬ!”. КАПИТАНУ ПАРОХОДА “СВЕТЛЯЧОК”. ПРИКАЗЫВАЮ КОМАНДЕ ПАРОХОДА “ДАЁШЬ!” СЛЕДОВАТЬ НА ВЫРУЧКУ “СВЕТЛЯЧКА” ИЗ ЛЕДОВОГО ПЛЕНА. РУКОВОДИТЕЛЕМ ЭКСПЕДИЦИИ НАЗНАЧАЮ КАПИТАНА МОРЯКОВА».

Плавали-Знаем вспыхнул, как ракета.

— Хотят отнять славу! Такую славу! И кто? Солнышкин, Перчиков, Челкашкин! — Лицо капитана перекосилось от презрения, и он усмехнулся: — Ну ничего! Мы ещё посмотрим!

В мерцающем от мороза пространстве раздалась команда:

— Васька! Уточка! Ко мне!

И скоро Васька и Уточка, перед которыми лежало расчерченное на шахматные квадраты поле, получили приказ: «Возводить укрепления!» — и, взяв ломы, принялись за срочную работу.

ТАКОЙ ЗНАКОМЫЙ ГОЛОС

Пароход «Даёшь!» выжимал последнюю скорость, по бортам вспыхивали разряды и дымилась вода.

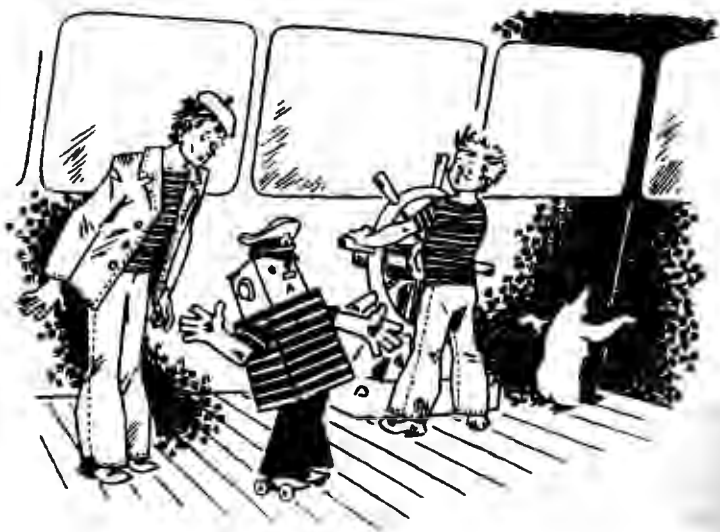
Дымилась вода, дымился утюг, которым дневальная Марина гладила простыни для пострадавших. Борщик колдовал над дымящимися котлами, и во все стороны, даже против ветра, разлетались такие ароматы, что, казалось, встречные льды поворачивали обратно, принюхиваясь, как собаки. Все торопились на помощь «Светлячку». Челкашкин раскладывал бинты, а боцман Бурун, сунув второпях под койку к горячим трубам свой дубовый бочонок, выбирал теперь на корме самый крепкий буксирный трос.

Солнышкин стоял у штурвала, вглядывался вперед, и перед его глазами вспыхивали искорки.

Где-то там, в жестоких льдах, замерзал «Светлячок». Солнышкину даже виделось, какой он крохотный и добрый: его хотелось взять в руки и прикрыть ладонями, как маленького пингвина в Антарктиде. На борту «Светлячка» люди ждали помощи. Что такое оказанная вовремя помощь, Солнышкин хорошо знал. И глаза его так и летели вперёд, как два спасательных круга.

Дверь рубки была приоткрыта, и за ней стремительно пролетали созвездия. Рядом с Солнышкиным стоял Морячок, а сбоку с лапы на лапу переступал подросший пингвин. Он тоже готовился к встрече со льдами.

Вдруг в рубку, странно моргая, ворвался Перчиков.

— Ты ничего не видел? — спросил он у Солнышкина.

— Что было на пути, всё видел, — сказал Солнышкин.

— А вертолёт с козой видел?

— Мне не до шуток, — нахмурился Солнышкин, — придумал бы что-нибудь поумней.

— Так я видел! — вспыхнул Перчиков. — Как на экране. Впереди вертолёт, под ним коза и кто-то на бобиках!

— Ну и ну!

Солнышкин дёрнулся. В открытую дверь влетело облачко каких-то чёрных частиц и ужалило его.

Солнышкин хотел отмахнуться, но, вытянув шею, вместе с Перчиковым уставился на дверь: за бортом гигантскими скачками несло стадо испуганных океанских крабов. Перчиков схватил кинокамеру, но стадо пронеслось с невероятной скоростью и скрылось за горизонтом...

Встревоженный Моряков выбежал из рубки с биноклем, посмотрел вперёд и сказал:

— Да, там явно неблагоприятно. Прибавить ход!

— Быть может, цунами? — сказал Перчиков.

А Верный отчаянно залаял.

— Чует, — сказал Солнышкин.

И только Морячок был в каком-то странном спокойствии. Солнышкин оглянулся и едва не выпустил штурвал — Морячок вдруг чётко сказал:

— Утечка полезного времени.

— Рехнулся ящик! — возмутился Перчиков и хотел похлопать его по бокам, но услышал:

— У ящика есть имя. Ящик в полном рассудке. — И Морячок ещё громче повторил: — Утечка полезного времени.

— А вообще, — рассудительно сказал Солнышкин, — если изобретателю снятся козы, то почему изобретению не чокнуться?

— Не обижай Морячка, Солнышкин...

И Перчиков, который хотел сказать роботу что-то обидное, смолчал, припомнив, что Морячок вёл себя всё время разумно. Прекрасно играл в шахматы. В радиорубку приносил от Борщика сухари, а боцман в нового матроса просто влюбился и приговаривал: «Ну и молоток! Не хуже медведиков!», потому что не умевший спать Морячок в свободное от вахты время брал швабру и начинал драить палубу.

Морячок то молчал, то к чему-то прислушивался, поворачиваясь грудью к ветру. И вдруг, притопывая на месте, запел каким-то чужим голосом:

Ровно в двадцать четыре часа
Совершим кругосветку, ребята...

Потом сказал: «Ах, я дурак!» — и попытался хлопнуть себя по лбу.

— Совсем рехнулся! — удивился Перчиков и хотел выпроводить его из рубки, но тут вдали что-то засветилось, засверкало.

Наблюдавший в бинокль Моряков скомандовал:

— Малый ход! — И сказал: — Странно, очень странно...

— Смотри, смотри! — крикнул Солнышкин.

Но Перчиков и вся команда «Даёшь!» уже всматривались в ночную даль с тревожным недоумением: среди открывшегося ледяного поля возникала ледяная гора...

— Включить прожекторы! — приказал Моряков, и под вспыхнувшими лучами перед участниками экспедиции за ледяной стеной засверкало обросшее сосульками фантастическое судно, на борту которого горбился какой-то мамонт.

Но ещё удивительней было то, что стена — громадная ледовая стена — на глазах у всех продолжала расти, и не какие-нибудь кристаллы, а целые куски льда всё поднимались и поднимались вверх, будто кто-то возводил укрепления.

Моряков нахмурил брови. Ничего подобного полярный капитан не видел даже в Антарктиде. Последняя стадия обмерзания!

«Есть ли там кто-нибудь живой?» — подумал он. А стоявший на баке боцман Бурун, не дожидаясь команды и опередив всех, крикнул:

— Эй, на «Светлячке», принимай буксир!

И в ответ донёсся давно забытый, но такой знакомый голос:

— Плавали! Знаем!

ЛИЧНОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ

Пока Моряков, Солнышкин и вся команда «Даёшь!» спешили на помощь погибающим, жизнь на «Светлячке» тоже не стояла на месте.

Лауреат будущей премии порывисто исписывал нотами листок за листком. Репортажик бегал по холодному кубику и хлопал себя рукой по голове:

— Я его прославил! Я первый сообщил о зимовке! А он меня — учить «Навигацию»! — И Репортажик хлопнул себя ещё и учебником.

— Так это ты сообщил? — спросил Барьерчик.

— Я! — Репортажик похлопал ладонью по висевшему на груди фотоаппарату.

— А как же ты о зимовке узнал?

— Я сам видел, — Репортажик показал пальцем вниз.

— Откуда?

— С самолёта!

— С самолёта? — Барьерчик горько засмеялся. — Он видел с самолёта, а мы тут лови собак и жуй компот из камбалы!

И к удивлению задравшего голову Репортажика, курсант ударил учебником по столу:

— Тогда учи «Навигацию»!

Смущённый Репортажик захлопал ресницами, присел на край кефирного ящика, а Барьерчик, вышагивая метр туда, метр обратно, воскликнул:

— Люди совершают кругосветку, воюют со штормами, а мы из-за этих банок-бутылок, — он посмотрел на Репортажика, — сидим среди дурацкого льда в этой каморе! — Он ткнул сапогом в звякнувший ящик.

— Ну, мы тоже совершаем кругосветное плавание или кругосветный полёт, — сказал начальник.

— Мы — кругосветное плавание? — Барьерчик с сожалением взглянул на него.

— Да! — сказал начальник. — Совершенно точно! Каждый из нас в сутки совершает кругосветное путешествие — с кораблём, или с домом,

или с кроватью. Мы и сейчас с льдиной и «Светлячком» совершаем оборот вокруг Земли — в двадцать четыре часа. И не такое уж это маленькое плавание. — Глаза начальника вспыхнули. — Дело только в том, что за это плавание мы успеем сделать. Один двадцать четыре часа проспит, другой — напишет песню. — Он нарисовал в воздухе пальцем музыкальный ключ. — Один сделает глупость, другой — открытие. Один кого-то предаст, другой — спасёт человечество. Один решит мировую проблему, а другой — не выучит дважды два. И всё это в двадцать четыре часа! Только нужно чувствовать, какое это важное плавание, и быть толковым капитаном! Слышите, как мы быстро плывём?

Начальник прислушался.

Барьерчик тоже загорелся. Ему показалось, что он видит бег звёзд, слышит, как летит «Светлячок», как вместе с ним летит вокруг Земли остров Камбала. Ему почудился невероятный полёт океанского ветра.

Но через минуту Барьерчик угас и усмехнулся.

В кубрике была тишина. Слышалось грустное звяканье бутылок и какие-то быстрые удары, будто по льду, с пытением, в несколько рук били ломом.

— Вот мы и плывём с этой дурацкой льдиной, — сказал Барьерчик. — За двадцать четыре часа мы при помощи этого друга, — он кивнул на корреспондента, — наделали столько глупостей!

— Но я не знал, что можно выбраться. Я немедленно напишу статью. Я докажу! — И Репортажик стал искать в кармане авторучку.

Удары за бортом стали сильнее и чаще. Барьерчик хотел выглянуть в коридор, но дверь оказалась запёртой.

— Нашёл первоклассников! — сказал Барьерчик. — Посадил под замок. Еще без обеда оставит! — И курсант стукнул в дверь кулаком.

Но начальник вскинул вверх палец: «Тихо!»

— Вы что, боитесь? — удивился курсант.

— Я — боюсь?! — сказал начальник, но вдруг снова замахал руками и прислушался. — Тихо, тихо! — попросил он. — Получается настоящая песня! Сначала будет про бурю, про ветер — как у Дунаевского, а потом... потом вот так. — И он пропел:

Ровно в двадцать четыре часа
Совершим кругосветку, ребята!

Только нужен инструмент.

— Инструмент? — Барьерчик подумал, выставил на стол десяток кефирных бутылок и с усмешкой постучал по ним карандашом.

— А что?! — Начальник быстро расставил их в каком-то порядке, провёл пальцем по горлышкам и, постукивая то по одной, то по другой, стал напевать бодрый мотив.

Начальник напевал. Барьерчик прислушивался.

А рядом сидел Репортажик и, хлопая себя по голове, причитал:

— Ах, я дурак! Вот дурак!

Это, кажется, были те самые слова, которые уловил незаслуженно обиженный Морячок.

Звучали эти слова в кубрике «Светлячка» так громко, что заглушали удары лома и крики на льдине, где Плавали-Знаем, Васька и Уточка строили ледяные укрепления.

А в кубрике стоял Барьерчик и смотрел то на ящик из-под кефира, то на иллюминатор так решительно, будто наконец задумал взять самый главный барьер если не в жизни, то в двадцатичетырёхчасовом кругосветном плавании, которое он

совершал на борту «Светлячка». Как ни странно, слова начальника запомнились и тревожили, а его мелодия, ещё до конца не ясная, начинала звучать и призывала действовать.

Но вдруг курсант перевёл взгляд на дверь: внимание его привлёк всё приближающийся шум.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА ПЛАВАЛИ-ЗНАЕМ

Полночи Плавали-Знаем ходил по баку «Светлячка» в своём полярном тулупе, качал головой и цедил сквозь зубы: «Захотели отнять славу! Ну нет, этот номер у них не пройдет. Не выйдет!»

Наконец капитан отозвал в сторону Ваську и стал с ним шептаться, кивая то на клюз, то на лежавшую у ног доску.

— Во! Вот это придумано! — захохотал в ответ Васька и показал большой палец.

Но тут нос его повернулся сам собой, вытянулся по ветру, и собаки тоже быстро задёрнули ноздрями. Со стороны океана крепко запахло украинским борщом с помидорами и котлетами в соусе! Пахло так вкусно, что собаки сделали колечком хвосты, будто говорили: «О!»

«Так! Думают взять на борщ!» — усмехнулся Плавали-Знаем и, сдёрнув шапку, стал отгонять от себя ветер. Скоро он увидел силуэт приближающегося парохода, на носу которого рядом с Буруном стоял растрёпанный Борщик и, размахивая поварёшкой, кричал:

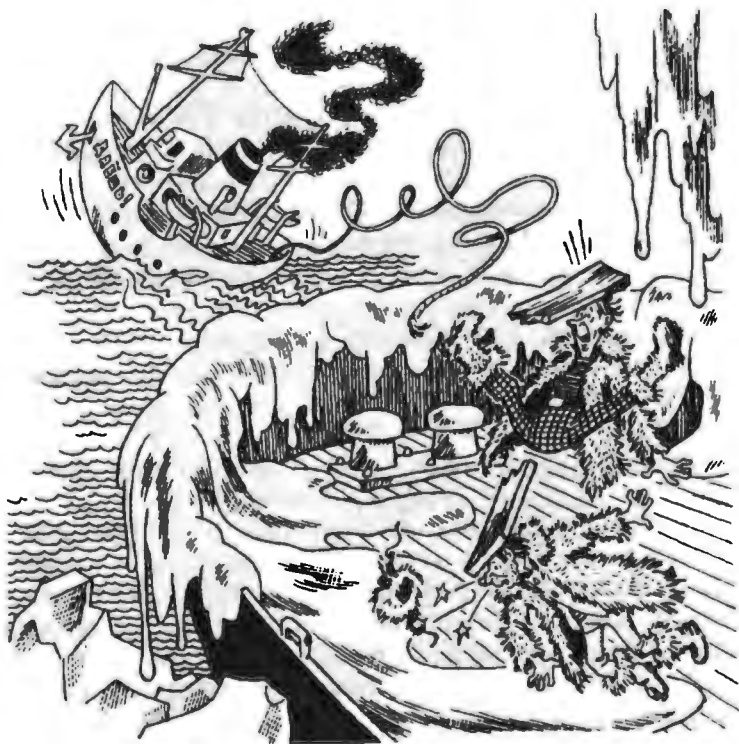
— Супчик! Супчик!

И из открывшейся двери камбуза раздалось радостное и удивлённое:

— Борщик!

Борщик подпрыгнул:

— Жив, Супчик?!

— Здравствуй, Борщик! — Счастливый Супчик махнул колпаком.

Переключку друзей заглушил хриплый голос Буруна:

— Принимай буксир!

И тогда-то в ответ прогрехотало на весь ледяной остров знакомое всем «Плавали! Знаем!».

Уточка, подхватив буксир, протащил его по льду, подал Ваське, тот, весело подмигнув Плавали-Знаем, вместо того чтобы надеть трос на чугунную тумбу, зацепил его за валявшуюся на палубе доску и лихо махнул Буруну: «Давай!»

— Самый малый! — прогремел в темноте голос Морякова.

Трос стал натягиваться, и плутоватые физиономии Васьки и Плавали-Знаем тоже потянулись вперед.

— Сейчас, сейчас, — прошептал Васька.

И в тот миг, когда Плавали-Знаем в азарте наклонился посмотреть, как слетит канат, доска взвизгнула и, разорвавшись пополам, тянула его по макушке, а Ваську по лбу.

— У! — завyli они в два го́лоса и завертелись волчком.

Но, увидев, что «Даёшь!» уходит в море, утаскивая за собой канат, переглянулись и, потирая лбы, закричали:

— Ура! Первая атака отбита!

Правда, Васька вздохнул и растерянно замигал: такие вкусные запахи уплывали...

Запахи уплывали, бобики жалобно взвизгивали, и Васька качал головой: «Двенадцать блюд! Десять баллов». Но Плавали-Знаем, хотя и его аппетит заводил бодренькую пластинку, торжествовал: «Атака отбита! Крепость выстояла!»

Он даже замурлыкал песенку, которую напевал когда-то в молодости:

Входит в порт моряк красиво,
А куда рулит моряк?
Он рулит исторопливо
В бар, где рядом с кружкой пива
Золотится красный рак.

Спустившись в столовую, Плавали-Знаем растегнул тулуп и, ухарски бросив на стол шапку, крикнул:

— Супчик, «Крепыша»!

— Кончился, — Супчик взмахнул поварёшкой.

— Ну, клади «Малыша»!

— И «Малыша» съели, — язвительно сказал Супчик, но с долей огорчения. Конечно, бывалый кок оставил кое-какие запасы на всякий случай,

но, заглянув в кладовку, всплеснул руками: он нашёл там только отпечатки кошачьих лап.

— И «Малыша» съели? — протянул Плавали-Знаем. — Ну и отлично! Отлично! — И, сыпанув в рот горстку соли, загрохотал в кубрик, откуда доносились звуки песен.

— Отлично? — сказал сердитый Супчик. — Отлично? Так я тебе покажу отлично! — И, схватив с полки мешочек, он стал швырять через иллюминатор на лёд горсти крупной соли — так, как это делают в морозную погоду дворники.

А Плавали-Знаем спустился в кубрик и, присаживаясь на ящик, спросил:

— Что, поёте?

— А кто-то в это время работает! — сказал вошедший следом Уточка, возводивший стену.

— А мы поём! — сказал начальник училища.

— Да не какие-нибудь кабацкие песни, — добавил Барьерчик.

— А о чём же вы поёте? — уставился на него Плавали-Знаем.

— О том, как люди борются со льдами и как они выберутся из них!

— Выберутся... — Капитан грустно качнул головой и сказал: — Только что сюда приходился ледокол! Не слышали?!

Все разом вскочили и бросились к борту, но Плавали-Знаем остановил их рукой.

— Когда?! — крикнул Репортажик. Он прозевал такое событие!

— Когда? — подхватил начальник.

— Только что, — сказал Плавали-Знаем.

— Ну и?! — спросили зимовщики разом.

— Тянул! — сказал капитан, потирая лоб.

— И хоть бы что! — Васька развёл руками.

— Не вышло! — сказал Уточка. — Ушёл.

— Так что единственный выход — зимовать.

И зимовать как следует, ничего без меня не

предпринимая. Пока не снимут фильм! — сказал Плавали-Знаем так решительно, что собравшийся протестовать Репортажик призадумался: «А может быть, я не такой уж дурак?»

— Вернутся! — уверенно сказал начальник. — Вытянут! — И тут же подумал, что надо торопиться, надо встретить друзей новой песней.

— Не выйдет, — сказал Плавали-Знаем, хотя знал, что раз пришли спасать — будут спасать, и надо что-то предпринимать. — Связались с Антарктидой насчёт матча? — озабоченно спросил он у Уточки.

— Пока нет. Но шахматное поле готово. Осталось доделать фигуры, — сказал Уточка.

— Тоже мне, двенадцать подвигов Геракла! — засмеялся, не выдержав, Барьерчик.

— Мы не Гераклы, но подвиги будут! — ответил капитан.

— Конечно, — сказал Васька, собравшийся было снять шапку, но, посмотрев на заиндевелые стены, нахлобучил её ещё крепче.

— А сейчас мог бы совершить подвиг? — спросил вдруг у Васьки Плавали-Знаем.

— А что?

— Ну хотя бы сходить в разведку, узнать, что они там делают. — Он кивнул в сторону «Даёшь!».

— Запросто! — сказал Васька, но тут же прикусил язык: к стоявшему невдалеке пароходу надо было добираться вплавь!

— А вы? — Капитан посмотрел на Уточку.

— Он всегда готов! — сказал Барьерчик.

— Я готов, — сказал Уточка. — Только пусть поработает и тот, кто пел, пока мы трудились. — Он потянул из кармана платок, чтобы промокнуть трудовой пот, и на палубу посыпались шпаргалки по навигации.

— «Трудились»... — с издевкой сказал Барьерчик.

— Что это? — краснея за своего ученика, спросил начальник училища.

Но в это время от парохода «Даёшь!» с ветром нахлынули котлетные запахи, все вздохнули, и Васька решительно встал: «Иду!»

НАДО ДУМАТЬ!

В заставленной раковинами и кораллами каюте Солнышкина и Перчикова шло шумное обсуждение недавних событий. Почему сорвался буксир? Почему не сдвинулся с места «Светлячок»? Тысячи всяких «почему?» вспыхивали и сгорали в воздухе.

— Без должной подготовки! — сказал Моряков, виня только себя за то, что быстро пошёл на сближение со «Святлячком», не уточнив ледовой обстановки.

— Но ведь всем хотелось вывести его из льдов побыстрее, — вздохнул Солнышкин. — И всё было по правилам...

— Как в цирке, — сказал Бурун, сидевший у переборки, и вздохнул: в Океанске пропадал его билет на цирковое представление.

— Что вздыхать, — сказал Борщик, остановившийся возле каюты с бачком картофельных очисток. — Завтра, как только подойдём к льдине, берём ведро борща, ведро котлет и первым делом...

Не договорив, он тревожно замигал, и все переглянулись: за бортом послышался такой сладкий протяжный вздох, что бачок едва не вырвался у Борщика из рук. Верный вскинул уши и зарычал.

— Чует нерпу, — сказал боцман, но для точности приложил ухо к переборке и прислушался: у этого острова не раз случались неприятности и

с прошлой войны всплывали мины. Но всё стихло. И боцман снова сел на место.

— На пенсию пора, медведики снятся,— подмигнул Перчиков.

Вспомнив медведиков, экипаж зашумел, припоминая и гиппопотамов, и пингвинов, одного из которых гладил сейчас Солнышкин. И тропический компот, которым Борщик угощал Землячка и мистера Понча.

Но Моряков прервал воспоминания:

— Всё это хорошо, но надо думать, как спасти товарищей. Нужен план!

— Пилой и ломиком! — сказал Перчиков.

— Шуточки! — рассердился Моряков. — А дело может быть серьезней, чем мы предполагаем!

И хотя казалось странным, что на помощь больше никто не звал, успокаиваться не было никаких оснований. Капитан обдумывал план действий. Ломиться навстречу «Светлячку» — рискованно. Можно получить пробоину. Ещё раз брать на буксир? Может быть... Не

вышло ночью — получится утром. Но надо знать толщину льда...

— Разогнаться и напролом! Как в Антарктиде! — сказал Борщик и двинул бачком вперёд.

— Во всяком случае,— сказал Моряков,— стоять всё время наготове и не упускать «Светлячок» из виду...

Но рядом раздалось:

— Утечка полезного времени...

Моряков возмутился: «Выучили!», но Морячок, покачиваясь, забормотал чужим голосом:

— Это будет необыкновенная зимовка, замечательное кино, сногшибательный матч... — Потом сказал уже другим голосом: — А вообще на «Святлячке» хочется есть... — И вдруг запел: — «Вперёд, вперёд, ломая лёд!»

Команда вновь переглянулась. Капитан удивлённо повёл в его сторону глазами. Не всё в бормотании деревянного матросика было лишено смысла. Что-то требовало разгадки...

Перчиков пожал плечами, но Борщик, который хорошо понял, что на «Светлячке» хотят есть, крикнул:

— План планом. А первое дело — утром на «Святлячок» борщ и котлеты!

— Конечно,— сказал Челкашкин,— отдаю всю завтрашнюю порцию!

— Я две,— сказал Перчиков.

— А я за всю неделю! — крикнул Солнышкин.

Тут в борт грохнуло, боцман, сорвавшись с места, побежал на палубу с багром, а Борщик выкатился с бачком.

— Нерпа,— сказал он.— Нерпуша! — И, достав из кармана большую морковку, бросил её вниз.— Пусть закусит! — Но нерпа вдруг сказала: «Хап!» — и у кока вывалился из рук бачок.

В ту же минуту какой-то мохнатый клубок, отвалив от борта, стал быстро грести к льдине. И коку показалось, что у нерпы обозначилось знакомое, очень знакомое человеческое лицо. Более того, он готов был утверждать, что нерпа вскарабкалась на лёд и направилась к трапу парохода «Светлячок».

ВЕСЁЛЫЕ ИСТОРИИ В КУБРИКЕ «СВЕТЛЯЧКА»

Понятно, что морковку и кастрюлю очисток на голову получил разжалованный из мамонтов в нерпы Васька. Подняться на палубу по заледенелому скользкому тросу он не смог и проторчал час в воде, прислушиваясь к тому, что происходило на борту «Даёшь!».

В каюте Солнышкина так весело смеялись, что Ваське тоже захотелось в дружескую компанию, которая готова была отдать ему все котлеты за неделю вперёд! Он даже всхлипнул, не понимая, почему он сидит в воде, а не рядом с Борщиком.

«Хватит! Хватит!» — подумал он и заплюхал к льдине, чтобы всё передать зимующей команде. Он, конечно, слышал слова про план, но гораздо больше его волновали рецепты Борщика.

Васька взобрался на борт «Светлячка», отряхиваясь, как собака, влетел в кубрик и стал сбрасывать с себя мокрую одежду.

— Ну, что там? — спросил Плавали-Знаем, чихая от одного Васькиного вида.

— Р-р-расск-казывают ис-тории! — стуча зубами, выговорил Васька.

— Интересные?

— Чуть ухом не примёрз! — сказал Васька, влезая в шубу, распахнутую добрым Супчиком. — Особенно Борщик. Компотом угощал кита! Собирается к нам на помощь! С котлетами!

От одной этой фамилии у всех зашекотало в носу и потекли слюнки, а Супчик засиял от гордости за друга.

— А может, и нам порассказать что-нибудь интересное? — спросил Плавали-Знаем.

Обстановка для всяких историй подходила. За морозным иллюминатором взвизгивал ветер. Все сидели, зарывшись в тулупы.

— Можно, — сказал Васька. — Как говорил кок Борщик...

— Только без Борщика! — крикнул Плавали-Знаем. — Без Борщика!

— Ну ладно. Без Борщика, — согласился Васька. — Можно без Борщика. Да там с нами Борщика и не было. Борщик тогда гулял в отпуске.

Плавали-Знаем засопел.

— Без Борщика, без Борщика, — предупредительно повторил Васька. — Сидели мы без Борщика на берегу моря в тёплую ночь.

— В тёплую? — спросил Плавали-Знаем.

— Ага!

— Не пойдёт! Давай что-нибудь зимнее, полярное.

Барьерчик усмехнулся. А Супчик, фамилия которого уже давно никого не волновала, сказал:

— Зимнее есть у меня. Есть зимнее. — Он поправил колпак и вздохнул: — Зимовали мы как-то у острова Врангеля. Ребята пошли охотиться на медведя. А я разжёл печь и думаю: «Нажарю сейчас шашлычков, подрумяню лучок, ребят побалую...»

— Рассказывай, рассказывай, — глотая слюнки, сказал капитан и даже подумал: «Зачем я здесь?», но опомнился и махнул рукой: — Рассказывай! Только без лука и шашлыков.

— Почему без шашлыков? Почему без Борщика? — плаксиво закричал Васька. — Почему у

Борщика — с шашлыками, а у нас — без шашлыков?

— Нервы! — сказал Плавали-Знаем, поднимаясь с ящика. — Только что человек ходил в разведку, совершил подвиг и вдруг расхлюпался.

— Какой подвиг? — закричал Васька. — Какой ещё подвиг? Вот я знаю, — он почти зашептал, — я знаю подвиг: на полярной станции в Антарктиде доктор сделал сам себе операцию. Ага! Сам себе! Единственный случай в мире!

— Какую?

— Аппендицит! Чик — и нету!

— Ну да? — сказал Плавали-Знаем.

— Точно! Вырезал! — И, вдруг сообразив, что за этим может последовать, Васька прикусил язык.

Строчивший что-то в блокноте Репортажик сказал:

— Я об этом читал. Здорово! С помощью зеркала. Чик — и всё!

За бортом зашумел почти антарктический ветер, и Плавали-Знаем весело спросил:

— А кто у нас медик?

— Васька сейчас за медика! Бинты у него! — сказал Уточка, натягивая на кудри ушанку. — А я пошёл, у меня дела!

— Работай, работай! — с усмешкой проводил его Барьерчик.

— Ну, медик есть, — ещё веселее сказал Плавали-Знаем, — а зеркало мы найдём. — И подмигнул побледневшему Ваське: — Значит, сделаем! Зато какая слава: второй случай в мире!

— А я не хочу! — закричал, вскакивая с места, Васька. — Аппендицит мой. И нужен мне ещё самому!

— Да никто вас не тронет! — сказал начальник.

— Я знаю! Я-то знаю! — пропел Васька.

— Ничего, ничего, — довольный шуткой, напустившей страху, и успокаивая его, сказал Плавали-Знаем так просто, будто каждый день вырезал у себя по аппендиксу. И, напевая про кружку пива и красного рака, пошёл в рубку.

— А у Солнышкина и Морякова какой-то план! — вдруг вспомнив, злорадно крикнул Васька вслед капитану.

— План?

Дверь под рукой Плавали-Знаем взвизгнула, как замёрзшая собака. Он, нахмурившись, вздохнул: «Да, теперь возьмутся, утром начнут» — и мрачно вывалился на палубу. Но едва он вышел на корму, глаза его полыхнули от радости, а ноги едва не выбили счастливую дробь: вода от мороза дымилась, пар поднимался столбом. И вокруг «Даёшь!», пока в каюте Солнышкина шли беседы, возникала мерцающая ледяная корка. Спасатели вмерзали сами!

Правда, выдавший виды капитан тут же подумал: «Всё равно возьмутся. Не вытащит этот — пришлют другой. Плавали! Знаем! Но за это время,— взбодрился он,— снимем кино, проведём замечательный межконтинентальный матч... А это уже совсем другой компот!»

И он побежал на помощь к Уточке.

В те же минуты, прохаживаясь в кубрике среди ящиков, Барьерчик думал: «Спасатели вернутся! Но ждать их, ничего не делая? Как бы не так!» Он кое-что ещё совершит к их приходу! Его луч кто-нибудь заметит. Заметит и поддержит! А не заметят — так он сумеет и сам! И курсант решительно сказал:

— Ну, кто как, а с меня хватит! Пишите корреспонденции, сочиняйте песни, а я пошёл!

Он взял ломик, открыл иллюминатор и собрался прыгать вниз, когда, к его удивлению, начальник подошёл к нему и с силой пожал мужественную руку. Он и сам пошёл бы на дело, но песню, которая звала бы людей вперёд, надо было закончить. Ещё немного — и он поможет и песней, и плечом, и ломом!

СОЛНЫШКИН, К КАПИТАНУ!

Морозная ночь сыпала на льдину стайки снежных блёсток, сонно бормотала какую-то колыбельную, будто старалась укачать до утра оба усталых парохода.

Однако со стороны «Светлячка» — вернее, с двух его сторон — разносились звонкие удары. Да и на пароходе «Даёшь!» спали далеко не все.

Солнышкин и Перчиков, хотя и забрались на час-другой в койки, успокоиться не могли. Они то и дело припоминали странные фразы Морячка, пытаясь их расшифровать. Что за «необыкновенная зимовка», «удивительное кино» и «межкон-

тинентальный матч»? И что за песню пел Морячок? Загадка на загадке!

Да и встреча с Плавали-Знаем кое-чего стоила. Здесь можно было ожидать любых чудес! И друзья вспоминали своё первое знакомство с островом Камбала. Перчиков — свою удивительную встречу с красноносым дельфином и путешествие на ките, а Солнышкин — поиски Перчикова. И оба, прислушиваясь к доносившимся из-за борта ударам, готовились к новым событиям.

Только Морячок мигал синими глазками и вздыхал: «Хорошо, хорошо». Потому что вокруг действительно всё было хорошо. И звёзды за иллюминатором, и добрый разговор Солнышкина и Перчикова, которые сдружились на всю жизнь, и всё, что они говорили о незнакомых Морячку событиях. Всё было хорошо. Даже доносившаяся в каюту перекличка Верного с собаками:

«Гав-гав! Чего морозите хвосты?»

«Хотим сниматься в кино! Гав!»

«В каком, гав-гав, кино?»

«Цветном, двухсерийном!»

«Ну и гав-гав! Ну и гав-гав!»

Сквозь дрему Солнышкину слышались призывные удары лома. И, едва открыв глаза — его тербил маленький пингвин,— Солнышкин бросился к иллюминатору.

Их судно тоже стояло во льду. На нём, задрав вверх головы, нерпы намурлыкивали знакомый мотивчик...

Кабюта Солнышкина светилась, как новогодняя ёлка. На стену, на грамоту за покорение Антарктиды, на карту падал со стороны «Светлячка» яркий луч. Он вспыхивал, будто подавал сигналы: точка-тире, точка-тире!

Солнышкин растолкал Перчикова:

— Смотри!

Но луч пропал, а с порога раздался голос Морячка:

— Солнышкин и Перчиков, к капитану!

Через несколько минут Моряков подтвердил план действий: связаться со «Светлячком», разведать ледовую обстановку. И друзья бросились выполнять приказания.

Но тут произошло событие, которое, как говорят серьёзные люди, внесло в капитанский план некоторые коррективы.

С парохода «Даёшь!», опередив всех, в переднике и новеньком колпаке спускался по трапу на лёд весёлый Борщик с двумя громадными кастрюлями, от которых поднимались клубы дразнящего пара.

НЕОЖИДАННОСТЬ ЗА НЕОЖИДАННОСТЬЮ

Добрый кок торопился накормить попавших в беду людей отличным завтраком. Он уже сошёл на льдину и пробовал, не разъезжаются ли ноги, когда с криком: «Борщик, осторожно!», словно стараясь предупредить о какой-то опасности, за коком стал спускаться Морячок.

— Какие могут быть осторожности! — возмутился Борщик. — Там Супчик, может быть, исхудал до косточек, а он — «осторожно»!

А из-за сложенных на палубе «Светлячка» снежных шаров за ним наблюдали хорошо знакомые глаза Плавали-Знаем и усмехались: «Послал! Борщика! Атаковать котлетами! Ну-ну...»

Но вдруг глаза насторожились: прямо к крепостной стене за коком двигался какой-то странный ящик, замаскированный под матроса. «Это что? А вдруг ходячая мина? Конечно, мина!» — подумал Плавали-Знаем, и по спине у него поползли мурашки.

— Ничего себе выдумки! — сказал он. — Ну ладно, Солнышкин, на ваши выдумки мы ответим своими.

И, положив на один край лежавшей рядом доски кусок льда, Плавали-Знаем стукнул по другому ногой.

Ледяной снаряд пролетел мимо Борщика и ухнул в кастрюлю с борщом.

— Берегись, Борщик! — сказал Морячок.

Рассерженный глупой выходкой, ничего не желая слушать, кок полез на ледяную гору.

— Ага, вам мало, — сказал Плавали-Знаем. — Тогда получайте! — И он поддел плечом пирамиду снежных шаров.

Борщик остолбенел: на его украинский борщ, на его котлеты с грохотом катилась снежная лавина! Кок бросился назад.

И в тот же момент, раскинув деревянные руки и заслоняя собой Борщика, навстречу лавине вырвался Морячок.

— В укрытие! — крикнул Плавали-Знаем и, ожидая взрыва, нырнул под ледяную стену.

Но взрыва не последовало. Снежный ком ударил Морячка, перевернул его и, рассыпавшись, рухнул. Плавали-Знаем с опаской вылез из-за ледяной стены, отряхиваясь, подошёл к Морячку и выставил вперёд ногу, будто одержал ещё одну победу: и эта атака была отбита!

— Ну, здорово, Борщик! — сказал он.

Но Борщик его не слушал. Он наклонился над Морячком, который из последних сил прошептал:

— Борщик, убери, пожалуйста, этот дурацкий рычаг.

— Что, не нравится? — Плавали-Знаем рассмеялся, но неожиданно, взмахнув руками и задрав ноги, как акробат, сам полетел через голову.

Жители острова Камбала в последнее время были свидетелями множества всяких фоку-

сов. Но такого кульбита им видеть не приходилось.

— Во даёт! Вот артист! — качали они головами, передавая друг другу бинокль сержанта Молодцова.

Плавали-Знаем ввинтился ногами в воздух, крутанулся пропеллером и шмякнулся на лёд так, что в морозном воздухе на весь остров раздалось крепкое сочное «хряп!»

— Взорвались! — крикнул капитан. — Взорвались!

На льду, как два взрыва сразу, выросли Солнышкин и Перчиков.

Они всё видели и только не могли понять, за что им и особенно Борщику оказан такой приём...

Плавали-Знаем растерянно замигал, но вдруг заметил, как рядом с ним шарит чья-то рука.

Он резко обернулся и увидел Ваську. Это боцман, скатившись по трапу, поддел своего капитана!

— Ты что делаешь? — закричал Плавали-Знаем.

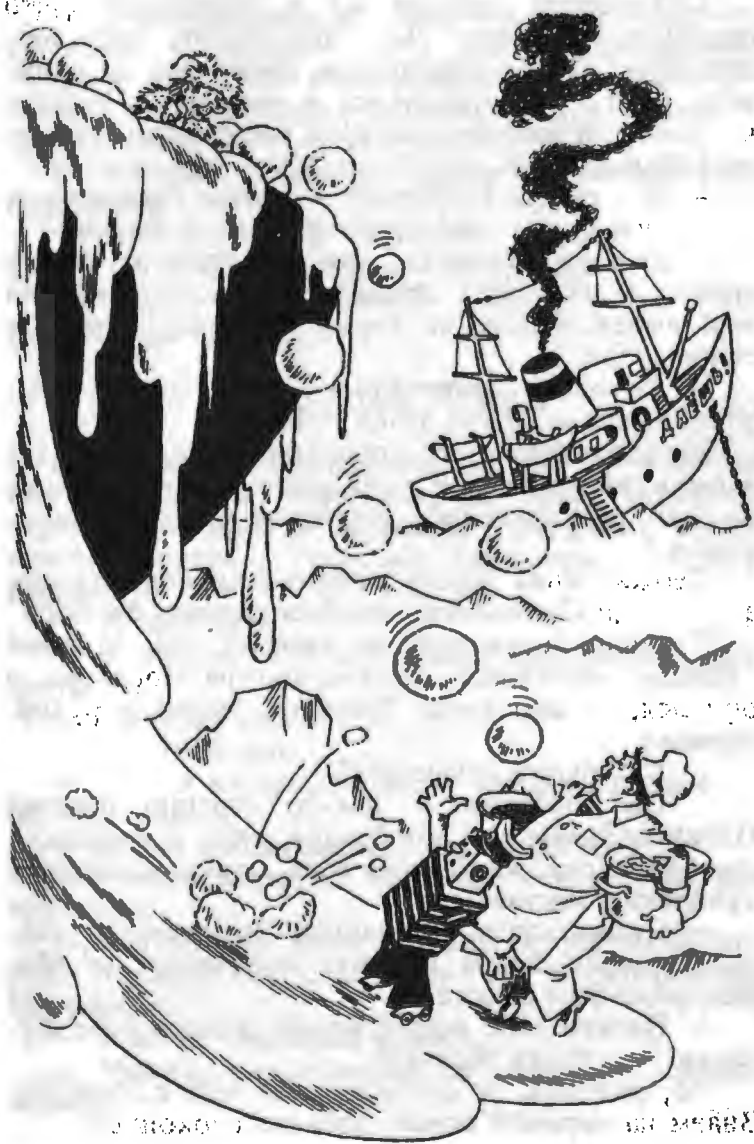
— спасаю котлеты!

— Котлеты, — с презрением сказал Солнышкин, — лучше помог бы поднять Морячка. — Он показал на своего деревянного друга, над которым наклонился Перчиков. — Ничего себе, оказали встречу!

— Случайность, Солнышкин, — сказал Плавали-Знаем.

— Случайность? — Солнышкин насупился. Видел он эти случайности! Случайно сорвался трос. Случайно нерпы мурлычут пивные песенки, случайно валяются кастрюли Борщика и не может встать Морячок! Всё случайно!

И тут Плавали-Знаем протянул вперёд руку, взмахнул пальцем и крикнул:

J. BROAD

IN MERK

— Между прочим, вон ваша территория! — И повторил: — Вон!

Солнышкин остановился в недоумении: что означало это «вон»? Да и что значит «ваша территория»? Он вопросительно посмотрел на капитана, но тут же отвернулся и подошёл к Морячку, который жалобно смотрел вверх своими синими стёклышками.

— Вот тебе и Морячок! — сказал Перчиков и, смахнув с колен снег, скомандовал: — Взяли!

Подхватив Морячка, они зашагали к своему трапу. А Борщик, подняв кастрюли, погрозил ими выбежавшему на корму Супчику, Ваське и своре собак.

— Потопали, потопали,— ухмыльнулся Плавали-Знаем.— И эта атака отбита!

Но вдруг брови его поползли вверх, а в глазах вспыхнули тревога и удивление: у Солнышкина на боку раскачивалась новенькая японская кинокамера!

Неожиданная мысль просто-таки боднула его: а что, если Солнышкин прибыл снимать фильм?!

Плавали-Знаем даже не заметил, как на корме «Даёшь!» появилась крепкая фигура Морякова, и очнулся, только когда Моряков, помахав рукой, спросил:

— Как будем сниматься?

— По сценарию,— как-то странно ответил Плавали-Знаем, не сообразив, что «сниматься» для Морякова, как и для всех моряков, значило «уходить с места».

— Сниматься по сценарию! Зимовать! — сказал Плавали-Знаем и вдруг предложил: — Может, зазимует вместе?

— Ничего себе предложение, ничего себе шуточки! — сказал Моряков.

Но, подумав, не случилось ли чего с Плавали-Знаем на нервной почве, добавил спокойней:

— Давайте сниматься сквозь лёд.— И пошёл в каюту, прикинув: «Кажется, всю работу надо немедленно брать на себя!»

А Плавали-Знаем решил: «Всё ясно. Конечно, снимают. И название для фильма придумали: “Сквозь лёд”. Нет уж, пусть сначала снимут зимовку. Первая серия — “Зимовка”, а вторая — “Сквозь лёд”».

И, подойдя к Уточке, бывалый зимовщик распорядился:

— Зимовку — в порядок, шахматную доску — в порядок, фигуры — в порядок!

— Стараемся! — сказал Уточка и застучал киркой еще громче.

СТРАШНЫЕ КРИКИ

Перчиков и Солнышкин сидели у камбуза над молчавшим Морячком, на боках которого чернели ссадины. И Борщик, оттирая их краем нового фартука, горестно спрашивал хмурого радиста:

— И не спасти?

А Перчиков и Солнышкин перебивали друг друга:

— Выручай их!

— Помогай им!

— Корми их котлетами! — сказал назидательно Челкашкин.

— А они поблагодарят... носом об лёд!

Перчиков погладил Морячка, а кок снова запричитал:

— Бедолажка! Вахту любил! В шахматы играл! Неужели не спасти? — Он посмотрел на Перчикова.

— Как?! — вспыхнул радист.

— Может, питательным бульоном? — сказал Борщик.

— Не мели ерунду! А хочется пофантазировать, так пиши себе книгу «Рассказы кока Борщика».

«А что! Возьму и напишу! Такую — только странички оближешь!» — хотел сказать Борщик, но в этот момент Морячок зашевелился и произнёс:

— Солнышкин, дай руку...

Солнышкин сорвался с места: «Жив!» Он протянул Морячку сразу обе руки! За ним бросились остальные. А Морячок потянулся к Солнышкину и, поскрипывая, сел.

Конечно, от снежного пинка ему досталось крепко. Но главное, в этой суматохе давным-давно никто не пожимал ему руки. А сейчас, после беды, к нему было протянуто столько дружеских рук, что глаза его засветились, и он сказал:

— Всё впереди! Всё впереди!

Друзья расшумелись, они вспомнили, что и в самом деле всё впереди: и Океанск, и встречи — с бабушкой, с цирковыми медведями, с домиком Робинзона!

— Хватит! — крикнул Борщик. — Хватит с ними возиться! Снимаемся — и домой!

— Лучше бы за это время привели ребятишек на экскурсию с Камбалы, — сказал Солнышкин. — Мы бы им с Морячком столько показали!

Морячок засиял, но Челкашкин спросил:

— А люди?

— Нужны мы им тут! — сказал Перчиков. — Они и сигнала не подадут! Чем они там занимаются?

И вдруг, словно отвечая ему, в коридор ворвался луч. Вспыхнул, погас, вспыхнул — будто снова что-то говорил. Все выбежали на палубу. Но луч пропал, и впереди за стеной замаячила шапка Плавали-Знаем. Солнышкин привстал на

цыпочки, однако ничего, кроме старой кастрюли на корме «Светлячка», не увидел.

— Что это значит? — спросил Челкашкин.

Перчиков снова пожал плечами. А Морячок пропел: «Вперёд, вперёд, ломая лёд!»

И Солнышкин сказал:

— Вперёд так вперёд! — Взял лом и, так как ничего другого придумать не мог, стал быстро долбить лёд по направлению к «Светлячку».

За ним вышли Перчиков, Бурун, Челкашкин и работали, пока с камбуза не раздался крик Борщика:

— Пора бы и пообедать!

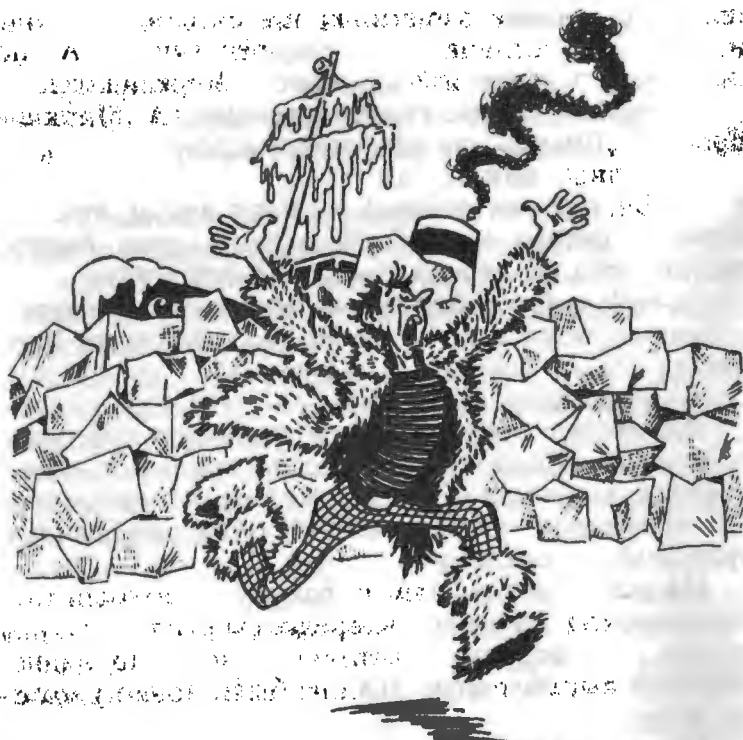
Работники отправились в столовую, где весь коллектив «Даёшь!» уже хлебал щи и посасывал вкусные косточки. Гремя ложками, члены экипажа обсуждали план действий. Лёд поубавился, траншею наметили...

Но когда они вышли на палубу, то ахнули так, что пароход качнуло: впереди сверкала ледяная ограда, за которой «Светлячка» не было видно. Недавно вырубленные льдины были ловко уложены в стену.

Моряки терялись в догадках, как вдруг, перелезев через борт «Светлячка» и через искрящуюся стену, на лёд выбросился Васька и с криком «Ка-раул! Спасите!» метнулся к команде «Даёшь!»

ИНСТРУМЕНТЫ КОКА СУПЧИКА

Пока друзья кололи лёд, Плавали-Знаем плутовато прохаживался по своей территории и даже орудовал ломиком, будто помогал со своей стороны. Но как только экипаж «Даёшь!» загремель ложками и вилками, бравый зимовщик дал команду, и Уточка стал быстро укладывать в стену вырубленные глыбы льда, которые на собаках подвозил Васька.

— Ну, хватит! — сказал Плавали-Знаем, когда стена поднялась выше его шапки. — Теперь поработаем для кино и для матча.

Ряд сверкающих фигур уже стоял у стены, но некоторых на доске ещё не хватало.

— Сделаем! — сказал разгорячённый Уточка. Однако весело намекнул: — У нас есть и более экстренные дела.

Плавали-Знаем вопросительно посмотрел на него.

— Привязать покрепче собачек. Они так и рвутся на котлетные запахи. — Уточка кивнул в сторону «Даёшь!» и, схватив льдышку, запустил

ею в чёрного кота: на виду у всей своры он грыз на ледяной стене баранье рёбрышко. А потом кивнул на Ваську, который принялся из пульверизатора чернить шахматные клетки.— Боцман мог бы давно совершить свой главный подвиг...

Капитан поднял бровь и рассмеялся:

— А, конечно, конечно! Вторая в мире! — И, похлопав Ваську по животу, взял его под руку: — Ну что, Вася, пошли?

— Куда?!

— За инструментом, к Супчику... — улыбнулся Плавали-Знаем.

И в то же мгновение, рванувшись из мамонтовой шубы с криком «Караул! Спасите!», боцман «Светлячка» ринулся через ледовую стену, влетел в коридор «Даёшь!» и вдруг ещё громче заорал: «А! А!»

Навстречу ему бежал Борщик, звякая двумя громадными сверкающими ножами.

СНОГСШИБАТЕЛЬНАЯ РАДИОГРАММА

Позвякивая наточенными в токарке ножами, ничего не подозревавший Борщик подходил к камбузу и думал, какую часть бараньей туши пустить на новозеландские котлеты. Услышав крик, он бросился навстречу Ваське, у которого при одном виде инструментов чуть не выскочили глаза.

— А! — надрывался Васька.

— А! — заорал Борщик, испугавшись Васькиного крика, и сел на пол.

— В чём дело? — закричал вбежавший с командой Моряков. Васька замолк.

— В чём дело? — переспросил Перчиков.

— Васька! — развёл ножами Борщик.

— А ты что? — Радист перевёл взгляд на Ваську: — Обидел Борщик?

— Нет,— заныл Васька.— Плавали-Знаем! —
И вдруг снова закричал: — Караул!

Крик этот был слышен так далеко, что на острове Камбала вздрогнул даже повышенный в чине мужественный лейтенант Молодцов, но подумал: чего не бывает во время съёмок!

— А что Плавали-Знаем? — спросил Перчиков.

— Заставляет резать аппендицит.

— Кого?

— Меня! Себе вырезать аппендицит! — взвыл Васька.

— Для чего?

— Для кино и для славы!

Кто-то покрутил пальцем у лба: свихнулся. Моряков пошёл в рубку, ему некогда было выслушивать всякую чушь, но Солнышкин сказал Ваське:

— Пошли в каюту! Расскажи обо всём толково.

И скоро, уписывая принесённую пришедшим в себя Борщиком похлёбку с пирожком, Васька выкладывал всё, что произошло на «Светлячке» в последнее время.

— Шуточки! — сказал боцман.— Ничего себе шуточки!

— Видали, захотел славы! Чарли Чаплин! Мэрилин Монро! Джина Лолобриджида! — сказал Солнышкин.

— Навуходоносor! Тиграт-Паласар! — возмутился Перчиков.

— Компот из камбалы! — крикнул Борщик, оскорбленный издёвкой над бедным Супчиком.

Теперь сразу стало понятно бормотание Морячка про выдающуюся зимовку, замечательное кино и про межконтинентальный матч. И Морячок, сияя оттого, что его наконец поняли, пока-тил в радиорубку.

— Для славы,— захлюпал Васька.— Нужен ему мой аппендицит! А у меня никогда, никогда... — И вдруг, схватившись за бок, застонал и замотал головой.

— Доктора! — крикнул Солнышкин.

Мгновенно явившийся Челкашкин пощупал Васькин живот, осмотрел язык и сказал:

— Срочную...

— Операцию? — дрожа, спросил Васька.

— Клизму,— сказал Челкашкин.

Петькин и Федькин положили Ваську на носилки, и, выплывая из каюты, он простонал:

— Доктор, а пирожок можно?

— Сначала клизму, потом пирожок! — отчеканил Челкашкин.

— Вот до чего довёл человека! — возмутился Бурун.— Славы захотел! Возил бы как следует кефир — вот тебе и спасибо, и слава!

— Да! — сказал Перчиков.— Зимовщик! И кино, и матч! Не поверишь!

Но тут вернувшийся в каюту Морячок протянул радисту перехваченную только что радиogramму: «АНТАРКТИДА. ЛЮБАЯ ПОЛЯРНАЯ СТАНЦИЯ. НАЧАЛЬНИКУ. ЭКИПАЖ ЗИМУЮЩЕГО ПАРОВОДА "СВЕТЛЯЧОК" ВЫЗЫВАЕТ ВАС НА МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ШАХМАТНЫЙ РАДИОМАТЧ. С ПРИВЕТОМ КАПИТАН ПАРОВОДА...»

Сногсшибательная радиogramма пошла по рукам. Перчиков засмеялся:

— Ну гроссмейстер, вот гроссмейстер! Межконтинентальный матч!

— Ну ладно! — сказал Солнышкин.— Я ему сниму кино!

— А мы с Морячком,— подмигнул Перчиков,— покажем матч!

— В два хода! — весело крикнул Морячок.

— Ну, в два — это слишком самоуверенно. Тому, кто делает игру в два хода, дарю свои шахматы,— сказал Перчиков.

Однако Морячок повторил: «В два хода» — и направился к доске, где стояли готовые к бою киты, морские коньки и пингвинчики.

Перчиков бросился в радиорубку.

ВОТ ЭТО КОТ! ВОТ ЭТО СЪЁМКА!

Нужно сказать, что, прохаживаясь по палубе, Плавали-Знаем то и дело посматривал, не сверкнёт ли где на корме «Даёшь!» стёклышко кинокамеры, и, готовясь к съёмке, он то выкатывал грудь, то, поставив ногу на кнехт, вглядывался в горизонт и воображал, как всё это будет выглядеть на широком экране.

Едва Солнышкин выбежал с кинокамерой на палубу, капитан принял красивую позу и стал картинно всматриваться в даль. Не хватало только подзорной трубы.

Солнышкин ликовал. Ветер раздувал на его голове золотой костерок, и в глазах у него тоже вспыхивали колкие искорки. Он прекрасно видел, как Плавали-Знаем так и нырял в объектив, но нарочно водил камерой по самым дальним предметам — по облакам, по воронам на маяке, по фонарным столбам на Камбале.

«Дразнит! — зло подумал Плавали-Знаем.— А всё равно будет снимать, никуда не денется!»

И когда появившийся рядом с Солнышкиным Челкашкин крикнул: «Что ты делаешь! Кто так снимает! Найди точку и снимай!» — Плавали-Знаем улыбнулся: «Вот сейчас будет другое дело!»

Но Солнышкин развёл руками:

— Нет точки!

«Как это нет?» — едва не крикнул Плавали-Знаем, покачиваясь от волнения.

И вдруг Солнышкин радостно закричал:

— Есть! Есть!

— Что?

— Точка! — крикнул Солнышкин и, вскинув камеру, быстро навёл её на мачту.

Плавали-Знаем весь напрягся, глаза его покатались вверх за камерой и едва не взлетели от негодования: на перекладине, выгибая спину, прохаживался чёрный кот.

— Брысь! — с натугой прошипел Плавали-Знаем, стараясь сделать это потише. Но кот, по-

смотрев на капитана, спрыгнул на палубу и прошёлся перед ним походкой морского волка.

— Пшёл! — процедил капитан уже громче.

Кот презрительно посмотрел на него сверху вниз, будто капитаном был он, поставил по-капитански лапу на кнехт и, выпятив грудь, стал смотреть на горизонт. Совсем как Плавали-Знаем.

— Вот это кот! — крикнул Солнышкин. Он тысячу лет не видел котов, а это был всем котам кот!

Камера глядела на кота, она стрекотала так, что Плавали-Знаем, не выдержав, вдруг крикнул: «Брысь!» — и, сорвав с головы шапку, запустил её в соперника.

Кот усмехнулся и направился к мачте. Плавали-Знаем бросился за ним, но кот в два прыжка оказался наверху, сшиб хвостом сосульку, и Плавали-Знаем, закрываясь рукой, прохрипел:

— Ну, старая шапка! Ладно!

— Вот это съёмка, это съёмка! — шептал Солнышкин, то и дело нажимая на спуск, но тут появился Перчиков, шепнул:

— Дело сделано! Смотри!

На «Светлячке» из радиорубки выбежал радист Упорный и, покраснев от волнения, протянул разъярённому капитану только что переданную Перчиковым радиограмму. Капитан заглянул в неё, протёр глаза и, не веря самому себе, прочитал: «КАПИТАНУ ПАРОХОДА "СВЕТЛЯЧОК". ВЫЗОВ ОТВАЖНОГО ЗИМОВЩИКА ПРИНИМАЕМ ВСЕЙ СТАНЦИЕЙ. ФИГУРЫ К БОЮ. ПЕРВЫЙ ХОД СООБЩИМ. АНТАРКТИЧЕСКИМ ПРИВЕТОМ НАЧАЛЬНИК...»

Подпись была неразборчива, но факт оставался фактом! Радиограмма была! Необходимо было действовать! Взмахнув бланком, Плавали-Знаем обежал палубу и, посмотрев на стоявших как ни в чём не бывало Солнышкина и Перчикова, усмехнулся: «Ну, что?»

САМОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ ЭХО

Неожиданное сообщение будоражило капитана, как динамит в кармане. Оно могло разорвать на части! Плавали-Знаем не терпелось поделиться с экипажем победной новостью.

Он ввалился в кубрик и, помахав радиогаммой, гулко припечатал её на стол перед Репортажиком, который быстро писал документальную повесть «В ледовом плену», прикидывая, в каких газетах или журналах сможет её напечатать. И вдруг услышал голос капитана.

— Вот,— прогудел Плавали-Знаем,— что вы теперь скажете? — И засмеялся: — Чья взяла?

Носы Репортажика, начальника и Барьерчика сошлись в одной точке.

— Прекрасно! — воскликнул Репортажик. Нет, всё-таки чутьё не подвело его с самого начала. Зимовка могла получиться на славу! Это Барьерчик сбил его с толку!

— Странно,— ухмыльнулся Барьерчик.— Такое важное сообщение, что даже подписи не поставили...

— Как же, как же не поставили? «Начальник». Разве мало? — сказал Репортажик.

— Начальник чего?

— Главное — начальник,— сказал с усмешкой начальник.

Но Плавали-Знаем мягко поправил его:

— Главное — матч! — И спросил:— Быть может, кто-то хочет принять участие?

Репортажик, покосившись на учебник «Навигации», сказал:

— В случае выигрыша сообщу по радио, но участвовать не могу! Я сел за повесть.

— Я дописываю песню,— извиняясь, сказал начальник.

— А я учу навигацию! — решительно отрезал Барьерчик.

Но как только Плавали-Знаем хлопнул дверью, курсант мастерски взял барьер, нырнул в иллюминатор и, поплевав на ладони, снова взялся за лом. Он то плавил лёд лучом, то пробивал успевшую зарости льдом полынью. В эти двадцать четыре часа он готов был перевернуть все льдины земли!

В это же время, выглянув в иллюминатор, чтобы бросить на лёд очередную порцию соли, Супчик увидел луч, под которым таял лёд, и обомлел. Теперь-то он понял, почему Плавали-Знаем запретил давать кастрюли Барьерчику. Да для такого дела кок готов был выбить днище из самой любимой кастрюли!

Он схватил мешочек с солью и бросился посыпать проплавленную Барьерчиком дорожку, незаметно для себя напевая: «Вперёд! Вперёд!...»

А по другую сторону от «Светлячка», ныряя между глыбами льда, Уточка решал, какими фигурами лучше украсить шахматные клетки. Он осматривал очередную льдину, когда, распахнув шубу, к нему подошёл Плавали-Знаем и, повертев радиогаммой, весело сказал:

— Каково?

Уточка ткнул в текст утиный носик и, перечитав снова, восторженно посмотрел на Плавали-Знаем: такого оборота не ожидал и он! Он тоже, правда, обратил внимание на незаконченную подпись, но всё-таки слово «Начальник» кое-что значило!

— Ну как? — победно спросил Плавали-Знаем.

— Прекрасно! — выдохнул Уточка.

— Пора выдвигать фигуры!

И вместе с Плавали-Знаем они принялись представлять фигуры по клеткам. На место короля —

фигуру со скрещенными на груди руками. На место слона — с брандспойтом, а на место ферзя — русалку с камбалой в руках! На клетках для пешек стоял целый ряд коротеньких Плавали-Знаем, которые свысока поглядывали друг на друга.

Незаполненными оставались ещё несколько клеток. Но ледяные заготовки были под рукой, и Уточка заученными движениями стал тесать с удивительной лёгкостью.

Дело шло. Фигуры выскакивали одна за другой. Кирка стучала, и, казалось, с обратной стороны возникало звонкое эхо.

«Эхо, — думал Плавали-Знаем. — Ещё будет не такое — удивительное будет эхо».

Эхо действительно было, потому что с обратной стороны «Светлячка» с весёлой песней долбил лёд Барьерчик. Он работал так, что скоро из-под лома брызнула вода, открылась полынья и на курсанта уставилась **вынырнувшая** нерпа и стала прислушиваться к новой песне, которую за иллюминатором напевал его начальник.

Правда, в мелодию, как ни странно, откуда-то начинали врываться комические нотки. Откуда бы? «Может получится даже музыкальная комедия, — обрадовался композитор. — Однако, — подумал он, — и в ней главной должна быть боевая песня, зовущая вперёд. “Вперёд, вперёд, ломая лёд!”».

ЗАМЕТНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Всего на несколько минут убежал Солнышкин в каюту перезарядить плёнку, но за это время на льду произошли большие перемены.

Льдина вспыхивала радужным светом. Сверкая миллионами холодных искорок, на шахматном поле возле «Светлячка» высились десят-

ки ледяных фигур в капитанских фуражках и надменно смотрели друг на друга. Между ними бродил чёрный кот и подмигивал Солнышкину.

По другую сторону «Светлячка» приподнималась на ластах стая нерп, которыми из иллюминатора дирижировали две довольно знакомые руки. Солнышкину даже показалось, что сейчас зазвучит давно знакомая песня «Бури нас всех позовут», но нерпы пели другую хорошую песню — про кругосветное плавание.

А на корме «Светлячка» вспыхивал чёткий ровный луч.

Солнышкин взбежал выше, на мостик, и увидел крепыша в курсантской одежде, который навёл на лёд похожий на кастрюлю прожектор. В стороне от него сердитый кок Супчик лил из чайника на лёд кипяток и горстями сыпал из мешка крупную соль.

— Вот это да! — сказал Солнышкин.

Но это было не всё!

От острова Камбала тянулась возглавляемая Молодцовым такая весёлая стайка пингвинов, что спасённый Солнышкиным пингвиненок, то и дело смотревший за борт, скатился по трапу и, переваливаясь с боку на бок, заторопился навстречу родным братьям. Следом за дружкой на лёд бросился Морячок. Пингвинята окружили его со всех сторон, и каждый старался подержать за руку!

Солнышкин посмотрел на Морячка, прошёлся взглядом по шахматной доске, на которую всё летели горсти соли, окинул глазом всю льдину и замигал: льдина напоминала что-то такое, о чём немедленно — просто мгновенно — захотелось доложить капитану. Это могло внести существенные поправки во все капитанские планы.

Солнышкин бросился по трапу вниз, но капитан и сам уже выходил из каюты.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Моряков вышел в тельняшке, такой крепкий и стройный, что и Солнышкин от гордости за капитана выпрямился, как наполненный ветром парус. Капитан остановился у борта и в недоумении повернул лицо к сверкавшим ледяным исту-канам:

— Что это? Что это ещё за остров Пасхи?

— Остров Плавали-Знаем! — сказал Солнышкин и в самых весёлых словах выложил капитану всё, что знал сам.

— Не может быть! — сказал Моряков.

— Ого! Ещё как может!

— Ну и художества! Ну и Чарли Чаплин!

Капитан в гневе прошёлся по палубе. Подумать только: люди отклонились от курса, отложили прекрасный проект, диссертацию из-за каких-то дурацких затей! Он метал громы и молнии.

— Но и вы хороши! — Он сурово посмотрел на Солнышкина. — Всё шуточки да забавы. Кино, матч! А от вас можно бы ждать уже более масштабного решения.

— А без шуточек нет флота, — сказал Солнышкин, которому как раз и не терпелось выложить кое-что масштабное.

— Да? — уже веселей спросил Моряков, глядя на горизонт. — Ну что ж, раз случилась такая весёлая шутка, так и выход из неё попробуем найти весёлый! А? Хорошо бы иметь карту льдины!

Солнышкина словно подхватило ветром.

Через несколько минут он уже спускался по лестнице с мачты, размахивая листком из походного блокнота, на котором была вычерчена вся льдина с двумя пароходиками посередине. Её-то он и собирался показать капитану.

— Молодцом! — Капитан посмотрел на карту.

Льдина, как родинка, приросла к Камбале. Моряков собирался что-то сказать, но обратил внимание на приближающуюся стайку пингвинов, впереди которой вышагивали Молодцов и Морячок.

Чем ближе цепочка подходила к пароходу, тем становилось понятней, что это не пингины, а румяные детсадовские малыши. Моряков сурово посмотрел на них и уже во второй раз задал сегодня один и тот же вопрос:

— Что это такое?

— Дети!

— При чём тут дети, когда команде предстоит решение таких важных вопросов! — Моряков взмахнул картой. — Одни помехи!

Однако насчёт помех Моряков поторопился.

Во-первых, снимают фильм у острова Камбала не каждый год. И Молодцов вёл детсадовцев на экскурсию: как-никак пароход прибыл из тропиков, в его каютах качались пальмы, сияли раковины небывалой величины. И во-вторых, встречи с малышами, как оказалось, могут принести пользу не только малышам, но и видавшим виды взрослым.

ХОД ПЕРВЫЙ, ХОД ПЕРВЫЙ, ХОД ПЕРВЫЙ!

Два десятка румяных, как снегири, малышей подрастали прямо на глазах, когда лейтенант Молодцов, оглянувшись, заметил, что один из них всё ещё сидит у берега и что-то ковыряет лопаткой.

Молодцов оставил детвору под наблюдением антарктического пингвина и Морячка и, быстро вернувшись к Соскину, потянул его за рукав.

Но через несколько минут Соскин снова отстал и стал ковырять лопаткой во льду.

— Соскин, не ковыряй лёд! — строго сказал лейтенант и вытер ему платком нос. Но Соскин продолжал своё дело.

— Соскин, не ковыряй лёд! — хором крикнули дети так, что эти слова долетели до обдумывающего будущий матч Плавали-Знаем, который уже поглядывал, как бы сфотографироваться рядом с детьми, да ещё с пингвином.

Но, услышав, что Соскин ковыряет лёд, тоже погрозил пальцем и сказал:

— Не ковыряй лёд, Соскин! — И сказал это так, что малышам показалось, будто два десятка ледяных истуканов тоже погрозили Соскину пальцем.

А Моряков, смотревший в бинокль, вдруг заохал:

— Молодец! Ну молодец, Соскин! — И приказал Борщику, у которого на камбузе кипело ведро компота и шипели пухлые, как сам кок, пончики: — Угостить детей! — А экипажу командовал: — Солнышкин, Перчиков, Бурун, Челкашкин — за мной!

И едва все собрались в капитанской каюте, капитан положил на стол составленную Солнышкиным карту и ткнул в неё пальцем:

— Что это такое?

— Льдина,— сказал Солнышкин.

— Крым! — крикнул удивлённо Бурун, заметивший то, что Солнышкин разглядел с самого начала.

— Правильно! Крым! — подтвердил Моряков. Он не зря столько времени простоял на морозе в одной тельняшке: льдина по форме сразу ему напомнила жаркий Крым.

— А это что? — и Моряков показал пальцем на узенькую полоску льда возле самого берега.

— Перекоп! — крикнул Солнышкин.— Перекоп! — Любой школьник знал эту полоску земли, которую штурмовали когда-то красные бойцы.

— Совершенно верно,— сказал Моряков.— Перекоп.

Именно на Перекопе ковырял лёд своей маленькой лопаткой детсадовец Соскин.

— Значит, что мы будем делать? — спросил Моряков.

— Штурмовать Перекоп! — крикнул Солнышкин.

— Ход первый, ход первый, ход первый! — пропел Морячок.

— Именно! — сказал Моряков и словно рассек пальцем узкую полоску льда.— Рассечём пе-

решеек и уведём «Светлячок» вместе с льдиной. Просто и гениально!

— И весело! — крикнул Солнышкин. Чубчик его закачался радостным огоньком, а лицо загорелось, и Челкашкин бросил на него насторожённый взгляд.

— Но мы и сами торчим в льдине, — сказал вдруг Челкашкин.

— Обдумаем, — поднимаясь, сказал Моряков. — А пока — идём!

— Идём! — Солнышкин подмигнул заглянувшему в дверь Борщику: — Освободим «Светлячок»! Спасём твоего Супчика!

Он уже видел, как качается льдина, как свистят над «Светлячком» ветры и кричат чайки!

— Идём! — сказал Челкашкин. — Идём все! Кроме Солнышкина.

— Почему? — Солнышкин взвизхился. — Почему, кроме Солнышкина?

— Потому что он весь горит, — сказал Челкашкин. — У него температура.

«Это от волнения!» — хотел сказать Солнышкин, но, посмотрев в иллюминатор, что-то заметил и сказал:

— Ладно, я остаюсь!

«Солнышкин зря не останется», — подумал перехвативший его взгляд Моряков и сказал:

— Он проведёт беседу с детьми.

— Только подальше от них, у него тридцать семь и пять, — вмешался Челкашкин.

Рядом раздалось весёлое потрескивание Морячка:

— Беру детей на себя. Доверьте детей Морячку. Я останусь с Солнышкиным.

— И я! — попросил Бурун, у которого была причина задержаться на судне.

— И я! — сказал Борщик.

Моряков кивнул: «Добро!».

И через несколько минут на голубоватый лёд с парохода «Даёшь!» сошли несколько человек.

Команда уже спускалась по трапу, когда вдруг выскочил Васька и, схватив ломик, закричал:

— И я! И я иду с вами!

«Не выдержали,— глядя им вслед, подумал Плавали-Знаем,— пошли менять вещички на «Крепыша»? Уж если пошли с Васькой — точно, добывать «Крепыша».

Он захохотал и стал обходить собственные ледяные изображения, похлопывая их со всех сторон и думая: «Скоро начнём игру», не зная, что игра, совсем другая игра, уже начата и первый ход сделан.

ХОД ВТОРОЙ

Солнышкину не давала покоя, его торопила одна мысль, одна картина — луч в руках курсанта!

Он необыкновенно отчётливо представил себе его яркий свет и тут же услышал:

— Ход второй, ход второй, ход второй! — Это — тоже совершенно чётко — сказал Морячок и, счастливый оттого, что ребята со всех сторон держали его за руки, запел: — «Вперёд, вперёд, ломая лёд!» — Казалось, он тоже связывал с этим лучом какой-то план.

— Ломая-то ломая,— подумал вслух Солнышкин,— да как? Что я, Землячок? Поддел спиной, и готово?

— Ход второй, ход второй! — крикнул Морячок.

Солнышкин остановился. Какая-то мысль замерцала в слове «поддел». «Поддел... Поддел...» Он вдруг представил себе льдину, провёл по ней взглядом от лунки, которую выдолбил с друзьями, до лунки, которую успел заметить возле

«Светлячка», мысленно опустил канат в одну и, протянув под водой, вытащил в другую... А там только бы надеть трос на кнехт «Светлячка» — полный вперёд!

Лицо его запылало. Бравый матрос даже услышал голос капитана: «Ай да Солнышкин!» Он распахнул иллюминатор и выглянул.

Луч из рук курсанта всё падал на лёд. И там, где Солнышкин только что мысленно намечал линию, пролежала проплавленная чёткая полоса, возле которой важно прохаживался чёрный кот.

Повесив на шею Морячку кинокамеру, Солнышкин выбежал на корму и, сбрасывая одежду, крикнул:

— Боцман! Буксир!

— Куда ты? — запричитал Борщик.

— Буксир! — повторил Солнышкин. Глаза у него горели.

— Смажься маслом! Чтобы не простудиться! — крикнул Борщик и бросился за бутылку.

— Простудиться?... — улыбнулся Солнышкин. — Это после Антарктиды! После ежедневной заправки холодной водой!

Он подмигнул выбежавшему Морячку: «Будь что будет!» — и с верёвкой-выброской, к которой боцман привязал буксир, нырнул в прорубь.

— Солнышкин! — крикнул Борщик, протягивая бутылку масла.

Но Солнышкина уже не было. Над ним колыхалось матовое ледяное поле, кое-где темнели пятна — это лежали нерпы, потом на льдине зачернели два громадных восклицательных знака — в том самом месте, где стоял Плавали-Знаем, и Солнышкин, словно почувствовав себя Землячком, так поддел спиной льдину, что капитана подбросило. А перед Солнышкиным, за стайкой парящих медуз, уже разливалось голубое сияние — это курсант приводил в порядок свою ле-

дяную линзу. Он навёл её на край полыньи и смотрел, не вынырнет ли к его учителю ещё одна поклонница таланта.

И вдруг из полыньи, жмурясь и вертясь во все стороны под лучом света, вылетела человечья голова.

Барьерчик сел на кнехт, но голова сердито крикнула: «Держи!» — и на лёд вместо нерпы весь в пупырышках выбрался Солнышкин. Правда, под лучом он мгновенно обсох и согрелся, и только пятки пощипывало от холода.

— Тяни,— шёпотом приказал Солнышкин и сам стал вытаскивать из воды буксир. Сообразив, в чём дело, Барьерчик потянул канат, с которого сбегали быстрые холодные капли.

Плавали-Знаем видел, как Солнышкин прыгал в воду, но подумал: «Тоже за камбалой на компот? Поплавай, поплавай». Теперь он закачал головой: «Однако долго плавает! Наверное, большую камбалу взял на крючок. Борщик ждёт не зря!» — и направился посмотреть, не вынырнул ли Солнышкин с другой стороны. Но тут на всю акваторию в морозном воздухе прозвучали слова, бросившие капитана к шахматной доске. Откуда-то из Антарктиды отчётливо донеслось:

— Слушайте наш ход!

ЗАЧЕМ ТАК СЕРДИТЬСЯ?

В тот самый момент, когда Солнышкин нырнул в прорубь, окружённый детворой Морячок быстро зашагал в радиорубку, открыл дверь, и ворвавшийся за ним Соскин крикнул:

— Вот это да!

На столе, рядом с аппаратурой, стояла шахматная доска, а на ней готовые к бою костяные киты, дельфины, пингвины, морские коньки.

— Сыграем! — крикнул Соскин и посмотрел на малышей. Когда отец возвращался с пугины, Соскин все вечера проводил с ним за шахматами.

Малыши промолчали, а Морячок сказал: «Сыграем!» — открыл иллюминатор, и Соскин увидел перед собой громадную шахматную доску с ледяными фигурами, по которой прохаживался Плавали-Знаем в ожидании первого хода.

— Идёт! — сообразил Соскин и, кивнув на лёд, сказал:— Только фигуры бить! По-настоящему!

Морячок включил микрофон, и в воздухе раздалось:

— Фигуры бить по-настоящему!

— По-настоящему, по-настоящему,— согласился Плавали-Знаем, однако на миг задумался: как хорошо слышно из Антарктиды! Он забыл о Солнышкине, о «Светлячке». Начинался настоящий межконтинентальный матч!

Соскин наклонился над доской, продиктовал первый ход, и облепившая Морячка детвора увидела в иллюминатор, как Плавали-Знаем продвинул по льду вперёд крепенькую сияющую фигурку. За первым ходом последовал второй, а на третьем Соскин сразу же смахнул у себя с доски чёрного пингвина белым и сказал:

— Бито.

Плавали-Знаем остановился перед фигурой на своём поле, почесал в затылке, а Соскин крикнул в микрофон:

— Бито! Бито!

И Плавали-Знаем двинул ломиком по фигурке так, что от неё во все стороны полетели брызги.

Морячок засиял и махнул рукой детворе: «Не шуметь!»

Через несколько минут разлетелась вторая ледяная фигура, а когда очередь дошла до третьей,

Плавали-Знаем, переглянувшись с Уточкой, стал быстро отодвигать её в дальний угол.

— Нечестно! — раздался звонкий голос.

Схватив доску, возмущенный Соскин вылетел на верхнюю палубу.

— Нечестно! — крикнул он. — Так мы не договаривались!

— Что нечестно? — спросил Плавали-Знаем.

— Я вашу фигуру бил морским коньком! — крикнул Соскин и потряс зажатой в пальцах фигуркой.

Плавали-Знаем едва не сел на лёд. Так опростоволоситься! Он играл с каким-то малышом в то время, когда в эфире наверняка его искала Антарктида. Багровея, он показал пальцем в небо:

— Вон! Вон!

— Ну зачем же так сердиться? — сказал появившийся рядом Молодцов.— Всё было по-честному. Соскин парень серьёзный. Надо учиться играть. А идти мы и сами пойдём. Уже скоро тихий час.

Лейтенант спустился по трапу, а за ним дети, окружив со всех сторон Морячка, тянули его к берегу Камбалы.

— А пончики, пончики! — закричал выбежавший следом Борщик и стал рассовывать детям в руки горячие пахучие пончики.

Во время этого матча, не замеченный капитаном, Солнышкин вернулся на палубу, оделся и побежал вслед за командой. На прощанье он помахал Борщику. Боцмана Буруна на палубе не было.

ПОДАРОК БОЦМАНА БУРУНА

Борщик не уходил с палубы по нескольким причинам. Во-первых, потому, что ему было приятно видеть, как дымятся в руках у ребят его пончики. Во-вторых, на льду находился Морячок, и имело смысл поглядывать, как бы с ним снова чего-нибудь не случилось. И в-третьих, на носу «Святлячка» наконец опять появился похудевший Супчик, и Борщик приглашал его в гости.

А Буруна не было на палубе по одной-единственной причине. Он давно готовился к своему дню рождения и решил угостить экипаж на прощанье настоящей морской бражкой.

Ещё на островах Фиджи боцман заложил в бочонок — в тот самый дубовый бочонок, с которым часто появлялся на палубе,— толчёных кокосовых орехов, ананасов, фиг, засыпал всё это сахаром и, закупорив, сунул под койку. А рядом посадил для охраны Верного. Поэтому-то пёс редко появлялся на палубе. Ночью он охра-

нял остров старого Робинзона, днём — бочонок боцмана.

Иногда боцман прислушивался к бульканью в бочонке, с удовольствием думая: «Шипит!» Иногда с ещё большей радостью: «Бурлит!» И представлял, как будет угощать друзей шипучим напитком. Правда, в последнее время пёс отсаживался подальше и почему-то поглядывал на бочонок с опаской.

Дело в том, что во время аврала боцман подвинул заветный бочонок к горячим трубам и пузырьки внутри него стали собираться бунтующими, гудящими стайками. Трубы грели, крепкие пузырьки дружно толкались в стенки бочонка: «Раз-два, взяли!» — и собирались с силами, чтобы с грохотом выбить дно. Не хватало только хорошего удара, который сдвинул бы их с места. Сейчас бочонок уже задиристо гудел, как маленький, но крепкий вулкан, и встревоженный Верный, отыскав боцмана, потянул его за штанину.

ПОПЛЫЛИ

Солнышкин встретил команду Морякова, когда она уже была на обратном пути.

— Дело сделано, — сказал капитан. — Но последний удар ломом будет ваш. — И он показал Солнышкину на совсем тоненькую полоску льда, которую оставили, чтобы юные экскурсанты могли вернуться домой.

Солнышкин увидел шеренгу ребят, которые дружно шагали с громадными алыми раковинами и кокосовыми орехами в руках.

Вместе с ними шёл к берегу Морячок, а сзади переваливался, будто нашёл наконец свою родную стаю, спасённый Солнышкиным пингвин.

Солнышкин хотел спросить, куда это они, но пингвин махнул крылышками, показал — туда, и побежал догонять малышей. А Морячок даже не смог помахать, потому что за руки его держали сразу несколько ребят, и он только мигал, не находя объяснения своему поступку.

Скоро они скрылись за пригорком, а на берегу остался один непослушный Соскин. Солнышкин хотел уже взяться за работу, но Соскин опередил его. Он стукнул по перемычке каблуком — и громадная льдина оторвалась от берега, закачалась и поплыла.

— Что, поплыли? — спросил удивлённо Молодцов. — Кино кончилось?

Соскин свистнул, засмеялся на всю Камбалу и бросился удирать: за ним громадными шагами бежал Молодцов.

— Кончилось, — сказал Солнышкин и, грустно посмотрев вслед пингвину и Морячку, пошёл к пароходу, на палубу, под которой в боцманской каюте, возле горячей трубы, набирался сил дубовый подарочек Буруна.

ГЛАВНАЯ РОЛЬ ЧЁРНОГО КОТА

Плавали-Знаем вдруг почувствовал перемену ветра, задрал нос и заметался: льдина плыла! Она превращалась в дрейфующую станцию.

— Провели! Потеряют координаты! Сорвут матч!

Он в волненье взлетел на палубу и разволновался совсем. На судне стояла подозрительная тишина. Чего-то не хватало.

Он заглянул в кубрик — там не было Барьерчика. Зашёл на камбуз — там не было Супчика. Он хотел позвать Ваську и вспомнил — Васька сбежал.

Он перегнулся через борт и пересчитал скулящих собак — одного бобика не хватало.

В это время, глядя из рубки на сломанный перешеек, Упорный рассмеялся и сказал:

— Поплыли! Так вот где была зарыта собака...

— Собака? — вскинулся Плавали-Знаем.

— Ну да!

— Где?

Упорный махнул рукой в непонятном направлении — к пожарному ящику.

На красном пожарном ящике сидел чёрный кот, будто выбрал самое удобное для съёмки место.

— Опять ты! — сказал капитан. — Ну держись!

Он проворно схватил кота за шкурку, размахнулся и швырнул его за борт. Кот описал дугу и, влетев в открытый иллюминатор радиорубки Перчикова, издал перед микрофоном отчаянное «мяу!», на которое ринулась вся собачья свора. Лыдина дрогнула. В каюте Буруна подпрыгнул и ударился о стенку бочонок. И в тот же момент рвануло так, что кота снова вытряхнуло из рубки на лёд, а Плавали-Знаем, слетев с палубы, плюхнулся около своего ледяного изображения, и лыдина стала колотиться.

На «Светлячке» Барьерчик влетел на мостик и схватился за штурвал.

А по коридору «Даёшь!» мчалась перепуганная взрывом команда.

— Мина, мина! — кричал боцман.

— Кровь, кровь! — кричал бежавший по коридору Борщик, и с его носа срывались красные капли.

КРОВЬ КОКА БОРЩИКА

Ещё несколько минут назад Борщик обнимал прибежавшего на угощение Супчика.

— Борщик! — радовался Супчик.

— Супчик! — улыбался расплывающийся от счастья Борщик. Он угощал друга пирожками, расспрашивал про компот из камбалы и советовал обо всём случившемся написать «Заметки кока Супчика».

— Так никто не поверит, — сказал Супчик.

— Пусть попробуют не поверить. Я тогда всё расскажу в «Рассказах кока Борщика».

Он уже отпустил для голодной команды «Светлячка» пакет муки, бутыль масла, баранью ногу и провожал друга к трапу, но Супчик

вспомнил, что на «Светлячке» кончилась соль, и спросил, не даст ли Борщик и соли.

— Сколько угодно! — крикнул Борщик и выбежал с камбуза не только с солью, но с банкой любимого малинового варенья.

Он уже протянул их Супчику: «Держи!» Но в этот миг над палубой пролетел кот, а в следующий — раздался взрыв, и пакет соли рванулся куда-то на льдину, а банка с малиной врезалась Борщику в нос.

— Мина, мина! — кричал боцман.

— Кровь! — кричал кок.

— Шлюпки к спуску! Искать пробоину! Заводить пластырь! — командовал, пробегая по коридору, Моряков. Однако у каюты боцмана он остановился, принялся и открыл дверь.

По каюте, играя пузырями, плескалась бражка. Матрац и простыни прилипли к потолку, а в стенах торчали куски бочонка, который так и не дождался дня рождения своего хозяина.

— Ничего себе мина! — сердито сказал капитан. — Цирковые номера!

— Угощение... — краснея, пролепетал Бурун.

— Ничего себе угощение!

А кок всё продолжал кричать: «Кровь! Кровь!», и выбежавший с бинтом Челкашкин стал уже делать ему перевязку, но вдруг провёл рукой по лицу Борщика, лизнул палец и сказал:

— Какая-то сладкая у тебя кровь, Борщик. Много варенья ешь.

И кок покраснел ещё больше, чем старый Бурун.

Но что касается «циркового номера», то он действительно получился. От взрыва, от рассыпанной соли, от собачьего лая суда качнулись, протянутый Солнышкиным трос ударил снизу по надрезанной Барьерчиком льдине, и, расколовшись пополам, она пошла дробиться на части.

Мачты «Светлячка» шевельнулись, лёд на нём тоже дрогнул, раскололся, как скорлупа,— и маленький весёлый пароход, словно встряхнувшись, закачался на чистой воде. Шахматное поле, по которому на четвереньках полз получивший неожиданный мат Плавали-Знаем и прыгал Уточка, разлетелось на клетки.

Ледяные фигуры качались, стукали друг друга лбами, и во все стороны, сверкая, сыпались ледяные искры.

ТУДА! ИМЕННО ТУДА!

Плавали-Знаем то цеплялся за ледяную фигуру, то пытался удержать ногой уползающий лёд. А мимо него с льдины на льдину прыгали лохматые артисты и отчаянно лаяли:

«Гав-гав! Мёрзлы зря! А кино не было!»

Где-то на берегу сердитая старуха лупила свою собачонку и приговаривала:

— Вся облезла! Будешь знать, как сниматься в кино!

А льдины плыли и плыли. Пароходы двинулись в открытое море. И командир на вертолётной станции сказал:

— Смотри, уходят. Наверное, закончили съёмки. Попрощаемся! — И, запустив винт, вертолётчики отправились вдогон.

Оттуда-то, с вертолёта, и заметили Плавали-Знаем, который крепко обнимал похожую на него ледяную фигуру.

— Смотри, играет до конца,— сказали вертолётчики, сбросили верёвку и, выдернув из примёрзших унтов ухватившегося за неё актёра, опустили на палубу «Даёшь!».

Унты уплывали к острову Камбала, и Плавали-Знаем босиком бросился в рубку, но, увидев Морякова, закричал:

— Стойте! Я попал не туда!

А Моряков коротко сказал:

— Туда! Именно туда! Прошу ко мне в каюту

Плавали-Знаем прошёл к нему, высоко вздёрнув голову, в одних носках, и громко захлопнул за собой дверь. Потом наступила тишина, среди которой слышались слова: «Стыдно, стыдно! А ведь могли бы учиться, могли бы!» И даже прозвучало: «Бывалый моряк...»

Через какое-то время дверь очень тихо открылась, и с потупленной головой, в моряковских шлёпанцах Плавали-Знаем вышел в коридор и направился на камбуз.

А на доске объявлений появился полученный недавно приказ, кончавшийся словами: «Бывшего капитана «Светлячка» от командования отстранить. Исполняющим обязанности назначить штурмана Барьерчика. Начальник пароходства Юркин».

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

Солнышкин стоял на корме с кинокамерой, снимая грандиозную картину крушения льдов. От заката всё вспыхивало, становилось жарким, алым — и льды, и чайки, и нерпы, весь океан.

Солнышкин стал наводить видоискатель на «Светлячок», как вдруг перед объективом на палубе заплесала какая-то весёлая фигура, за ней вторая, и обе, размахивая руками, стали кричать:

— Ура! Идём, идём!

Это выбрались из кубрика закончивший песню начальник училища и Репортажик. Казалось, начальник дирижировал всем вокруг — и льдинами, и нерпами, и кораблями. Но, посмотрев на Солнышкина, он протянул руки и закричал:

— Вот с кем мы споём! — Он узнал того самого юнгу, которого когда-то просил подрасти.

Теперь и Солнышкину стало понятно, чьи это были руки и чьи это песни распевали даже нерпы.

— Спой! Обязательно спой, Солнышкин! — кричал начальник. — В училище!

Солнышкин развёл руками. Подхватить хорошую песню он был готов и сейчас, а в училище ещё надо поступить, надо готовиться, и он вздохнул:

— Из-за ерунды потеряно столько времени! Целые сутки!

— Ну не из-за такой уж ерунды, и не так уж много, — сказал за спиной Перчиков.

— Всё, больше не возьмусь за такое пустое дело.

— За какое?

— Спасать дураков! — сказал Солнышкин.

— Ха! — сказал Перчиков. — Во-первых, не все дураки, а во-вторых, возьмёшься! Сердце не выдержит!

— Выдержит! — сказал Солнышкин.

И тут он увидел встающую на дыбы льдину, по которой среди шахматных фигур метался на четвереньках какой-то малый в курсантской одежде. Фигуры раскачивались и стукали его по спине. Это был Уточка.

— Человек за бортом! — крикнул Солнышкин.

Бросив в низ висевший рядом спасательный круг и оттолкнув Перчикова, он перемахнул через борт сам и, прыгая с льдины на льдину, побежал к терявшему последние силы скульптору.

— Давай руку! — крикнул Солнышкин. — Прыгай ко мне!

Но Уточка только мигал, боясь оторвать руки от качающейся льдины.

— Брось! — крикнул Солнышкин.

Уточка вцепился в льдину ещё сильнее. Ближняя фигура покачнулась и с размаху двинула своего создателя по самой макушке, зацепив краем Солнышкина. Из рта Уточка только вылетело «пых», и он упал. А Солнышкин сказал «ох», но удержался, взвалил на себя курсанта и, перебираясь по льдам, понёс его к пароходу.

БУДЕМ УЧИТЬСЯ, СОЛНЫШКИН!

Солнышкин не слышал, как его подобрала шлюпка, как Перчиков и Борщик втащили его и Уточку в каюту.

Он сидел в углу, привалясь к переборке, и так громко дышал, что Перчиков бросился за доктором: не случилось ли чего-нибудь у друга с сердцем?

Но примчавшийся Челкашкин приложил к груди Солнышкина ухо, послушал и развёл руками:

— Отличное сердце! Послушайте — там шумит тайга и гудит океан.— И кивком позвал радиста за собой: — Пойдемте, пусть отдыхает!

А когда Солнышкин открыл глаза, перед ним дымилась поставленная Борщиком кружка компота, а рядом снова сидел Перчиков.

В каюте было сумрачно. Наступил вечер, и в иллюминатор, будто спрашивая «Как дела?», заглядывала звезда.

— Ну, как дела? — спросил Перчиков.

— Порядок! Пора за учебники. Экзамены на носу? — сказал Солнышкин.

— Учиться, учиться! — послышался рядом начальственный басок.

В коридоре толпилось полкоманды и сверкали вспышки.

Репортажник готовил срочный репортаж о Солнышкине в газету.

А из-за двери вдруг донеслось:

— Будем учиться.— И мимо со стопкой учебников в руках протопал Плавали-Знаем.

— Но пока есть и другие дела! — сказал Перчиков и показал свежепахнувшие ролики недавно проявленной киноплёнки.

Солнышкин схватил их и стал рассматривать на свет.

— Посмотрим? — спросил Перчиков.

— Не посмотрим, а покажем! — сказал Солнышкин.

— Кино? — спросил, заглянув, Плавали-Знаем.

— Шуточки! — сказал Моряков.— Опять шуточки!

— Так, масштабные шуточки! — крикнул Солнышкин, вскакивая.— На острове люди ждали кино?

— Ждали! — крикнул Плавали-Знаем.— Ждали!

— Тогда надо показать! — согласился Моряков. И друзья бросились на палубу.

ВСЁ ВПЕРЕДИ!

При помощи телепатии или просто сердцем уловили Солнышкин и Перчиков, что думали на острове Камбала,— неизвестно, но на берегу шёл разговор, очень близкий к их мыслям.

— Хоть бы несколько кадров увидеть! — говорили в толпе, смотревшей вслед уходящим парходам.— А то помогали, помогали.

— А увидим — шиш! — сказал Соскин.

И мохнатые артисты, которые тоже смотрели вдаль, поджав хвосты, обиженно заскулили.

— Да, конечно, хотелось бы посмотреть,— сказал лейтенант Молодцов, надеявшийся увидеть на экране своего Бобика.

Но в небе горели только звёзды. Топала Большая Медведица. А суда уходили.

И вдруг на глазах у всех оба парохода резко изменили курс и, приблизившись к острову, остановились рядом с ним. На мачте «Светлячка» развернулся странный парус — это, по просьбе Солнышкина, Барьерчик и Упорный натянули большую простыню, а с кормы «Даёшь!», где Перчиков пристроил аппаратуру, на неё полетел длинный яркий луч.

Сначала на экране появился заледенелый «Светлячок», потом на собаках по льдине промчался Васька-мамонт, и на палубе «Даёшь!» раздался радостный шёпот.

— «Зимовка»! Первая серия! — Это почти кричал Плавали-Знаем. Он сидел среди зрителей в шлёпанцах на стопке книг, по корешкам которых ползли названия: «Родная речь», «Арифметика», «Навигация».

Около него, потирая лоб, стоял Уточка, рядом весело хохотал Васька. Но скоро Плавали-Знаем притих и спрятал подбородок в телогрейку — на экране возникла льдина, сидя на которой Плавали-Знаем прогонял Солнышкина: «Вон!»

Вслед за этим по полотну поползли белые шахматные иступканы. Они плыли, как остатки какой-то неизвестной цивилизации, сталкивались, бились лбами, и, прыгая по льдинам, на них лаяли собаки. У одного на макушке качался чёрный кот и быстро сигналил ехидным глазом: «Конец первой серии».

Но вот собаки на экране бросились к детям, и Молодцов с берега закричал:

— Смотрите, мой Бобик!

Потом лейтенант сам пошёл по экрану впереди детей, рядом с ним заковылял пингвин, появился весёлый Морячок, навстречу друг другу, размахивая поварёшками, бросились Борщик и Супчик.

И тогда с берега — с настоящего берега — донёсся крик Соскина: «Звук! Звук!» и все зрители на берегу тоже подхватили: «Звук!»

— Спой! — предложил начальник училища: ему представилась отличная возможность озвучить этот сеанс своей новой песней.

А Солнышкин удивился: какой ещё звук? Какие ещё нужны звуки? Рядом шумели волны, неторопливо приговаривала машина, и уже так близко была родная земля, что, казалось, за ветром слышался шум сосен, всплески таёжной речки и грустное «ку-ку» далёкой-далёкой кукушки.

А навстречу катил океан с гулким хлопанием парусов, с гудками пароходов, с весёлой переключкой спутников. Весь мир от палубы до морозных звёзд был полон голосов. Они переполняли пространство, и от их говора хотелось работать, спешить на помощь людям, как Моряков и Перчиков, дружить, как обнявшиеся на экране Супчик и Борщик. Звуков было так много, что казалось, говорила каждая снежинка и звала куда-то самая крохотная звезда. Голоса звали, будили, торопили, и, волнуясь вместе с ними, сердце Солнышкина выталкивало сильные, ритмичные звуки, будто говорило: «Впе-рёд! Впе-рёд! Впе-рёд!» Вперёд к родной земле, вперёд в плавание, всегда и везде вперёд!

Неужели никто этого не слышит? Он оглянулся.

И в этой гулкой тишине что-то вдруг плюхнуло, потом от берега донёсся крик:

— Подождите! Подождите!

И, бросившись к борту, команда увидела, как, сидя на льдине и работая вёслами-руками, к «Даёшь!» гребёт невысокий человечек в нарисованной яркой тельняшке. Морячок догонял свою палубу.

Кино кончилось, а лучи всё летели. Размахивал руками и что-то пытался петь начальник. Но его никто не слышал, так как вся команда под крики «ура!» поднимала на борт верного члена экипажа.

А через несколько минут оба парохода, набирая скорость, быстро шли навстречу вольному океану.

За штурвалом «Даёшь!» что-то напевал ставший на прощальную вахту Бурун.

На штурвале «Светлячка» крепко держал руки Барьерчик.

Выбросив с палубы шпаргалки, Упорный закрашивал в кубрике холодный Уточкин костёр — последний след небывалой зимовки.

За бортом, сталкиваясь друг с другом, качались обломки льдин.

А на носу «Даёшь!» стояли в обнимку Солнышкин, Перчиков и Морячок. Над ними, сообщая что-то таинственное и далёкое, молодо сигналили звёзды, всё сильнее и сильнее — совсем как молодой капитан — кричал о чём-то родной морозный ветер, и, словно расшифровывая их голоса, Морячок радостно повторял:

— Всё впереди! Всё впереди! Всё впереди!

1981

СОДЕРЖАНИЕ

Весёлое мореплавание Солнышкина	5
Солнышкин плывет в Антарктиду.....	157
Ледовые приключения Плавали-Знаем.....	373

Литературно-художественное издание

КОРЖИКОВ Виталий Титович

МОРЕПЛАВАНИЯ СОЛНЫШКИНА

Повести

Для младшего и среднего школьного возраста

Главный редактор Д. В. Рыбалко

Редактор Ю. О. Бем

Художественный редактор Т. Н. Костерина

Технический редактор Т. С. Трошина

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 060584 от 23.01.92.

Сдано в набор 21.04.93. Подписано в печать 08.07.93.

Формат 84×108/32. Бумага книж.-журн. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Печ. л. 16.

Тираж 100 000 экз. С93-6. Заказ № 274.

ИВПП «Пластик-информ»

454080 г. Челябинск, пр. Ленина, 79, корпус 3.

Диапозитивы изготовлены

в новосибирской типографии № 4 ВО «Наука»

Новосибирская типография № 4 ВО «Наука»

630077 Новосибирск, 77, ул. Станиславского, 25

Отпечатано на ИПП «Уральский рабочий», 620219, г. Екатеринбург,
ул. Тургенева, 13

